ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 18-19

ПЕРМЬ 2016

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 18-19

ПЕРМЬ 2016

УДК 882 (059)
ББК 84(2Рос–Рус) 6я53
Л 55

ГОД РОССИЙСКОГО КИНО 2016

лауреат премии Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ альманах

Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной) организацией
Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края

Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru)
в рамках проекта «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru)

Редакционная коллегия:
Главный редактор – В. В. Якушев
Отдел поэзии – А. Г. Гребнев
Отдел прозы – В. А. Богомолов
Отдел публицистики – В. Ф. Гладышев
Отдел детской литературы – А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь**: Альманах. – Пермь: Пермский писатель. 2016. – 350 с.; ил.

На обложке и шмуцтитуле «Разночтения» – «ДРЕВО ВРЕМЕНИ».
На шмуцтитуле части 1 – «МАГЕЛЛАНЫ КОСМОСА».
На шмуцтитуле части 2 – «ЗВЕЗДА НЕОБЫКНОВЕННАЯ».
На шмуцтитуле части 3 – «ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ» – работы заслуженного художника РСФСР, члена Союза художников России Станислава Ковалёва.
На шмуцтитуле «Пермская Бука» – «ПЕРМСКАЯ БУКА», 2011 г., папье-маше – работа художника Марины ВИТМАНОВСКОЙ.
На шмуцтитуле «Парнас без границ» – «НЕ ЗАБИВАЙТЕ СЕБЕ ГОЛОВУ», 2007 г., сталь, сварка, бумага – работа члена Союза художников России Рустама ИСМАГИЛОВА.

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ГРЕБНЕВ. «С КАКОЙ ПЕЧАЛЬЮ ПОТАЁННОЙ…» Стихотворение 6
Игорь ТЮЛЕНЕВ. МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА ПРОИГРЫВАТЬ БИТВУ 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРОЗА

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Владимир КРУПИН. С УТРА ПОРАНЬШЕ. Записи малых размеров 25
Наталия СОВА. СЧАСТЛИВЫЕ. Рассказ 128

ЗЕМЛЯ

Виталий БОГОМОЛОВ. ЖИЗНЬ МИМО ЖИЗНИ. Рассказ 86

ВРЕМЯ

Сергей ТРУШНИКОВ. СИНЕКУРА. Рассказ 113

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Анатолий ГРЕБНЕВ. ГДЕ ЛЕТО СКАТАНО В РУЛОНЫ… Стихи 10
Светлана СЫРНЕВА. СТО ДНЕЙ. Стихи 102
Игорь ТЮЛЕНЕВ. ВЕСНА В УРАЛЬСКИХ ГОРАХ. Стихи 105

ВРЕМЯ

Николай ГЛУМОВ. БУРЖУЙКИ ПО СКВЕРУ ИДУТ. Стихи 126

НЕБО

Валентина ТЕЛЕГИНА. НА КРЫЛЫШКАХ РИСКА. Стихи 134

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН. И ВСЁ. Рассказ 140
Александр АБДУЛАЕВ. ЛИНДА. Рассказ 157
Николай БАШМАКОВ. РАССТРЕЛЯННОЕ СЧАСТЬЕ. Рассказ 164
Геннадий ВЕРШИНИН. МУРАШ. Рассказ 183

НЕБО

Алексей ДУБРОВИН. БЕЛЫЙ АНГЕЛ. Рассказ 153

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Леонид КОПКО. МОЙ ДАЧНЫЙ ДРУГ. Рассказы 172
Илья ДОМНИН. ВЕСЕННИЙ НАЛИМ. Рассказ 180

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Фёдор ВОСТРИКОВ. ПРЕДЗИМЬЕ. Стихи 143
Александр ГРЕБЁНКИН. СОЛНЦЕВОРОТ. Сонеты 161
Алексей МАЛЬЦЕВ. СМЯТЕНИЕ. Стихи 167

Владимир ВИНИЧЕНКО. ЛЕС ПАМЯТИ. Стихи 169
Наталия ГУМЕРОВА. ОБМАНЧИВОГО СОЛНЫШКА ПРИВЕТЫ. Стихи 187
Леонид ГРИБЕЛЬ. УЛИЦЫ СТАРОЙ ПЕРМИ. Стихотворение 192

РАЗНОЧТЕНИЯ
ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Олег ЧЕРНЯК. СТРАШНЫЙ СОН. Рассказы 194
Наталья КАЛИКИНА. ДАШЕНЬКА. Рассказ 212

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Анна КОЛЧАНОВА. БЕЛЫЕ НОЧИ – НАВСЕГДА. Рассказы 203

ВРЕМЯ

Наталья КЫЛОСОВА. ТАКИЕ МАТЕРИ У НАС. Рассказы 224

ПОЭЗИЯ

ВРЕМЯ

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ. ЧУВСТВО МЕРЫ. Стихи 208

ЗЕМЛЯ

Виктор ГААС. НА РОДИНЕ, ДОМА. Стихи 210
Михаил ДАВИДОВ. ЖЕНЩИНЫ ПРИКАМЬЯ. Стихи 229
Валерий ЗЛОБИН. К НАМ ОБЛАКА СНЕГА НЕСУТ. Стихи 233

НЕБО

Карина ИБРАГИМОВА. У ВОДЫ, ЧТО ЦЕЛУЕТ ЗЕМЛЮ. Стихи 220

ПЕРМСКАЯ БУКА
ПРОЗА

Вера БАШКЕЕВА. ГДЕ МОЯ ЛОШАДКА,
или МНЕ СНОВА СТАЛО СТЫДНО.
Из цикла рассказов «Моя младшая сестра» 236
Алексей КРЮКОВ. У НАС ЕСТЬ КОШКА. Рассказ 238
Дарья СМИРНОВА. ТАДАНТЛИВАЯ ДЕВОЧКА. Миниатюры 239
Андрей ЗЕЛЕНИН, Дарья ШИЛОВА. КТО-ТО ЖЕ ДОЛЖЕН…
Из цикла рассказов «Родной мой Васька» 240
Дарья СМИРНОВА, Валерия ШАРАПОВА,
Дарья ШИЛОВА. ВЕЧНЫЙ СПОР. Рассказ 241

ПОЭЗИЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН. НА САМОМ ДЕЛЕ. Стихи 242

ПАРНАС БЕЗ ГРАНИЦ
ПОЭЗИЯ

Алексей МАЛЬЦЕВ. ПОТЯНУЛО ЧТО-ТО, БРАТЦЫ. Стихотворение 244
Игорь ТЮЛЕНЕВ. ЧТО-ТО В МИРЕ НЕ ТАК. Стихотворение 245
Анатолий ГРЕБНЕВ. ЗА ТРЕЗВОСТЬ! Стихи 246

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРОЗА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Анатолий ЖОХОВ. ЖИВАЯ ВСЕЛЕННАЯ
СТАНИСЛАВА КОВАЛЁВА. Рассказ-эссе 264

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Лев АВИЛКИН. «КРАСНОРЕЧИЕ» ХУДОЖНИКА. Рассказ 300

ЗЕМЛЯ

Василий КОЛБИН. ПОЕЗД ВРЕМЕНИ. Рассказ 303

ПОЭЗИЯ

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Арсений КОНЕЦКИЙ. РЖАНАЯ ПАМЯТЬ. Стихи 248

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА. ПАМЯТИ ПОЭТА. Стихи 261

КРИТИКА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. EX LIBRIS

Иван ГУРИН. ОТ «ВЕРСТЫ МЕЖОВСКОЙ».
Из повести-эссе «Сокровенное» 266

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Тамара ШМАТЁНОК. ПУТНИК И НЕОБЪЯТНЫЙ МИР. Статья 293

Мария ПАРШАКОВА. ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЁТ. Очерк 296

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. EX LIBRIS

Нина БОЙКО. О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ. Очерки 305

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Ксения НОСОВА. СИЯЕТ СВЕТ ЕГО ЛАМПАДЫ. Очерк 324

ЗЕМЛЯ. EX LIBRIS

К 270-летию основания Юго-Камского завода и посёлка Юго-Камский Пермского района Пермского края

Галина ЧУДИНОВА. ПОСЁЛОК. Очерки из одноимённой книги 326

ЗЕМЛЯ

Виталий БОГОМОЛОВ. ПОСЛЕДНЯЯ ДОЧЬ «МАТЕРИ-ГЕРОИНИ»,
или БЫЛ ЦЕЛЫЙ МИР. Очерк 336

Василий КОЛБИН. ВИРУС «ПОРА ВАЛИТЬ». Эссе 346

* * *

С какой печалью потаённой
Сквозят пустынные луга,
Где лето скатано в рулоны,
А не запрятано в стога.

И сердце снова чуда просит,
Опять уносит в те года,
Когда звенели сенокосы
Азартным праздником труда.

Я новой техники не хаю.
В косьбе прогресс… О чём вздыхать?
И всё-таки о том вздыхаю,
Что русской песни не слыхать.

Ведь сенокосной ночью синей
На стороне моей родной
Казалось, пела вся Россия
И песней вся была одной!

На берегу в сиянье мглистом
Она взлетала до небес –
С ума сводили гармонисты
Народ на ярмарке невест!..

И ты не взглядывала строго,
Своих не пряча милых глаз,
У свежесмётанного стога
Со мной целуясь в первый раз.

...Но глянь – с тропы едва заметный,
Бочком осев на бережок,
Стоит он, маленький, заветный
Вручную смётанный стожок.

Не здесь ли мы вчера прощались?
И я опять хожу и жду,
Не зря же ты пообещалась,
Шепнула ты: «Приду, приду… »

Анатолий ГРЕБНЕВ

Игорь ТЮЛЕНЕВ

МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА ПРОИГРЫВАТЬ БИТВУ

«Рифму русский народ полюбил сразу» – заметил когда-то Фёдор Михайлович Достоевский. И любит до сих пор, что бы там не говорили московские тусовщики, на поэтические вечера которых приходят считанные единицы слушателей. До такой ситуации довели любителей поэзии мёртворождающие столичные поэты и критики своими выхолощенными текстами, с бессодержательной игрой метафорами. «Дурно пахнут мёртвые слова». Всё происходит, как у Гёте в «Фаусте»:

Кропанье пошлостей – большое зло,
Вы этого совсем не сознаёте.
Бездарных проходимцев ремесло,
Как вижу я, у вас в большом почёте.

Большой почёт – это современная мода на бездарность, ибо дар – от Бога, а бездарное творчество – от лукавого. Много стало модных стихотворцев, но что такое «Мода» – обратное прочтение «адоМ», ад зарифмован в обратную сторону. Раскручивая «таких» писателей, издатели занимаются тиражированием зла, забывая слова поэта: «Но без души и помыслов высоких живых путей от сердца к сердцу нет».

Вся сила и мощь зреет в провинции. Поэзия развивается не по горизонтали, а по вертикали: от земли – к небу, от души к Богу… В первую очередь я просто без этого (поэзии) уже не могу жить, а уж потом можно и высказаться, и создавать произведение искусства, по мере того, сколько тебе таланта отпустил Господь. И всё…

В поэзии нужно быть солдатом. Поэзии нужно служить – помня о долге, верности и чести. Русская поэзия – это, конечно, червлёное знамя, это цвет крови, цвет солнца, цвет жизни, цвет огня. Европейская поэзия? Наверное, бледное какое-нибудь знамя, больше переходящее в голубизну… Поэтому там поэзии нет.

Правда – выше денег, а поэзия – выше правды! Э, как завернул! И ещё – можно обмануть женщину, а музу нельзя. Я не стану выстраивать рейтинги поэтов. Не так и важно кто первый с конца, а кто первый с начала. Всё меняется даже на глазах одного поколения. Взять хотя бы феномен Андрея Вознесенского. Нет феномена! Всё больше и больше мест на духовном олимпе занимает поэзия моего учителя Юрия Кузнецова. Хотя он и говорил мне когда-то, что стихи его будут читать лет через пятьдесят, не раньше… Ошибся! И ещё добавлю – если ты умеешь читать, а тем более писать, то сам легко построишь всех по росту, а кое-кого заставишь упасть и отжаться.

Нужно возжечь свечу или запалить костёр до небес, чтобы осветить все тайные тропы и мятущиеся по ним заблудшие души. Чтобы помочь русским людям выйти к свету. Потому что враги России – все светоносные тоннели умудряются захлопнуть перед нашим курносым носом.

Или мы очень медлительны, или слишком уж доверчивы. Но сейчас на кону стоит наша Родина, и мы не имеем права проигры-

вать Битву. Наши предки и гениальные русские поэты нам этого не простят. Если вдруг не будет у русских поэзии, то они не смогут говорить ни друг с другом, ни с Богом, ни с другими народами, не смогут понять их. Без поэзии нет музыки, мира и даже войн – «поэт во стане русских воинов».

Убийца нашего великого реформатора Петра Столыпина – Мордка Багров говорил, что жизнь – тысяча съеденных котлет… А вот для русского человека жизнь другое – это борьба и молитва!

С нашим обществом всё более-менее понятно. Хочу рассказать о зонах, ибо живу на Урале в краю, где очень много лагерей. На российских зонах мне приходилось неоднократно выступать, в том числе и в детских колониях. Был я и на самой страшной для зеков зоне «Белом Лебеде». Бывая на зонах, я всегда прошу показать мне библиотеки и поэтические сборники. Вот парад имён – Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Фет и, конечно же, Сергей Есенин! Все книги одинаково засалены и потрёпаны…

Есть у меня давнее доперестроечное стихотворение «В родительском доме». Процитирую, а потом поясню:

В родительском доме
Не жить мне и дня.
В родительском доме –
Чужая родня,
Чужие портреты
Висят на стене,
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом,
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.

…Когда это стихотворение прочитала моя мачеха – она долго рыдала от обиды, думая, что это о ней сказано. Зек, сидящий за убийство, переписал его из областной газеты «Звезда» не мудрствуя лукаво – поставил вместо моей фамилии свою и отдал в лагерную газету «На волю с чистой совестью». Потому что думал – это стихотворение о нём. И только морской офицер, приехавший к родителям в отпуск, понял правильно замысел автора. Он понял, что ждёт Россию в недалеком будущем. Александр Твардовский сказал замечательно: «То, что я напишу, не напишет Лев Толстой». А нам остаётся надеяться, что в нашем любезном Отечестве хорошие книги будут всегда востребованы и сегодня, и завтра, и всегда…

Часть 1

Анатолий ГРЕБНЕВ

ГДЕ ЛЕТО СКАТАНО В РУЛОНЫ...

* * *

Ты думаешь, что я спроста доверюсь
Тому, что мнится истиной тебе?
Ребяческая шалость или ересь –
Гадать по звёздам о земной судьбе.
Поверь мне без мифического мрака,
Мудрец-астролог, раз и навсегда:
Любым созвездьем знака зодиака
Рождественская ведает звезда.

* * *

Душа не ведает остуды,
К тому, чем издавна жива.
Из-под сознанья, из-под спуда
Всплывают матери слова.

Слетают с детского крылечка –
И снова, будто наяву,
Я слышу бабушки наречье,
Её былинную молву.

Века седые с тихим гулом –
Бессонной памяти приют –
До Святогора и Микулы
Так осязаемо встают!

Былую быль приносит Слово,
Как по натянутой струне.
И снова жизнь живая снова
Вся до озноба внятна мне!

Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ родился 21 марта 1941 года в селе Чистополье Котельнического района Кировской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1965), Литературный институт им. А. М. Горького (1976). Трудовую жизнь посвятил медицине. Первые творческие публикации относятся к концу 1950-х годов. Первый поэтический сборник вышел в 1972 году в городе Перми: «Приволье». Издавался в Вятке, Кирове, Москве, Перми. Автор почти двух десятков книг. Член Союза писателей СССР/ России (1978). Заслуженный работник культуры РФ (2004). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. им. А. Гайдара (1980), им. А. Решетова (2007). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Перми.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

А ты, как пальцы не топырь,
Не сыщешь слов, как выстрел, точных:
– Не потка в потках нетопырь –
А, брат мой, Даниил Заточник!

Так и послышалось из тьмы
Веков живая перекличка –
Ведь поткой в детстве звали мы
Любую маленькую птичку.

Скажу, к молению склоняясь:
Всё, Даниил, в пределах старых –
Не бережёт холопов князь
И волчья сыть в его боярах.

Одно и тоже каждый день
Увидишь ты везде и всюду -
Богатства блуд и похабень
И честь, подверженная блуду.

Я дружно с потками живу.
Теперь уже без обезлички,
Я поток ласково зову:
Снегирь, воробышки, синички.

Они расклёвывают грусть
Моей семейной крупорушки.
– Эй, налетайте! – я смеюсь –
От нищих есть кой-что в кормушке…

ИВАНОВСКАЯ

Тянет отчее приволье.
Без него ни жить, ни быть.
Кто родился в Чистополье,
Чистополья не забыть.
Под кладбищенские кущи,
Под родительскую сень,
Нынче там ли, тут живущих,
Всех собрал Иванов день.
Где гуляли, где любили,
Улыбнуться, погрустить,
И родимые могилы
Непременно навестить
По родне, родня в округе,
Каждый справный мирянин,
Брат ли, сват ли, друг для друга
Поневоле семьянин.

И сияет мир высокий,
Божий мир, многоочит.
По ольшанику в осоке
Речка Каменка журчит.
В суходол, в радужье ближнем,
Через озеро, скорей,
Чтобы слиться с речкой Пижмой,
Пижмой – матушкой своей.
Пижма с Вяткой, Вятка с Камой,
Кама с Волгой обнялись.
Значит все мы земляками
По России назвались!
Хоть последняя неделя
У Петровского поста,
Но Иванов день без хмеля,
Что кобыла без хвоста.
Замуравели дорожки,
Но рвануло время вспять,
Только врезали гармошки:
«Двадцать пять на двадцать пять!
Шире, улица, раздайся,
Шире вдоль и поперёк!
Да ещё раздайся шире,
Широко наша берёт!
Чистопольское село,
Чем оно украшено? –
Берёзками, осинами,
Девчонками красивыми!»
А девчонки комплиментом
Для любого молодца
В нужный проигрыш моментом
Звонко вклиниваются:
«Наши парни – то, что надо,
Наши парни – динамит!
Эх, и спереди, и сзади
Воссияет и гремит!»
Гости валят без заминки
Если Бог привёл – постом,
Под любым крестом поминки
Да и праздник под крестом!
Ой, ты, скатерть-самобранка,
Пироги да с водкой квас!
А у церкви «Сербиянка»,
Всенародный перепляс!
Где-то сшиблись ухобаки,
Колья, трости вперехлёст,
Ведь Иванов день без драки,
Что телега без колёс!
Уронили с брагой кружку
Те, кому не повезло.
Запоздалую частушку
Из-за Пижмы донесло:

«Хулиганы меня били
В Чистополье на крестах.
Мою голову пробили
В двадцати пяти местах!»
Стихли бары-растабары
На туманном берегу.
И возлюбленные пары
Потерялись на лугу.
Из гулянок этих старых
Хоть одну бы мне вернуть,
Можно в омут с крутояра
В Пижму-матушку нырнуть!

* * *

Где поле с лугом вышли к речке,
Ольшаник хмелем перевит.
Какое славное местечко,
Какой с холма
Привольный вид!
Знать, наши предки не случайно
Для сельбищ выбрали места,
Ведь вместе с пользой
Изначально
У нас ценилась красота.
Скоропалительное время,
Забыло ты в дыму побед,
Что здесь была-слыла деревня,
И вот – её в помине нет.
Но бродят здесь былого тени,
И проясняется теперь
Порожний счёт приобретений
С необратимостью потерь.
И, лишь родной душе заметный,
Сдержав на всполье прущий лес,
Здесь русский дух
Тысячелетний
Не растворился, не исчез!
И вдруг почудится такое,
Что дальше ноги не идут.
Как будто поле силовое
Тебя удерживает тут!
Пусть в мать-и-мачехе цветущей
Та корневая длится связь,
Чтоб жизнь и здесь,
В страде грядущей,
С гнездовий старых началась!

ЛАСТОЧКА-КАСАТКА

Со свиданьем, родина!
В родовой избе
Я вернулся, вроде бы,
К самому себе.
Ничего не делаю,
На крыльце сижу,
За касаткой смелою
Радостно слежу.
У неё заботушка –
Птенчики пищат:
День-деньской работушка –
Кормит ластовчат.
Улетит, воротится,
Заснуёт опять.
Всё она торопится
Их крылом обнять.
Здесь, под кровлей светлою,
Гнёздышко свила.
А скажи, приветная,
Ты меня ждала?
Ты ведь знаешь, ласточка,
Знаешь, почему
Нету мамы ласковой
У меня в дому.
Свет души застенчивый,
Отчее село…
Мне бы тоже птенчиком
Под твоё крыло!

СТАРШИЙ БРАТ

За отца ты мне был, брат мой старший,
За отца для мальца-сорванца.
А теперь с бородой патриаршей
Впрямь похож ты на Бога-Отца!
Я тогда, куревеза-придурок,
Мать не слушал, своё стебеня.
– Турок ты, с Малой Азии турок! –
Укорял ты, бывало, меня.
А по дому работы-заботы!
Да и сам ты не больно велик.
Был мне раз – вспоминать неохота! –
Воспитателем веник-голик.
Лишь со стулом он двигаться может.
Как ни ступит, а всё не с ноги.
И больница уже не поможет.
Бог-Отец, ты ему помоги!
Обнялися – ни слова, и глухо.
Ты, как я, всё глазами сказал:

– Вот и всё, дорогой мой братуха,
Прощевай, мне пора на вокзал.
Может быть, не увидимся больше.
Всё я, турок, куда-то спешу.
Только ты поживи, брат, подольше.
Поживи, брат, подольше, прошу!

* * *

Как же, мама, я душу измаял
О тебе, о бессчастной, скорбя.
Как теперь я тебя понимаю,
Запоздало жалею тебя!
Не забыть – за столом я с друзьями…
– Мам, иди, с нами здесь посиди…
Не сидится ей, видимо, с нами,
Прикорнула и плачет в кути.
Мы, весёлые, пьём за удачу,
Недалёк расставания срок.
– Мам, ну что ты, всё плачешь и плачешь?
– Я от радости плачу, сынок.
Эх вы, годы, с крылечка ступени
Да кривые дорожки-пути!
Если б матери наши запели –
Я ревел бы от счастья в кути!
Где вы, где вы, старинные песни?
Уж не с неба ли слышался он
И растаял опять в поднебесье,
Русской песни серебряный звон?
Слышишь – удаль с глубинною болью,
Видишь – голову долу клоня.
За войну поредевшим застольем
Душу выплакать хочет родня?
На зачине протяжном молодки
Выплывают, как в стае лебёдки,
Вдовья грусть уведёт далеко.
А потом подголоски взлетают
И, как ласточки где-то растают
Высоко, высоко, высоко.

ПОЕДИНЩИК

На праздники престольные частенько –
От дедов, видно, это повелось –
Сходились мужики – на стенку стенка,
Попробуй, удержи хмельную злость!

Сперва, обычно, бегали, сшибались
Задиры-забияки, сопляки,
Потом за них – «Эй, наших бьют!» –

Вступались
– Того и ждали! – парни, мужики.

…«Мы им покажем, где зимуют раки»! -
Подбил нас Генка Фокин, дуболом,
Устроить показательную драку
Между деревней ближней и селом.

И вот на пятачке у колокольни,
Росточком от горшка по три вершка,
К барьеру из холщовых сумок школьных
Идут в лаптях бочком два петушка.

От них – крепыш-парнишка,
Колька Конев
Он держит кулачки как два копья.
Ему навстречу – кто ещё не понял? –
Бесстрашный поединщик – это я!

Притихли две орды, и, не робея,
Друг дружке мы пошли давать тумы.
Про Пересвета и про Челубея
Тогда ещё не проходили мы.

Расквасили носы – и всё, довольно!
«Ничья! Ничья! Ничья!» – орёт народ.
Признаться честно, хлещет очень больно
И всё по морде Колька-обормот.

Пошли на пользу детские повадки!
К детдомовке пристал один дебил –
И я горжусь,
Что я в неравной схватке
Её отбил
И гада победил!

* * *

Вся школа на линейку встала.
Мгновенно смолк привычный гам.
Навзрыд директор:
– Умер Сталин…
Нас распустили по домам.

Не помню, как я шёл из школы,
Отстав от сверстников своих,
Хоть заводила был и шкода,
Но дома скуксился, притих.

Срядилась мать чуть свет за сеном.
В избе, огромной и пустой,

Казалось мне, я брошен всеми
С такой вселенскою бедой.
На русской печке у кожуха,
Где был мой терем-теремок,
Я плакал горестно и глухо
И горя выплакать не мог.

Как жить, как жить теперь мы станем?
Душою детской не понять.
Не верил я, что умер Сталин.
А вдруг враги придут опять?

Летят-свистят года-кометы,
Прозренье позднее даря.
Не стыдно мне за слёзы эти –
Ведь плакал, видно, я не зря.

ДРУЗЬЯМ

Памяти М.Вишнякова

Не знаю, сколько мне осталось.
Но на излёте бытия
Я понял, что не встречу
старость
С улыбкой радостной, друзья.

Жизнь так со смертью
обручилась
И так прицельно
бьёт по нам,
Так тяжела её немилость
Внезапных чёрных телеграмм.

Мой голос с дружеским приветом
В пространстве мечется пустом.
Всё меньше нас
На этом свете.
Всё больше нас
На свете том.

НОВЫЙ ХРАМ

Валентину Распутину

Люди добрые, вы подивитесь:
Нам на радость,
На горе врагу
Новый храм появился, как витязь,
На ангарском крутом берегу!

В стане строен,
Оплечьями ровен,
Он поднялся в немалый свой рост.
Крепко связана плоть его брёвен
В чашу, в лапу и в ласточкин хвост.
И над куполом-шлемом с рассветом,
Во все стороны зримый окрест,
Засиял он спасительным светом –
Православный немеркнущий крест.
Верь, мой друг!
Сатанинские силы
Завывают в бессилье пустом:
Не поставить им крест на Россию,
Если будет Россия с крестом!

БРАТАН

Николаю Разумову

День раскрывался, как цикорий –
Мерцал, струился, голубел.
А мой братан давил на скорость
И про танкистов песню пел.

И вдаль поглядывал, как ястреб,
Слегка похмелен да удал.
«Что танки грязи не боятся»
Его «Уазик» подтверждал.

Он чуть не вылетел за бровку
И заорал: «Держись, браток!»,
Когда форсировал Петровку
Через трепещущий мосток.

Я улыбался на сиденье,
Дорогу зная наизусть,
Среди родного запустенья
Вдыхая радостную грусть.

И отмечал в душе, довольный,
Как тайный знак и благодать,
Что отовсюду колокольню
И наше кладбище видать.

...Остановиться в тихом поле,
Встать на заросших розвертях
И позабыть на вольной воле,
Что ты у родины в гостях.

И голос в шелесте пырея
Тебе послышится родной:

«Вдали от родины старея,
Живёшь ты родиной одной…

Братан мурлычет всё напевней:
– Мы здесь гостим или грустим?
Давай-ка мы рванём в деревню.
Товарищ есть там. Угостим!

Стучит. И вот, удостоверясь,
Откуда, кто и с чем пришёл,
Серьёзный, скрученный, как верес,
Хозяин садит нас за стол.

Мы достаём питьё, закуски,
И он кой-что на стол кладёт.
Братан бурчит: «Сказать по-русски,
Закуска градусы крадёт!»

– Я третьи сутки на просушке.
Нет, Бог-от есть – нанёс он вас:
Плеснул на каменку косушку –
И ожил, парни, в самый раз.

Мы посмотрели на божницу,
А там, весьма суров на вид,
Спас, в наши вглядываясь лица,
Ох, дай-то Бог! – благословит.

Душевна, эмоционально,
Любви земляческой волна
И прямопропорциональна
В гостей залитого вина!

– У нас в деревне было улиц…
Да что считать – до ста домков.
Хоть шестьдесят шесть не вернулось
С войны обратно мужиков.

А кто пришёл – излом да вывих –
Скрипят протезы-костыли.
Да в детстве видывали вы их.
Но дело-то они вели!

Деревне-матушке досталось
И по сопатке, и под дых.
А на сегодня-то осталось –
Поверишь – три избы жилых.

(Живая жизнь из дали дальней
К такому вот пришла концу.
А из деревни этой – Дарья,
Родная бабка по отцу.

Устав от заблуждений вздорных,
В полузаброшенном краю
Мы родовые ищем корни,
Родню забытою свою.)

– Поразбрелись по свету дети.
Жена пять лет как померла.
И я один, как перст, на свете.
Такие, братцы, вот, дела...

– Эх, жизнь – частушка-коротушка
Весёлой ночью в сенокос!
Ну, парни, что? Ещё по кружке
Давайте выпьем за колхоз!

Ведь, в клятом, в нём весь век ломили!
С трудом направили дела.
А как зачичеревел, милый,
Тык-мык! Деревня умерла.

Но ведь не сено ворошили
С красивой милкой у межи –
В него мы жизнь свою вложили!
Неужто попусту? Скажи!

И мне не за что, и не по что,
За три версты, под свой же стон,
Плестись-трястись в село на почту –
Ведь с гулькин хрен мой пенсион.

Да и селу сломали крылья.
Добро хоть, при беде такой,
Медпункт со школой не закрыли.
Иначе – пой за упокой!

...Пора, братан! Всё, едем, едем!
Да нету здравицам конца.
Земляк, спасибо за беседу!
И мы спускаемся с крыльца.

– Ну, здесь тебя никто не сглазит!
Ты нюх-то по ветру держи.
Давай, до следущего раза!
Дыши, деревню сторожи!

Мы вышли, щупая ограду.
Чтоб счастья миги не рвались,
Ему оставили, что надо,
И на прощанье обнялись...

День закрывался, как цикорий,
Сгущая в сумрак синий свет.

И только кладбище с укором
Тянуло тени нам вослед.

ЛИСТВЕНЬ

Памяти Валентина Распутина

На душе безутешно и мглисто,
Сумрак этот свинцово тяжёл:
Рухнул ты,
Несгибаемый Лиственъ,
На сажень
В ту же землю вошёл!

Был ты нам словно тайная милость –
Наша совесть, опора и свет.
Знать, душа у тебя надломилась,
Столько бед на неё навалилось,
Столько мук нестерпимых и бед!

Отдохни.
Пусть хоть нынче не давят
Грудь усталую скорби твои.
И сквозь сон до тебя долетает
Вечный говор ангарской струи.

* * *

Когда совсем бывает тяжко,
Я по грибы бродить люблю.
Приятно булькающей фляжки
Я из кармана звук ловлю.

В полупоклоне я сгибаюсь,
Когда с грибом встречаюсь вдруг,
И, как родному улыбаясь,
Я говорю: «Здорово, друг!»

Своё бесцельное движенье
Я у пенька застопорю,
С души снимая напряженье,
Мы примем с ним по стопарю.

За подношение он ловко
Кивнет мне, радость не тая,
Краснокоричневой головкой,
Краснокоричневый, как я.

И, общей радостью объяты,
Мы продолжаем Русь любить.

Краснокоричневых, ребята,
Врагу вовек не истребить!

ЛОДКА

...Сломалось моё кормовое весло,
И нас по теченью легко понесло.
И ты лопасёнки откинула прочь.
И нас поглотила июльская ночь.
Всё ведала лишь хитрованка-луна,
То в купах берёз, то под лодкой видна.
Блуждала в урёмных река берегах,
И хор раздавался во мглистых лугах:
О чём-то счастливом, что скоро пройдёт,
Звенел-заливался пернатый народ!
И как же с тобой были счастливы мы
В наплывах певучей сияющей тьмы –
И речке родимой «спасибо» шептать,
Забыть обо всём,
На судьбу не роптать,
В ладони небес из волны зачерпнуть,
Чуть-чуть остужая горячую грудь...
Порой, притихая под взглядом твоим,
Завидовать ласточкам береговым,
И в тайне жалеть,
Что уже никогда
Не свить, не завить своего нам гнезда.
Любили мы, нет ли,
Я знаю одно:
Что было с тобою – не канет на дно.
Закрою глаза – лодка – вон, вдалеке –
Уносит с тобой нас
По вечной реке.

* * *

Я дал давно себе зарок:
Пока живу, дышу доколе,
Учить и повторять урок,
Урок «Литературы в школе».

Я и сейчас ещё готов
С улыбкой детскою послушать
Фонетику ночных лугов
У соловьёв и у лягушек.

Как в годы юные мои,
Душою чуя Чистополье,
Мне дорог синтаксис любви
У лебедей на водополье.

Вот я опять один брожу,
Забыв о знаках препинанья, –
– Не пунктуальна ты, – скажу, –
Когда придёшь ты на свиданье.

* * *

Без вины виноватый, жалею
О своей бестолковой судьбе:
Не такому, как я, дуралею
Доставаться бы надо тебе.

То ли это моя неумелость,
То ли это усталость уже?
А душа, а душа изболелась,
По твоей изболелась душе.

Может, ангел небесный проложит
Над трясиною зыбкую гать,
Может, кто-то ещё нам поможет,
Или поздно уже помогать?

Но за далью, за далью любою
Ты мне снишься и видишься вновь.
Что за чувство зовётся любовью?
Что такое на свете любовь?

* * *

На заре, завлекая подругу,
Бравый дятел, что малость продрог,
Вдруг рассыплет, будя всю округу,
Деревянную гулкую дробь.

Он волнуется в страстном задоре.
Помолчит – и опять дробанёт!
И ему откликается хором
Весь окрестный пернатый народ.

Подголосками в звон соловьиный –
Зяблик, пеночка, даже удод –
Нарастая хрустальной лавиной,
По весенней округе пойдёт!

И душа улыбается снова,
И опять обретает размах,
И готова откликнуться словом
На бессмертное пение птах!

* * *

А будущее не задлится -
Придёт,
Пройдёт,
Потом замглится,
Непоправимо прошлым станет,
Но в новом свете вдруг предстанет!
Ни в чем ни капли не коснея,
Прекрасней станет и яснее –
Любовь и боль – всё очень зримо.
Жаль, что, как жизнь,
Неповторимо!

У ПАМЯТНИКА ПОЭТУ АЛЕКСЕЮ РЕШЕТОВУ

Ну, как не будешь огорошен,
Когда ты видишь пьедестал,
И вдруг на нём – твой друг хороший,
Который памятником стал!
Но от ботинок до берета
Он узнаваемо-родной:
В руке дымится сигарета.
Он только что из проходной.
Он отпахал ночную смену
На солемельнице своей
И, может, к Музе неизменной
Хотел прийти домой скорей.
В пути настигло вдохновенье.
На парапет присел слегка.
Что время! – Век или мгновенье,
Когда рождается строка!
Не догорит окурок «Примы»,
И, как бывало, на двоих
С тобою он на грудь не примет
И не прочтёт печальный стих.
Ты не мешай ему, не сетуй –
Не до тебя ему, друг мой:
Он занят долгою беседой,
Беседой с вечностью самой!

Владимир КРУПИН

С УТРА ПОРАНЬШЕ. Записи малых размеров

С УТРА ПОРАНЬШЕ

Встанешь пораньше – подальше шагнёшь. Кто раньше встаёт, тому Бог подаёт. И других таких пословиц о пользе раннего вставания много. А моя эта привычка вставать рано в самом прямом смысле спасала всю жизнь.

Вот Москва. Вот московская интеллигенция, которая оживает только к вечеру и звонит друг другу до поздней ночи. А потом кто спит, кто дрыхнет, кто и звонить продолжает.

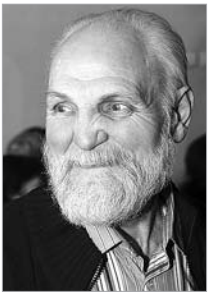
И я никак не мог войти в такой ритм жизни. Не от чего либо, от того, что уже часам к десяти-одиннадцати вечера ничего не соображал. То есть соображал, но не настолько, чтоб вести умные обсуждения имеющих быть на это время событий. Так честно и говорил: «Простите, но я сейчас ничего не соображаю. (Некоторые могли думать, что я выпивши). Позвоните утром». – «А когда утром?» – «Часов в шесть-семь».

Так вот, сообщаю: никто и никогда мне утром часов в шесть-семь не позвонил. И получается, что московская интеллигенция – этот сплошь ночные совы, а я – залетевший в столицу вятский жаворонок.

И в природе (ранняя роса к вёдру, ранняя весна – много воды, ранняя птичка носик чистит, то есть уже покушала, а поздняя глазки продирает, утренники побили ранники, то есть весенние заморозки сгубили всходы ранних овощей, рано пташечка запела, как бы кошечка не съела…) и в жизни (раннего гостя не бойся, он до обеда, рано татарам на Русь идти; на работу рано, а в кабак самая пора; работать поздно, спать рано, а в кабак самое время; молодому жениться рано, а старому поздно; богатые раньше нашего встали, да всё и расхватали; не то беда, что рано родила, а та беда, что поздно обвенчалась; всем т а м быть, кому раньше, кому позже; такая рань – и петухи не пели…) всё в защиту рани-ранней.

Когда в детстве я или кто из братьев долго спали, мама шутила: «Проспали всё Царствие небесное», а отец выражался проще и доходчивей: «Девки-то уж все ворота обмочили».

Интересно, что тот, кто просыпался позднее, вставал и продирал глаза гораздо дольше, чем тот, кто вскакивал раньше. То есть, говоря опять же вслед за мамой, не растягивался. Хотя потянуться до хруста в суставах было очень полезно. Маленьких деточек-ползунков будили, поглаживая по спинке и животику: потягунюшки-поростунюшки.



Владимир Николаевич КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в посёлке Кильмезь Кировской области. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института (1967). Преподавал. Работал редактором. Преподаёт в Московской духовной академии. Неоднократно бывал и выступал в городе Перми. Первая книга вышла в городе Москве в 1974 году: «Зёрна». Автор большого количества прозаических книг. Член Союза писателей СССР/ России (1975). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кавалер орденов Дружбы народов, Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Москве.

Незалежливых Бог любит.

Может, в слове радость напоминание о славянском божестве солнца, боге Ра. В данном случае и его можно вспомнить.

ШТАБ ДЬЯВОЛА

Сам дьявол редко вмешивается в события обычной человеческой жизни. Он занят главным – готовит путь антихристу. Всю бесовщину в мир внедряет его дьявольский штаб. Работу ведёт и по странам и континентам, и, главное, по умам, душам, сердцам. Ссорит людей, убивает любовь, спаивает, развращает, прельщает деньгами, удовольствиями. От падения нравов производные: пошлость культуры, недоумки образования, продажность дипломатов и политиков.

На этот штаб работают и вроде бы сильно русские патриоты. Телепузикам велено и русским слово давать. Пусть пищат, визжат, хрипят, что Россия гибнет, это же музыка для дьявольских ушей.

Почему же мы терпим поражения? Мы, русские? Потому что дьявольские штабисты занимаются не глобальными проблемами, а каждым отдельным человеком. Человек рушится – остальное само собой.

У дьяволят и отпуска бывают, их хозяин об их здоровье заботится. Отпуск у них у моря, среди педерастов.

ПОЖИРАТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Мне кажется, это такие маленькие незаметные существа, которые всюду. У них вообще один рот, они всё едят, а, главное, пожирают наше время и одновременно заражают нас бациллами обжорства, лени, жадности. Но самое для них лакомое – это время. Вот они втравили человека в переедание, он уж еле дышит, а всё ест и пьёт. Упал поспать. А должен был потратить время на нужную работу, а теперь это время убито обжорством. Но оно не пропало бесследно для пожирателей времени, это их добыча. Девица перед зеркалом часами. Эти часы опять же кормят пожирателей, а девица за эти часы просто постарела. Как ни намазывайся, умирать-то придётся. Вот вытянули людей на безполезное орание на митинге. У кого дети не кормлены, у кого мать-старуха, а время на заботу о них уже не вернуть. Или идут, никто не гонит, на эстрадников смотреть. Что получат от этого? Удовольствия, скоро проходящего, чуть-чуть, да и удовольствие это от хохмочек, сплетённых из разврата и пошлости, а в основном всё та же трата времени, да усталость. А пожирателям радость.

Телезрители особенно кормят пожирателей. У них есть слуги: утешатели, убаюкиватели, увеселители. Пожиратели от награбленного времени пухнут, складируют время как сжиженный газ, в хранилища. Потом продавать будут.

ЖЕРТВЕННАЯ КОРОВА капитала – это демократия. Любишь не любишь, ругать не смей. Эта корова давно топчется в России и по России. Вытоптала медицину, топчет школу, пыталась топтать оборону. А уж как культуру-то топчет. Пасётся на русских землях, превращая их в пустыри, затаптывает целые поселения. Когда всё вытопчет, уйдёт, оставив на память о себе нашлёпанные вонючие лепёшки. Тогда и ругать её разрешат.

Чем же страшна? Она всё меряет на деньги, на недвижимость. Она создаёт такие миражи: ты будешь жить в достатке, если употре-

бишь свои знания на для карьерного роста и своего благополучия. И что конкуренция это не сживание конкурентов со свету, а прогресс. А если они слабее, значит, мешают прогрессу. И должны осознавать.

Уйдёт корова капитала, новое животное придёт. Новый троянский конь. Введётся в Россию в дымовой завесе критики демократии. Она была не та, не так понята, а сейчас будет всё тип-топ.

То есть всегда болтовня о какой-то якобы заботе о народе, о счастьи на земле. То есть постоянное забвение Бога. Разве Он не говорил, что земная жизнь это прохождение долины скорби? Что войти в Царство небесное можно только узкими вратами? Что нищий Лазарь всегда будет счастливее богатого благополучного богача?

И это дано понять всем. Но не все хотят это понять. Кто-то не может, а кто-то и не хочет. А не хотят, так что же и убеждать, время тратить.

НЕ ГОНИТЕ СЕДЫХ: придут рыжие.

РАДОСТИ, ПРЕПОДНОСИМЫЕ плотью, иногда могут и радовать душу, но в итоге всё равно тащат её в бездну. Только душевные радости: родные люди, работа, лес да небеса, да полевые цветы, да хорошие книги и, конечно, Божий храм – вот спасение.

Целый день стояла пасмурность, тряслись по грязной дороге, щётки на стёклах возили туда-сюда мутные потоки дождя, еле протащились по чернозёму, около пруда остановились. «Тут он играл в индейцев, – сказал молодой строитель о прежнем хозяине этого места, который умер не в России, но писал только о ней. – Строить будем заново, на речном песке».

Стали служить молебен на закладку дома на прежнем основании. Молодой батюшка развёл кадило и так сладко, так отрадно, так древне-вечно запахло ладаном, что ветер усмирился и солнышко вышло.

Что ещё? Господи, слава Тебе!

«ТРЕЛЁБУС». ТАК говорил отец. Не троллейбус, а трелёбус. Уверен, что он говорил так для внуков, которые хохотали и поправляли его. Но они понимали, что дедушка шутит.

И вот, ушёл отец мой, мой дорогой, мой единственный, не дожил до позора августа 1991 года, а я, как ни еду на троллейбусе, всё улыбнусь: трелёбус. Еду мимо масонского английского клуба, музея Революции, теперь просто музея и мне смешно: какие же демократы самохвалы, в зримых образах хотели воспеть свои «подвиги». А что зримого показать? Нечего показать. Так нет же, нашли чего. Притащили от Белого дома (им очень хотелось, чтобы у нас было как в Америке, чтоб и Белый дом, и спикеры, и инвесторы, и ипотеки: демократы – они задолизы капитала), притащили во двор музея троллейбус в доказательство своей победы. Написали «часть баррикады». Смешно. Карикатура. Но ведь года три-четыре торчал этот трелёбус около бывшего масонского клуба. Около ленинского броневичка, якобы с него он и выступал. Ельцын Ленина переплюнул, вскарабкался, вернее, его втащили, на БТР и, хрипя с похмелья, сообщил восторженным дуракам, что демократия облапошила-таки Россию. Захомутала, задушила. Мужиковатая Новодворская и певец своих песен Окуджава в восторге. Жулики ожили, журналисты заплясали.

Победили демократы не коммунистов, они и без них бы пали, временно победили русскость. Пошли собачьи клички: префект, электорат, мэр, мониторинг, омбудсмен, модератор и особенно мерзкое полицейское слово поселение (У Гребнева: «Не народ, а население, не село, а поселение. И уходит население в небеса на поселение»).

А и как было не засЫпать нас мусором этой словесной пыли, если многие господа интеллигенты с восторгом принимали любую кличку названий предметов и должностей, лишь бы не по-русски. Хотя русские слова точнее и внятнее. Это как хохлы, лишь бы не по-москальски.

Так что и у них свои «трелёбусы».

ИЗДЕВАЮТСЯ НАД НАМИ: Иван-дурак, Емеля-дурак, работать не хотят. Но помилуйте, сколько можно работать, когда-то надо и отдохнуть. Сильно ли устанет папа Карло, строгая полено? Много ли перетрудится портняжка, разводя мух, а потом убивая их полотенцем? Емеля велит вёдрам самим идти от проруби в дом, велит печке везти его в город, почему? И вёдер этих с реки в дом натаскался, и пешком в город находился. Наработался выше крыши. Хоть немного барином побуду. Нашу бы зиму, наш климат да в Африку, мы б посмотрели, как они будут под бананом лежать и брюхо чесать. Когда лежать, когда чесать, когда дров на всю зиму надо, сено на корм корове, овцам надо, одежду тёплую надо, надо утеплить хлев, печку подмазать, подполье упечатать… Да мы, русские, в непрерывных трудах, но ничего никогда никому не докажем. А что не докажем? А то, что мы, по-моему, лучше всех. Я так думаю.

Но, в конце концов, хай клевещут!

АЛЕКСЕЙ ВАНИН

Актёр Алексей Ванин, по сути, нкогда не был актёром, занимался классической борьбой. По всем статьям подходил. Большущий, сплошные мускулы и одновременно весёлый, общительный, начитанный. Завоевал звание чемпиона мира. И о нём написали сценарий «Чемпион мира». И его снимали в главной роли. И он, получается, играл самого себя. То есть не играл, повторял прожитое. Он говорил: «Я когда увидел себя на экране, я так хохотал! Мне казалось, что это не я».

Фильм Шукшина (оба алтайцы) «Калина красная» держится в нравственном смысле образом Петра, брата Любы Байкаловой. Роль играет Алексей Ванин. Не бывший зэк Егор Прокудин, никак не решающийся встретиться с матерью, а именно герой Ванина, сильный, спокойный в своей народной правоте, держит уровень русской жизни. Именно он сметает с причала на своём грузовике эту нечисть, эту шпану, убивающую человека, решившего жить нормальной жизнью. Выныривает, садится на кабину затонувшей среди реки машины, и видно, что уверен: он свершил нужное дело, а уж как к этому отнесутся всякие власти, это дело десятое. Кинооператор Картины Анатолий Заболоцкий рассказывал, что актёр заныривал в кабину утонувшей машины и, по команде (дёргали за леску) выныривал оттуда несколько раз.

Мы были дружны с Лёшей с 1979-го года, года пятидесятилетия (всего-навсего!) Шукшина. Выступали на Пикете, в колонии, где снимались кадры «Калины красной», купались и в Бие и в Катуни.

В одном месте подъехали к берегу, а в воде торчат бетонные сваи. А ехать в другое место неохота, да и жарища. Лёша разделся, говорит: «Я тогда почувствую, что постарел, когда испугаюсь прыгнуть с обрыва в незнакомом месте».

И прыгнул!

И никогда он не постарел. Ему было уже девяносто лет, а он занимался с мальчишками классической борьбой, проводил чемпионаты России. Находились добрые люди, помогавшие ему. Особенно предприниматель Левашов Юрий Александрович. Помню один такой чемпионат в Подольске. Я ничего не понимаю ни в классической, ни в вольной борьбе, но мне было так интересно и полезно смотреть эти поединки, в которых побеждали сила и ловкость, но никогда не хитрость. За этим, за честностью борьбы Ванин очень следил.

Наградили победителей, пошли на банкет. Тут надо сказать, что на Лёшу всю жизнь вешались женщины. Что называется, было на кого. Он – человек открытый, доверчивый, шёл навстречу чувствам. В застольи жена (забыл имя) приревновала к девушке, которая явно набивалась во временные подруги Алексею Захаровичу. Лёша иронично воспринимал знаки внимания, шутил. А жена взвилась: «Немедленно уедем!» – «Зачем? Надо же посидеть с людьми, оказать уважение: чемпионат какой провели». – «Ну и сиди, а я уезжаю. Навсегда! Никогда не вернусь!» И так далее, словом, обычные слова обычной ревнивой жены». – «Уезжай», – хладнокровно ответил Лёша.

Он посидел ещё часик для приличия и засобирался. Пристающей красавице сказал: «Девочка, у тебя и без меня всё впереди», – и поехал домой. Дома принял душ, лёг в кровать.

Назавтра рассказывал: «Я же алтаец, таёжник, охотник: и слух обострён, и чувства. Чую – кто-то есть. Затаился. Жду. Точно! – выползает. Хватаю – она! Вот дура из дур: заревновала до того, что приехала домой и залезла под кровать, чтоб меня подстеречь.

Да, вспоминаю Алексея Ванина – богатырь во всех смыслах! Девяносто лет, а красавец! Статный, крепкий, в полном сознании. Это Алтай, это Россия.

– СВОИ ЖЕ РАСКУЛАЧИВАЛИ, с детства знались. Велят имущество на телеги грузить. Я не стал, отошёл к дровам, сел. Сами таскают, сортируют. Я отвернулся. Скорей бы, думаю, милиция. А её уже вызвали. Милиционеру потом говорю: «Надо было мне не собирать хозяйство, а пропивать, да в начальство идти». Не местный, молчит. С семи лет вкалывал, на сапоги зарабатывал, печнИчал, потом механизмы пошли. Любой трактор осваивал. Девушку любил. Говорит: «Я бы за тебя пошла, но очень бензином пахнет, не могу. То есть пробрезговала. А красивая. Да и недолго красовалась: приехал из области щелкопёр, соблазнил. Потом приходила: возьми, глупая была. А как возьму, уже у ней сын от того, из области. Оно бы хорошо – парень, помощник, да понаблюдал: нет, не будет работник, весь в папашу. А её всю жизнь жалко. – Задумался. – Теперь уж жалей не жалей, теперь главная жалость: крыса вставную челюсть стащила, где-то в подполье спрятала и по ночам грызёт. Днём лазил – не могу найти. Ночь пришла – опять грызёт. Вот какие нынче стоматологи – крысам не по зубам. Мне-то крепко протезы забабахали, а одной девушке так себе. Всё равно не зря: хоть на свадьбе поулыбалась.

ЗАВСЕГДАТАЙ ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ Яша: – «Роман-с пишете? А? Поняли амбивалентность: романс для голоса с гитарой или роман словоерс? А нет там у вас такого изображения героя в родной палестине: он идёт и лицом задевает плетень?»

Хохмочками кормился. Почему-то все считали обязанностью ему налить, поднести. «Я еврей, но пью как чеховский чиновник», «Вчера случайно прочёл любопытную книжечку. Называется «Библия». (Хотя, в скобках: это-то от Яши я сам слышал, а Куранов говорил, что именно так говорил Михаил Светлов, пикируя на новичка в Доме литераторов. Конечно, новичку было лестно выпить с автором строк: «Прощайте, родные, прощайте, семья…»).

И нет уже того Яши, даже и хохмочки его его пережили.

КОРФУ

Холод в номере уличный.

Я вернулся с долгой прогулки по городу. Темнеет рано, но город празднично освещён: скоро европейское Рождество. Дома, деревья, изгороди, парапеты мостовой, – всё в весёлых мигающих лентах огоньков. Ветер и зелень. Длинная бесконечная улица. С одной стороны море, с другой залив. Не сезон, пусто. Брошенные тенты, ветер хлопает дверцами кабинок. Берег покрыт толстым слоем морской травы. Волны прессуют его. Вроде бы и тоскливо. Но запахи моря, но простор воды, но осознание, что иду по освобождённой русскими земле, освежали и взбадривали. От восторга, да и от всегдашнего своего мальчишества, залез в море. Ещё и поскользнулся на гладких камнях. Идти не смог, выползал на четвереньках. Ни полотенца, ни головного убора. А ветрище! О чём думаю седой головой? Ведь декабрь, двадцатое. Поднимался по мокрым ступеням. Справа и слева висящие и мигающие гирлянды огней. Декабрь, а всюду зелень. Даже и фонарики бугенвиллий.

Группа моя у отеля. Надо было просквозить в номер, но неловко, и так от них убегал. Стоял, мёрз, слушал. Гид: «Турки отрезАли головы у французов и продавали русским. Русские передавали их родственникам для захоронения… Семьдесят процентов русских имён взято у греков. Но моё имя Панайотис в Россию пока не пришло».

Новость: нас не кормят. Надо самим соображать. «Ахи да охи, дела наши плохи, – шутит Саша Богатырёв. – Пойдём за едой. Кто в МонрепО, а мы в сельпо. – Рассказывает, что пытались ему навязать якобы подлинную икону. – Говорят: полный адекванс. Гляжу – фальшак».

Я на скрипящей раскладушке. Боюсь пошевелиться, чтоб не разбудить соседей. Они всю ночь храпели, я сильно кашлял, надеясь, что их храп заглушает для них мой кашель. Встали затемно. Читали утреннее Правило. Ехали по ночному городу. Справа тёмное, белеющее вершинками волн, море, слева, вверху, худющая луна и ковш Белой Медведицы. Полярная звезда успокаивает.

Службу вели приехавшие с нами митрополит и архиепископы, а ещё много священников. Поминали и греческих иерархов, и своих. Храм высокий, росписи, иконы. Скамьи. Мощи святителя Спиридона справа от алтаря и от входа. Молитву ко причащению при выносе Святых Даров читали вслед за архиепископом Евлонием всей церковью.

Слава Богу, причастился.

Потом молебен с Акафистом. Пошли к мощам. Для нас их открыли. Приложились. Ощущение – отец родной прилёг отдохнуть. И слушает просьбы.

На улице ветер. Опять оторвался от группы. Время есть, сам дойду, без автобуса. Пошагал. Куда ни заверни – ветер. В лицо, в спину. Особенно сильно у моря. Но если удаётся поймать затишное место – сразу тепло и хорошо.

Конечно, заблудился. Никто не знает, где отель «Елинос». Это и неудивительно, это не отель, а, в лучшем случае, фабричное общежитие. А говорили: три звёздочки. Да Бог с ними, не в этом дело. Мы у святого Спиридона, остальное неважно. А ему каково бывало. За ночь я окончательно простыл. И ещё и сегодня ночь до перелёта в Бари.

Наконец, мужчина в годах стал объяснять мне дорогу на всех языках, кроме русского. Я понял, что очень далеко и понял, что давно иду не к отелю, а от него. Он показал мне на пальцах: пять километров. Направление на солнце. Отличный получился марш-бросок. Заскакивал сходу в магазины и лавочки, чуть не сшибая с ног выскакивающих встречать продавцов. Вскоре заскакивать перестал,так как убедился, что европейские цены сильно обогнали мои карманы, и просто быстро шагал. Купил, правда за евро булочку, да и ту скормил голубям.

В номере прежняя холодища. Кормить нас никто не собирается. Положенный завтрак мы сами пропустили, гостиничную обслугу не волнует, что русские до причастия ничего не кушают. Им это нравится, на нас экономят.

В номере прежняя холодища. Но у Саши кипятильник и кружка. Согрелся кипяточком, в котором растворил дольку шоколада.

Читал Благодарственные молитвы.

Какая пропасть между паломниками и туристами! Перед ними все шестерят, а нам сообщают: «У вас же пост», то есть можно нас не кормить.

Но мы счастливы! Мы причастились у святителя Спиридона. И уже много его кожаных сапожков пришло в русские церкви.

Перелёт в Бари с приключениями, то есть с искушениями. Не выпускали. Стали молиться, выпустили. Уже подлетали к Италии, завернули: что-то с документами. Посадили. Отец Александр Шаргунов начал читать Акафист святителю Николаю. Мы дружно присоединились. Очень согласно и духоподъёмно пели. В последнее мгновение бежит служитель, машет листочком – разрешение на взлёт. В самолёте читал Правило ко Причащению. Опаздываем. В Бари сразу бегом на автобус и с молитвой, с полицейской сиреной, в храм.

Такая давка, такой напор (Никола Зимний!), что уже не надеялся не только причаститься, но и в храм хотя бы попасть. Два самолёта из Киева, три из Москвы. Стою, молюсь, вспоминаю Великорецкий Никольский, Никольский же! Крестный ход. Подходят две женщины: «Мужчина, вы не поможете?» Они привезли в Бари большую икону Святителя Николая, епархиальный архиерей благословил освятить её на мощах. Одного мужчину, мы знакомимся, они уже нашли. Я возликовал! Святителю, отче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим!

Конечно, с такой драгоценной ношей прошли мы сквозь толпу очень легко. Полиция помогала. Внесли в храм, спустились по ступеням к часовне с мощами. В ней теснота от множества архиереев. И наш митрополит тут. И отец Александр. Смиренно поставили мы икону у стены, перекрестились и попятились. И вдруг меня митрополит остановил и показал место рядом с собой. Слава Тебе, Господи! Ещё и у мощей причастился. Вот как бывает по милости Божией.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО 1999-го. Великорецкое. Написал рассказ «Зимние ступени» о Великорецком, а нынче ступеней нет. Спускался к источнику как суворовский солдат в Альпах. Темно. У источника никого.

Днём Саша Черных натопил баню. Он её ругает, но баня у него это баня. Ещё по пояс в снегу он сбродил за пихтовым веником. В добавление к берёзовому. В сугроб я, может быть, и не осмелился бы нырять, но Саша так поддал, что паром дверь не только вышибло, но и с петель сорвало, а меня вынесло. Очнулся под солнечным туманом в снежной перине.

А в Москве, в Никольском, 31 декабря сосед Сашка топил баню. Тоже мастак. Тоже я раздухарился и вышел на снег. Но не снег, наст, до того шли дожди, а к Новому году подмёрзло, подтянуло. Покорствуя русскому обычаю создавать контрасты, лёг на снег. Но это был наст, будто на наждак лёг. Ещё и на спину перевернулся. Подо мной таяло. Вернулся в баню, окатился. Батюшки, весь я в красных нитях царапин.

Но здесь баня не главное. Богослужение. Долгое, но быстрое. Вчера читали Покаянный канон, Акафист. Последний день поста. Вечер. Сочельник. Нет, звезды не видно. Но она же есть.

Сейчас я один, ещё днём всех проводил. Топил печь, ходил за водой. Ещё украшал божничку. Читал Правило ко причащению. Имени монаха, который в Лавре, в Предтеченском надвратном храме, назначил мне читать Покаянный канон, не помню.

Четыре места на белом свете, где живёт моя душа и какие всегда крещу, читая вечерние молитвы: Лавра, преподавательская келья, Никольское, Великорецкое, Кильмезь. Конечно, московская квартира. В Вятке (Кирове) тяжело: мать страдает по милости младшей дочери, но ни к кому уходить не хочет. А когда-то и в Вятке работал. В Фалёнках. Да только всегда то наскоком, то урывками. Кабинета у меня не бывало. Разве что редакторский с секретаршей при дверях. Так там не поработаешь.

Тихо. Свечка потрескивает, ровно сгорает. Так тихо, что лягу спать пораньше. И где тот Киров, и где та Москва? Тут даже Юрья, райцентр, так далеко, что кажется, и Юрьи-то нет. А только этот дом, тёплая печь, огонёчек у икон. И ожидание завтрашнего, даст Бог, причастия.

ПИСАТЬ О СВЯЩЕННОМ, святом, почти невозможно, и вот почему: един Бог без греха. Я грешный, я чувствую, знаю из книг, какой должна быть духовная жизнь настоящего православного, но далеко до неё не дотягиваю. А пишу. Что-то же от этого в моих писульках хромает.

Шёл в Троицкий храм, к преподобному Сергию молиться, а вижу как тэвешники тянут провода, кабели, ставят свет, как ходят по амвону тётки в брюках. Они-то и вовсе без тени благоговения. Но у них задание – делать передачу о Пасхе в Троицком храме. И кто-то увидит передачу, и позавидует нам, тут стоящим. А я не молюсь, а сетую на этих тёток.

Плохо, значит, молюсь.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ БОЛЕЗНЬ

– Старичок, прочёл твою повестушку, прочёл. Сказать честно? Не обидишься? Хорошо, но боли нет. Нет боли! Надо заболеть: без боли нет литературы. У меня это главный показатель – боль! Читаю: нет боли, отбрасываю. Не обижайся, ты не один такой. Вот и Чехова взять – сын умер, ведь это какая тема! Это ж пол-жизни уходит, конец света! А он с юмором, ну, что это? Идёт к лошади, рассказывает. Смешно? Стыдно! Ты согласен? – Так вещал прозаик Семён другу прозаику Евгению. – Согласен?

– Не знаю. То Чехов. Ему можно, – отвечал Евгений.

– Тогда этих возьми, ильфо-петровых: жена ушла, он мясо ночью жрёт, смешно? Какая тут боль? – вопрошал Семён.

– Но его же секут, ему же больно.

– Старичок, боль-то в том, что жена ушла к Птибурдукову! А нам смешно. Это же какая тема! Невспаханное поле – уход жены, это тебе не «шитьё с невынутой иголкой».

– Но как – ушла жена, в квартире пусто, одиноко. Плачет даже втихомолку, – оправдывал предшественников Евгений.

– То есть тебя эта тема цепляет? Вот и возьмись, вот и опиши!

– Не смогу. От меня жена не уходила.

– Ты сказал, что уехала.

– В командировку.

– Командировка! Представь, что ушла совсем. Проникнись! Это же читателей за уши не оттащить – уход жены от мужа, нетленкой пахнет, а я буду с другого конца разрабатывать – уход мужа от жены. То есть я ушёл от неё. У тебя буду жить. Вместе будем осваивать пласты проблемы. Надо же крепить институт семьи. Ячейки общества гибнут, а мы – писатели – молчим. Вся надежда на тебя и меня. У тебя боль – жена ушла, а у моей жены боль – муж ушёл. Боль на боль – это какие же искры можно из этого высечь. Одна боль – правда жизни, две боли – бестселлер. Но чтоб никакого юмора, никаких нестиранных рубашек, недожаренных котлет. Да и зачем их жарить, я сосисок принёс. Боль до глобальности! Через наши страдания к всеобщему счастью. Пэр аспера ад астра. Латынь! Начинаем страдать. У меня с собой. – Семён встряхнул портфель, в котором призывно зазвякало. – Слышишь?

Утром они встали поздно. Пили воду, ею же мочили головы.

– Чувствуешь, какая боль? – кричал Семён.

– Ещё бы! – отвечал Евгений.

– Усилим! На звонки не отвечай! Их и не будет, я провод оборвал. Все они, «бабы – трясогузки и канальи». Это Маяковский. Будем без них. Одиночество индивидиумов ведёт к отторжению от коллектива, но для его же спасения. Запиши. Потом поймут, потом оценят. У нас не осталось там здоровье поправить?

– Найдём!

– О, слышу речь не мальчика, но мужа. Да чего ты стаканы моешь, чего их мыть? Надо облик терять, это же боль! И не умывайся. Страдай! Душа уже страдает, пусть и тело прочувствует. Надо вообще одичать. На пол кирпичей натаскаем, спать на них. И чтоб окурки бросать, пожара не бояться. Под голову полено. Нет полена?

– Нет, – отвечал Евгений.

– Старичок, да как же ты без полена живёшь?

Ещё через сутки Семён, сидя на полу, командовал:

– Пора описывать страдания! Не надо бумаги, пиши на обоях!

– Рука трясётся.

– Молодец, Жека, прекрасная деталь! Диктую: «Измученные, страдающие, они не могли даже удержать в руках карандаш. Вот что наделала прекрасная половина человеков». Запомни на потом. Сейчас попробую встать и пойдём похмеляться. – Взялся за голову: – Какая боль, какая боль! Аргентина – Ямайка, пять ноль.

Выползли на площадку. Навстречу им кинулись рыдающие жёны. А за ними стоял милиционер. Они вызвали его, потому что боялись входить в квартиру. Когда они объяснили, что это была не выпивка, а погружение в тему, милиционер им позавидовал.

– То есть это значит, что так просто стать писателем? Наливай да пей? Так, что ли? Так я так тоже смогу.

Милиционер ушёл. За Семёна и Евгения взялись жёны. Вот тут-то началась боль.

ГОЛОС

У этой девочки был необыкновенный голос. Талант такой, что слушать, как она поёт: «Матушка, матушка, что во поле пыльно?», нельзя было без слёз. Или «В низенькой светёлке», или «Мне не жаль, что я тобой покинута, жаль, что люди много говорят». А уж как запоёт, как ангел: «В горнице моей светло, это от ночной звезды», это не высказать. Эх, какие мы, ничего даже не записали.

После одиннадцатого поехала в музыкальное училище. Никто ни на грамм не сомневался, что поступит. А на экзаменах провалилась. Почему? Ей даже и спеть не дали. А дело в том, что она в детстве зимой тонула в проруби, испуг получила на всю жизнь. И, когда её перебивали, начинала заикаться.

Её спрашивают на экзамене: «Что споёте»? – «Среди долины ровныя». – «Давайте». – Она уже и начала. – « Нет, нет, давайте что-нибудь повеселее».

Всё! Сбили. Стала заикаться, покраснела, расплакалась, выскочила в коридор.

Загубили великую певицу. Как потом ни уговаривали, никуда больше поступать не поехала. И больше в клубе не выступала. Только дома деточкам, их у неё трое, поёт.

МНОГО ЧЕГО открылось для меня в литературной Москве. Разве мог я предполагать, что в ней никто меня не ждёт. Вот я такой хороший, так всех люблю, так хочу послужить Отечеству и его словесности. Но надо ж за круглый стол литературы со всеми присесть. Но увидел, что садятся за него москвичи и локти пошире раздвигают, чтоб рядом никто не сел.

А уж словес-словес! Особенно склоняли цеховое братство. Но я быстро заметил, что произносят это слово они так: бьядство. Картавили сильно. Такое вот московское бьядство.

НА ДНЯХ ЛИТЕРАТУРЫ в Волгограде дарили писателям бочоночки с мёдом. Всем одинаковые, а Георгию Маркову побольше. Павел Нилин спросил вслух: «А почему так? Разве я хуже писатель, чем Георгий Мокеевич»? Но к чести Маркова, он тут же передал свой бочонок Нилину, сказав: «Спасибо вам, мне легче будет тащить чемодан».

Он, конечно, не сам таскал чемодан, но человек был порядочный. И при нём Союз писателей полнился писателями из Сибири, России. Я был на его родине. Он отдавал свои премии на строительство библиотек.

В НОВОРОССИЙСКЕ МЕНЯ повезли в горы. Оттуда обзор на всю Малую землю, залив. Именно его пересекал много раз катерок начальника политотдела 18-й дивизии Брежнева. Под огнём. Это к тому, что много иронизировали остряки в Доме литераторов по поводу книг генсека. А он, в общем-то, был куда как приличнее того, кто был до него и тех, кто был после.

Мне показали остатки пожарища большого здания.

– «Это был ресторан, который назывался «Вдали от любимых жён». Был очень популярным. И его подожгли…, да, именно «любимые жёны». Они и не скрывали, что это они. Ничего им не было: борьба за нравственность.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ, берег пуст. У памятника Новороссийскому десанту женщина с сумкой. Около неё и утки, и чайки, и голуби. Смеётся: «Меня птичницей зовут. В кафе мне собирают пищевые отходы, приношу сюда. Тут и лебеди есть. Что-то сегодня нет. Я занималась орнитологией. Тут и шептуны и крикуны. Да вот же они, летят, увидели кормилицу.

И в самом деле принеслись два чёрных, небольших по размеру, лебедя. С размаху сели на воду, но не близко, поодаль.

– Ничего, приплывут.

Я отошёл, чтоб не боялись. Ветерок, небольшой с утра, разгуливался. Волны усиливались и выносили на берег разный мусор. Будто море само вызвало ветер, чтоб он помог очиститься. Прошёл подальше, ещё больше мусора. Показалось даже, что море просто тошнит от омерзения, и оно отхаркивается, отплёвывается от заразы.

ЗАЧЕМ УЧИТЬ ложные религиозные учения, если ты знаешь главное подлинное Православие. И, зная его, всегда упасёшься от обольщения сектанством, протестантизмом, папством.

Да и простая житейская семейная привычка тоже спасает. Маму мою тянула в баптисты её дочь, (увы, сестра моя). Приводила даже их старосту или наставника. «Я не поняла, кто он. Но сильно уговаривал. Я говорю: не надо, не уговаривайте. Я родилась и умру православной».

Роль Рима возвысили варвары. Римские епископы возомнили, что именно они руководят всем христианским миром. Но апостол Пётр не поручал им своей роли. Папа Стефан (XVIII век) пишет: «Я –

Пётр-апостол, по воле Божественного милосердия званный Христом, Сыном Бога Живаго, поставлен Его властью быть просветителем всего мира».

Но всё-таки эти «просветители мира» не разделяли Церковь, пока с XI века Рим не стал говорить о папе, как наместнике Христа, о непогрешимости папы в делах веры. Папство становится и светской властью. Папа Бонифаций объявил папу главой всей Церкви. Мало того, в 1917 году папа Бенедикт: заявил «Римский первосвященник имеет высшую и полную юридическую власть над всей Церковью». Всё это, в общем-то, можно назвать самозахватом. Взяли и заявили, что обладают высшей властью.

А кто разрешил? Да никто: им откровение во сне было. То есть приснилось?

В XVI веке в Германии возник протестантизм – протест против индульгенций, то есть о прощении грехов за деньги. Захотел жене изменить – вначале заплати, купи индульгенцию. Постепенно протестанты распались на множество течений, сект, учений. И все самонадеянны, всех их даже и не узнаешь. И знать не надо.

Одно знать – спасение во Христе, в Святой Троице, в Божией Матери.

ПИШУЩИЕ ЖУРНАЛИСТЫ всё-таки умнее говорящих. Хоть и те и эти – циники, но говорящие более тщеславны, им ещё и покрасоваться надо. Да, говорящие делятся на видимых и невидимых, то есть на радийных и телевизионных. Конечно, радийные умнее. Не надо тратить ум на выбирание галстука.

ИНТЕРНЕТ КАК СПРАВКА – дело хорошее, но ум он делает ленивее, а человека самоувереннее.

В родном селе моём интернет есть, а воду из реки пить нельзя. Вопрос: зачем интернет? И зачем всякие машинки-считалки, которые делают человека глупее?

Покупаю две вещи: одна сорок рублей, другая шестьдесят. Продавщица, юная дева с длинными ресницами начинает тыкать в кнопки, машинка ей должна сказать, сколько будет сорок и шестьдесят. Самой деве это ни за что не сообразить.

В МИНСКЕ ДЕВЧУШКИ-СТУДЕНТКИ говорили, что завидуют московским студентам: «У вас дискотека всю ночь. А у нас только до одиннадцати». – «Так это же хорошо, – отвечал я. – Вспомните поэта: «Ты, девушка, должна природе подражать: луна, пока юна, уходит рано спать». Спать ночью надо, а не беситься».

ЮНОШЕСКОЕ В РАЗЛУКЕ с родиной, после педпрактики в Евпатории: «Когда я о море с грустью писал, то вспомнил невольно о вятских лесах: они, как море, простором полны, для птиц их вершины как гребень волны. Там тоже, как в море, дышать легко, но то и другое сейчас далеко. И неотрывно в сердце всегда: туда непрерывно идут поезда…

Старый-престарый грустный сюжет: там хорошо лишь, где меня нет. Но если он стар этот старый сюжет, то, может быть плохо там, где нас нет».

ЭНЕРГИЯ – ДАР БОЖИЙ

Народный академик Фатей Яковлевич Шипунов много и, к величайшему сожалению, безполезно доказывал в Академии наук и, как говорилось, в вышестоящих инстанциях необходимость замены источников энергии на природные. Затопление земель при строительстве гидростанций никогда не окупится энергией. Это поля и леса, пастбища, рыбная ловля. Что говорить о тепловых станциях – сжигание нефти, угля, дров. И уж тем более расщепление ядра – атомные станции.

– А чем же это всё можно заменить?

– Ветер, – отвечал он. – Наша страна обладает самыми большими запасами ветра. «Ветер, ветер, ты могуч», ты не только можешь гонять стаи туч, но и приводить в действие ветродвигатели.

Фатей неоспоримо доказывать великую, спасающую, ценность ветроэнергетики.

– Как бы мы ни ругали большевиков, но в смысле хозяйствования они были поумнее коммунистов. Восемнадцатый съезд ВКП(б) принял решение о массовом производстве ветроэлектростанций.

Так прямо и говорил коммунистам. Рассказывал, что в 1930-е годы был создан и работал институт ветроэнергетики. И выпускались ветроагрегаты, «ветряки», начиная со стокиловаттных.

Кстати, тут и моё свидетельство. Наша ремонтно-техническая станция монтировала для села такие ветряки. Бригада три человека. Собирали ветряк дня за три-четыре. Тянул ветряк и фермы для коров и свиней и давал свет в деревню. Работали ветряки прекрасно. Да и просто красивы были: ажурные фермы, серебряные лопасти. Ухода требовали мало. Они же не просили ни нефти, ни газа, ни угля, ни дров, сами – из ничего! – давали энергию.

Думаю, что горло ветроэнергии пережала опять же жадность и злоба. Жадность нефтяных и угольных королей (как же так, обойдутся без них), и злоба к России (как же так – прекратится уничтожение сёл и деревень, да и городов, как же так – не удастся прерывать течение рек плотинами, создавать хранилища с мёртвой водой), как же это позволить России самой заботиться о себе?

Вывод один: всё время второй половины XX века никто и никогда не думал о народе. И, тем более, сейчас. Народ просто мешает правительству. Ему нужна только серая скотинка для обслуживания шахт, нефтяных вышек. У этой скотинки желудок, переваривающий любую химию, и егэ-голова. И два глаза для смотрения на диктующий условия жизни телеэкран, и два уха для выслушивания брехни политиков и для лапши. Ветер бывает не просто могуч, он бывает сокрушителен. Ураганы и смерчи – это же не природные явления, это гнев Божий. Что ж, давайте дожидаться его справедливого прихода.

Пушкин пишет в «Капитанской дочке»: «Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым». А так оно и есть – ветер одушевлённый. «Не хотели по-хорошему использовать мои силы, так получайте по-плохому за грехи ваши. Сила у меня скопилась, девать некуда».

ДВУХСКАТНАЯ КРЫША

На севере вятского края, там, где водораздел северных и южных рек, то есть рек, которые несут свои воды или к Ледовитому океану

или к южным морям, стоял дом с двухскатной крышей. В доме жил мальчик семиклассник Миша. Был хорошим помощником маме и папе, надёжным товарищем. Учился хорошо, особенно интересовался географией. Это заметил учитель Павел Иванович. Давал Мише интересные книги о других странах, о природных явлениях.

– Ты уже знаешь, Миша, что наше село стоит как раз на водоразделе рек. А знаешь ли ты, что именно твой дом, он же на пригорке, именно он, может быть указателем раздела. Я вообще думаю сделать табличку, чтобы люди знали это природное явление.

– И на нашем доме прибить?

– Именно так.

– Здорово!

В этот день Миша, вернувшись из школы, остановился перед своим домом и как будто впервые его увидел. Дом стоит окнами к востоку, к восходу, и у него двухскатная крыша. Одна сторона крыши обращена на юг, другая на север. Заходят они в дом с запада. У них в доме солнце весь день. С утра приходит в восточное окно, будит, потом идёт по часовой стрелке и вначале, до середины дня, нагревает южную сторону. Вот на ней уже и снега почти нет. После обеда солнце переходит на западную сторону, а северную и вовсе не греет. Вон какие сугробы с этой стороны на крыше.

Было не холодно в этот день. Солнышко светило. Шёл мелкий-мелкий снежок, снежинки вспыхивали на солнце, будто крохотные лёгкие зеркальца.

Миша всегда любовался на увеличенные фотографии снежинок. Такие чудесные! Ни за что никому не сделать такие узоры. Только кружевницы как-то успевали запомнить их красоту и создать такие узоры. В районном музее они видели кружева северных мастериц. Особенно восхищённо любовались ими девочки. Может, и они смогут потом вязать кружева.

Миша глядел на крышу своего дома и видел, как снежинки садились на неё. «Вот это да!» – думал он. Две снежинки летели вместе, а упали на разные стороны крыши, и дальше судьба их разделяется навсегда. Одна растает, побежит вместе с ручейком к реке Лузе, а там к Северной Двине и в Белое море, Ледовитый океан. А другая к реке Вятке, Вятка к Каме, Кама к Волге, а Волга впадает в тёплое Каспийское море.

Конечно, рассуждал Миша, есть круговорот воды в природе. Вода испаряется, поднимается, замерзает, кристаллизируется, её носит ветром и она опять падает на землю.

К ним в школу приходил батюшка и говорил о воде, как о Божием чуде.

– Трудно понять, что такое Святая Троица. Но когда это объяснить на примере из природы, то легко. Вот солнце – Бог отец, круг. От него идут лучи, как посланники на землю, это Бог Сын. А от них тепло и светло, это Бог Дух Святый. Также и вода нам поможет. Вода – кровь земли. Колодец, родник, река, озеро – всё вода. И вот зима, вода замерзает, но что такое лёд? Это всё та же вода в другом виде. А если воду закипятить, от неё поднимается пар И это тоже вода, водяной пар. Он легко превращается в воду, вода легко замерзает и так далее.

А раз в году вода, на Богоявление, освящается везде, даже в

водопроводе. И стоит в сосудах, не портясь долгое время. Но только, если налита с молитвой и чистой совестью. Да, вспомнил Миша, бабушка также говорила. У неё такая банка есть со святой водой и она из неё Мише наливала в кружечку.

Назавтра Миша с отцом сбрасывали снег с крыши, с северной стороны. За ночь он отвердел, его легко было резать на большие куски. Они с шуршанием ехали вниз и падали, разбиваясь на землю. Некоторые куски Миша специально перебрасывал на южную сторону. Чтобы таяли скорее и текли на юг. Интересно было: снег, составленный из снежинок, умрёт, превратится в воду и никогда не вернётся?

– Вернётся, – весело говорил отец. – Ему наша крыша понравилась. Побудет водой, испарится, поднимется в холод, превратится в снег и айда, по розе ветров, на север. Как нам без снега? Не в Африке же ему быть. Почему у нас, Миша, реки чистые? Они по пол-года подо льдом очищаются. А представь реки Африки, Индии, да иди, попей из них. Не вернёшься.

Они разговаривали о водоразделе.

– Вот повезло нам, пап, да? И табличку Павел Иванович сделает. Что тут раздел вод.

– И что тут живёт Миша, который не выучил алгебру. А давай-ка мы новый скворечник соорудим. И старый подремонтируем.

С крыши было далеко видно. Да ещё и дом стоял на высоком месте. Далеко, на севере, синел лес, на юге тоже. А вверху шли облака. Шли, куда повелевал ветер. А ветру кто повелевал? Роза ветров? А розу кто вырастил?

Я ПИЛ МАССАНДРУ на мансарде, быв визави с мадамой Сандрой, забыв про мужа Александра. А он имел ручную панду. Он приобрёл её приватно, стажёром был когда в Уганде. Держал её он за ротондой. Вот взял её он на цугундер, вдобавок прихватил эспандер. Так что ж, выходит – мне кирдык? Попасть на острый панды клык? Ведь эта панда зверовата, привыкла жрать с утра до ночи. Я не её электората. И мне предстать пред панды очи? За что же эти мне напасти – во цвете лет исчезнуть в пасти? И за кого? За эту Сандру? Хотя она и красовата, но черезмерно полновата и неприлично толстовата, и как-то очень мешковата, к тому же даже глуповата. Да, вот я вляпался, ребята. Уж не писать мне палиндромы, не любоваться палисандром, не управлять машиной «Хондой», и не бывать мне в гастрономе, где только днём купил массандру.

Но – тихо! – перемена темы: в зубах у панды хризантемы и смех в зубах у Александра. Кричит: «Хоть ты не толерантен и не страдаешь плюрализмом, и очень не политкорректен, приватизируй мою Сандру, а я в турне спешу, в круизо – вершить валютное авизо». Я закричал: «Нет, лучше панда».

ПУТИ ВОСПИТАНИЯ начинались не по велению государства, При своих небольших знаниях не припомню примера симфонии государства и человека. Государство и общество, государство и партия, куда ни шло. Но человек для государства помеха, которую приходится терпеть. Особенно это видно в теперешние ЕГЭ-времена.

Пути воспитания шли так: Семья. Семья и церковь. Семья, цер-

ковь и государство. Церковь, семья и государство. Государство и остальное прикладное для него.

Ребёнка обучала семья, потом семья и церковь. А государству было выгодно оттянуть детей и от храма и от семьи на свои нужды. Когда ему было воспитывать человека, который «держит сердце высоко, а голову низко»? Легче же быть у власти, когда у подчинённых пустая голова и сытый желудок (вспомним средневековый Китай), когда человека можно дёргать за ниточки материальной привязанности к земным заботам. А вот когда церковь выращивала человека безразличного к земным благам, такой человек был земным властям страшен. Сейчас властям нужен человек всеядный в духовной ориентации.

Воспитанием решается участь человека. К чему он приклонится, что будет считать плохим, что хорошим, до какой степени будет управляем или будет мыслящим, легко ли его будет купить, перепродать, кем он будет по характеру: рабом, наёмником или сыном по отношению к своим обязанностям? Всё это решало воспитание.

Мудрость Божия видна во всём. Вот скворчики: скворец воспитывает справедливость – отталкивает прожорливого птенца и суёт червячка слабому. Видел, как кошка не пускала к блюдечку шустрого своего сыночка, пока его пушистая сестричка медленно лакала молоко крохотным розовым язычком. Или: из детства. Приехал к дедушке, помогал плотничать. Садимся обедать. Много братенникоов, то есть двоюродных братьев. На столе общее блюдо. Я взял ложку и тут же полез ею зачерпнуть. Братенники переглянулись, дедушка кашлянул. Я проглотил ложку и снова полез в блюдо. Дедушка вздохнул, и как ни любил меня, хлопнул своей деревянной ложкой по моему лбу. Не больно, но чувствительно. Урок на всю жизнь – не считай себя лучше других, другие тоже есть хотят, тоже едят заработанное, ты других не лучше.

Русь держалась семейными традициями. Сравним со Спартой, где государство определяло судьбу ребёнка. И что было? Культ силы, дух соперничества, порождающий в одних превосходство, в других зависть. В русских семьях старшие заботились о младших. Равенство обеспечивалось равными наделами на пашню, рыбные ловли, сенокосные угодья. Посягательство на собственность каралось.

Христианство на Руси не унизило роль семьи, а возвысило. Семейно-кровные отношения сменились религиозно-нравственными. Христианство возвысило женщину, оставив власть мужчине. Любовь внутрисемейная осветилась и укрепилась любовью во Христе.

Образование пришло от священников. Авторитет их был недосягаемо высок. Стоило преподобному Феодосию упрекнуть князя Святослава за весёлый пир, как всегда потом при приближении старца застолье стихало.

А князь Изяслав говорил: «Иду к старцам, колени подгибаются».

Книги были только духовными. Они же были и учебными. Евангелие, Часослов, Апостол, Послания. Конечно, обучение грамоте, чтению, письму двигалось медленно, но недостаток ли это? Чтение Псалтири – это и грамотность, и наука жизни, и постижение Божественных начал. «Летопись» Нестора, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона можно назвать мостиком от книг духовных

к светским. Но ведь и светские пронизаны христианскими истинами. «Пчела», «Измарагд», «Луг духовный», «Домострой».

Потом, со временем, как-то всё заторопилось, засуетилось. Языки надо учить, манеры. Где эти вундеркинды, которые в три-четыре года читали, писали, сочиняли? Сломаны их жизни, эти поддержки раннего чириканья просто повредили. И детям и обществу.

Лучшая педагогика («Поучение Владимира Мономаха») – пример личной жизни. Как иконы в красном углу дома, так и пример поведения в красном углу воспитания. Вставать раньше солнышка, молиться, заботиться о нищих, уповать на Господа. Младшие безусловно подчинялись старшим, но не слепо, сознательно, любовь питалась своей главной энергией – заботой друг о друге. Разве могло быть такое, чтобы не оставили еды для тех, кто не успел к столу?

Всегда было противоречие меж исполнением побуждений совести и страстями жизни. Совесть – духовный голос Божий в человеке – забивалась тягой к материальным благам мира.

Мнение Льва Гумилёва о благотворности татаро-монгольского ига для Руси в корне неверно. Какая благотворность, когда ордынцы – хитрейшие восточные люди – ссорили русских князей. В одном княжестве звонят колокола, в соседнем запрещены. В «Слове о погибели Земли Русской» говорится о «красно украшенной» храмами Руси. То есть обилие храмов, а, значит, икон, книг. Где это? И много ли домонгольских храмов? Спас на Нередице, Покрова на Нерли, Софии, Новгородская и Киевская, Успенский собор во Владимире…

И матерщина у нас от того времени. Стояли тогдашние монголы у церквей, надсмехались над православными: «Идите к своей Матери!»

Да, во все века была злоба к России, к русским, как к стране и людям, стоящим у престола Божия. Это самое верное объяснение всех нашествий, ордынских, польско-литовских, наполеоновских, гитлеровских, теперешних.

Знакомый старик, боевой моряк, сказал о новых нападках на нас: «Давно по морде не получали».

То есть, начав разговор о воспитании, закончу этим грубоватым, но точным замечанием моряка. Да ведь и оно от русского воспитания, от любви к родине и от сознания своей силы. Осознание это подкреплено верой в Божие заступничество за православную Россию.

Ещё бы молиться нам покрепче да почаще.

ПУСТОЕ, ЗРЯШНОЕ дело – возмущаться неустройством жизни, полная глупость – заниматься её улучшением, полный идиотизм – надеяться на хорошие власти. Уже всё ясно. Что ясно? Ясно то, что революции, да и любые перевороты готовят подлецы, вовлекают в неё идейных и самоотверженных (то есть задуренных), плодами революции пользуются сволочи, а сама революция продолжается насилием. Что касается демократии, этой системы издевательства над народом, то она переходит в тиранию. Это, конечно, не законы, не правило, это из наблюдений над историей человечества. Вся трепотня о правах человека – это такая хренота, это для дураков. Их количество прибавляется надеждой на улучшение жизни. А в чём улучшение? Дали хлеба – давай и масло. Дали и масло – давай зрелищ. То есть как же не считать таких людей за быдло?

Но народ всё-таки есть! И надо бы дать ему главное право – право запрета. Запрет разврата, рекламы, всяких добавок в пищу, делающих человека двуногой скотиной. Никто, конечно, такого права не даст. То есть никто из властей людей за людей не считает. Электорат, биомасса, население, пушечное мясо – вот наши наименования.

И какой отсюда вывод? Такой: надеяться надо только на Бога. Он нас сотворил, Он дал нам свободу выбора, и Он нас не оставит. Но надо же сказать Ему, что погибаем без Него. А если не просим, то Он и думает, что нам хорошо со своей свободой.

Какая там свобода? Я раб Твой, Господи! Раб! И это осознание – главное счастье моей жизни.

КОРАБЛЬ

Вот уже и паспорта отштамповали, и вещи просветили, а на корабль не пускают. Держат в нагретом за день помещении морвокзала. Нам объяснили, что корабль досматривает бригада таможенников. Раньше таких строгостей не было. Ждать тяжело: сидеть почти не на чем, вдобавок жарища. Да ещё и курят многие вовсю. С нами группа журналистов, а с них что взять? Хозяева жизни. В группе преимущественно женщины в брюках, и среди этих женщин некурящих нет.

Прямо виски ломит от этого дыма. Подошёл к охраннику и попросил его, прямо взмолился, выпустить хотя бы у выхода постоять, а не в помещении.

– А потерпеть не можете? – спросил он. – Скоро уже отшмонают. Уже ваши угощение таможенникам понесли.

– Не могу, голова болит.

Он посторонился и я вышел в южную майскую ночь. Стоял у решётки ограждения перед водой, видел в ней отражения зелёных, жёлтых и красных огней, слышал её хлюпанье о причал и очень хотел поскорее оказаться в своей каюте, бросить сумку и отдраить иллюминатор, в который обязательно польётся свежий морской воздух. И услышать команды отчаливания, начало дальней дороги.

Потом, когда отшумит провожающий буксир, когда утомлённые расставанием с землёй, паломники и пассажиры тоже затихнут, выйти на палубу, быть на ней одному, ощущать подошвами большое, умное тело корабля и знать, что и луна и морские глубины соединились для того, чтобы сказать тебе: смотри, смотри, эта красота и мощь земного мира пройдут, старайся запомнить их.

И стоять на носу, слышать, как ударяются о форштевень и раздваиваются волны, как распускаются белые крылья пены, вздымающие корабль. Дышать, дышать простором, глядеть на небо, находить по звёздам север, крестить родных и близких и Россию. И обращаться к югу, креститься на него, вспоминая Святую Землю и замирать и надеяться на новую с ней встречу. И радоваться, что она начинает приближаться.

Но как ещё далеко и долго. Но не пешком же. Даже не под парусами. И хорошо, что далеко, хорошо, что долго. Будут идти дни и ночи, солнце станет жарче, а луна крупнее. В Чёрном море будут прыгать дельфины, а в Средиземном заштормит. Далёкие острова будут проплывать у горизонта, как во сне. Звёзды каждый вечер будут менять расположения, Большая Медведица снизится, Полярная

звезда отдалится, и однажды утром покажется, что ты всегда живёшь на этом корабле.

ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ. Уже за кормой Святая Земля. Корабль уходит в закат. Слева возникает широкая лунная дорога. Сидел на носу, глядел на мощные покатые волны. В памяти слышалось: «Бездна бездну призывает во гласе хлябий Твоих». И: «Вся высоты Твоя и волны Твоя на мне проидоша».

На воде голубые стрелы света. Зелёное и золотое холмистых берегов. Не хочется уходить в каюту. Приходит, появляется звёздное небо, будто меняется покров над миром. Шум моторов, шум разрезаемой воды, как колыбельная. Но почему-то вдруг глубоко и сокрушённо вздыхаешь.

БОЯТЬСЯ НЕ НАДО ничего, даже Страшного Суда. Как? Очень просто – обезопасить себя от страха, воздвигнуть вокруг себя заслугами праведной жизни «стены иерусалимские». Страшный Суд – это же встреча с Господом. Мы же всю жизнь чаем встречи с Ним. Пусть страшатся те, кто вносил в мир мерзость грехов: насильники, педерасты, лесбиянки, развратники, обжоры, процентщики, лгуны массовой информации, убийцы стариков и детей, пьяницы, завистники, матершинники, ворюги, лентяи, курильщики, непочётники родителей, все, кто знал, что Бог есть, но не верил в Него и от этого жил, не боясь Страшного, неизбежного Суда. И, надо добавить, ещё те, кто мог и не сделал доброго дела, не помог голодному, не одел страждущего. Вот они-то будут «издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою многою» (Мф. 21, 26).

Так что увидим. Увидим Господа, для встречи с которым единственно живём (Сретение. После причастия).

Очень меня утешает апостол, говорящий: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе…судия же мне Господь» (Коринф.4, 3-4).

Когда на Литургии слышу Блаженства, особенно вот это: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как безчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах», то я всегда не только себя к этим словам примеряю, а вообще Россию.

Смотрите, сколько злобы, напраслины льётся на нашу Родину. Велика награда ждёт нас. Есть и ещё одно изречение: «Не оклеветанные не спасутся», а уж кого более оклеветали, чем Россию? Так что спасёмся.

ЛУННЫЙ ШЛЯХ, луна на пол-моря. Заманивает корабль золотым сверканием. Корабль отфыркивается пеной, рождаемой от встречи форштевня с волнами, упрямо шлёпает своей дорогой. Но вот не выдерживает, сворачивает и идёт по серебряной позолоченной красоте, украшая её пенными кружевами.

Как же так – ни звёзд, ни самолётов, ни чаек, кто же видит сверху такую красоту?

Рассветное солнце растворило луну в голубых небесах, высветило берега слева и острова справа. Да, всё на всё похоже. Вода прозрачна, как байкальская. И берега будто оттуда. А вот скалы как Североморские. А вечером, на закате казалось, что придвинулись к Средиземноморью малиновые Саяны. Потом пошли пологие горы, округлые сопки, совсем как Уральские меж Европой и Азией.

Будто всё в мире собралось именно сюда, образуя берега этой купели христианства.

ДВЕ ФРАЗЫ поразившие меня, услышанные уже очень давно. Первая: человек начинает умирать с момента своего рождения. И вторая: за первые пять лет своей жизни человек познаёт мир на девяносто восемь процентов, а в остальное время жизни, он познаёт оставшиеся два процента.

Гляжу снизу, из темноты, на освещённый солнцем купол церкви и думаю: а что же я познал в этих двух процентах? Мир видимый и невидимый? Его власть надо мной и подобными мне?

Да, маловато двух процентов.

ДАВНО СОБИРАЛАСЬ придти к нам гроза, издалека посверкивала и погромыхивала и вот – подошла. Но уже ослабевшая. Наступает с запада на восток. С нею тащится дождь, скупой и холодный. Гром скитается под небесным куполом, ищет выхода из него. Но не находит, умолкает, собирает силы. Гром подхлёстывают плётки молний. Опять начинает греметь и ходить по небу, всё ищет место выход в потустороннее пространство. Которое и непонятно и неотвратимо.

МИР ВО ЗЛЕ лежит. Вот тоже привычная фраза. Да кто ж его клал в это зло? Сам, как боров в лужу, улёгся и хрюкает. Я бы и такого любил, если б он понимал, что надо вставать. Нет, доволен, хрюкает.

Любить не могу пока, но уже всё-таки жалею. Нам же тяжелее, чем первым христианам: в аду живём. А они не причащались, пока не было видимых знаков схождения Святаго Духа на Дары.

ТАМАНЬ, ТАМАНЬ. А, может быть, и в самом деле не надо больше ездить в Тамань. Может, и права Надя: «Я не хочу в Тамань, я там буду всё время плакать». Может, и мне пора только плакать.

Тамань – самая освещённая в литературе и самая неосвещённая в жизни станица. Во тьме Таманской я искал дом, где меня ждал Виктор Лихоносов. Меня облаяли все таманские собаки, да вдобавок чуть не укусили, да я ещё и чуть не выломал чей-то близкий к ветхости забор, зацепившись в темноте обо что-то. Стал падать, но почуял, что опёрся на что-то живое, которое шевельнулось и произнесло: «Мабуть, Микола»? Мы оба выпрямились. Я разглядел усатого дядьку, который держался за забор, и спросил его, где такой-то дом на такой-то улице? Казак был прост как дитя природы: «Пойдёшь от так и от так, трохи так, и зараз утуточки». Давши такую директиву, казак рухнул в темноту, повалил забор, и исчез. Для семьи до утра, для меня навеки.

А я-то, наивный, считал, что знаю Тамань. Я тыкался и от так и от так, и бормотал строчку из лихоносовской повести: «Теперь Тамань уже не та». То вспоминал свои студенческие стихи первого

года женитьбы: «Табань! Вёсла суши! Тамань – кругом ни души. «Хочу вас услышать, поэт». – Кричу. Только эхо в ответ. К другим гребу берегам, к родным, дорогим крестам. Нигде не откликнитесь вы, к звезде не поднять головы. Не новь к отошедшим любовь, но вновь на ладонях кровь».

Тамань, Тамань, как ты велика в моей судьбе, как высоко твоё древнее небо! Ничто не сравнимо с тобою. Вот литература! Разве хуже другие берега полуострова, разве не наряднее другие станицы, разве нет в них контрабандистов, да вот только не побывал в них поручик Тенгинского полка.

Ах вы, рабы Божии, Михаил и Виктор, за что ж вы перебежали мне дорогу? Разве не больше у меня прав писать о Тамани? У меня же и жена и тёща таманские, а вы – птицы залётные. Один написал, другой влюбился в написанное, да и сам написал. Да и так оба написали, что после вас и не сунешься. Классики – это захватчики. Бывал я и в Риме. И что написал? Ничего. Почему? Потому что до меня побывал Гоголь.

Спасибо Тамани: она место рождения нашей семьи.

ПЕРВЫЙ МИР И ВТОРОЙ МИР. Первый мир, допотопный, вышел из воды и потоплен водою. Омыт от грехов. Второй мир, послепотопный, накопил и свои грехи. Хотя Господь дал послепотопным людям возможность в Крещении освобождаться от первородного греха. Более того, послал Сына Своего на Крест за грехи мира. И что дальше? А дальше люди использовали данную им свободу воли для движения в ад. За это мир тоже мог бы быть потоплен, но Господь сохраняет его на День Суда. На огонь. Всё в нашем мире сгорит, останется золото и серебро. Увидят люди блеск серебра, подумают: вода, кинутся. А это серебро. И будут издыхать от жажды. Увидят жёлтое, подумают – хлеб, а это золото. Иди, отгрызи от него.

Будут искать смерти, а смерти у Бога нет. Будут просить горы: падите на нас, а смерти не будет.

А на что мы надеемся? На все про все вопросы бытия отвечено.

Кто виноват? Мы сами. И порядочный человек так и думает.

Что делать? Спасать душу. То, что делали те, кто спасли её. Мы же уверены, что погибшие за Христа, за Отечество спасены.

А как думать иначе? Если небо совьётся как свиток, в трубочку, если железо будет гореть как бумага, то разве уцелеет в таком пламени дача, дом, офис, рукопись, норковая шуба, айфон, персональный самолёт?

Ведь так и будет. Говорил же Лот содомлянам, предупреждал. Говорил же Ной перед потопом, строя ковчег. Кто послушался? Ну и получили должное.

КОЛХОЗ «КОММУНАР» был передовым в районе. Стариков и старух брал на содержание, обеспечивал продуктами, дровами, ремонтировал жильё. Обучал в вузах выпускников школы, платил им стипендию. Имел свои мастерские для ремонта тракторов и комбайнов. Урожаи зерновых, картофеля, надои, привесы, – всё было образцовым.

И вот – нахлынуло на Русь иго демократии. И вот – болтовня о фермерстве, и вот – вздорожание горючего и запчастей. И вот –

пустая касса. Люди стали, а куда денешься, разъезжаться. Председатель слёг. И долго болел, чуть ли не два года. Вернулся. Попросил, чтоб его провезли по полям. А они уже все были брошены, заросли сорняками. Он глядел, держался за сердце. Попросил остановить машину. Ему помогли выйти. Он вышел, постоял, что-то хотел сказать, судорожно вдыхал воздух. Зашатался. Его подхватили. А он уже был неживой. Умер от разрыва сердца.

В это время в Кремле восторженно хрипел Ельцын, чмокал Гайдар, а им, под команды новодворской и тэтчер подвякивали всякие бурбулисы, чубайсы, козыревы, хакамады, грэфы и немцовы. Под их руководством Россия вымирала по миллиону человек в год. Стаи журналистов, отожравшихся на западные подачки, издевались над «совками» и «ватниками». Европа валила нам за наше золото всю свою заваль, окраины «глотали суверенитет» и изгоняли русских… но что повторять известное. Погибала Россия.

И посреди её на брошенном поле лежал убитый демократами русский человек.

НАВСЕГДА СКАЗАЛ святой Иоанн Кронштадский: «Демократия в аду». Истинно так.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ, зыбки, укачивание готовили будущих моряков. Как? Закаляли вестибулярный аппарат. Неслучайно в моряки посылали призывников из вологодских, вятских краёв. Где зыбки были в детстве любого ребёнка. Потом пошли коляски. Но это не зыбки, это каталки, в них не убаюкивают, а утряхивают. И что споёшь над коляской? Какую баюкалку?

Да что говорить – русская печь становится дивом даже для сельских детишек. Уже и отопление с батареями, и выпечка в газовой или микроволновой печи. Да разве ж будет тут чудо плюшек, ватрушек или пирожков. Или большущего рыбника? Нет. Это можно было б доказать в момент снятия с пирога верхней корки, когда пар поднимается и охватывает ликованием плоти. То есть, проще говоря, ожиданием поедания.

Всё уходит. А как иначе? Мы первые предали и печки, и сельские труды.

И Сивку-бурку, вещую каурку. Желание комфортности жизни повело к её опреснению. И к безполезности жизни. Вот сейчас старятся дети перестройки. Было им в 85-м, допустим, десять лет. Сейчас сорок и за сорок. Цели нет, пустой ум. И, воспитанная либералами, ненависть к «совкам». Сын родной ляпает мне: «Вы жили во лжи». – «А ты в чём? Ватники мы? Так ватник стократно лучше любой синтетики».

АЛЕКСАНДР III (1884 г.) при подписании «Положения о церковных школах»:

«Прежде всего подтверждаю Моё требование, чтобы в школе с образованием юношества соединялось воспитание в духе веры, преданности престолу и Отечеству и уважения к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодёжи приучать её с ранних лет к порядку и дисциплине. Школа, из которой выходит юноша с одними лишь познаниями, не сроднённый религи-

озно-нравственным воспитанием с чувством долга, с дисциплиной и уважением к старшим, не только полезна, но часто вредна, развивая столь пагубное для каждого дела своеволие и самомнение».

ДОСТОЕВСКИЙ, 18-й том, стр. 60: «Мы любим гласность и ласкаем её как новорождённое дитя. Мы любим этого маленького бесёнка, у которого только что прорезались его крепкие зубёнки. Он иногда невпопад кусает, он ещё не умеет кусаться. Часто он не знает, кого кусать. Мы прощаем – детский возраст, простительно».

Кусаться бесёнок научился, договорим мы, спустя время, за Достоевского. И кусаться и загрызать.

ГЛАВНЫЕ ИТОГИ перестройки: нравственность пала, народ обеднел, сволочи обогатели. Так нам и надо.

АНАСТАСИЯ ШИРИНСКАЯ, хранительница церкви в Тунисе: «Мне было четырнадцать лет, на палубе корабля «Георгий Победоносец» играл оркестр. Ко мне подошёл генерал Врангель: «Разрешите вас пригласить». И мы протанцевали тур вальса.

У меня была первая любовь в пятнадцать лет. Борис. Он уехал, написал: «Никогда не забуду девочку в синем плаще у синего моря» Такое красивое единственное письмо. Мне казалось – никто не знает о моей любви. Я пошла во французскую школу в двенадцать лет, училась гораздо их лучше. Обо мне говорили: «Она знает, где Занзибар». Помнила Бориса. И он не забыл. Прошло пятьдесят лет, он остался вдовцом. Приехал со второй женой. Сообщил мне, что приезжает. Мне говорят: будет разочарование. Нет, я сказала, не будет. И – никакого разочарования, он тот же! Такие же глаза. Даже обращаясь к жене, говорил обо мне: «Настя».

РАЗДАЁТСЯ ЗВОНОК. Толя: «Записывай. Диктую: Не слыша ангельского пенья из мглы заплаканных небес, я говорю в канун Успенья: «Ты почему, мой друг, не здесь? В селеньи, на забавы тощем, мы прежний вспомнили бы пыл. И ты стенанья милой тёщи хотя б на время позабыл. Я б для тебя, мой друг, поджарил вкуснейший самый кабачок. И в холодильнике б нашарил кой-что, что валит на бочок. Тогда бы ангельское пенье мы слышать стали бы с небес, сердечно б встретили Успенье… Ты почему, мой друг, не здесь?»

И таких и подобных экспромтов у него были десятки. Многие пропали, а этот записал. Толя мне сострадает, что сижу, прикованный к тёще, её не оставишь: Надя на работе. Но я даже радуюсь, что могу этим защититься от постоянных просьб куда-то пойти, где-то выступить. Я же сижу с ней и худо-бедно что-то делаю. А не делаю, так читаю. Вот сейчас Гончарова. Пишет Майковым из Мариенбада: «Я старик». А ему всего сорок пять.

И до чего же все писатели мнительны. Будто бы к нему на чтения Тургенев посылал своих агентов и что идеи Гончарова потом использовал. Конечно, Гончаров куда как сильнее Тургенева, но и Тургенев неплох. Вот как мы от богатства нашего рассуждаем.

СНОВА ЗВОНОК, снова Толя: «Записывай ещё! Разговор с твоей тёщей: «Я и сейчас ещё рисковый: нетленки запросто творю. Не

осуждай меня, Прасковья, когда с Володей говорю. Ещё мы в ящик не сыграли, как прежде, душами близки, да вот на Западном Урале я загибаюсь от тоски. Давно смогли мы породниться, он мне порой родни родней. Не Ницца здесь, психобольница и я уж тридцать лет при ней. Я при больнице Всех скорбящих, душою тоже он скорбит. Пока мы не сыграли в ящик, пускай со мной поговорит». Тёща якобы отвечает, говоря мне: «Да, побеседуй с ним, Володя, ведь не чужим мне Толя был. Он стал своим мне в стары годы, когда в Никольском крышу крыл».

Это Толя вспоминает случай, когда мы с ним застелили шифером дырявую крышу сарая в Никольском. Крыша сильно протекала. Тёща, конечно, сетовала. А шифер у меня был. Покрыли. И потом хлынул дождь. И как было мне не сочинить: «Какое счастье в сильный дождь войти в сухой сарай. Ну, Толя, ну, едрёна вошь, устроил тёще рай».

А ещё без улыбки не могу вспомнить экспромт этой осени. Мы ехали в Вятку: я с запада, Толя с востока. Приехал раньше, звоню ему: «Где ты сейчас?» – «Скоро Фалёнки». А Фалёнки – это для родителей двадцать лет жизни после Кильмези перед Вяткой. Это родина повестей «Живая вода», «Сороковой день». – «Поклон передай Фалёнкам!»

Встречаю на вокзале, он сияющий: «Есть чем записать?» – «Так запомню».

– Фалёнки, снега белизна. Бегут за поездом ребёнки. Конечно, внуки Крупина. Голодные как собачонки. Ему до них и дела нет, он совести не слышит зова: его ждёт царственный банкет в апартаментах у Сизова». – Это тебе мой ответ на Гребёнки.

Это от нашей поездки в Кильмезь. Там по пути деревня Гребёнки. Я и срифмовал: «Здесь курчавы детей головёнки: побывал, значит, Гребнев в Гребёнках».

А Сизов это Владимир Сергеевич, ректор вуза, прекрасный писатель. У него на даче есть даже бассейн при бане. Или баня при бассейне. И прекрасная восточная красавица, жена Аниса. Может быть, благодаря ей он написал роман из средневековой китайской жизни.

А вот, опять же из истории нашей дружбы с Гребневым: я Толин крестный отец. Крестился он в 1980-м в Волоколамске у знакомого священника, отца Николая. А тогда было ничего не купить. Коммунисты не могли даже трусов нашить для населения, не говоря о народе. А как креститься не в новых трусах? А рано утром надо уже на электричку. И Надя где-то разыскала какую-то ткань и сшила трусы. Это было в день Божией Матери и именно Гребневской. Это нас потом, когда увидели в календаре, поразило.

Были в церкви втроём. Потом пообедали с батюшкой. Потом поехали в Москву через Теряево, где Иосифо-Волоцкий монастырь. Толя был необычайно в восторженном состоянии. У монастыря пруды. Никого. Мы погрузились в воду в адамовых костюмах. Толя ещё и от того, что не хотел мочить крестильные трусы. «Носить не посмею: Надя сшила, ночь не спала!»

Вылез я первым, оделся, а тут два автобуса с туристами. Да много их. Да никуда не спешат. А как Толе выйти из водной стихии? Так и плескался. То есть добавочно крестился, ведь эти пруды сохранились ещё от монахов. А тут мы, как вольтеровские простодушные.

Вспомнил этот случай. Позвонил ему. Посмеялись. Толя кладёт трубку. Через пять минут звонок.

– Записывай! «Да, будут ангелы коситься, как стану к Богу на весы: из маркизета иль из ситца его крестильные трусы? Но я скажу: «Гадать не надо, секрет остался там, внизу. Поклон снесите милой Наде и благодарную слезу».

«НЕ НА НЕБЕ, НА ЗЕМЛЕ жил старик в одном селе». Без «Конька-горбунка» не представить детство русского ребёнка.

У меня, может, ещё найдётся, была курсовая по «Коньку-горбунку».Так как у потерянного кинжала всегда золотая ручка, то кажется, что я там что-то такое нечто выражал. Помню, что сказку часто перечитывал. Это и у старших братьев было. Астафьев знал сказку наизусть, восхищался строчками: «как к числу других затей спас он тридцать кораблей». – «К числу других затей, а? »

И вот, жена моя, бабушка моих внуков, не утерпела, купила прекрасное издание сказки. И я её перечитал. Конечно, чудо словесное. Но и очень православное. Думаю, в курсовой не обращал внимание на такие места, как: «…не пришли ли с кораблями немцы в город за холстами и нейдёт ли царь Салтан басурманить христиан… Вот иконам помолились, у отца благословились…». А вот, как враг Ивана собирается на него «пулю слить»: «Донесу я думе царской, что конюший государской – басурманин, ворожей, чернокнижник и злодей; что он с бесом хлеб-соль водит, в церковь Божию не ходит, католицкий держит крест и постами мясо ест».

Постоянно встречаются выражения: «Миряне, православны христиане… Буди с нами Крестна сила… Не печалься, Бог с тобой… Я, помилуй Бог, сердит, – царь Ивану говорит… Обещаюсь смирно жить, православных не мутить… Он за то несёт мученья, что без Божия веленья проглотил среди морей три десятка кораблей. Если даст он им свободу, снимет Бог с него невзгоду… Я с земли пришёл Землянской, из страны ведь христианской… Ну, прощай же, Бог с тобою… А на тереме из звезд Православный русский крест… Царь царицу тут берёт, в церковь Божию ведёт…» И так точно далее. Это же всё читалось, училось, рассказывалось, усваивалось впитывлось в память, влияло на образ мышления. Было это «по нашему хотенью, по Божию веленью».

И если жуткую сказку Пушкина про попа и Балду («От третьго щелчка вышибло ум у старика») внедряли, то «Конёк-Горбунок» сам к нам прискакал. Он и весело и ненавязчиво занимал свободное пространство детских умов, оставляя о себе благотворную память.

Когда спрашивают, что читать детям, надо спросить, читали ли они «Конька-горбунка». Читали? Очень хорошо. А перечитывали? Прекрасно! А наизусть выучили?

ОСЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОГО. Я на телевидении, редактор Дискуссионого клуба. Всегда идём в прямой эфир. Приглашаю Кожинова, чем-то ему нравлюсь, он приглашает после передачи посидеть с ним, «тут недалеко», в ресторан «Космос» После краткого там «посидения» зовёт поехать в один дом. Дом этот у Курского вокзала. Чаепитие. Кожинову все рады. Хозяйка вида цыганистого, весёлая. У неё большущая кошка Маркиза. Очень наглая, всё ей разрешается.

Хотя хозяйка кричит: «Цыц, Маркиза, не прыгай на живот, ещё рожать буду!» Вадим Валерьянович весел тоже, берёт гитару.

– Самая режимная песня: «На просторах родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили радостную песню о великом друге и вожде». Так? Вставляем одно только слово, поём. – Играет и поёт: «– На просторах родины, родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили, В ОБЩЕМ, радостную песню о великом друге и вожде. Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полёт. С песнями борясь и, В ОБЩЕМ, побеждая, наш народ за Сталиным идёт…». Да, друзья мои, был бы Сталин русским, нам бы… – Не договаривает. Потом, как бы с кем-то доспаривая: – Исаковский – сталинист? Да его стихи к юбилею вождя самые народные. Вдумайтесь: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». Это же величайший народный глас: и горечь в нём и упрёк, и упование на судьбу. А евтушенки успевают и прославить и обгадить. Нет, если бы не Рубцов, упала бы поэзия до ширпотреба. Представьте: Рубцов воспевает Братскую ГЭС, считает шаги к мавзолею, возмущается профилем Ленина на деньгах, как? Ездит по миру, хвастает знакомствами со знаменитостями, а?

Тогда я впервые услышал и имя Рубцова и песни «Я уеду из этой деревни», «Меж болотных стволов красовался закат огнеликий», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «В горнице моей светло»… да, та ночь была подарена мне ангелом-хранителем.

А жить Рубцову оставалось два года.

«ПОЭМА СТРАНСТВИЯ, она Куняеву посвящена. Чтоб он не думал, что один в поездке этой был акын». Так я начинал своё рифмованное сочинение о нашей поездке в программе «Байкальский меридиан» году в… примерно в середине 1980-х, и огласил его во время последнего застолья. Да, было такое счастье: Распутин, Потанин, Куняев, аз многогрешный с женою, свершили недельную поездку. Вот уже нет на земле Распутина, опустело в моей жизни пространство надёжного друга, что делать, так Бог судил. Прямо делать ничего не могу, тычусь во все углы. Вроде и не болен ничем, а еле таскаю ноги. Некуда пойти, некому позвонить. Чаю не с кем выпить. Сегодня сел перечитать его письма, хотя бы одно для утешения, вдруг эти листки. Думаю, это-то можно огласить:

«Закончим чтенье до рассвета. Читаю: Первая глава. С кого начнём? Начнём с поэта: он делегации глава. Ведёт вперёд, печали нету, туда, куда течёт Куда (река). Рысцой бегущего поэта (Куняев по утрам бегал) узрела вскоре Усть-Орда. Узрели дети и отцы, и Баяндай, и Еланцы.

Ценою тяжких испытаний, осиротив родной Курган, был с нами верный наш Потанин, наш добрый гений, наш титан. Но правды ради отмечаем, был часто он большой нахал: пил закурганно чашку с чаем и на Терентии пахал (то есть всегда на выступлениях рассказывал о земляке Терентии Мальцеве).

То с радостью, то, может, с болью, с затеями и без затей, вёл наши встречи и застолья бюро директор Алексей (Владимирский). Труды бюро совсем не просты: пять раз на дню экспромтом тосты.

Поэмы круговая чаша идёт к тому, сказать пора, была в пути

Надежда наша. Жена мне, ну а вам сестра. Зачем, зачем в такие дали, зачем, пошто в такой мороз она поехала за нами? Зачем, ей задали вопрос. «Прочла я письма декабристов, их жён Волконских, Трубецких… рекла: считайте коммунистом, поеду, я не хуже их».

Я сочинял оперативно, хоть нелегко для одного. Всех нас хвалили коллективно, но персонально одного. Кому обязаны поездкой, чей свет весь освещает свет. И вообще, заявим дерзко, кого на свете лучше нет. Он одевался всех скромнее, он телогрейки (ватники) покупал, пил меньше всех, был всех умнее, пред ним приплясывал (штормил) Байкал.

Мы все причёсаны, умыты, у всех у нас приличный вид, идейно и реально сыты… а чья заслуга? Маргарит. (Сопровождающая из обкома КПСС). Вот нас покинул Витя Шагов (фотокорреспондент), печально это, но зато вело, как знамя над рейхстагом, нас Риты красное пальто.

Итак, нимало не скучая, уборку хлеба тормозя, мы шли, куда вела кривая «меридианная» стезя. Различных наций здесь немало, что знали мы не из газет, но что приятно умиляло: французов не было и нет.

Вот на пути река Мордейка. Бригада хочет отдохнуть. Но вдруг нарядная злодейка… с наклейкой преграждает путь. Сидим, уже не замечая, что пир идёт под видом чая.

Алой, Куреть, Харат, Покровка, Жердовка и «Большой» Кура… Нужна, нужна была сноровка брать укрепленья на ура. Такие были перегрузки! Но мы работали по-русски.

Мелькали овцы, свиноматки, бурят на лошади скакал… Казалось мне, что воды Вятки впадают в озер Байкал.

Встречали всяко, как иначе. Ну, вот пример: возил шофёр, земляк Астафьева и, значит, известен был ему фольклор.

Записки из десятков залов. На них бригада отвечала. И заклеймила все пороки, а красоту родной земли, давая совести уроки, мы, как могли, превознесли.

Как нас кормили! Боже правый! Сверх всяких пищевых программ. Пойди, найди на них управы, на водопады тысяч грамм, на град закуски, дождь напитков, на мясорыбную напасть. О, ужас! В талиях прибытки…хотелось отдохнуть, упасть, упасть под кедры, под берёзы. Но уже шли в атаку позы (сибирские пельмени), и с ним соленья и варенья атаковали нас подряд. Но побеждал всех без сомненья сверхсытный местный саламат.

Как нас кормили, Боже правый! За нашу прозу, очерк, стих. Никто нигде в чужих державах давно не кормит так своих. Ольхонский стол нас доконал: вломился на него Байкал. За хлеб, за соль тяжка работа. Вперёд, усталая пехота!

Наш катерок был без названья, а как назвать, вот в чём вопрос. Решили чрез голосованье назвать его «Поэтовоз». На нём забыли мы о доме: ещё бы – мир здесь сотворён. Мир сотворён! А ещё кроме Андрей Баргаевич рождён (большой начальник).

Вдруг шторм! Как страшно Наде с Ритой: «Поэтовоз», он как корыто. Но вот и берег. Как Пицунда. «Нырнём!» – Куняев провещал. Нырнули и через секунду обратно, это же Байкал.

Друзья, вы ждёте эпилога? Но впереди ещё дорога. Да и едва ли выносимо – поставить точку и понять, что впору плакать и рыдать: ведь эти дни невозвратимы.

Спасибо всем, кто нас встречал, за хлеб, за соль, за чай! Горигори любви свеча, гори, не угасай!»

Ох, Валя, Валя…

САШКА – ТОПТУН. Его так прозвали. Попал в аварию. «За один замес, – говорит он, – залетел в первую группу».

Ходит плохо, больше стоит на месте, в углу пивной, перетаптывается. От того и зовут топтуном. Сила в нём ещё есть. Она вся сосредоточилась в левой руке. Любимое его занятие – спорить на бутылку, кто кого пережмёт. Ставят локти на стол по одной линии, сцепляются ладонями и, по команде, стараются прижать руку соперника к столу. Сашка своей левой рукой всех побеждает, от того, знающие Сашку, с ним не состязаются.

Хвалясь очередной победой и предвкушая её обмывание, он сжимает левую руку в кулак, подносит к носу побеждённого и сообщает: «Не ком масла, могилой пахнет».

Среди его лагерных выражений есть и такое: «Удар глухой по тыкве волосатой – травинка в черепе сквозь дырку прорастёт». Это мгновенная смена событий: удара кулаком по голове – тыкве волосатой и тут же прорастающая травинка. Почему дырка, а не трещина? Эта уголовная похвальба не от жизни, вообще от заблатнённости.

Ещё выражение. Едем, не едем, а летим по Вятской области с водителем Серёжей Косолаповым. Он, по хрестоматийной страсти русских к быстрой езде, машину не ограничивает, и дорога меня просто убаюкивает. Столбы придорожные сливаются в полупрозрачную стеклянную стену. У меня вырывается хвалебное восклицание нашему полёту. Серёжа сделал знак рукой, мол, погоди маленько, и сказал:

– Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах.

И не прошло и минуты – асфальт кончился, мы заковыляли по просёлку. Действительно, недолго мучилась старушка. Тут нет никакого неуважения к старости, никакой старушке проводов не достичь, а мы стали мучиться от ухабов, когда старушка уже отмучилась.

Стоим в магазине. Продавщица ушла. «Выдерживают, как в “Заготскоте”». Это выражение человека постарше. А помоложе: «У нас всё так: магазин для продавца, а не для покупателя, больница для врача, не для больного, склад для кладовщика, трактор для тракториста». Тут же третий: « И не говори (женщина бы начала: ой, не говори), сейчас ведь не кто ты какой, а кто кому кто есть».

Возвращается продавщица. Ей: «Ты что народ держишь?» Она: «Да какой тут народ – два человека». – «А мы что, не люди?»

ЖЕНЩИНА В ЗИМНЕМ пальто нараспашку. Под пальто старый атласный халат. Живёт без мужа с тремя ненормальными детьми. Вовсю хохочет, рассказывая про детей:

– Один часы понимает, другая пузырьки моет. Третий пока мычит. Есть захочет, так мычит, просит. Мух ловит, крылья отрывает, чтоб ползали. И за ними ползает.

В ПЬЯНОЙ КАМПАНИИ травят анекдоты. Смеются любому, так как уже все пьяны, особенно один. «Алкоголик пришёл домой, принёс

шоколадные конфеты, даёт сыну. – Самый пьяный поднимает голову, слушает. – Никогда не приносил. Сын ест, торопится, боится, что отнимут. Отец гладит его по голове: «Что, балдеешь?» Пьяный мужик вдруг громко плачет. Мужики смеются и говорят о нём: «Балдеет».

СОЛНЫШКО, ТОПОЛИНЫЙ пух лежит на дорожке в саду. Бабочка летает, выбирает место, чтоб сесть. Садится. Тень от поднятой в воздух пушинки проплывает по её крыльям.

СЫН НА ОСТАНОВКЕ чувствует, что отец чем-то опечален и старается оттащить его от плохих мыслей: «Пап, а это наш идёт?» – «Нет, двадцать девятый» – «А это какой, наш?» – «Нет, это двадцать первый». – «А наш какой?» – «Вон двести седьмой идёт». – «Двести седьмой! – восклицает малыш. – Двести седьмой! Давай порадуемся!»

И часто потом в жизни, когда отцу становилось плохо, он вспоминал своего сына и говорил себе: «Двести седьмой, давай порадуемся».

ПРОСНУЛСЯ – ПЛЕЧО болит. Вчера натрудил, спиливали и разделывали отжившую яблоню. Да и воды натаскался.

А яблоню очень жалко. Почти тридцать лет назад купили эти пол-домика, и уже тогда хозяева говорили, что пора эту антоновку убирать. А она все годы давала урожаи. Иногда вёдер по двадцать. А антоновка какая была!

Уже была. «Дедушка, – спрашивает внучка, – а что раньше было? – «Раньше, внученька, всё было». Такой грустный юмор.

Очень скромно она цвела, эта яблоня. А яблоки какие! Протягивала на длинной ветке прямо на веранду. Сейчас последнее привёз.

ТАК ЛЮБИЛ юг, Крым, весь его исходил, изъездил. Только из-за него да из-за Тамани можно было жениться на Надечке. Особенно Керчь. Митридат, Аршинцево, Осовино, Эльтиген, катакомбы, море, море.

Помню, назавтра уезжать. Надя накупает фрукты. «Зачем такую тяжесть? В Москве то же самое, по тем же ценам!» – «Да, но это з д е ш н е е».

И вот, убежал к морю. Сижу. Так хочется написать прощальный стих. Но никак нет рифмы Керчи. Наконец, итальянцы помогли. Вспомнил песню о прощании с Римом, приспособил сюда. «Кончилось лето. Прощай, бла́годать! Скажем югу: «Ариведерчи!» Завтра поезд начнёт километры считать на северо-запад от Керчи».

Больше ничего. Но вот же запомнилось.

И через сорок пять лет после этого звонок. Толя: «Записывай. “Мой друг, от радости кричи и тёщу называй мамашей. Ведь тёща родилась в Керчи, а Керчь, представь, отныне наша!”»

ТРИ РАССУЖДЕНИЯ

Не смотрю телевизор. Совсем. Он мой личный враг. Если и гляну, то только убедиться, что он становится всё паскуднее, пошлее, лживее. И, по счастью, в интернете долго ничего не понимал.

А начал писать о Ближнем Востоке, о Палестине, поневоле стало нужно быть информированным. И вот, как говорит молодёжь, я подсел на этот телевизор. И интернет. Итак, событие одно и то же

освещается всегда по-разному. Взрывы, стычки, бои, стрельба. Всё время жертвы. «Убиты семь солдат». Одна сторона говорит, что это было так. Другая: нет, было не так. И всё упирается в этот спор. Но главное в нём тонет: люди-то убиты.

Но рассуждение не только в этом. Смотрел я в эти экраны, и в теле и в ноут-буке, и заметил, что молитва моя хладеет, становится рассеянной, мысли бродят в новостях, сведениях. Там же не только то, что мне нужно, там сбоку и сверху лезут постоянно какие-то чубайсы-якунины-васильевы-гайдары-ангеле-бараки-нетаньяху… чего-то всё всплывает из прошлого, что найдены какие-то новые факты, что того-то не отравили, а сам умер, а этот не сам умер, а отравили… Зачем мне всё это? Зачем этим мне набивают голову, просто втаптывают в неё, как солому в мешок, мусор фактов. А я с этой головой иду к иконам, читаю Правило, молюсь. И какая же это молитва? Рассеянная, говорят святые отцы. То есть телевизор, захваченный бесами, успешно отвоевал ещё одну молящуюся человеко-единицу. Такой применим термин.

И только тем и спасаюсь, что надеюсь на милость Божию, на то, что когда ум мой выталкивается в склочное пространство мира, то сердце моё остаётся с Богом. О, не дай Бог иначе.

И рассуждение из этого же порядка. Оно о нападении на русскую литературу. Вот, пришли к нам в 1960-е и далее, книги и имена зарубежные. Они же действовали на писательскую и читательскую атмосферу. Тот же Хемингуэй. Ладно бы Фолкнер, Грэм Грин. Нет, радостно подражали не сути, а ф р а з е. Ещё бы: «Маятник отрубал головы секундам». Это Набоков. За ним Катаев, другие.

Легче взять форму, нежели содержание. Ананьев вообще строил фразы как левтолстовские, и что?

И тут опять же победа бесов: убивание главной составляющей русской литературы – духовности.

– ДОСТОЕВСКИЙ УМЕР, – печально говорит пьяный писатель, – Некрасов умер.

– И что из того?

– Да и мне что-то нездоровится.

НЕ ПОДЛЕЖИТ РАЗГЛАШЕНИЮ. В Сергиевом Посаде у Троицкого собора женщина рассказывает: «Мама умерла и приснилась уже после сорокового дня. Приснилась, да как-то неясно, я ничего не поняла, переживала. Вдруг ночью звонит сотовый телефон. Её голос: «Дочка, у меня всё хорошо». И всё. «Так откуда она звонила?» – недоумевает другая. «Не знаю. Оттуда, значит». – «А что на телефоне обозначилось, какой номер?» – «Сын прочёл, я-то не умею, прочёл, что номер не подлежит разглашению»

Тут же мужчина в годах рассказывает историю, которая была в Загорске во время войны:

– Уже летали самолёты, даже и бомбы бросали. Один мужик говорит женщинам на улице: «Чего вы всё болтаете да щебечете? Вот немец на вас бомбу свалит, перестанете языками трепать». Да. А назавтра прилетела бомба, и только его и ранило. Вот ведь, сказано: нельзя никому зла желать. Да ещё хорошо, что не до смерти.

ВО СНЕ ГОВОРЮ итальянцам, стоя на площади перед собором святого Петра: «Да какие вы римляне, да вы просто итальяшки-макаронники! Где центурионы, где тяжелая поступь войск Цезаря, где их крик: «Идущие на смерть приветствуют тебя! А у него жена, у Цезаря, выше подозрений. Где отважные наследники Македонского, попирающие чужие земли кожаными сандалиями». Мне отвечают: «А ты чего нас комиссаришь? И вы не русичи, да и ты не храбрый росс непобедимый. Где твой Суворов? Хошь на тебя факты выкатим?».

Во сне я вынужден с этим согласиться.

НА ЗЕМЛЕ ДЕРЖАТ нас не правительство, не экономика, а молитвы друг за друга. (И чего умничаю, будто в этом какая новость).

ГЛУПЫЙ ПИСАТЕЛЬ счастлив: он думает, что всех осчастливил. Думает: моя мысль самая верная, и хотя глупее этой мысли нет ничего, счастлив и всё тут. Да и пусть будет счастлив. Кто-то же и его прочтёт.

– ЗАПИСЫВАЙ! – весёлый голос по телефону. Толя. Не было ни одного моего дня рождения без его поздравлений. Многие – стыдно мне! – пропали. Вот это надо сохранить. На 55 лет: «Мой друг, напрасны отговорки: не врут листки календаря: ты заработал две пятёрки уже в начале сентября. Мы испытали всё на свете, нам на судьбу нельзя пенять. Но как бы нам пятёрки эти на пару троек поменять?».

– Записываю!

– «Я знаю, былью станет небыль: мы и в гробу не улежим. И босиком с тобой по небу, всем сделав ручкой, убежим. Так в детстве, вырвавшись из дому, на вольной воле я и ты, рванём по лугу заливному, ныряя в звёзды и цветы. По зову сердца мы над бездной по звёздным тропочкам пройдём, и на скамейке поднебесной друзей потерянных найдём. И вспомним радостно былое, забудет вечность о часах, когда Распутина с Беловым обнимем мы на небесах». Записал?

– Записал! Ну, Толя, нет слов!

– Повтори.

– Нет слов!

– Для ослов. Для меня повтори. Читай с выражением и с воображением. Через тебя послушаю себя.

Читаю с выражением.

– Нормально, – оценивает себя Толя.

– Да, Толя, мне вчера четыре рубахи подарили, но ты всех смёл. Рубахи, даст Бог, до гроба успею износить, а стих твой нетленен и загробен.

– Надгробен, – поправляет Толя. – Ну, а пока ты не в гробу, благодари свою судьбу, лелея милую Надежду, носи дарёную одежду. Как вьюнош в новенькой рубахе, не думай о могильном прахе.

– Это сейчас? Прямо на ходу, сейчас сочинил?

– А как иначе? У меня только так. Сочинил лично, и, как иначе? на отлично. Вот я такой. Чего-то меня всего прижимает, всё болит, а стих отвлекает. Втирая в кожу випросал, я гениальный стих писал. Когда вся мазь в меня всосалась, вся гениальность рассосалась.

– А помнишь, Толя, писали в письмах, в отрочестве: «Пусть будет нерадостным час, пусть воет осенняя вьюга. Пусть люди забудут о нас, но мы не забудем друг друга».

– Как же! На конвертах на обратной стороне: «Машинисту больше пару, почтальону шире шаг!»

– Или: «В синей дымке туманного вечера, в угасающем свете зари, вспоминая друзей и товарищей, среди них и меня вспомяни!»

– Да, Толя, вспомнил к случаю своё, давнее: «А как я живу здесь, мой друг дорогой, скажу я тебе по порядку: душа устремляется вслед за тобой, летит из Никольского в Вятку». И ещё, тоже давнее: «У нас с тобой, Толя, дороженьки две: ты в Вятке смеёшься, я плачу в Москве». Это когда ты как султан турецкий восседал в «герценке», и вы мне позвонили. – «Да, был как баобаб среди баб. Это Шумихина шутка».

Вот такое у меня радостное утро вступления в год 75-й.

РЕБЁНКА ГОРАЗДО труднее научить писать от руки, чем тыкать в кнопки. Вот и секрет всеобщего поглупения. От руки или от кнопки?

Пишешь рукой – умнеешь, тычешь в кнопки – глупеешь.

Именно в этом разгадка потери вот уже второго поколения.

БЫВАЛА В ЖИЗНИ усталость. Обычно физическая. После долгой дороги, после работы. Такая усталость даже радостна, особенно, если дело сделано, дорога пройдена, преодолена. Но сейчас усталость страшнее, она не телесная, нервная, головная. Душа устаёт от всего, что вижу в России. Еле иногда таскаю ноги. И знаю, что и это великая от Господа милость – живу.

Иногда искренне кажется, что умереть было бы хорошо. А жена? А дети-внуки? У Шекспира: «Я умер бы, одна печаль: тебя оставить в этом мире жаль». Апостол Павел пишет, что ему хочется «разрешиться от жизни и быть со Христом», но ему жаль тех, кто в него поверил и кому без него будет тяжело как овцам без пастыря. И остался ещё жить. То есть он мог распорядиться сам своей судьбой. В отличие от нас, смертных.

Да и он не мог. Уходил апостол из Рима. От казни. А Спаситель повернул обратно.

БОЯЛИСЬ ИУДЕЕВ. В Деяниях апостолов (24-27): «Желая доставить удовольствие иудеям, Феликс оставил Павла в узах».

И чуть пониже (25-9): «Фест, желая сделать угождение иудеям…».

ЛЕТИМ НАД Византийской империей. И чего им не жилось? Не голодали же! Захотели жить ещё сытнее? Так что вот поэтому и, увы, летим над Турцией.

Батюшка рассказал о старце афонском Паисии. Когда он летел на самолёте, то над Святой Землёй, Палестиной, Сирией чувствовал благодать. Над Пакистаном (для него) похолодело.

ЦЫГАНСКАЯ СТОЛИЦА город Покров знаменит своим цыганским кладбищем. Там же и православное. Ездили на могилу поэта Николая Дмитриева. («Если правда, что жизнь – это песня, значит, детство – припев у неё»). Могилка скромна, ухожена, цветы.

А по соседству цыганские, как назвать эти захоронения, над которыми высятся памятники – скульптуры захороненных. Ни у Мао-цзе-дуна, ни у Ким-ир-сена нет подобных. Высятся выше деревьев.

В три роста, с неимоверным подобием головы и фигуры. Будто гигантские слепки. И надписи соответственно: «Барону Мишке безутешная семья». Или: «Барону Яшке от семьи», «Барону Гришке от родственников».

Сколько же надо денег нацыганить на каждый такой памятник? Одна цыганка на улице, когда я попрекнул её, что не перестаёт просить, ведь подал уже, совесть надо иметь, зарыдала вдруг: «Муж бьёт меня, если приношу мало денег».

– А что вам, мало денег от продажи наркотиков?

– Ой-вэй, это мужчины-мужчины! Дай, золотой, дай ещё бумажку, пожалей, пожалей. Давай за дом отойдём, я тебе следы от плётки покажу. Идём! Давай, давай!

И так страстно и зовуще глядела, будто в чертоги звала.

– Я ДАЖЕ ночью очки не снимаю, чтобы лучше сны видеть.

СИЛЬНО ПЕРЕУЧИВШИЙСЯ вятский студент-лингвист писал диплом о народной поэзии (Обряды, заговоры, причитания…). Когда шли примеры, то я всё прекрасно понимал, когда же студент делал какие-то к ним подводки, не понимал ничего. «Ритмизированный русский язык цикличной обрядовости сезонных трудовых и религиозных праздников в вятском диалектизированном говоре отличается от аналогичных в говорах и языках романо-германской и кельтской культур и несопоставим с конструкцией наших апофегм и морфем…». Каково?

Студент, тебе в детстве приносили подарочек с ярмарки или презент из супермаркета?

Еду в автобусе по вятской дороге. Сзади говорят о девушке, которая собирается замуж.

– Да ещё она всё чего-то ещё кочевряжится, будто женихов выше головы.

– А сколько ей натикало?

– Да уж не пределе.

– А если на пределе, так будь добра и за перестарка. Ещё чего-то роется, разбирается.

– Эдак, эдак, некуда тянуть, надо выскакивать.

– Как не надо, надо. С мужиком-то наплачешься, а без него навоешься…

И какие тут морфемы, какие фонемы? Или ты, студент, в автобусе не ездил? Или ты и твои друзья «хочут» образованность показать?

СТОЯТ НА РАСПУТЬЕ три мужичка. Выпившие, но не перепившие, просто ещё не допившие, и спрашивают друг друга: «Так чего, парни, по домам уже, или как?».

Конечно, понятно, что будет «или как», а не «по домам».

– НУ ВОТ, БЫЛ бы я евреем…

– И что?

– И ничего. А был бы умным евреем, крестился бы в православие. Так же бы и католиком, не говоря о протестантах. И как они сами не могут понять, что живут без Христа? У них и Пасхи нет.

– Пасхи нет?

– Формально-то есть. А так, только Рождество, сниженные цены. У нас недостижимость святости, но стремление к ней. Через покаяние и пост. У них венец всего – нравственность. Ханжество то есть. У нас обязанности, у них права. Из пасти вырвут. Терпеть страданий не могут и не хотят.

– Так почему так-то?

– Кто у нас глава Церкви? Христос! А у них?

– Папа?

– Да. А сегодня у папы температура и он не принимает. То есть и церковь на бюллетене?

Вот чего наделала Флорентийская уния. Велели думать, что Дух Святой исходит и от Отца и от Сына. И зачем же тогда было приходить Сыну? Разорвали связь Неба и Земли. На этом соборе только Марк Ефесский и ещё один его соратник не подписали. А большинство сдалось. И один их католик узнал, что Марк Ефесский не подписал и сказал: «Если Марк не подписал, значит, мы ничего не добились». От нас был Исидор, который вернулся, его на первой же службе, когда он заикнулся упомянуть имя папы, лишили сана и изгнали. Убежал к католикам, дали ему какой-то чин, вот и всё. И могила крапивой заросла.

ПЛЕВОК НА ПАРКЕТЕ. Какой же молодец Победоносцев, и как неумён по отношению к нему Александр Блок («Победоносцев над Россией простёр совиных два крыла…»). Такое ощущение, что выражение «плюнь и разотри», обозначающее небрежение к какой-то неприятности, произошло вначале от Петра, потом закреплено Победоносцевым. Он выступил с каким-то заявлением, которое было жестковато для либералов, и они закудахтали: «Ах, ах, Константин Петрович, а как же общественное мнение?» Он остановился, молча плюнул на паркет, растёр плевок ногой и пошёл дальше.

Вот что такое общественное мнение. Какой молодец!

НИ В ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ нет того, что в русской. Это от своеобразия русской жизни. У нас всё одушевлено, нет неживой природы, всё живо.

У Гоголя рассуждают два кума, сколько груза может поместиться на возу. И один гениально говорит: «Я думаю (!) д о с т а т о ч н о е количество». И всё. И всё понятно.

У Тургенева в «Записках охотника». Едут, ось треснула, колесо вот-вот слетит, как-то очень странно вихляется. И когда оно (колесо) уже почти совсем отламывается, Ермолай злобно кричит на него (кричит на колесо!) и оно в ы р а в н и в а е т с я.

У Бунина мужик бежит, останавливается, глядит в небо, плачет: «Журавли улетели, барин!»

Кстати, о Тургеневе. Это совершенно жутко, что он пошёл смотреть на казнь. Да ещё и описал. А в «Записках охотника», лучшего из им написанного, автор очень много п о д с л у ш и в а е т.

– МНОГО СНЕГУ навалило, нету сил перегрести.
Погодите, не жените, дайте лапти доплести.
Мы стояли у Совета и домой просилися:
– Отпусти нас, сельсовет – лапти износилися.

Мы с товарищем работали на северных путях.
Ничего не заработали, вернулися в лаптях.
Ты гуляй, гуляй, онуча (портянка), гуляй, лаптева сестра.
Ты гуляй хоть до полночи, хоть до самого утра.
Дедка лапти ковырял, ковырялку потерял.
Бабка стала избу месть, – ковырялка тут и есть.
Всё-то лапти, всё-то лапти, брат мне сплёл калоши.
Все смотрели, удивлялись – до чего хороши.
Лапоть, лапоть, лапоток, мужичок мой с ноготок.
Я иду, его не видно, до чего же мне обидно!
Мне милёнок сделал лапотки на лёгоньком ходу,
Стобы маменька не слышала, когда домой иду.
Висит лапоть на заборе, висит, не шевелится.
Мне милёнок изменяет, только мне не верится.

ФАШИСТИКИ СНИМАЮТ ужастики на радость жидистикам. (Детское кино).

«Дорогая тёшча, я совсем нишчий, остался без имушчества и плашча, который ваш прэзэнт. Давно не ел фаршшчуку. Зять Подляшчук».

– У ВСЕХ МОЛОДЫХ нынче головы болят. Как не болеть – высвистали, выбросили зыбки – люльки, в них укачивали. Вестибулярный аппарат закалялся. Баюкалки забыли, какую-то дерготню включают, откуда радости взяться? Все бледные, песен народных не поют, будто и сами не из народа.

– Ну да, не из народа, из инкубатора.

ОТЕЦ: «ОДИН сватался, уговаривает девушку, говорит, что богатый: «Есть и медная посуда – гвоздь да пуговица, есть и овощ в огороде – хрен да луковица». И хозяйство показал: «Есть и стайка во ограде, да коровку Бог прибрал. Есть и много знакомчИ, только рыло подомчи (то есть много родных и знакомых, накормят и напоят, только надо к ним приехать).

Знал таких присказенек отец множество. Мама недоумевала даже: «Откуда берёт, куда кладёт?»

ИВАН СЕМЁНОВИЧ, бывший политработник, стоит у ворот дома в галошах, поджидает меня. Очень любит поговорить. Всегда о том, как он заботился о солдатах. «Приезжаю в часть, собираю вначале офицеров. «Никто нас, кроме солдата, не спасёт. Если вы ужинаете, сели за стол, а солдаты не накормлены – вы преступники». Потом иду в любую казарму и вначале всегда в сушилку. Чтоб и обувь, даже и матрасы чтоб были просушены. Солдат любил как родных сыновей». – Тут Иван Семёнович всегда крестился.

– А как политзанятия?

– Это-то? Тут тоже всё в норме. Стоим на страже Родины, защищаем народ! Чего ещё? Признаки демократического централизма? Это муть.

Не его защищаем – Родину!

В ТАМБУРЕ ПОЕЗДА. Весёлый подпивший парень, руки в наколках: «Приму сто грамм я водочки – и жизнь помчится лодочкой.

И позабуду, где, за что сидел. Дядя, – это мне, – ты сидел? Нет? Зря! Тюрьма – это академия жизни, школа воровства и мошенничества. Посадят пацана за ерунду, а он выйдет готовым специалистом. Там знаешь, как там сериалы смотрят – во всех же в них показ: тюрьма и следствия. Смотрят как учебники. Как кого покупают, кто на чём попался. Естественно, из-за баб. В основном, конечно, в этой кинятине туфту гонят, кино – одним словом, и у них там режиссёры – шпана, но у блатных есть и свой опыт. Туфту анализируют, базар фильтруют, пацанов на будущее готовят. Хоть коммунизм, хоть что, работать всё равно неохота. Сейчас вообще такое время, что его лучше в тюрьме пересидеть. На всём готовом. И церковь в зоне есть.

– Эх, – вскрикивает парень, – О, сол лейк-сити, Америку спустите! Мы – дура, без тебя прекрасная страна!

– ЖИТЬ, ВРОДЕ, легче становится: не голод, а жить всё страшней. Собаке раньше бросишь картошку – рада. Потом и хлеб им бросали. Потом они и хлеб перестали есть, мясо давай. Говорили: социализм – это учёт. Стали считать. Рассчитают, сколько корму на зиму для коров, столько и заготовят, а тут весна на месяц задерживается – падёж. Это в колхозе. Да и дома – наготовили солений-варений, а гости едут, родня нахлынула. То есть и накорми и в дорогу дай. Да друг перед дружкой стали выхваляться. У кого больше да модней. Работа стала не в радость, а в тягость. От нервов пить стали больше. Страхом не удержишь. Возили водку до войны на лошадях, после войны на машинах, сейчас вагонами возят – не хватает. Хотя, читал вчера, мы всё равно меньше других пьём. В войну столь не гибло, сколь сейчас.

– Так и сейчас война. Война с бесами пьянства. И они побеждают. Несём потери. Могли бы небесное воинство пополнить, нет, идём в бесовское. Ведь и там война.

– И там брат на брата? Трезвенник на пьяницу?

– Ну, всё гораздо сложнее.

– А как?

– Если б я знал.

РУССКИЙ ХОЛОКОСТ – аборты. Убийцы в белых халатах страшнее оборотней в погонах.

– ДА, ОТСТАЛИ от Японии по компьютерам. Но это дело поправимое. Начнёт «оборонка» работать на мирную жизнь и догоним. А вот никаким Япониям-Америкам нас не догнать по «Троице» Андрея Рублёва, по музыке, литературе, по культуре вообще. То есть по нравственному состоянию души. Всё дело в том, что мы православные.

То есть мы далеко впереди всего мира.

ПРИЧАЩАТЬСЯ ЗА ВСЕХ. Подумал сегодня на Литургии о радости причащения и о том, что оно сейчас доступно. А было-то что! И думал, что надо мне не только за себя причащаться за здравие души и тела, за оставление грехов и жизнь вечную, но и за детей и за внуков, которые почти совсем не причащаются. И чувствую, что злятся, когда напоминаю. То есть это моя обязанность их спасать, семью сохранять. Если не воспитал стремления к Церкви.

Меня-то врагу спасения труднее укусить, чем тех, кто не причащается. Вот он и действует на меня через родных и близких, через тех, кого люблю.

ТОНКИЙ ТОЛСТОМУ: «Да ты что долем (вдоль), то и поперёком. Тебя легче перепрыгнуть, чем обойти.

ТОМСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ. 1812 год, весна. Журнал «Русская старина» (1879 г., стр. 738) извлекает из массы документов того года, кроме относящихся к войне с Наполеоном, ещё и документы самые обычные. Жизнь состоит не только из войн с неприятелем, но и с грехами человеческими.

«В Томскую градскую полицию от губернского стряпчего Сунцова

С о о б щ е н и е: Бывший при разборке старых дел в ведомстве моем губернский регистратор Полков, не сказавши ни мне, ни сторожу, унёс к себе казённую лагушку (шайку), по неимению которой теперь воды сторожу принести нечем. Да означенные дела едят мыши, к уничтожению коих имел я собственного кота, но и его упоминаемый Полков тихим ходом унёс и на то есть свидетели. Для того прошу оную полицию приказать как лагушку, так и кота моего от него, Полкова, отобрать и отдать сторожу Степану Балахнину.

Таковые поступки предоставляю полиции на суждение с просьбою, дабы он впредь не осмеливался чинить оныя.

Губернский стряпчий Сунцов. 20 марта».

ИЗ ЭТОГО ЖЕ журнала: «Генерал-губернатор при докладе перебирал бумаги и спрашивал: «Это что, мы пишем или нам пишут?» Проказники шутили, что будто бы на похоронах он встал из гроба и спросил: «Что это, нас хоронят или мы хороним»?

Приложена и эпитафия: «Он ел и пил – вот жизни повесть. Он долго жил – пора знать совесть».

ЕЩЁ ФАКТ. Уже из Павловских времён. В Париже вышла пьеса о России. В ней, как во всяких почти западных сочинениях о нас, и Россия и император Павел были представлены в самом гадком виде. Узнав об этом, государь написал в Париж, что, если не конфискуют этой пьесы и не запретят её представление, то он «пришлёт в Париж миллион зрителей, которые её освищут».

Умели разговаривать русские монархи.

ВЕСЕННИЕ РУЧЕЙКИ у нашего дома взрослели вместе со мной. Они начинались от тающего снега и от капели с крыши на крыльцом. Я бросал в них щепочку и провожал её до уличного ручья, а на будущий год шёл за своим корабликом, плывущим по уличному ручью, до ручья за околицей. Он увеличивался и от моего и от других ручейков, все они дружно текли в речку, а речка в реку.

Однажды в детстве меня поразило, что мой ручеёк притечёт в Вятку и Каму, и Волгу. Щепочка начинает плыть по ручейку, и сколько же она проплывёт до моря? Считал, и со счёту сбивался. А как считал? Шагал рядом с плывущей щепочкой, считал время, то есть соображал её скорость, за сколько, примерно она проплывёт до Красной горы.

Очень долго, может быть часа три-четыре. А за Красной горой там такие дали, такие горизонты. Может быть, думал я, год будет плыть. К зиме или примёрзнет или подо льдом поплывёт.

Когда, через огромное количество лет, узнал я от Вернадского, что вода – это минерал, что у неё есть память, я сразу поверил. Да-да, я это знал. Я же помню эту холодную снежную воду, и как я полоскал в ней покрасневшие руки, как с ладоней падали в ручей капли и убегали от меня, и уносили жёлтую сосновую щепочку. И помнила меня эта утекающая вода. И помнила себя в виде узоров на оконном стекле. И в виде снежинок, которые взблёскивали в лунную ночь и, умирая, вскрикивали под ногами.

– ВОЗИЛ ОН НАЧАЛЬНИКА. Начальник потребовал, чтоб он его учил шоферить. Он хотел машину покупать. Начальника начал обучать, говорит: «Тише, тише». Начальник обещал: «Я не погоню, я потихоньку». А сам погнал. И что? И шарахнул лошадь, она везла телегу, выехала внезапно из проулка, испугалась, рванула. Ещё и возчик пострадал. Перелом ключицы.

Начальник ему говорит: «Скажи, Виталий, что ты был за рулём. Ты же руль не имеешь права передавать. Так что оба пострадаем. Я наехал, а ты виноват. То есть Витя и взял вину на себя. И дали три года. Тогда строго было. Но что я хочу сказать: этот начальник очень о его семье заботился, сеном помогал, дровами. Когда и копейку какую.

И все знали, что не Виталий наехал, но никто не выдал.

РУССКИЕ КРАСАВИЦЫ давно покорили мир. Соревноваться с ними могут только палестинки.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ медицины глаза человека это часть мозга, выдвинутая на периферию.

ПОМНЮ ОДИН демократёнок, в прошлом диссидентик, наскакивал на меня и визжал, что мы, русские патриоты – страдаем стадностью. – «Это смешно, – отвечал я, – русские патриоты хлеще всех других ссорятся, какая ж эта стадность? Стадность – это ваша демократия. Орать как все, чтоб быть своим и стараться орать и громче, чтоб выорать должностишку».

Вспомнил его сегодня, увидя вещающего с экрана. Размордател.

– ДРЕВНЕРУССКИЙ БОЯН – это не гусляр, не бандурист, это дирижёр.

В ГОСПИТАЛЕ пришёл врач в палату и сказал, что умер Сталин. На него вскинулся инвалид войны с костылём: «Ты что сказал?! Повтори, гад! Не верю!»

ТАШКЕНТ, БАЗАР. Узбек уговаривает купить: «Всё хорошее, всё самое дешёвое! Курага, видишь? Самая свежая!» – «Какое ж дешёвое – дороже, чем в Москве». – «Заморозки были».

– Ладно, давай два килограмма.

Купил, ещё походил меж длинных прилавков, среди великолепия поздней осени. Возвращался с другой стороны от продавца кураги.

И увидел: он опускает ладони в блюдо с растительным маслом, пригоршнями достаёт из мешка сухой чернослив и протирает в замасленных ладонях. Чернослив начинает блестеть и выглядит, как «самый свежий». Куда денешься, «заморозки были».

Интересно, что, с одной стороны, все от нас зависят, а с другой все нас за дураков считают.

СПАСАЕМ ВСЕГДА не себя, а других. Вот мысль, пришедшая в голову в самолёте, когда шло сообщение о поведении пассажиров в аварийных случаях. Кислородную маску вначале полагается надеть на себя, а уже потом на ребёнка. Иначе можно погибнуть и самому и ребёнку. Вот и мораль: да спасись ты, матушка Россия, сама вначале, потом спасай «ребёнков».

Разве не так было в конце 1980-х? Погибали, надвигалась катастрофа, а всё надевали кислородные маски на республики. Сами погибали. И почти погибли. Но и республики недолго дышали кислородом.

МИТРОПОЛИТ: БОГ никогда не спешит и никогда не опаздывает.

ОТЕЦ ВАЛЕРИАН о примерном прихожанине (он называет такого в шутку протоприхожанином): – «И всем он рад, и всем он раб».

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОТОРВАННОСТЬ от России вовсе не означает оторванности от её корней. Если это корни православные. На четырёх долгих службах отстоял в Ташкенте.

И не было совсем ощущения, что я в Средней Азии. Этот храм православный, в этом всё дело. Причащался. Конечно, много всего наслушался. В основном, хотят вернуться в Россию. Но куда, как? И почему оставлять нажитое молитвами и кровью? Здесь же уже им и родина. А в предках кто? Одних только архиереев в здешней ссылке было семнадцать. И несколько сотен священников. Земля исповедничества. И её бросать?

ВСЁ ПЕРЕБАЛАМУТИЛОСЬ, ВЗБОЛТАЛОСЬ. Сейчас муть оседает. Но не исчезает. Нет проточной воды.

ПРАВОСЛАВИЕ НИКОГДА не ставило задачи сделать жизнь людей легче. Для православия главное, чтоб человек стал лучше. А станет лучше, то и любая жизнь ему будет хороша.

СОН О СТАРШЕМ нерождённом сыне. Плакал во сне и, проснувшись, продолжал плакать.

ЧИТАЕШЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ или религиозное и постоянно указывается на утраченные тексты. «От его сочинений (святителя, богослова, философа), сохранилось только…»). Но нам же хватает и сохранившегося. Пропавшие были, естественно, не хуже. И что? Библиотеки и те горели, и доселе горят. С непрочитанными текстами. И нам хоть бы что. Вздохнули, да и дальше живём. А сейчас и гореть им не надо, их просто убивают.

– НАД ДЕРЕВНЕЙ ПРОЛЕТЕЛИ восемь истребителей. «Бабы, дайте пирога помянуть родителей»! (От Гребнева).

– Я гулял, здоровьем сыпал, а теперь на том стою: я свою цистерну выпил, допивайте вы свою. (От Ситникова).

МОЖЕТ БЫТЬ так?: Поэзия (хорошая) – прорыв в состояние, которое когда-то станет (было) естественным.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК незаметен. Обычно внешне заметному человеку его заметности не прощают. Это значит, что он сам себе всё прощает. И наоборот, люди оправдывают тех, кто сам судит себя.

– ЧЕГО ГОВОРИТЬ – вся жизнь в России с петель слетела, а мы ещё на какую-то справедливость надеемся.

– Не могла не слететь. Идеология – это псевдорелигия. У идеологии нет родины. Без корней, её и сорвало. Не люди партий (то есть частей общества), а люди целого нужны.

– И где их взять?

– Ну, нас уже двое.

ЖИТЬ, ЧТОБЫ заслужить любовь людей, – это дело десятое. А вот жить, чтобы любить близких, вот тут-то… тут-то… да-а.

ВЫХОДИМ В ХОЛОДНЫЙ рассвет. Третий день Крестного хода. Иней на траве. Женщина: «Ой, холодно, ой!» Мужчина: «Вот и хорошо! Не закиснем. Можно без засолки жить».

ОТЕЦ РАБОТАЛ гардеробщиком и чем-то проштрафился. Вызвали сына и ему выговаривали. За что? За плохое воспитание отца?

СТАРУХА СТАРИКУ:

– Старик, корову продал?

– Продал.

– А деньги где?

– Старуха, спать, спать, спать.

МЕЧТА ИНОСТРАНЦА: выпить водочки с селёдочкой, с видом на Кремль. Любит два русских глагола: сплю и пью.

Он же: «Сижу и мислю, сижу и мислю. Потом просто сижу».

В СЕМИДЕСЯТЫЕ один президент одной африканской страны много делал визитов. И всегда брал с собой тех, кто, по его мнению, мог бы свершить переворот во время его отсутствия.

Аэропорт, встреча. Делегация спускается с трапа. Президент представляет его сопровождающих. Отдельно рекомендует: «А это мои мятежные генералы». Они стоят кучкой.

ДИПЛОМАТ НА ПРИЁМЕ:

– Мы пьём, говорим, спим, а чекисты потом всю оставшуюся ночь записывают наши разговоры.

Другой:

– А что записывать? О чём говорили? История цивилизаций? Мистика, стоицизм, космизм, стагнация, коллапс? Всё вроде умно, но ведь всё болтовня.

– Так болтовня это и есть тот самый первичный бульон любых мыслей, из него всё рождается.

– МАЛО СТРАДАЛИ, – говорю юному, лет пятидесяти, философу.

Он прямо взрывается:

– Ап-пять эта поэзия страдания! Вы ещё не забыли от Патриарха орденок за неё получить? Рас-сия! Россия гибнет, а мы что делаем? Скорбим? Над нами издеваются, а мы смиряемся?

– В смирении сила, – успеваю я вставить.

Но говорить с ним более чем безполезно.

Помню, он, вроде бы шутя, запузырил такую фразу: «Я живу в режиме постоянного творения истории, я, в силу данного мне таланта, глобально отобразил катаклизмы общественной жизни и только по причине своей бесконечной скромности не вышел на уровень бумажного носителя». То есть не напечатал свои мысли.

А мне настоятельно советовал попасть в приличную ауру, в энергетическую среду «для подпитки, для накопления позитивного потенциала».

У нас любое заболтают. Вообще лучше не показываться на людях. Обязательно налетит вот такой умник и будет считать себя смелым, говоря мне глупости, и потом (уверен) расскажет, что «вразумил это ископаемое из двадцатого века».

К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ ПИСЬМЕННОСТИ на Руси много писали о святых Кирилле и Мефодии. Были и такие ехидные выпады:

Когда б предвидели Мефодий и Кирилл,
Какою чепухой их будут славить внуки,
Они б не тратили ни времени, ни сил,
Стараясь преподать нам аз и буки.

Но в то же время было и это, тютчевское:

Причастные его труду,
Сквозь тьму веков и толщу поколений
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.

ГОВОРЯТ О МОЛОДЕНЬКИХ (те бегут на танцульки): «Кого пронесёт, а кто и принесёт».

ВНЕЗАПНО ВДРУГ вспоминается какое-то меткое выражение, которое, может быть, и не употреблял лет шестьдесят. А оно, значит, жило во мне.

Вот сегодня вдруг выскочило: «Не спрашивают – не сплясывай!». Это человеку, который суётся что-то сказать, толком не вникнув в суть дела.

КАТОЛИКИ И МЫ – это два мира, потому что было два детства. У них только Рождество, оно у них и главное. У нас, конечно, тоже

Рождество, его незабываемое морозное ликование, но у нас, прежде всего, Пасха Христова. А она о чём? Она о победе над смертью.

Да у них и Рождество – это распродажа. И Санта Клаус для рекламы кока-колы.

Убогий у них быт. Замкнутый. Вот наши русские дома – какие резные окна, какие ставни, крыльца какие расписные. А у них, у них всё внимание на двери. Запоры какие, засовы какие кованые. Видел я выставку такую. А видов наших замков там негусто. Я вообще из детства замков не помню. У них: мой дом – моя крепость, у нас: заходи, садись за стол.

И как они давали клятвы? Клали руку на эфес шпаги. Вроде красиво – слово рыцаря. Мы, прикладывая руку к сердцу.

Разница?

Есть большие отличия и в миропонимании меж нами и мусульманами. Да, единобожие. А кто для мусульман Аллах, воплощение чего? Справедливости.

Конечно, это хорошо. А вдуматься? Тогда будет справедливо пересажать всех несправедливо судящих, обманывающих. Тут буква закона. Но спасает ли закон? Милость выше закона или нет?

Наш Бог – это любовь. Это и прощение, и строгость, и терпение, всё тут. Разница эта началась в первые века новой эры, когда западный мир стал жить по Писанию, из которого был вычеркнут Иисус Христос. Конечно, тогда чего ждать? Разница стала пропастью непонимания нас Европой. И нам ещё говорят, что мы – Европа. Ну уж, увольте, в инкубатор не хотим. А считаете нас отсталыми, так от чего мы отстали? От безбожия? Слава Богу.

И всё-таки, всё-таки лучше чалма, чем тиара.

ОТЕЦ О СВАТОВСТВЕ: «Сват приезжает, жениха расхваливает: «Парень богатый – изба небом крыта, завёл бы скотинку, да нету корыта. Есть и овощ в огороде – хрен да луковица, есть и медная посуда – гвоздь да пуговица». А невеста изнутри выходит с подарками жениху: «Вот в горшке помои для него передай, скажи: умойся, вот ему портянка, скажи: утрися».

ХОРОНИЛИ АБРАМОВА. Человек из обкома не хотел давать выступить Василию Белову. Жена Абрамова, уже вдова, Людмила Александровна ворвалась в комнату президиума, где повязывали траурные повязки для почётного караула и во всеуслышание заявила: «Если не дадите слова Белову, я вам прямо у гроба скандал устрою!»

А тогда только что наши войска вошли в Афганистан. Не самовольно, отвечая на просьбу правительства. Теперь, по прошествии времени, понятно, что для нас-то это было трагично: сколько гробов разлетелось по Руси, но гибель Афганистана отодвинуло. Русских солдат – шурави – афганцы вспоминают с благодарностью.

И в моём родном селе есть могилы «афганцев» и, позднее, «чеченцев». В другом районе, сам видел, могила солдата в его родном дворе. Потребовала мать, чтобы цинковый гроб (не разрешили открыть) закопали во дворе. Потом совсем недолго пожила, ещё ей и

сорока не было. И цинковый гроб и её, деревянный, упокоились на общем кладбище.

Вот она – русская судьба.

Тогда Василий Иванович предсказал трагедию Афгана.

Выступал там и Гранин Даниил. Причитал: «Ах, Федя, Федя, как ты рано умер, а ты так много обещал». Ну не глупость? Кто же тогда за Абрамова написал трилогию «Пряслины»? «Две зимы, три лета»? «Альку»?«Пелагею»?

Сам-то Гранин чего написал? «Иду на грозу»? Очерк об учёных. А с Адамовичем походили по квартирам блокадников, позаписывали. Да всё втравливали в разговоры о мерзостях, например о том, куда приходилось девать экскременты. Именно эти либеральные классики воспитали нобелевскую лауреатку, которая соскребала с женщин на войне только грязь, только оговоры нашего воинства.

А вот есть в Белоруссии прекраснейшая писательница Татьяна Дашкевич. Она написала книгу «Дети на войне» – великая книга! И в ней много трагичного, но в ней есть свет любви.

Да, Фёдор Александрович. За неделю до его кончины мы с ним, ещё Василий Иванович, обедали в ресторане гостиницы «Россия». Он всё подшучивал над Василием Ивановичем, тот над ним. «Чего ж ты сёмгу заказываешь, ты же написал про неё «Жила-была сёмужка?» – «А ты и сёмужки в Вологодчине сухопутной не едал, хоть сейчас поешь. – И мне: – Пей, на нас не гляди. Пей. Написал же «Живую воду», пей, не уклоняйся от привычек народа».

Когда гроб с телом его опустили в родную ему землю на высоком берегу Пинеги, и воздвигли над могильным холмом ещё один холм из цветов, в деревенском клубе начались поминки. Село человек триста, но ведь очень много приехало отовсюду. Люди всё шли и шли. Шли и несли поминальные рыбные пироги, завёрнутые в старинные расшитые полотенца. Женщины из Архангельского народного хора, всё увеличивая льющиеся слёзы, пели любимую песню писателя – земляка: «Ой, по этой травушке ходить не находиться. Ой, по этой травушке тебе больше не ходити, ой, на эту травушку тебе больше не ступати…».

СОХРАНИЛАСЬ СТРОФА из стихотворения, которое, помню, сочинилось после того, как мы семьёй ходили в Никольский лес. Разложили костерок на опушке. Надя, а до этого она чего-то обижалась на меня, отдохнула душой, пела даже. И вот тогда написалось. А потерялось. И уцелело только это: «Тогда, тогда не будет ссор на этом свете. Но разве мало – был костёр, был наш сердечный разговор. Играли дети».

НОВОСТЬ. В ГРЕЦИИ президент извиняется перед педерастами, что у них мало было прав, и сообщает, что уже принято решение их узаконить, разрешить им случки повсеместно. Не хочу больше в Грецию. Две трети (!) парламента голосовали за этих двуногих скотов.

Ну, Эллада! Ну, родина олимпиад! Может, парламент надеется, что их гомосексуалисты побегут быстрее остальных.

ПРИДУМАЛИ СВИНОЙ грипп, чтобы лишить людей возможности помочь себе в питании. Во-первых. Во-вторых, вынудить по-

купать чужое. Представить это страшно. Мне рассказывали женщины у церкви: «Приезжали в плащах, в масках, поросят выгоняли во двор или на улицу и, дети – не дети тут – опрыскивали бензином и поджигали. Это фашисты!»

СЫТЫЙ, ХРЮКАЮЩИЙ по телевизору либерал в начале 1990-х: «Чем гордитесь? Медицина безплатна? А как лечат? Нет, давайте я заплачу, но чтоб вылечили как следует».

Его, конечно, уже «вылечили»: давно не хрюкал. А платная медицина людей лечит весьма изобретательно: до смерти доводит, но не сразу. Вначале все сбережения вытянет.

ОН БЛЕСТЯЩЕ владел искусством во-время собраться с чужими мыслями. Это не моё, слышал от Небольсина. Но и его ли?

ГОД КУЛЬТУРЫ закончился сокращением числа сельских библиотек. Вот спасибо. Это убийство культуры. Год русского языка закончился сокращением часов на его преподавание. Год литературы ознаменован разовыми компаниями встреч с читателями, разворовыванием «грандов», прославлением пищущей либеральной шпаны и… что и? Год литературы кончился, позорно, но, слава Богу, русская литература не кончилась.

ЧЕМ ХОРОША БЫЛА МОЯ ЖИЗНЬ В ДЕТСТВЕ, отрочестве и юности, так это тем, что всякие модные веяния (правильнее сказать, всякие обезьяньи подражания западнистам) доходили до нашего Богоспасаемого далёкого вятского села уже на издыхании и уже в сопровождении известий, что это уже устарело, что мы отстаём, что уже не твист в моде, а буги-вуги и тому подобное.

То же и в одежде. Тем более, повезло и в том, что жили бедно. Практически все. А это великая милость, когда юноша или девушка не стесняется быть скромно одетым. Да, не модно, но всё же чистенькое: брюки поглажены, стрелки наведёны, воротнички у девочек беленькие, кружевные, сами вывязывали, у всех косы и в косы вплетены алые или голубые ленты.

Шло нашествие и на язык. Поменее сегодняшнего, но тоже. Тюрем и тогда было достаточно, жаргонов хватало. Всякие стукачи, вертухаи были не только в жизни, но и проникали в лексикон.

Были, помню, выражения, которые подчиняли русскому выражению нерусские слова. «Крути колесо – делай бизнес» – это шутка из той поры. Колёс для кручения было изрядно, работали же всегда: молотилки, веялки, печатная машина, колодезные валы на которые накручивались верёвки (колодцы глубокие, иногда оборотов по 60–70). Так что бизнес – это не то, что сейчас всех захомутало, а физическое развитие.

Появился танец линда, сразу появилось выражение – линдачить. Конечно, и чарльстонили.

Песни иностранные проникали. Чаще не словами, музыкой. Бывали свои слова на «ихнюю» музыку: «На чердаке танцуют тоже. Там буги-вуги кочегар всю ночь даёт. И по его немытой роже пот трудовой, пот трудовой ручьями льёт». Да даже и позднее, например, темнокожие «Бони-М» пели свою «Ра-ра, рас-пу-тин», припев её

наша молодёжь передавала такими словами: «Варвара жарит кур… жарит, жарит ку-ур…».

Но ничто и никто не мог победить ни песен, ни танцев России. Танцевали и краковяк, и польку, и па-де-спань и всё побеждающий вальс. Танго не любили, но фокстроты! И тоже тут переделки были. Был модный фокстрот «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня? Самая нелепая ошибка, Мишка, то, что ты уходишь от меня». Переделали: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка, полная червонцев и рублей? Самая нелепая ошибка, Мишка, то, что в книжке нету прибылей».

А незабвенная игра в «ручеёк», когда проходили под руками стоящих пар и выдёргивали себе того, кто нравился. Оставшийся (оставшаяся) без партнёра возвращался к началу и тоже выбирал (выбирала), кого хотел (хотела). При этом всегда пели.

Вообще песни советского времени очень, в хорошем смысле, воспитательны. Они и лиричны («На крылечке твоём каждый вечер вдвоём мы подолгу стоим и расстаться не можем на миг…») и воспитательны («Не думай, что всё пропели, что битвы все отгремели, готовься к великой цели, а слава тебя найдёт…»), и патриотичны («Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех…», «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна…»).

Конечно, были и такие, например: «Трясучка – модный танец. Привёз американец. Придумали индейцы, а пляшут европейцы» – разве не актуально?

И огромное русское частушечное богатство, мгновенно откликающееся на все события эпохи, на появление новых понятий: «Нету свету, нету свету, нету электричества. Нет ребят по качеству, не надо по количеству».

МУЖЧИНА ДОЛЖЕН БЫТЬ как волк. Он или одинок или всю жизнь с одной волчицей. А бегать за козами и овечками – это удел козлов и баранов.

КОГДА ЛЮБОВЬ украинцев к своим детям будет больше ненависти к русским, дело пойдёт на поправку. В Переславле-Хмельницком в магазине разговор с двумя продавщицами, помнящими советские времена и тоскующими о них.

– Детей, пусть не вы, но отдаёте же в армию. Убивать братьев.

– А как жить? В армии хоть платят. А откажись, тем более пострадаешь. В тюрьму посадят.

– Уж лучше, думаю, в тюрьме, чем убивать своих.

– Вам так в Москве легко рассуждать.

– ЁРШ ДУРАК, а окунь умный. Ёрш, хоть сытый, хоть голодный, всё равно хватает. Тащишь его, заранее плюёшься. Ещё же надо с крючка снять. И колючий и сопливый. А окунь вначале к червячку присмотрится, принюхается. А как попадётся, тут же моментально заматывает леску за лопух, за корягу. Умный. Красивый, полосатенький.

ИВАН ФЁДОРОВИЧ, фронтовик:

– В Венгрию вошли, не забыть! Поле, копны соломы, всё вроде как в колхозе, бегаем за немцами, гранатами, прямо как снежками,

кидаемся. Мне попало. В госпиталь. Очнулся – кости, мясо на ногах – всё перемешано. А вшей там! Смерть чуют. Перестелили всё новое, всё равно вши. И меня письмо нашло. От матери. О налогообложении. И яблони облагали. Вырубить она, я понял, не посмела, подсушила. Пришли: или отдавай овцу, или деньги, или под суд. Овцу увели. Она им: «У меня муж и два сына на фронте». Написала на командира части. Ко мне приходит в палату особист. «У тебя мать несознательная». Сам носом крутит, ещё бы – мясо на ранах гниёт, пахнет. – «Так и несознательная – есть хочет». – «Вот ты как заговорил, а тебя хотели к награде». – «Зачем награду, овцу верните». – «Тебе, значит, овца дороже награды Родины?» А сам торопится. Ушёл. Ну и ни овцы, ни награды.

Да. А там же, в Венгрии, ещё до ранения, у нас было – первый солдат в город ворвался. И его хотели к Герою представить. Действительно, герой: двое суток безо сна. Там под всеми домами подвалы, в них бочки, вино своё. Он зашёл в подвал – бочка. Стрелил в основание – струя льётся. Выпил пару всего стаканов, с устатку распьянел. Дай полежу. Уснул. А струя льётся. Так и утонул. И Героя не дали. Мы с ребятами обсуждали, жалели его. Хоть бы посмертно присвоили – семье бы какое пособие. А этот же, наверное, особист и пожмотился. Сам-то брякал железками.

Да, надо ему было не в низ бочки стрелить, в срединку хотя бы. Они же, буржуи все, бочки у них, как цистерны, залило подвал. Да, нагляделись мы в этой Европе. Жадные до свинства. И чего на нас попёрли, чего нехватало?

В ЦЕРКВИ КТО? Народ. А Церковь отделена от государства. То есть государство отделило себя от народа. И публично в этом призналось.

Давайте и ленинские рассуждения о государстве вспомним. Он говорил о постепенном отмирании государства, ибо по его выражению, «государство есть машина угнетения одного класса другим». То есть, какой тут вывод? Государство отомрёт, а церковь останется. Так получается. Умный какой Ульянов – Ленин.

УШИНСКИЙ: «НЕХРИСИТАНСКАЯ ПЕДАГОГИКА – вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели».

У ЗАЙЦЕВА О ЧЕХОВЕ: Чехов признавался, что до Сахалина очень высоко ценил «Крейцерову сонату» Льва Толстого, а после Сахалина она показалась ему смешной. А в Венеции Чехов, в соборе апостола Марка, так заслушался органной музыкой, что ему захотелось перейти в католичество.

Да, чего вдруг «Крейцерова соната» такая вдруг стала знаменита и на Западе? Всего-навсего оттого, что в ней описан извращенец, гомосексуалист, ненавидевший нормальные отношения с женщиной. Английская королева могла бы и наградить автора посмертно, она же правит страной, в которой вся эта похабщина гомосексуализма одобряется.

Хороша монархия.

ГЛАВНОЕ СПАСЕНИЕ и людей и государств в Православии. И это так просто усвоить. Оно, Православие, принесено на землю

живым Богом. Оно не продиктовано учителями иудаизма, не сочинено мудрецами буддизма. Оно не обещало, как латинство, как отпавшие от него протестанты, идею земного блага (дошедшие до одобрения банковских процентов, и это при резком порицании Христом ростовщичества), Православие говорило о спасении души, о том, что смерти нет. И в этом бессмертие Православия.

Но до чего же горько прав Свиридов: «Русский дурак отдал алмазную гору веры и красоты за консервную банку цивилизации».

А какое змеиное скользкое слово – ци-вили-заа-ция.

БЫЛ НА ДАЧЕ у знакомых. Вышел во двор. Соседский мальчик лет пяти очень хочет заговорить, но стесняется. Залез на дерево, качается. Наконец, решился, спрашивает сверху:

– Вы что, тоже пельмени стряпаете?

Разговорились. Его зовут Серёжа. Рассказывает:

– Меня мальчишки зовут, давай, говорят, рыжего позовём играть и набьём. Я говорю, что не буду, что меня тогда набьют.

– Кто набьёт?

Серёжка опять молчит, качается.

– Кошачья мать, кто ещё.

– Какая мать?

– Да бабушка моя. Её кошачья мать зовут. Меня дразнят: кошкин внук.

Интересно, что кошачья мать, его бабушка, материализуется.

– Ну-ко слезай! Давно не получал? Вот сломай мне, сломай яблоню. – Здравствуйте. – Это мне. – Чего это вы шепчетесь?

– Мы просто разговариваем.

Оказывается, мои знакомые не могут с этой бабусей найти общего языка. Вышли во двор пригласить меня на обед, она отошла.

– Серёжа, идём к нам.

С ним мы и пришли. Говорили за столом, что для международной общественности двадцатый век России представляется веком политзеков, лагерей. Был ли народ? Был. Был нужен для умирания за большевиков и коммунистов, для выработки стадной психологии. Для роста чиновников, которые всё пожирали и ни за что не отвечали. Сейчас юристы, кроющие ворьё, и ворьё, вошедшее во власть. И, опять же, вымирание народа. И понять это без веры в Бога невозможно. Умер – воскрес. А хапуга умер – провалился.

Серёжка стеснялся вначале есть. Потом осмелился. Хозяйка дачи собрала ему большой пакет еды ля кошек.

– О, – сказал он, – надо же. Так-то меня бабушка всегда будет к вам отпускать.

– А чем вам, – спросил я, – рыжий-то чем досадил?

Серёжка поглядел на меня, на пакет:

– Чем? Воображает много. Да и вообще рыжий.

– ЯГОДИНОЧКА ПРИШЁЛ, да говорит про интерес. Говорит с утра до вечера, а мне не надоест. Я люблю свои рюмашки, тёща нюхает ромашки. Боюся за маманю я – вдруг токсикомания.

Коль вдохновляет тебя злоба, ты не успеешь ничего. Уже стучат по крышке гроба, по крышке гроба твоего.

Пьяница любит горько и солёно, дурак любит красно и зелёно.

– ЭТО РЕДКОСТЬ, чтоб отец пил, а сын трезвенник. Чаще, отец не пьющий, а сын полощет. А у нас вот счастье великое – все трезвенники. Делали когда вечеринки, к нам некоторые и ходить не любили: у вас, мол, и не выпьешь как следует. Тятя у нас до войны пострадал, за месяц до войны посадили. За паникёрство. Оно говорил, что война с Гитлером всё равно будет, что два медведя в одной берлоге не уживутся. Посадили, тут война. А в военкомате даже не знали, что его забрали, суда ещё не было, несут повестку. Мама с этой повесткой бегом в прокуратуру. В армию, потом говорила, плохо, а в тюрьму хуже того. Да-а.

А тятя ещё раньше успел всего наготовить. По радио, в газетах кричат: малой кровью на чужой территории! Нет, тятя понимал. Он начитанный книгами был. До двух ночи, до трёх читал. Мама ругалась: опять керосин в лампе выжег. Так вот, тятя ещё раньше чувствовал про войну. Говорил: нет, это не на месяц. Наготовил нам в запас: ящик спичек, ящик махорки, ящик мыла. Все ёмкости заполнил керосином. Самое ценное было – табак. Ещё выращивать его не научились. Это уж потом стали сажать, табакорезки делали. Рассчитывались махоркой. Меняли на хлеб. У нас же никто не курил.

Старики со всей деревни к нам. «Андреевна, сыпни хоть на закрутку». Мама их жалела, отделяла табаку. Говорит: «Они, когда курят, так хоть голода не чувствуют».

Да и тятя с войны вернулся курящим.

СПРАВЕДЛИВАЯ ОБИДА. Прошла публикация части этих записок в «Росписателе». Там я неловко высказался об Андроникове, назвал пересмешником. Нехорошо, конечно. Он же, помню, хвалился, как копировал голоса писателей и начальников, как они возили его на дачи и развлекались, слушая голоса тех, кого, мягкоскажем, не очень любили. Но отлично понимаю и его поклонников, перед которыми сердечно извиняюсь.

Это мне урок. Надо писать выверенней. Но и радость: чего и не жить писателю, если его так внимательно читают.

В ШЕСТИДЕСЯТЫЕ. ШКОЛЬНЫЙ вечер поэзии. Старшеклассник читает Лермонтова. В зале школьники, много родителей. И представитель райкома КПСС. Чтец волнуется, он в отцовском, по случаю выступления, пиджаке.

– «Выхожу один я на дорогу. Сквозь туман кремнистый путь блестит…»

– Стоп, стоп, стоп, – говорит представитель. – Как это один? А где коллектив?

– БЫЛИ КОГДА-ТО и мы русаками.

БЕДЫ АФОНА: история с малороссами, греки, начало XX века (имябожники), сейчас (напор денег)…

МУЛЛА В АДМИНИСТРАЦИИ посёлка выписал из перечня жителей фамилии всех татар и стал требовать с них, со всех деньги (взносы) на мечеть. Когда отказывались платить (кто-то неверующий,

кто-то другой веры, кто уже и крещён в Православие), то он не принимал никаких отказов. «Ты татарин? Что ещё надо? Верь – не верь, деньги давай».

«ШЛАНБОЙ», – так Серёжа у пивной называл шлагбаум. Он в заключении его поднимал, дежурил у ворот, но так и не научился правильно называть. Или не хотел, под дурачка косил: легче жить. «А как попал? В войну волков расплодилось страшенно. В деревню ночью приходили, собак даже от них прятали – сожрут. А пасти коз и овец все отказывались. Меня заставили, мне пятнадцать было. Просился на фронт, нет, иди паси. Конечно, утащили у меня двух овец. И всё! И на десять лет, как вредителя закатали. Потом, по инвалидности – ногу трактор переехал, выпустили. Но группу не дали. И жили с больной матерью, а чем жили? Когда кто пожалеет. Хлеб на машине раз в неделю привозили, а как снега повалят, сидели без него. Матери приносили старую кожу от скота, кости, она мыло варила. И дров для печки. Запах страшный, но всё-ж-таки тепло. И какой лоскуток кожи разварится, его зубами жамкаешь, волоса отплёвываешь».

«О ИЗОБИЛИИ ПЛОДОВ ЗЕМНЫХ». Долгое время, когда в церкви слышал этот диаконский возглас, то сразу в памяти представлялось наше поле, засаженное картошкой, эти ряды, пласты, которые мы окучивали, пропалывали, на которые была вся наша надежда на пропитание в долгую зиму. На что ещё было надеяться?

Но вот что важно сказать – воровства почти не было. Почти – это один-два кустика кто-то выроет и всё. Или кто с голодухи, или мальчишки шли в ночное или на рыбалку. Но не больше.

Ещё помню Подмосковье (ближайшее) всё совхозно-колхозное. Поля, поля. Нас в баню водили из сержантской школы в Вешняках (метро «Рязанский проспект», недалеко Кусково) в Текстильщики (метро «Текстильщики») раз в неделю. Шли через поля капусты, свёклы, моркови, кукурузы, то есть через Кузьминки. Конечно, улучив момент, выскакивали из строя и вырывали кочан, какой побольше. Его тут же раскурочивали и съедали.

В этом я даже и не каялся. Не воровство это было, а витаминная подкормка солдат-защитников Отечества от этого самого Отечества.

ВЫДРЮЧИВАНИЕ ПОЭТОВ от малости талантов, от желания известности, от нежелания встать к станку, – всё от внушения себе и таким же как ты, что ты чего-то значишь. Отсюда и всякие течения, которые всего-навсего междусобойчики, и всякие выдумки всяких маньеристов, ещё и куртуазных, тут же иронисты (Северянин – ироник? Так это Северянин), и, конечно, авангардисты, минималисты, верлибристы, новомодные мета-мета-фористы. И, конечно, концептуалисты.

Это узнал, когда очень настойчиво мне о них говорили, что это нечто, новое слово и т.п. Я слабо отбивался от уговоров почитать что-то из их творений, говоря справедливо, что прогресс двигают не новаторы, не прогрессисты, а традиционалисты, консерваторы. «Ну, выдумаете вы новый размер, и что? И победит он гекзаметры, ямбы, хореи?» А всё это ваше усердие – это пижонские изыски. Даже в альбом дамочкам не годится». Но у них уже и дамочки матом пишут.

Самое печатное: «Среди поверженных дубов (это мужчины) лежу спесиво, бужу желанье у гробов (то есть у мужчин), и тем счастлива».

И разве можно убедить гордецов, которые всерьёз думают, что пишут лучше всех? Тут звонит нормальный поэт. Жалуюсь ему (он ещё и врач) на слабость. Он сразу: «Ты чарочку на грудь прими, как я вот только что в Перми. А знаешь, чем закусываю? Рыбой. Помоги вспомнить. Наша, речная». Не можем. А вспоминать надо, надо память заставлять работать. Поэт же ещё и психиатр. У меня память не заставляется. Поэт звонит через пять минут и торжествует: «Чехонь! Чехонь, её не тронь, скорей хватай свою гармонь и вскакивай в седло на конь!»

Опять ною, жалуюсь, что еле ноги таскаю. Он: «Чего грустить, у нас ведь есть и Чистополье и Кильмезь».

ЧЕМ ГРОМЧЕ в человеке крики совести, тем он тише.

Женщина впитывает чувства и страсти столетиями, отдаёт в мгновение.

Сграбастать за горло может сильный, запустить когти в душу – хитрый.

В ТЕКСТЕ ПЬЕСЫ: ПАХАН (в раздумьи). – Значит, вот ты как? А вот так, не хочешь? (Стреляет, смотрит на труп).

ЧТО НУЖНО для всеобщего счастья? Женить всех холостяков. Повышаем рождаемость, заменяем вредные привычки заботой о детях.

КАК НИ БЬЁШЬСЯ, А к вечеру напьёшься. Вариант: Как ни пей, к вечеру хорош.

Это загадка языка. «Ну ты, земеля, вчера был хорош. Или: Ты вчера, старик, был в полном порядке».

Москвичи и вятичи? Так? А вятчане? Значит, москвичане?

ПИСАТЕЛИ ДРАЛИСЬ за квартиры (60-е, 70-е, 80-е) так остервенело, что казалось – в этом весь секрет продукции их талантов, что в больших квартирах они создадут нечто большое и возвышенное.

И где оно? А из-за квартир со временем стали остервенело драться писательские дети и внуки. А дедушкины рукописи чтобы не тащить с улицы грязь в дом, подстилали в прихожей на паркет.

Исписавшихся, конченных писателей, хоть они ещё живые, уже не ругают: о них ни хорошо, ничего. Когда писателя ругают, то как бы его ни унижали, это значит, что ещё на что-то способен.

А на этих живых мертвецов я нагляделся. Они не стояли за трибуной, а лежали на ней. Не говорили, а изрекали. И непременно выступали на каждом пленуме, съезде. Попробуй не дай выступить большому начальнику.

Николай Старшинов в стихах описал одну встречу в пути. «Увидел из вагона – два еврея играют в карты, в «дурачка», сочинил:

«В могучих зарослях кипрея, то спину грея, то бока, два волосатые еврея весь день играли в «дурака». Они в игру свою вложили ум и способности свои и были равными их силы, и всё ничьи, ничьи, ничьи. А за бугром, в степи бескрайней, весь день держа штурвал в руках, сидел Ванюша на комбайне, всё в дураках, всё в дураках».

А Старшинов играл всю жизнь в «дурачка» с Владимиром Костровым. Счёт у них был примерно двенадцать тысяч на одиннадцать. Мы были в поездке, в северном леспромхозе, ночевали в конторе. Они всю ночь играли, ещё и курили. Я сочинил такую пародию: «Некормлены, полуодеты, средь сигаретного дымка, два сильно русские поэта всю ночь играли в дурака. Забывши дом, семью, скрижали, не написавши ни строки, они сто раз подряд бывали поочерёдно дураки. О, братья, бросьте ваши драчки, вернитесь к родине своей, не то вас крепко одурачит всю ночь рифмующий еврей».

БЫВШИЙ БРИГАДИР: «Ох, работали! Агроном за лето две пары кирзовых сапог изрывал. А как уборка шла, да если вдруг, в частом быванье, непогода? Я всяко исхитрялся, но у меня, чтоб люди без простуды. А как? Дождище хлещет, картошка тяжеленная, старики, дети-школьники, женщины, как сохранить? Вывозил в поле котлы, воду кипятил, заваривал чего-разного, травы. И поил горячим. Да ещё хлебушка, да ещё с молочком! Да когда и по яичку. Сам-то, конечно, на другом подогреве держался. С мужичками за день бутылки по три-четыре ошарашивали. Не вру! И – жив! Сейчас? О-о, нынешних бы в то поле вывезти, никто бы не вернулся (хмыкнул). Но нынешние и не поедут. Нынче дураков нет. Нынче люди стали умнее, а жить стало тяжелее. А тогда крепко нас подсадила компартия (подумал). Но хоть работали, хоть прочувствовали. Нисколь не жалею себя за те годы, нисколь. Было б позорище, если бы я, например, на митинг пошёл чего-то требовать. Глядел я на этих, что на Анпилова, что на эту Новодворскую. Только орать. А лопату не хошь в руки? А сто мешков мокрых перетаскать, загрузить-разгрузить а они по шестьдесят, по семьдесят килограмм (долго молчал). Если бы в Бога не верил, уже бы и не жил… Ох, Россия ты Россия, матушка…».

ВЗЛЕТЕЛИ НАД СВЯТОЙ ЗЕМЛЁЙ. Облака редкие, над морем стоят над своей тенью. И будто и самолёт замер. Нет, летим. Оглянулся назад – одно море, Боже мой, где ты, Святая Земля? Сердце бьётся, говорит: «Здесь Она, здесь!» Всю, что ли, забрал?

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ, ЦДЛ, пьянка.– Васька, ты – гений! – Лёва, ты тоже гений!» Ходит меж столиков известный всем Яша. – Я на коленях у Горького сидел, за папиросами Маршаку бегал. – Не ври! – Да, вру, да, но я же изобрёл талантомер. – Достаёт комнатный термометр, поочерёдно прикладывает к головам сидящих. Всматривается в градусы. – Объявляю результаты: – Да, тут сплошные гении, но талантов ни у кого не обнаружено. Все вы уже дошли до ручки, идите дальше. – Подставляет стакан: – Плесните гонорарчику.

Ему предлагают стул. Садится. Прячет градусник в карман.

– Я полукровка, я не могу спать ни лёжа, ни стоя, а только полусидя, полулёжа. Во мне русский спит, а еврей только дремлет. Судьба такая. Читаю на «бис» типичные «полукровочные» стихи:

«И жили люди в сонной одури. Родились зря, страдали зря. И так бы душу Богу отдали, не будь «Авроры» Октября».

У КОРМУШКИ ДЛЯ птиц в Никольском: «Божья тварь, Божьих тварей кормлю. Потому что синичек люблю и воробушков в серой оправе. Божья тварь, печку в бане топлю и молитвой несчастья к нулю низвожу: унывать я не вправе».

ИНОСТРАНЦЫ ДО СИХ пор ничего не поняли ни в русской жизни, ни в русских. Может быть, наступает для них последняя попытка понять то, что спасены они будут только Россией.

КОГО ТРУДНЕЕ разбудить, похмельного или бездельного?

– ХОРОШО ТОМУ на свете, у кого жена и дети: он чаёчек попивает, язычком своим болтает. Присказка сказалася, сказка завязалася.

В 1980-е В ПИВНОЙ. Вот куда было ходить шпионам, там всё тебе расскажут. Даже и не расспрашивай. Сам подходит, присматривается. Выпили. «Знаешь, где я работаю?» – «А зачем мне это знать?» – «Потом поймёшь… Работа у меня, только тебе по секрету скажу, не тяжёлая, но нервная. Но какая, язык откушу, а не сообщу!»

Конечно, скажет. Намекает на спецслужбы, на космос, на ядерное оружие. Всё же, по его мнению, от него зависит. Но вот что-то интересное:

– Знаешь, почему Ярославль сохранился, а Вятка взорвана? По алфавиту взрывали. Первая причина. Вторая: везли взрывчатку в Абакан, вятские перехватили. Ты ж понимаешь, что в кадре решают всё.

– Кадры решают всё! Сталина слова.

– Какая разница? Деньги давали, да и сейчас дают, только на разрушение России. Но это между нами.

– БЫЧОК МИШКА нас спасал. Его хотели отобрать в колхоз. Мы его ночью увели в участковую больницу. Там его поставили на баланс. Тётка там наша была. И мы на этом бычке всё: и дрова возили и навоз на поле, и сено зимой. И, конечно, пахали. Он сильный был, всех обгонял, даже лошадей. Но смирный, послушный. На нём не было никогда, чтоб кольцо в ноздри. И ещё благодаря отцу. Инвалидом вернулся, но всё делал. Валенки подшивал, лапти плёл, корзины. Я всегда рядом сидел. Пчёл держали. Я снова с отцом. Хоть ревел, когда пчёлы кусали, но не отставал. В школу я в лаптях не хотел ходить, стеснялся, мать с ремнём выгоняла. Говорила нам: учитесь на врачей.

И безотцовщину прошёл, отец недолго протянул, раны у него всё открывались, а инвалидность он не хотел подтверждать, гордый был, говорил: «Что, они не знают, что у меня ноги нет?» А он всегда у властей под подозрением был. Выпьет и говорит: «Да Сталин – это гад ползучий, гадюка бессердечная. Что ему мы? Хитрюга редчайшая! После войны: «Выпьем за русский народ!» А мы же простяшки: вот спасибо ему, дорогому, всё ему простили! Лиса восточная!»

Да, отец. Не он бы, кто б я был? Похоронили мы его. От него два мешка соли осталось, мы раздавали. Его мама, бабушка моя, вскоре умерла. А дедушка пришёл к нам жить, чтоб пасека не пропала, я

ещё мал был. Стал подрастать, дедушку всё расспрашивал, как, по сравнению с царским временем, живём? Он сказал: всё то же самое, те же штаны, только навыворот. Раньше, кто работал, тот жил, кто не работал, молчал. А потом, кто не работал, тот стал командовать. Он отцу советовал в колхоз вступать, отдать свиноматку. А отец: «А что отдаёт голь перекатная?» И у нас одворицу обрезали. Потом война.

Когда Сталин умер, я в армии был, в Эрфурте, слёз у меня не было. Надеялся, что будет другая жизнь.

А ещё всю жизнь думаю, что ж мы так все тряслись? Боялись арестов? Если я не знаю за собой ничего такого, что трястись? Штука тут в том, что знали: был бы человек – статья найдётся. Был анекдот о школе милиции. Задание: придраться к телеграфному столбу. «А-а, провода протянул, связи заимел? А чашечки для чего? Пьёшь, значит?» Да и доносители были.

А Сталин, что ж? На страхе перед собой вырос. Кокетничал, когда говорил: «Русский народ мог бы сказать нам: уходите». Смешно. Ну, хоть Троцкого свалил, спасибо.

ПДК – ЭТО ПРЕДЕЛЬНО допустимые концентрации. О-о, для СССР это было понятие резиновое. Собственно, как и для всех. ПДК – это сколько можно допустить яду в пище, выхлопов заразы в атмосферу, сколько всяких тяжелых металлов, окислов в той же воде, в той же атмосфере. Что едим, что пьём, чем дышим. Всё на пределе. Но это же всё «предельно допустимо».

СТОИТ ТОЛЬКО вечером лечь в постель и закрыть глаза, как сразу: просторы Святой Земли, тропинки Фавора, Сорокадневной горы, Елеона, побережье Тивериадского (Геннисаретского, Галилейского) озера, улочки Вифлеема, козочки Хеврона, подъём к пещере Лазаря Четверодневного в Вифании, зелень и цветение Горненского монастыря, торговые ряды в сумерках Акко, пещера Ильи-пророка на Кармиле в Хайфе, Сады Тавифы и гробница Георгия Победоносца в Яффе… И так идёшь, идёшь по памяти, так наплывает: Иордан, Мёртвое море… смещаешься вниз к Красному (Чермному) морю, там Шарм-аль-шейх, разноцветные рыбы, утонувшие колесницы войск фараона. Синай! Ночное всегда восхождение. И при полной луне («В лунном сияньи Синай серебрится, араб на верблюде ограбить нас мчится..»), и при полной темноте с фонариками, когда и далеко впереди, вверху и позади, внизу, ленточки огней…

Или, обязательно тоже, Кильмезь. Великий Сибирский тракт, но котором она поставлена и стоит сотни лет. И всё ещё живые в памяти екатерининские берёзы. Свой дом. Из которого увезли в армию в 1960-м, и который сгорел в 2011-м, то есть перешагнувший за столетие, и теперешний, новый, в котором в прошлом году жил всего-навсего пять дней. Пять из 365-ти. Вот и остаётся, как милость, память предсонных воспоминаний. Тополя, сирени перед домами, мальвы в палисадниках. И, конечно, река, река, река. И луга в полном цветении разгара лета.

И ничего бы мне не надо, как только ходить по ним, да дышать напоследок воздухом родины. А вот дышу бензиновым перегаром центра столицы. Но что делать? Разве бросишь борьбу за звание лучшего зятя Российской Федерации? Вот она, дорогая 97-летняя

героическая тёща, сидит рядышком. «А ночь какая тёмная, да?» – «Да». И это за десять минут десятый раз. Но мне всё же легче, чем Наде. Наде за вечер раз пятьдесят: «Чем тебе помочь?». Послал Господь нам на старости лет возможность вырабатывать терпение.

«ДАЛАСЬ МНЕ ключница Агафья, далась кухарка, тем гордясь. И лишь одна библиографья, что с ней ни делал, не далась». Это из стиха о князе из царской фамилии, который пытался углубиться в библиотечное дело. А оно очень непростое. Да, любовь моя – библиотеки, меня вырастившие, библиотекарши, меня любившие. Так и у Нади. У неё в доме, прямо под их окнами, была библиотека, и Надя, ещё до школы, ходила в неё каждый день.

Каждый день. Ей вначале не верили, что уже прочитала, и вначале проверяли. Надя: «А я думала, что так и надо, что это чтение на каждый день. У меня под столом была школа, я была учительница. Читала куклам книги. Когда в школу пошла, завела тетради. По четыре на каждую куклу. Давала задания, выполняла за каждую ученицу, ставила оценки в журнал».

Жена у меня красоты необыкновенной.

НАСИЛЬНО ВЫРАБАТЫВАЛИ советскую национальность. Они же, большевики и коммунисты, видели пример – получилась же американская нация, и у нас получится. Вся пропаганда работала на советский образ жизни. Национальное, если и допускалось, то только в кухне, костюме, песнях и плясках. На это денег не жалели. Но национальное мышление? Боже упаси! Особенно убивалось русское. Особенно в слове. Вот я писатель. Но я не русский, а советский писатель. Помню, старик Троепольский просил в аннотации указать, что он русский писатель. Ничего не вышло. Советский! Но ведь Айтматов, пусть и с советской приставкой, киргизский, Сулейменов казахский, Юхаан Смуул эстонский, Ион Чобану молдавский, Думбазе грузинский и далее по тексту. А ведь выходили они к международному читателю только через русский язык. И печатали их куда усерднее, чем русских.

Вся эстрадная машина работала на советскость. Маяковский очень ценился: «Я – гражданин Советского Союза!»

Правда, вот вспомнил, в армии пели, да её и по радио часто пели, песню о русском Ване, солдате Советской Армии: «У нас в подразделении хороший есть солдат. Он о своей Армении рассказывать нам рад. Парень хороший, парень хороший, вот он тут как тут. Все его любят, все его знают, не без основанья! Парень хороший, парень хороший, как тебя зовут? «По армянски Ованес, а по-русски Ваня». Песня длинная, много же национальностей, и все сводились к Ване. Как бы ни называли парня, откуда бы ни был призван, всё сплошной Ванёк. Но и это была пропагандистская поделка. Назойливая. И, конечно, насмешливая реакция на фальшивку не замедлила. Пели: «У нас в подразделении хороший есть солдат. Пошёл он в увольнение и пропил автомат».

ДАНЕТЫ И ЭДИТЫ. Опять же в шутку в 1960-е назывались такие имена. Парень – Данет, то есть ни да ни нет. Девушка – Эдита, то есть «иди ты».

В ЗАСТОЛЬИ ЮРИЙ Кузнецов (не выдержав предыдущих выспренних речей, встаёт, расплескивает водку из стакана): «Не надо возвышаться! Могут какие-то из нас пускать умные идеи, а зачем? Это пузыри. Давайте за то, что настоящее. Народ безмолвствует? Кто это говорит? Тот, кто жив, благодаря безмолвствующему? Ничего не понимаю: кругом ложь, враньё, а мы не сошли с ума. Вот хоть за это. Спасибо нам скажет сердечное кто? За что? Остались мы, какие-то сбрызги от народа».

Отпил, сел, допил. Молчание. Что говорить, Кузнецов держал уровень поэзии. Её мастерства, бесстрашия при названии болевых точек. Но духовность поэзии ему не далась. Думал наскоком взять.

ЖЁНЫ ЖИВУТ дольше мужей потом, что кричат на них, сваливают на них все свои страдания и беды. Кто виноват в том, что жена хуже всех одевается, выглядит и так далее? Конечно, этот эгоист, который никого не любит, только себя. Так и не женился бы.

Жена наорёт на него, наорёт, очистит свою нервную систему и пошла. А он, что ему-то делать, во всём виноватому? Ходит по квартире, посуду моет, только это и получается. Да и то, по опыту знает, что вернётся, возьмёт чашку и, конечно, скажет: «Это ты так чашки вымыл?» Начнёт перемывать.

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ всех религий, верований, сект, течений – оттащить людей от Христа. А не получается, так стараются Его к себе подтащить (католики, протестанты). Мысль, какая угодно: политическая, экономическая, дипломатическая, литературная, если оторвана от Церкви, то искажается, ведёт в очередной тупик. Иногда надолго.

Христианской лексикой увлекаются люди ищущие, но не церковные. Это реакция на атеизм. То есть поиск духовности. Но без церковной практики поиск бесплодный.

Когда спрашивают, есть ли будущее у России, надо вопрос ставить конкретнее: есть ли будущее вообще у человечества?

РУССКИЕ НИГИЛИСТЫ народ высокомерный: ничего их не устраивает, ни в чём их не убедить. Бороться с ними можно таким вопросом: если это вас не устраивает, то что вы предлагаете?

Обязательно предложат полную чепуху или, чаще, ничего не предложат. Надменно заявят: «Это вы сами думайте».

Хотя мир мы видим одинаково, отличаем дерево от куста, но вот во мнениях об устройстве мира главные расхождения. Так не было бы, если б мы сговорились принять за непреложную мысль, что спасительно только Православное мировоззрение, вот тогда… тогда да.

БОРОЛИСЬ ЗА СВОБОДУ, и ведь добились свободы: расцвела гласность, Но ведь и сорняки ожили под солнцем свободы. А они более живучи. Кто полол грядки, знает, что осот тяжелее вырвать, нежели слабую корешком астру.

СТАРЫ НОЖНИЦЫ тупые, новы не отточены.
Те бы матери молчали, у которых дочери.

Мы с милёночком гуляли и спугнули соловья.
Те бы матери молчали, у которых сыновья.
Русу голову помазали, посыпали золой.
Бригадиру заявили: нам сегодня выходной.

ПОДРУГЕ:

– Иду и вижу его визуально. Я ж социальную адаптацию прошла, кой-чего понимаю в мониторинге. – «И чё?» – Чувствую, не женится, гад ползучий. – «Убить мало! А как у вас всё было?» – «Как? Как в сказке: припёр шампанского. А я ж от шампанского балдею, как кошка от валерьянки».– «И чё?» – «А чё и спрашивать». – «Да у него таких как ты – ногами не перепинать».

МАЛЬЧИШКА СО СКЕЛЕТОМ бывшего мопеда. Рама, колёса, самодельный руль. «Ну, тебе только с горы на нём катиться». – «Зачем? Я живой мотор сделал.» – «Какой?» – «Колька!» – Подскакивает ещё мальчишка, начинает толкать первого в спину. Да ещё при этом и звуки мотора изображает. Ему даже веселее, чем первому.

«НЕ РАДУЙСЯ – НАШЁЛ, не тужи – потерял». Это мама всегда говорила. Это вспомнилось, когда я пережил попытку электронного ограбления. Я – образца 1941 года – дитя войны. И правительство решило нас порадовать, прибавить немножко к пенсиям. Спасибо, есть за что. За голод и холод, за верность Отечеству. Несмотря на засилие марксизма-ленинизма, терпеть которое тоже было противно. Но притерпелись, знали, что четвёрку по истории партии всегда поставят.

Так вот, звонят мне: «Вы в программе «Дети войны», вам полагается приплата к пенсии полторы тысячи рублей». Спасибо. Для Москвы это, конечно, копейки, но и то хлеб. «А для этого продиктуйте номер вашей сбербанковской карты». И я, как последний вахлак, всё продиктовал. И кодовые цифры, всё. Спасибо жене, как раз вернулась и ахнула: муженёк все секреты разглашает. Погнала в сбербанк снять деньги. А и было-то их чуть-чуть. Да ведь и их жалко.

Но что думаю: доверчив я? Да. Но доверчивость – чувство православное. А ещё бы хотелось видеть эту женщину, которая так ворковала, так радовалась за меня, за дитя войны, что мне немножко будет полегче. Из неё получилась бы эсэсовка. Грабишь стариков? Что ж ты не идёшь Чубайса грабить? То-то.

ЛЮБОВЬ И СОВЕСТЬ к родине в человеке – голос Божий. Именно Господь и именно в этом месте Вселенной вывел на свет Божий именно этого человека. Чтобы человек берёг это место. И если в этом месте теперь земля разграблена, вода отравлена, воздух загажен, то с кого спрос? С рождённого здесь. А где он? А его нет. Ему в другом месте лучше. Ну да, в армии служил, ну да, учился, женился, но не может же быть, что не болит твоё сердце о родном. И эта боль хоть как-то оправдывает тебя.

УРОК ДЕДУШКЕ. Лет десять, не меньше, прошло, как мы с внуком говорили о происхождении человека. Я и забыл об этом. А что ему в школе вдалбливали дарвиновскую обезьянью теорию, не сомневаюсь.И вот – выпал из бумаг листочек, исписанный детским

почерком внука. Не думаю, что он записал только мои слова, тут плоды и его разумий.

Пишет:

«Акынчательной машыны не зделать идиально такак человек не идиальный. Достижения энтиграла и логарифма ничего не доказали».

«Человек не произошёл от обезьян потомушто обезяны остались».

«Почему же тогда оставшиеся обезьяны не превращаються в людей»?

Милый ты мой!

СТАТИСТИКА 1903-го года:

Людей на планете – один миллиард пятьсот сорок четыре миллиона пятьсот десять тысяч.

Из них:

Христиан: пятьсот тридцать четыре миллиона девятьсот сорок тысяч. (Может быть, тут и католики и протестанты?)

Магометан: сто семьдесят пять миллионов двести девяносто тысяч.

Иудеев: десять миллионов восемьсот шестьдесят тысяч.

Другие: конфуцианцы, буддисты…

Итак. На тысячу человек: 346 христиан, 114 магометан, 7 иудеев, 553 остальных.

И какие вы ждёте комментарии из 20016-го года?

Одно: Православие внесло смысл в существование мира. Второе: Так что же, неправославные погибнут? Это знать не нам. Нам – радоваться, что мы православные.

«КАК СЕГОДНЯ НАПИСАНО», – говорим мы часто о классиках. Какой отсюда вывод? Очень умный вывод: не надо торопиться.

СОЧИНЕНИЕ, СО-ЧИНЕНИЕ, тут приставка СО показывает, что сочинение со-вместно. Иначе получается ЧИНЕНИЕ, чинодральство, гордыня. Сочинение совместно с кем? Конечно, с тем, о ком, про кого пишешь.

И получается отсюда настоящее.

УЗБЕК О ЖЕНЕ: «Слушай, у меня был один женщин. Седой стал, другой не хочу».

Он же: «Слушай, много знаешь, мало живёшь, да?»

МАМА О ЧТЕНИИ:

– В детстве читали при лучине. Ведь и её экономили. Так даже при красном угольке читали, чтоб следующую лучинку не сразу зажигать. Уголёк от берёзы долго красный. А от сосны быстро гаснет.

Она же:

– Встретила женщину. Не я, она узнала. «Ой, – говорит, – ты не изменилась. Ты с какого года?» Я говорю: «Я ведь вас старше». Разобрались – она старше. Я с 17-го, она с 14-го, как мой Яколич. А молодо выглядит, без палки ещё ходит. Мы с ней недалеко жили. Повспоминали. Даже председателя Кошева вспомнили. Колхоз «Путеводитель». Кошев бежит, кричит: «На демонстрацию!» Мама моя

говорит: «Надо лён трепать». А мы и трепали в это время. Он кричит: «Почему мало людей? Потому что поп не ходил, крестом не махал?» Её спрашиваю: «В церковь-то ходишь ли?» – «Да средка, – говорит. – Нас ведь не приучали, а отучали. Но хожу».

Да, отучали. А не отучили.

ЦЕРКОВЬ ВНЕ ПОЛИТИКИ? Смешно. Все же батюшку спрашивают, за кого голосовать, как к кому относиться. Это большевикам и демократам церковь поперёк горла, при царе только она и вытягивала Россию. Ну-ка представить Ивана III без преподобного Иосифа Волоцкого, без его борьбы с ересью жидовствующих, что б было? Как же ему было не заниматься политикой: Русь погибала.

ЕВРЕИ СЕЙЧАС не бегут с Российского корабля. Значит, он не тонет. У них чутьё.

ГДЕ МЁД, там и мухи. Где Дух Святой, там злые духи.

В ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ всяко шутили. Но грубости не было. «Василёк, отромашься, а то затюльпаню, сразу осиренишься». Что тут глупого или грубого?

ХЕЛЬСИНКИ, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ книги моей в огромном магазине, сказали, крупнейшем в Европе (тогда, год 1986-й). Ещё японец, тоже с книгой. Сидим рядом. Представляют меня. Чего-то жую о деревенской прозе, хвалю друзей. О себе: очень ещё несовершенен, учусь у классиков, очень благодарен за перевод книги на финский язык.

Представляют японца. Рубит фразами: «Мои тексты исследовали с помощью электронной техники! Я первый в японской литературе по построению фразы! Я близок по стилю к Акутагаве Рюноске, достиг Кобо Абэ, равен Киндзабуро Оэ…»

И, конечно, его книгу раскупают. Ко мне очереди нет. Да ещё и очень понижает моё настроение плакат: обложка моей книги, зачёркнутая цена, написана новая, гораздо меньшая. И хотя это, конечно, не уценка, а распродажа по случаю присутствия автора, всё равно не по себе. Вот и мямлю. Мой издатель очень огорчён.

Что делать? Набираюсь решимости, беру микрофон:

– Да, пишу я хуже Пушкина, Достоевского, Шолохова, но всё впереди! А что касается современников, тут со мной всё в порядке!

От японца пошли ко мне. И покупают.

То есть, что это было с моей стороны? Похвальба, уверенность в своих силах, самореклама? Всё это как-то противно. А японец хоть бы что. Дотягивается до моего плеча, дружески хлопает.

– СЛАВА БОГУ, понемногу стал я обживаться: продал дом, купил ворота, стану запираться. (Скорее всего, ещё дореволюционное. Слышал от отца.)

ДОЧКА, ФОЛЬКЛОР детсадика: «Обзываешь ты меня, переводишь на себя». Очень точно.

Она же: «Когда нам разрешают рисовать, что мы хотим, мы все рисуем сказочное».

Да, а внуки уже рисовали страшилки. Карусель Катя называла «крутилочкой».

– Да, мамочка, да, ты-то за папочку замуж вышла, а меня за чужого дядьку отдаёшь.

МАМА. СОВЕТ на все времена: «Не изживай постылого: приберёт Бог милого.

Она же: «Все же одинаковы. Что мужчины, что женщины. Лишь бы один, для начала, любил. И всё наладится. А ещё как бывало: увёз силком, а стал милком. Ведь если увозил, значит, любил.

– ТУДА НЕ ВСЕ проходят (к деньгам, славе), но всё проходит.

ПИЛИЛИ ТАМ двуручной пилой:

– На тебе, дай мне.

– Нет, не так.

– А как?

– Тебе, мене, начальнику. Тебе, мене, начальнику!

ЕФРЕЙТОР ХОДИЛ за водкой. Две в карманах брюк, две в карманах шинели. Засекли. Побежал. За ним бегут. Выхватил одну, сорвал бескозырку, то есть жестяной колпачёк, и на ходу отглатывал. Это левой рукой. Правой вытаскивал из карманов бутылки и швырял их, как гранаты, под ноги преследователям. Ведь ясно, что всё равно сидеть на губе.

У нас в части такое было. Ефрейтор стал героем.

ПЛОХО ПРИВЯЗАЛСЯ. Работал на куполе. Упал, даже вмятина в земле. А выжил. Говорил потом: «Полетел, успел сказать: “Матерь Божия, спаси”. Ночью в больнице вставал и молился. А днём встать не мог».

ГРЕБНЕВ – ГОМЕР: «Думал зятёк втихаря: “Да когда ж ты откинешься, тёща?” Горько рыдает она, зятя могилку обняв».

НА СТАРОСТИ ЛЕТ писатель, и очень известный, полюбил. Лучше сказать, увлёкся. Но крепко. И отлично понимал, при его-то опыте, что не стоит она «безумной муки», но…

Приезжал, жил у меня. Я всегда был рад ему, одно у нас не сходилось: я не мог сидеть с ним ночью, слабел, разговор не поддерживал, а он как раз ночью бродил, зато валялся потом до полудня.

Сидит, роется в своих сумках, ищет лекарства, и громко (он ещё глуховат) рассуждает:

– Московские умные шлюхи насилуют знаменитых провинциалов. Готовься писать рассказ о том, как старый, нет, лучше, в возрасте, человек выдумывает себе утеху и, конечно, обманывается. Но! – поднимает палец, – отметь то, что любит он сильнее, чем та, что, важная деталь, признаётся ему в страстной любви. Он любит сильнее и надёжнее. Думает о ней ежечасно и! полагает что и она также думает. Серьёзно думает. Если б не серьёзно, чего б стоил его идеализм. – Шарит и шарит по сумкам. – Рассказ назови «Вечерний разговор о… например, о Скотте Фитцджеральде». Но рассказ о другом. Читатели это любят. Ей надоело уже моё присутсвие в мире. Она сейчас, конечно, утешается с другим. А чего я ищу?

– Лекарство ты ищешь.

– Да. Но я его уже нашёл. Я ищу носки.

– Прими лекарство, а то опять потеряешь.

– А носки где?

– Я тебе свои дам. Больше ничего умного не говори, а то я спать хочу.

– А лекарство-то где? Ты же не бросишь человека не принявшего лекарства? Пойду носки стирать. Представляешь, ко мне вернулось состояние, что сидишь где-то в людях, что-то говоришь, а думаешь о ней. Ты ложись, ложись, а я посижу, попишу письмо, пока душа полощется. Пусть она изменяет, я буду любить. Любить и лелеять любовь. Душа потом отблагодарит. Подожди, я же книгу ищу. А нашёл носки.

Уходит в ванную, стирает носки, поёт:

– Лебединая песня пропе-ета-а, но живёт ещё э-э-хо любви. – Выходит из ванны: – Как? Эхо живёт. А эхо живёт?

– Ну, пока звучит.

– Красивость это или нормально?

– Ну, если живёт, конечно, нормально. Хотя вообще всё это у тебя с ней ненормально.

– Но меня не долюбили! – восклицает он. – Отца не было, мать на работе, девчонок боялся. Одиночество полное! От одиночества стал писателем.

– Так одиночество для писателя это норма. Без него ничего не напишешь.

– Это поверхностное – бег от семьи в деревню, на дачу. Временное уединение. Нет, когда одиночество глубокое, постоянное, настоящее…

– Значит, ещё лучше напишешь.

– Как ты жесток! Занавес ещё только поднят, а ты уже убиваешь. – Начинает опять что-то перекладывать в сумках. – Пиши! В семнадцать лет он ещё был хорош, пел песни и разыгрывал из себя знаменитого актёра, похотливого старичка, который любил ничтожных актёрок. Читал искусственным голосом Толстого и Пушкина: «Барышня, платок потеряли!». «А Катюша всё бежала и бежала…» Он не знал жизни всех этих мерзавок, которые его обманывали. Хм-хм! Голос прочищаю. «Я всё твержу: я нежно так, я нежно так, тут повтор, нежно та-ак тебя люблю-у». Тут снова надо спеть повтор. Она меня хотела только якобы увидеть. «Ах, вот вы какой, ах, я прочла ваше ожидание любви, я поняла, что это обо мне, и вот я и пришла». О, радость, муза в гости! А получилось вот что. Запиши, старичок: нельзя быть копией жизни. Деревенской прозе не хватило пары белых усадебных дворянских колонн.

– Да эти дворяне после 1861 года школы уничтожали, чтоб мужики оставались неграмотными. Паразиты и захребетники. Дворянская культура! Да она только для них и есть, – сердито говорю я. – Французский учили, чтоб слуги их не понимали. Тургенев крестьянку шестнадцати лет купил и сразу её в наложницы. А перед своей француженкой, как её? Виардо, шестерил. И вообще все западники такие! А читателей им больше досталось. Да плевать! Всё, спать пойду.

– Судьба решила всё давно за нас, – поёт писатель. И комментирует: – Жуткие слова «всё решено за нас». Но если судьба – суд

Божий, то всё правильно. – И на эту же мелодию (поёт): «Я душу дъяволу готов прода-ать».

– Но это уже совсем ужас, – говорю я. – Заступник народный готов продать душу дъяволу за что? За лживую бабёнку?

– Вот так и бывает, – говорит он и снова роется в сумках. – Да! Зная, что живём первый и последний раз, что добро было всегда и будет всегда, попадаем во зло.

– Которого не было, которое появилось, но которого не будет.

– И этих бесовок не будет? – спрашивает он. – Это вряд ли. – Бросает на пол найденную книгу. – Зачем я её искал? Старичок, думал ли я, – он даже руки вздевает, – что может быть наваждение такой тёмной силы? Спать идёшь? А мне мучиться и страдать? Но я счастливый.

– Счастье в чём?

– Счастье в оживлении работы сердца.

– Работы какой? На эту бесовку? То есть именно она оживляет работу твоего сердца? И ведёт к надписи на могильном камне: «Эн-эн погиб не на дуэли, его страдания доели».

Ухожу спать.

Виталий БОГОМОЛОВ

ЖИЗНЬ МИМО ЖИЗНИ. Рассказ

Валерию Евгеньевичу Ходячих
посвящается

Стоял август, самая грибная пора…

И захотелось Никите Зуеву пригласить на лесную прогулку близких своих друзей, Мишу и Володю, с которыми поддерживал отношения с давних школьных лет. За грибочками, может, и на рыбалку, главное, чтоб подальше забраться, где нет дорог, а значит, и людей. Хочется от них отдохнуть.

Приятели (всем им было уже под шестьдесят) исследовали карту области, нашли, как им показалось, самое оптимальное местечко: и неблизкое – сто пятьдесят километров от областного центра – и глухое, в стороне от трассы, деревушка под соблазнительным названием Тихая, а рядом озеро Долгое. Ну чем не романтика?

Запаслись всем необходимым, продуктами, спальниками, палаткой, инструментами и прочим; Зуев червей для наживки накопал у себя на берегу, и даже берёзовых дровишек с десяток поленьев бросил в багажник. Так, на всякий случай. И субботним утречком пораньше рванули на зуевском внедорожнике на запланированные два дня с ночёвкой.

От федеральной трассы, по вполне сносной грунтовой дороге, ушли в сторону ещё на шестьдесят километров; добрались до села Михайловки. Здесь им пришлось узнать, что деревни Тихой давно нет, вымерла. Но те, у кого они спрашивали, вспомнили, что, вроде, там есть один дом, в котором обитает какой-то выживший из ума старик, не захотел покидать своё хозяйство. Расстояние до Тихой, сказали, километров пять, но дороги туда тоже давно нет, всё затянуло и заросло… А была раньше дорога; если из села спуститься в пойму к реке, то – сразу налево и вдоль кряжа. Никак не заблудишься.

– Мужики, то, что надо нам! – решил порывистый Никита.

И они поехали. Место, по которому когда-то проходила дорога, угадывалось легко, хотя и затянуло её мелким кустарником. Порой машина ухала в заросшие колеи и мочажины… Но выбиралась. Хорошая у Никиты оказалась техника, высокой проходимости. Проехали пять намеченных километров, однако никаких признаков деревни Тихой не обнаружилось.

Остановились, «почесали в затылках», посоветовались, значит.

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1978). Трудовую деятельность начал в колхозе. Позднее трудился на заводах, в книжном издательстве, в ВОХР, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве: «Глухариное утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей России (1990). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Достоевского I и II степени (2013, 2012). Живёт в городе Перми.

– Насчёт пяти километров – это «деза»[1], – сказал Никита.

Для полной уверенности решили ещё податься сколько-нибудь вперёд. Через семь километров лес расступился, и они увидели догнивающие останки бывшей здесь деревни, окружённой холмами, и единственный целый дом.

Вышли, огляделись. Совсем близко к дому подступало кривое вытянутое озеро, которое бумерангом загибалось за высокий хвойный лес, обступивший его с северной стороны. Видимо, это была старица. Над озером и лесом в синем небе висели неподвижно такие живописные и колоритные кучевые облака, какие бывают только в августе, что невольно принуждали замереть и хоть недолго полюбоваться ими.

Друзьям без обсуждения стало понятно, что выехали они туда, куда им надо было.

– А то! – воскликнул Зуев таким уверенным и торжествующим тоном, какой свидетельствовал, что с Зуевым иначе быть и не могло.

Определили местечко для стойбища – косогорчик возле озера недалеко от дома, стали разгружаться. Время близилось к полудню. Первым делом под ёлками поставили палатку, утвердили походный столик, развели костерок, разогрели еду со свежей картошечкой, тушёной в мясе. Дальше было, как всегда в подобных случаях: покушали, пропустили по нескольку стартовых рюмашек – под разговор и воспоминания… Как любил повторять Никита – «помаленьку, но почаще».

Михаил был заядлым грибником и, получив от голосистого Никиты крепкое командирское внушение на разведвыход: чтоб его не пришлось искать всем составом ближайшего УВД и жителями района, отправился за грибами. Старый грибник, он был уверен, что заблудиться ему здесь трудно. Да и навигатор при нём… Он решил обследовать косогор, который тянулся по северной стороне озера.

Володю, начавшего с годами набирать тучность и терять подвижность, распорядительный Зуев снарядил удочкой и отправил «помахать» ею на берегу озера. А сам, дымя безостановочно сигаретой – здесь ещё полно было комаров, занялся хозяйством, подготовкой мяса к вечерним шашлыкам. Время от времени он бросал взгляды на избёнку, прикорнувшую под двумя огромными развесистыми берёзами: никаких признаков жизни там, однако, не замечалось.

Минут через тридцать с небольшим Володя уже вернулся с рыбалки. Принёс в пластиковом ведёрке с дюжину дивных золотистых карасей, каждый с добрую ладошку.

– Не могу больше. Заели! – пожаловался он. – Аборигены здесь, видно, разводят каких-то особо породистых комаров. Каждый с воробья! Уши распухли.

– Во! – изумился Зуев. – Уха есть! Если Мишуня ещё грибочков принесёт – заживё-ём, как на курорте! А в промежутке – запиши! – ша-шлы-ки-и под водочку! Слышь, братан[2], есть же вот средство от кровососов. На, опылись!

Он протянул другу аэрозольный баллончик. За двадцать лет профессиональный военный службы командные нотки въелись в его

---

[1] Дезинформация.

[2] Обращение, распространённое в жаргоне участников войны в Афганистане.

голос так, что разговаривал он с Володей, будто тот находился не рядом, а в километре от него.

– Ладно, ты давай приводи в порядок своих карасиков, выпускай им «унутренности», а я схожу в кишлак на разведку, узнаю всё же, какой там бабай живёт, – распорядился Зуев.

По высокой, в рост человека, дурной и перестойной траве он стал пробиваться к домику под берёзами. От дома к озеру до плотков была прокошена неширокая слабо натоптанная дорожка.

Прошло примерно полчаса, Володя уже забеспокоился и хотел идти на выручку другу, но Никита сам, наконец, появился.

– А что, грибник наш не вернулся ещё? – удивился он. И тут же вывел заключение: – Слышь, братан, ну, точно, придётся искать Мишуню. Мобильник здесь не берёт – связи ващще нет.

Он стал рассказывать про хозяина избушки. Живёт в ней одинокий старикан восьмидесяти четырёх лет, Пётр Анисимович Куров. Бывают Орловы, а есть вот, оказывается, и Куровы. В прошлом колхозный кузнец. Раньше с ним тут обитали ещё, как он говорит, две «девки», одна была постарше его, другая чуть помоложе, но когда двадцать лет назад какие-то бандюганы сняли с электролинии все провода, и Тихая навсегда упала во тьму, старух увезли родственники, а ему, говорит, ехать некуда. Теперь он даже не знает, живы ли его подружки…

– Как же он двадцать лет без электричества, в наше-то время?! – изумился Володя, программист, который подобной жизни даже представить не мог.

– Вот и я тоже не пойму! – вскинул руки Зуев, встряхивая плечами. – Привык, говорит. Встаёт с петухами, спать ложится с курами.

– Это ладно. Куров. Он с курами и ложится… А вот чем тут кормиться?

– Пока были силы, держал, говорит, хозяйство, козочку, кур, овечек на мясо, теперь даже кошки нет. Огородишко небольшой только садит и всё. Пять-шесть вёдер картошки ему на всю зиму, до лета хватает.

– Ну, а хлеб, крупа, сахар?..

– Иногда, говорит, делает прогулки до Михайловки, где закупает хлеб и прочие припасы. Прямой тропой это, говорит, пять километров. Для своего возраста он ещё крепкий старик, надо сказать. Форму держит. Надеяться-то ему не на кого. Но зимой тут… Ты меня, братан, извини-и… Да ещё без электричества. – Зуев выпятил губы и покрутил недоуменно головой. – Не зна-а-а-ю…

– Слушай, Зуев, это какая-то дикость в наши дни!..

– Ну, какая дикость… Вон Лыковы жили не в такой тайге и ничего… Они, правда, староверы…

Из зарослей неожиданно показался Михаил.

– О, появился, братан! – воскликнул Никита. – А то мы уже хотели вертушку вызывать на поиск…

– А куда я денусь, – ответил с лукавой усмешкой Михаил.

Он принёс в пакете богатый сбор молодых крепеньких белых грибов, других, говорит, не брал… Грибов – море. После дождичков пошёл хороший нарост.

Грибник, как разведчик, выяснил, что озеро тянется метров на триста, и что оно проточное: из него выпадает речушка метровой

ширины, (видимо, и впадает она в озеро где-то выше), очень чистая, и в ней должны быть непременно хариусы. А в озере, наверное, и щуки водятся…

– Тишина здесь – обалденная! Воздух – ножом режь и на хлеб намазывай! – восхищался Михаил.

Он удивился Володиному улову карасей, которых тот уже почистил и присолил.

* * *

Отдохнули друзья очень душевно. Грибов набрали полно. Место им настолько понравилось своей заброшенностью, природной естественностью, что решили приехать сюда ещё. Перед отъездом Зуев собрал оставшиеся продукты, сложил в пакет, сказал: «Мы своих не бросаем! Бакшиш[1] бабаю» – и отнёс их старику.

Старик этот что-то запал ему в душу, и всю неделю он временами вспоминал о нём. Сговорились в следующую субботу снова съездить в деревню Тихую, пока грибы не отошли.

Зуев закупил два пакета муки, несколько пакетов разных круп, бутылку растительного масла, ещё сахара, консервов для старика Курова, керосиновую лампу со стеклом и раздобыл пятилитровую ёмкость керосина. По приезде всё это отнёс ему, старик был и удивлён и очень насторожён таким даром, долго отнекивался, отказывался, говорил, что ни в чём не нуждается, всё у него есть, что надо. А чего нет – привык обходиться так. Но Зуев был не тот человек, настойчивость которого в чём-то можно поколебать. Он всё предназначенное Петру Анисимовичу оставил у него, а самого пригласил к вечеру на шашлыки, сказал, что в нужное время придёт за ним.

– Пётр Анисимович, – сказал Зуев, – вы ни о чём не беспокойтесь. Не подумайте, что втираемся в доверие к вам. Нам от вас ничего не надо. И золото, которое у вас в подвале закопано, нам не надо – мы сами золото! Шутка! Мы приехали на природе отдохнуть, грибов пособирать… А это вам подарок от афганского братства. Я там служил, – успокоил он старика, которому понравилась его весёлая обходительность.

Старик шутку понял, отозвался на неё:

– «Золото-то» у меня в конюшне, перегной высшей пробы, только вот сил не стало выкопать-то его, огородишко не мешало бы им удобрить…

Так и было, по ранним сумеркам Зуев сходил за стариком и привёл его к костру. Это оказался сухой, высокий и сутулый человек, одетый в брезентовые лоснящиеся штаны, давно забывшие про стирку. Зуев усадил его на походный складной стульчик, выбрал лучший шампур с шашлычком, подал гостю, поднёс ему пятидесятиграммовую металлическую стопочку водки. Тот величаться не стал, выпил, поблагодарил за уважительность, принялся жевать шашлык, у старика ещё оставалось много своих зубов, и мясо он ел без особых трудностей. Да и мясо, кстати, было нежное; Зуев знал в нём толк, умел и выбирать мясо, и готовить его. Ещё в Афганистане научился. От второй стопки старик категорически отказался. Он и с одной стал разговорчивым.

---

[1] Подарок старику – из жаргона ветеранов Афганской войны.

У него были высокие кустистые седые брови, очень спокойные светлые глаза, лицо в серых глубоких морщинах, заросшее бородой, в отблесках костра напоминало скорее кору старого елового дерева. Глядя на старика, можно было с уверенностью подумать, что он непременно должен быть участником Великой Отечественной войны. Но нет, оказалось, что Пётр Анисимович всего лишь с 1931 года, просто выглядит старше своих лет. Но при его полудикой здесь жизни иначе и быть, наверное, не могло.

В закатной стороне над самым горизонтом, заметно придвигаясь и сползая к нему, горела в синеве яркая звезда, и горела она тем пронзительнее, чем больше синева неба густела. Миша и Володя заспорили, что это за звезда. Миша утверждал, что Венера, Володя, что Юпитер. Миша убеждённо доказывал, что Венера – самая яркая звезда, и это – она, Юпитер слабее, а во-вторых, орбита Венеры находится близко к солнцу и потому звезда видна либо после заката, вот как сегодня, либо перед восходом. Это, бесспорно, она. И вообще – у него есть телескоп и карта звёздного неба.

Не находя аргументов, Володя смирился и махнул рукой – сдаюсь-де.

Друзья понемножку выпивали, закусывали и с интересом слушали старика, который, удовлетворяя их захмелённое и въедливое интеллигентское любопытство, не очень охотно рассказывал о себе, о своей деревушке. Словно понимал, что им это всё в глубине души чуждо и любопытство их праздное. Голос его звучал глухо, хрипловато.

Когда-то деревня Тихая, оказывается, была шумной, большой и богатой. На озере белым-бело водилось гусей, их держали в каждом доме. Начнут гагакать – за версту слышно. Перед войной в Тихой насчитывалось 63 двора. Имелся большой конный двор, а после войны здесь вообще находилась целая конеферма, лет десять разводили и выращивали лошадей для армии. Ведь во время войны их очень много погибло. Здесь простирались широкие луговые пастбища… В середине пятидесятых всё заглохло: лошади в армии стали не нужны. Как теперь вот даже в деревне… Артиллерию и ту Хрущёв признал тогда ненужной… Ракеты появились.

– Это мы зна-аем, хех! – закряхтел Зуев, повалив голову на левое плечо и скребя правой рукой сбоку шею.

Семья была большая, очень трудолюбивая и поэтому зажиточная. Дедушку своего, маминого отца, он не помнит: родился уже после того, как деда раскулачили, семью из дома выселили, и всех куда-то увезли. Никто не вернулся. Мать с отцом жили уже отдельно и не богато, это их спасло. Отец и его старший брат Лука работали в колхозе конюхами. Дядя Лука числился старшим. Однажды ночью комсомольцы-активисты пришли на конный двор, стали подносить лошадям ведро с водой, лошади воду пили. Значит, конюх лошадей после работы не поит, занимается вредительством. А вредителей в то время как раз везде выискивали. Написали донос. Луку обвинили во вредительстве, осудили на шесть лет. Сколько ни доказывал он, что лошадь, как её с вечера ни напои, когда постоит, поест и отдохнёт, то обязательно станет пить, доказать ничего не смог. В лагере он заболел и умер. Отцу Петра Анисимовича, пока не угасла комсомольская чума по выискиванию вредительства, пришлось даже спать на конном дворе и по ночам поить лошадей не по одному разу.

Когда началась война, Петру Анисимовичу было десять лет, отца забрали на войну в первые же дни. В ту же осень он и погиб где-то под Москвой.

– Берёзы эти, – старик показал рукой в темноту в сторону дома, – отец ещё подростком посадил. Они старше меня годов на десять. Вот всё, что осталось от нашего рода. Меня скоро не станет, изба догниёт, а они ещё постоят, может лет полсотни. Последняя память. Бывает, подойду, обниму дерево, как отца родного…

– А вы всю жизнь тут прожили? – поинтересовался Михаил.

– Да пошто! Не-ет, – возразил Пётр Анисимович. – После четвёртого класса, в сорок втором, пошёл работать в колхозе. В сорок шестом забрали в ремесленное, учили на кузнеца. Работал на заводе Ленина сколь-то. Тут в армию пора. Три года в Белоруссии, да на Украине землю чистили.

– Как чистили? – удивился Володя.

– Мины обезвреживали. Обязательно. Их там после войны осталось видимо-невидимо.

– Да это же опасно! Как-то не подорвались?!

– Опасно! – подтвердил Пётр Анисимович. – Бывали у нас случаи… Бывали, – старик потеребил свою густую бороду. Он приподнял и опустил засаленную до невозможности кепку, под которой оказалась совершенно лысая голова. – А после армии, в пятьдесят четвёртом, обратно сюда. Тут и прошла вся моя жизнь, – махнул он угрюмо рукой. – Тоже чертоме́лил на колхоз. Одних стогов сена переметали с Лёнькой Ку́зовлевым – не сосчитать, – вздохнул он. – Тоже ничего не осталось, ни от колхоза, ни от меня. Там вот кладбище. Мать там лежит, жена там лежит. Никого нет, вся деревня вымерла. Зачем жили? Для чего работали, жилы тянули, ломали хребёт – всё напрасно. Ничего нет. Будто тихий ветерок дунул-пролетел – никаких следов. Горько, как подумаешь…

– А дети? Были у вас дети? – опять поинтересовался Михаил.

– Как же. Обязательно. Дочь младшая, лет четырнадцать назад погибла в городе. Одиночка была, лет сорок ей было. А старший-то сын, как после армии куда-то забрался на Север, на большие деньги, так и не знаю где, жив ли, нет ли. Можно сказать, без вести пропал. Первые-то годы всё же писал изредка… Наверно, уж нет в живых. Теперь бы около шестидесяти было ему… А я всю жизнь в кузнице проиграл молотком по наковальне… Весной, конечно, на посевную снимали, летом на сенокос, а остальное время – всё у горна.

– А пенсия? – спросил Зуев. – Пенсию-то вы какую-то получаете? Как её доставляют сюда, кто?

– Ну как же. Обязательно. Пенсия есть. Восемь двести была в прошлом годе. Давненько не справлялся. Поди уж миллионы отваливают? – рассмеялся он скупо. – На сберкнижку идёт. Там, в Михайловке. По потребности снимаю захожу, быват… Форсить не приходится, на похороны надо чтоб скопилось сколь-нибудь… Сейчас, говорят, шибко дорого стоит это удовлетворение.

– Да как же вы до Михайловки-то добираетесь? Это же, сколько мы насчитали? Восемь кэмэ?

– У меня своя прямая дорожка – пять кило́метров. Хожу с бадожкой. Только что в гору-то вот надо выбраться… Трудновато. А дальше ровно, марш-бросок без помех.

– А зимой?

– На лыжах. У меня лёгонькие лыжи охотничьи. Лосиным ка́мусом обиты. Наверно, таки же старые, как сам. От Афанасия достались, соседа. Хожу-у потихоньку. Зимой-то редко. Ягоды, грибы, рыба – всё у меня тут под боком. Сил токо мало осталось…

– Не беспокоят? – поинтересовался Михаил.

– Теперь нет, слава Богу. А было время, при Ельцине-то, расплодилось бандитов… Не раз смерти в глаза принуждали поглядеть… Деньги всё искали, добивались, где спрятаны. Да водку искали… А у меня пенсия была вту́пор в два раза меньше таперешней. Какие деньги. Сельским кузнецам вредность не засчитывалась. Пенсии были махонькие. Всё на хозяйство уходило. И под лёд грозились меня спустить, если не скажу, где деньги. Тогда здесь ещё люди всё же были. Но бандиты никого не боялись. Бог миловал. А теперь стало спокойно. Состарились, видно. Многие поумирали. Рояль какой-то всё пили, угомонились. Всё, что было, унесли, металл особенно, гирю двухпудовку ржавую и ту уволокли; ложки-вилки, кастрюли люминевые и те собрали… Иконы позабирали. Хорошие иконы были у меня, родительские, старинные. Четыре штуки. Почернели, правда. Бумажную одну токо и оставили. Николая Чудотворца. Теперь вот молюсь ему.

– А что за бандиты-то, какие?

– Да варнаки всякие, ворьё, не́работь, алкаши, тюремщики после отсидки…

– Ясненько, – заключил резко Зуев.

– А как с дровами к зиме? – полюбопытствовал всё тот же Михаил.

– Есть у меня пила лучковая добрая. Сам же ладил, пока в кузне робил. Что осталось от деревни, по-тихоньку летом ширкаю, заготавливаю. Зарядка такая у меня получается… Обязательно. Напильники, правда, все поржавели да выносились, точить пилу нечем… Древесина старая, пересохшая, заточка скоро тупится…

– Ладно, пока силы хоть какие-то есть, – заметил Володя. – А дальше как?

– Две жизни никак не жить, помру да и только, – как о чём-то самом будничном проговорил озадаченно почти Пётр Анисимович, с грустной и какой-то извиняющейся улыбкой.

– Так, может, в интернат? – то ли посоветовал, то ли спросил Михаил. – Там уход будет…

– Это в дом-от престарелых? – уточнил Пётр Анисимович. И, не дожидаясь ответа, отверг такой вариант: – Нет уж. Тут дай Бог. Одного боюсь, кабы звери меня не съели мёртвого, если на улице застигнет… А в доме, дак когда-нибудь да найдут. Зароют. Обязательно.

– Тут надо что-то придумать, – проговорил озадаченно почти всё время молчавший Зуев. – Ладно, мужики, пора на отдых сегодня.

Тьма вокруг стояла уже непроглядная. А в небе густо рассыпались искристые звёзды. Со своим мощным аккумуляторным фонариком Зуев проводил Петра Анисимовича до его избы. Скоро вернулся.

– Двадцать лет человек без электричества живёт! Ни телевизор не видел, ни радио не слышал. Говорит, война будет, так всё равно скажут, когда в магазин придёт… Нонсенс! – бормотал угрюмо Никита Зуев. – Живёт человек в государстве, а вроде бы его и нет, никакая власть им не интересуется. И заботы о нём никакой нет.

– Пенсию на книжку перечисляют, – усмехнулся иронично Михаил, – А ты говоришь, заботы нет.

– Так он сам отказался от власти! – возразил Володя Никите. – Ты же слышал, что он Мишке ответил: здесь помру, а никуда не поеду…

– Мало ли что он ответил. Это, Вова, не основание бросать его… У него с внешним миром никакой абсолютно связи! Только собственные немощные ноги. А откажи они – и всё… Капец!

– Да, – согласился Володя. – Обязательно, как говорит старик.

– Вот сейчас оптимизация проходит. Но мимо она не пройдёт.

Пётр Анисимович беспокоится: слух был, почту в Михайловке ликвидируют, а при ней – отделеньишко сбербанка числится. Какая-то там Андреевна в одном лице и начальник почты, и «директор» сбербанка. А его тоже переведут, в это самое, Антипино, что ли. А это, говорит, аж пятнадцать километров. Как старик тогда пенсию свою снимет со сберкнижки? Как?

Обсуждая необычную жизнь старика, стали налаживаться спать, Никита в машине, Володя с Мишей устроились в палатке. Следующий день запланировали посвятить сбору грибов.

Но Миша не пошёл сразу спать, романтик остался посидеть ещё у костра. Сказал, что ему очень нравится в ночи на пламя «хглядеть»…

Он время от времени подкладывал в костёр хворост. Пламя невольно завораживало, умиротворяло, навевало лёгкую задумчивую грусть. Набежал ветер, прошумел в кронах деревьев и умолк. Мише подумалось, что это самый древний голос природы. Но потом в реке сильно плеснула крупная рыбина, и он с удивлением поправил свою мысль: плеск воды, волн – вот более, пожалуй, древний голос, нежели шум ветра… Поразмыслив, примирил обе мысли: и тот, и другой голос – оба от ветра…

* * *

Никита Зуев человек настойчивый и целеустремлённый. К судьбе старика Курова он отнёсся с заинтересованностью и сочувствием. В один из приездов ему удалось уговорить Петра Анисимовича съездить к Зуеву в гости и пожить у него хотя бы пяток дней, а в следующие выходные Никита привезёт его обратно.

На эти непреодолимо настойчивые уговоры старик сдался и нехотя согласился поехать, приоделся получше в то, что у него имелось. А дорогой вдруг разволновался, никуда он сроду не уезжал из своей деревни дальше райцентра, да и то не каждый год – раз в пятилетку, а потому забеспокоился, как-де там неделю будет без него дом?

Приехали. Зуев с женой и дочерью с зятем жили в загородном доме, в сорока километрах от города, на самом берегу большого Камского залива. От Тихой до сюда было почти двести километров. Первое, что поразило деревенского кузнеца, это то, как Никита, не выходя из машины, нажал на каком-то приборчике кнопку, сказал: «Сезам, открой дверь!» – и железные ворота перед машиной медленно распахнулись сами. Старик смотрел на это, разинув от удивления рот.

Никита припарковался, помог Петру Анисимовичу отстегнуть ремень безопасности и выйти из машины.

– Я когда лошадей ковал, тоже их в станке ремнями под брюхо притягивал, чтоб не бились, – поделился Пётр Анисимович. – А я уж мерин-то старый, биться не стану, – пошутил он.

– Кто знает: вдруг взыграешь, да машину мою разнесёшь на части, – подхватил Никита весело его шутку.

Под навесом, куда припарковались, стояло три машины, и когда старик узнал, что все машины – семьи Зуева, он очень удивился.

– Одна моя, – пояснил Никита, – одна моей жены, и одна нашей дочери. У зятя тоже своя. Но сейчас он в дальнем отъезде, в командировке.

На территории, огороженной металлопрофилем и решётками, стояло несколько домов, и когда Пётр Анисимович узнал, что все дома принадлежат семье Зуева, он удивлённо сказал, смутившись от своих слов:

– Дак ты помешшик!

Зуев засмеялся.

– Видно, ты шибко большой начальник, – задумчиво добавил кузнец.

– Да какой я начальник, – усмехнулся Зуев и пояснил: – Я военный пенсионер. В основном у меня тут супруга добытчица. Есть, конечно, своё небольшое дело. Акции. Бизнес.

– Я в этом не понимаю, – признался с огорчением старик.

Они стояли на взгорке, сбегавшем полого к реке.

– В том доме, – Зуев указал на нижний дом, – живут молодые. Они сами по себе. Там вот баня, сегодня же я тебе устрою настоящую баню, сауну.

– Большая! Как дом! – удивился Пётр Анисимович.

– Ну, какая большая, – возразил Никита. – Парилка, моечная, предбанник, да небольшой холл. А в этом доме мы с женой. Ты будешь жить в нём, в моём кабинете. Эта вот постройка хозяйственная. Выше там флигель – для… – он замялся, улыбаясь, уже предугадывая реакцию старика. – Для прислуги.

И действительно, Пётр Анисимович очень удивился этим словам, даже переспросил, наморщив лоб:

– Прислуги?!

– Земли у меня здесь гектар, строений сам видишь, сколько, это ж всё надо содержать, уход требуется, за всем хозяйством нужно следить, поддерживать.

– Это так, обязательно, – согласился Пётр Анисимович. – У меня небольшая избёнка, и то круглый год вокруг неё топчешься, как пару́нья вокруг цыплячьего выводка.

– Во флигеле живут муж с женой, работают по договору, за зарплату. Всё по закону. Ну, прислуга не прислуга, работники, короче. Дима вроде как управляющий, ну, или как завхоз. Что может, сам делает, что не может – рабочих нанимает. Проверяет их работу, контролирует. Ведёт учёт-отчёт. А это вот баня для его семьи, – пояснял Никита.

– Ишшо, личо ли, одна баня?! – изумился кузнец.

– Конечно, отдельная, своя, чтоб не всем колхозом в одной мыться. А там дальше, – указал Зуев в верхний угол усадьбы, – курятник, вольер для собаки, хоздвор, теплицы, грядки. Жена Димина – Роза – она уборку делает, стирку, за грядками ухаживает. За любую работу они получают деньги.

Кузнец стоял и оглядывал всё с удивлением и в каком-то ошеломлённо-удручённом состоянии: газоны, посадки, выложенные

дорожки, лесенки и каменные стенки из красивых самоцветно искрящихся плиток…

И справа и слева на побережье стояли другие усадьбы, они были попроще, но тоже зажиточные. По одной за решетчатым металлическим забором, вдоль его, огромный чёрный пёс метался со злобным лаем. Зуев сказал, что это кавказская овчарка. И не дай Бог попасться в её клыки. У соседа вон за теми ёлками уже кладбище из передавленных и разорванных кошек, которые забредали на её территорию… Собака и за забором-то наводила страх, так что у старика непроизвольно передёрнулись плечи.

Зуев повёл его в главный дом. Здесь Петру Анисимовичу предстояло провести целую неделю. Сказать, что старик был ошеломлён всем тем, что увидел за эту неделю, значило ничего не сказать. И микроволновая печь, и навороченная электрическая плита, и камин, и пол с подогревом в туалетной комнате, и лестница с никелированными перилами на второй этаж, и изысканная дорогая мебель под старину, и огромной высоты гостиная с внутренним балконом, и широкие окна в полстены, через которые открывался просторный вид на залив и на лес на противоположном берегу, и количество комнат, и украшения на стенах – всё на старика произвело такое сильное впечатление, что на вопрос Никиты «Ну как?» он только и сумел выдохнуть:

– Как в кине! – помолчал и, виновато улыбаясь, добавил: – Шибко уж чудно всё. Сказка!

А про себя додумал уже с невольной горькой досадой, что вот он всю свою жизнь работал, вроде, не ленился, с утра до позднего вечера хлестался и дома, и в колхозе, в кузнице, а у него – ничего… По поговорке: как у латыша – хрен да душа.

– Да у нас-то как раз всё самое обычное, – пожал плечами Зуев.

Он не догадывался, как подавлен этим состоянием простой деревенский человек, ведь в представлении Петра Анисимовича, родившегося в нищей деревне тридцатых годов и выросшего на советской идеологии, это было невиданное богатство.

Баня, которую приготовил к вечеру Никита, тоже произвела на старого кузнеца ошеломляющее впечатление, и очень ему понравилась. Жарко париться он любил. Но если бы не термометр на стене, который показывал 98 градусов, он бы ни за что не поверил на слово, что в парилке такая температура. Ведь при ста градусах закипает вода. Но переносился сухой жар здесь легко, тем более что в моечной было не жарко, плескайся в своё удовольствие, без всякого утомления. Никита берёзовым веничком напарил стыдливого старика, и тот весь вечер повторял, что как в раю побывал. Сроду-де такой бани не видывал. При этом он временами добавлял своё привычное «обязательно».

Но совершенно особенное впечатление, неожиданное для Никиты, произвели на Петра Анисимовича стены дома, выложенные из клеёного бруса квадратного сечения двадцать на двадцать сантиметров, изготовленного по канадской технологии. Ему показалось невероятным, что весь огромный дом сложен из этого бруса без пакли, без мха в пазах. Как же тепло-то в доме держится? Он увлечённо разглядывал торцы бруса, в тех местах, где они выходили вовнутрь дома, щупал пазы, изумлённо отходил, возвращался, желая разгадать тайну, и снова изучал задумчиво дерево, пытаясь вникнуть,

что значит «клеёный брус». На торцевых срезах по годовым кольцам хорошо просматривалось, что брус склеен из более тонких брусков деревьев самой разной плотности. Наконец Пётр Анисимович изрёк, что это придумано очень толково. Всё в дело идёт. И изложил свою теорию, при этом он ни разу не употребил слово «экономично», но весь смысл сводился именно к этому понятию.

– Теперь нет такого лесу, – сказал Пётр Анисимович, – чтобы можно было из дерева выпилить толстый брус и такой длины. Да если и выпилишь – его поведёт, искривит, обязательно. А тут всё в дело идёт, любое дерево, самое худое даже. И длину, какую хошь, сделать можно и брус этот не поведёт. И пазы так хитро придуманы, что вся стена получается, как одно цельное дерево! Подгонка! Подгонка! – восклицал он.

Старик был в полном восхищении. Только недоумевал, сколько же надо клея на этакое дело. И что это за клей такой? Он каждый день, пока жил здесь, вновь и вновь рассматривал эти стены, пропитанные противопожарным составом и отполированные. И даже когда уезжал, подошёл ещё раз к стене, похлопал её одобрительно ладонью и восторженно воскликнул:

– Хорошо! Подгонка!

Зуев только смеялся на это.

Для сна и отдыха Петру Анисимовичу отвели комнату на втором этаже, откуда в окно открывался тоже прекрасный вид на природу. Это был кабинет Никиты. Рядом находился туалет, что старику было, конечно, удобно. Для этого удобства его тут и поселили. Жена Никиты, Надежда, очень любезная и приятно полноватая женщина, постелила на диване. Показала, где выключатели, как пользоваться ночничком, оставила бутылку минеральной воды и ушла.

Над столом хозяина он увидел яркую цветную карту, на которой было крупно написано: «Карта дислокации советских войск в Афганистане». Она вся была испещрена условными обозначениями. Петра Анисимовича поразило, что карта была напечатана на холстине. Он не знал, что это сувенир. По правому краю карты были приткнуты медали. Он дотронулся до них, медали оказались настоящими. «Ого!» – произнёс уважительно Пётр Анисимович. Вспомнилось, что у него тоже есть медаль, лежит где-то, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которую он получил в свои четырнадцать лет. Он не заметил, что по левому краю карты, вверху, прикреплён ещё орден.

После бани Никита одел старика в домашнюю одежду из своего гардероба. Сейчас, глядя на белоснежную постель, Пётр Анисимович невольно подумал о своих деревенских обносках, которые остались внизу в прихожей. Он уже и припомнить не мог, когда спал на простыни. На белом однотонном одеяле, видимо, совсем новом, висел фабричный ярлык. Пётр Анисимович принялся его рассматривать и прочитал, что одеяло изготовлено из лебяжьего пуха. Это его тоже очень удивило. Такого одеяла он сроду не видывал и с какой-то стыдливой украдкой начал его ощупывать. И ему стало даже страшно ложиться в такую чистую и богатую постель.

Он долго не мог под этим одеялом согреться, зато потом, когда согрелся, стало нестерпимо жарко.

В комнате в разных местах горели крохотные огоньки: крас-

ный, синий, зелёный и желтоватый. Это были подключены какие-то приборы. Свет от этих маленьких огоньков в темноте шёл довольно пронзительный, и когда глаза невольно натыкались на эти огоньки, становилось беспокойно… К тому же комната оказалась ощутимо прокуренной, и этот неистребимый табачный дух тоже угнетал некурящего старика и тоже мешал ему заснуть. Уже под утро Пётр Анисимович, измученный впечатлениями и непривычной обстановкой, всё-таки забылся на какое-то время сном.

Но слышно стало, как поднялся хозяин, заходил по дому, кашляя и переговариваясь с Надеждой, и спать дальше показалось уже стыдно. Пришлось вставать. «Нет, у меня дома лучше, спокойнее», – подумал Пётр Анисимович, одеваясь и готовясь выйти к хозяевам.

* * *

После завтрака Надежда собралась и уехала на своей машине в город на работу. Никита, примеряясь зачем-то своим ростом к старику, сказал, что тоже ненадолго, часа на три, съездит в город по своим делам, что Пётр Анисимович остаётся за хозяина, может заниматься, чем душе угодно: смотреть телевизор, спать, гулять, сходить на берег. Дима, управляющий, обо всём предупреждён и проинструктирован. При необходимости к нему можно обращаться, он подскажет, что надо.

Никита показал на пульте кнопки, какие нужно нажать, чтоб включить и переключить телевизор. Но Пётр Анисимович к ним не прикоснулся, он ничего не запомнил, да и просто не посмел бы дотронуться до чужой дорогой вещи.

Когда хозяин уехал, Пётр Анисимович принялся медленно обходить дом и всё разглядывать, он диву давался, сколько тут всяких диковинных вещей и предметов. Его поразило и то, что в каждой комнате были иконы. Люди, видно, верующие, подумал он с удовлетворением, к которому клонили старика его лета и пережитое.

Никита оказался человеком слова: вернулся из города ровно через три часа. Вошёл, положил перед кузнецом свёрток.

– Давай, Анисимович, примерь, – распорядился он.

В свёртке оказался костюм камуфляжной расцветки: курточка и брюки.

– Примерь, примерь! – приказным тоном настаивал Никита. – Это тебе бакшиш – подарок от меня.

– Я не возьму, – кузнец закрутил головой. – Это ведь денег стоит.

– Да какие деньги! – поморщился с усмешкой Никита – Копейки.

Пётр Анисимович нехотя облачился в этот наряд, и он оказался ему как раз по размеру и очень понравился. Бывая в Михайловке, старик видел иногда подобную одежду на мужиках, и с некоторой завистью думал, что вот ему бы такая была тоже подходящей для его жизни в Тихой, для любых работ пригодна.

– Это подарок! – повторил категорично Никита. – Протестовать бесполезно! Возражения не принимаются! В армии служил, знаешь – приказы не обсуждаются. А это вот пилу точить, – протянул Никита завёрнутые в бумагу три фирменных напильника немецкого производства.

Зуев уселся на диван, взял в руки пульт и включил телевизор, плоский, огромный, жидкокристаллический экран висел у него в

гостиной на стене. Изображение было настолько яркое и качественное, что старик смотрел на него, как заколдованный, буквально с первобытным изумлением. Он подошёл близко к экрану и застыл, как изваяние. Никита даже не мог его уговорить присесть на диван. Пётр Анисимович так и простоял до конца фильма на ногах. И потом ещё долго изумлённо тряс головой… Люди были, по его мнению, лучше чем живые… Обязательно. Он говорил, что «телевизер» показывает «шибко я́тно», что означало – отчётливо.

И на следующий день Никита вновь потряс Петра Анисимовича. Они опять смотрели телевизор, а на полу под ним стоял какой-то небольшой аппарат. И вот одна часть этого аппарата вдруг сама поехала по полу, это была квадратная коробочка с закруглёнными углами и гранями, сантиметров тридцать на тридцать и в высоту сантиметров десять-двенадцать. По сторонам у неё торчали какие-то растопыренные усики. Коробочка забралась на ковёр и стала по нему ездить, на краю ковра сама разворачивалась, и ползла обратно по новой дорожке, отступая точно на ширину себя.

– Какая-то игрушка заводная? – поинтересовался Пётр Анисимович, удивлённо наблюдая за механизмом.

– Это пылесос. От кошек шерсть собирается на ковре, а его запустишь – смотри телевизор, он сделает свою работу и на место вернётся.

И действительно, диковинный пылесос объездил весь ковёр и вернулся точно к своей неподвижной половинке, от которой отъехал в начале работы.

– Вот чудеса! Изъёрзал весь ковёр, – тряс головой кузнец, не в силах поверить в то, что только что видел. И заключил со стыдливой улыбкой: – А мы кувалдой по наковальне и – больше ничего!

* * *

Через три дня Пётр Анисимович затосковал, пригорюнился. Никита сразу это заметил.

– Домой захотелось? – поинтересовался он.

– Домой, – тоскливо выдохнул гость и согласно покачал головой.

– Два дня потерпи, поедем обратно. Не понравилось, что ли, у меня, Анисимович, домой заторопился?

– Всё понравилось. Хорошо живёте, слава Богу. Обязательно. А надо домой, беспокойно: как там моя хоромина-то без меня? Потеряла, наверно, хозяина-то. Да и вам хлопотно со мной, стариком.

– Сами такими будем! – заверил Никита кузнеца. – Какие тут хлопоты? Ложку в руках сам держишь.

Ночью спалось опять плохо, и Пётр Анисимович думал, что вот его грошовая хижина, а он о ней беспокоится: кабы чего не случилось там без него… А сколько же, должно быть, у Никиты беспокойства этого при таком-то хозяйстве?..

Зачем он сюда поехал? Зачем поглядел на эту жизнь, которой не знал и даже не представлял? Нет ведь в ней места ему! Как теперь после этого жить ему? Станут мучить дурные думы?

Как, как? Да никак! Умирать пора. Его жизнь в прошлом где-то затерялась. Как жизнь тех вымерших лошадей, которых теперь на десятки, а может, уж и сотни километров ни одной не сыщешь днём с огнём, которых он без счёта перековал за годы своей работы в колхозной кузнице. Всё прахом.

* * *

В пятницу утром Никита и Пётр Анисимович собрались ехать в Тихую. Позавтракали.

– Мы тут с Надеждой покумекали и экипировочку тебе кой-какую приготовили, – поделился Никита.

Он поставил перед стариком сапоги.

– Они хотя и не новые, но, главное, по твоей ноге. Я уже прикинул, измерил. Утеплённые. Особой разработки: до минус тридцати-сорока в них нога не будет мёрзнуть.

– Да мне ведь такие бахилы не то что поднять – с места не сдвинуть, – сказал с горечью Пётр Анисимович. – Я уж из солдатского возраста вышел. Обязательно.

Сапоги выглядели на вид очень громоздкими и тяжёлыми.

– Ты, Анисимович, примерь их сперва! – скомандовал Никита. – А потом я тебя запишу в свой десантно-штурмовой батальон – ДШБ. Вернём тебе солдатский возраст.

Старик нехотя взял в руки один сапог, и досадливое выражение лица его вмиг переменилось на такое простодушное изумление, которое вызвало у Никиты неописуемый хохот. Он заранее рассчитал эту реакцию гостя.

– А я думал, они тяжеле-е-нные, – проговорил обескураженный Пётр Анисимович, удивляясь, какими лёгкими оказались эти сапоги.

Хозяева снабдили старика поношенной, но добротной одеждой: курткой, брюками, несколькими парами новых утеплённых носков. Он ещё не подозревал, что и багажник зуевской машины загружен продуктами для него. И уже дома в Тихой с удивлением узнал об этом.

– Как сын родной! – воскликнул он Никите сорвавшимся голосом и неожиданно заплакал…

– Мы своих не бросаем!

Никита, занимаясь эту неделю личными делами, не выпускал из внимания, можно сказать, ни на минуту своего гостя, наблюдал за ним, отслеживал его реакцию на всё. Думал, как можно обустроить жизнь такого старого человека, теряющего уже способность обслуживать себя. Как ему помочь? И пришёл к твёрдому заключению, что единственное решение проблемы – поддержать условия для жизни в его родном гнезде, а не пересаживать старое дерево на новую почву. Не приживётся.

Произнеся повторяемую им время от времени фразу «Мы своих не бросаем!», Зуев вспомнил сейчас Афган, именно там она вросла в его сознание. Бывали раненые или убитые, но оставшиеся невредимыми и боеспособными никогда не бросали ни тех, ни других. В этом была и остаётся суть их братства. Вот и здесь отражение того давнего: один боеспособный, другой беспомощный. Но мы своих не бросаем!

За неделю отсутствия жильё Петра Анисимовича никто не потревожил. Он даже на замок его не запирал – всё равно сорвут, если захотят. А так, заходи, всё равно красть-то нечего.

Сейчас Никита исследовал избу, осмотрел, прикидывая, в какое место лучше всего определить запас продуктов, чтоб не бросились они в глаза, если здесь окажется, забредёт человек со стороны. На десятикилограммовый мешок муки, может, и не позарятся. А вот сахар, крупы, макароны, сгущёнка, мясные и рыбные консервы – могут оказаться соблазном для постороннего. Да и от мышей надо как-то

защищаться. Кошку бы ему… «О-о, кстати, – подумалось Никите, – надо было пару пластиковых сорокалитровых бочонков с крышками прихватить, да в них бы всё и сложить. Надёжная защита была бы от мышей…»

– Этому дому, – сказал старик, – сто лет. Согнулся, как я. Обязательно.

Действительно, было очень заметно, как дом осел на изгнившие за такой срок нижние венцы. Состоял он из двух небольших половин, метров по шестнадцать, каждая на два окошка. Но жил старик в одной, другая из экономии тепла, да и просто за ненадобностью, оказалась замурована. Всё у него было более чем скромно: печь, полати, стол, две лавки. Вдоль печи стояла допотопная железная кровать, изрядно ржавая. Никиту, как бывшего военного, она заинтересовала своей простотой и походной конструкцией. Он внимательно рассмотрел её: кровать, при желании или необходимости, можно было сложить вместе со спинками очень компактно. Как раскладушку. На ней не предусматривалось никакой сетки, а только дощаной настил. Он удивлённо похмыкал и восторженно проговорил:

– Суворовская! Александр Васильевич, думаю, оценил бы.

В сенках у Петра Анисимовича имелся хороший чулан. Но и изба, а тем более чулан – всё было укутано прокопчёнными пыльными тенётами, свисающими с потолка и по углам.

– Пол давно не мою, – признался старик, – нету сил, только мокрым веником изредка мету. Уж не осуди, Никита Миколаевич, мою конюшну.

– Сами такими будем, – произнёс Зуев одну и своих любимых поговорок.

Он вышел на улицу, взял в машине нож, насрезал стеблей полыни, которой тут росло в изобилии, одним таким веником обмёл тенёта на потолке и в углах избы, а другим в чулане.

– Ох, как хорошо запахло полынью-то! Свежо! – воскликнул старик.

Когда всё вплоть до упаковки с коробками спичек и пары зажигалок было определено на свои места, Никита сходил до машины, принёс небольшую коробку и сказал:

– А теперь, Пётр Анисимович, главный тебе сюрприз на прощанье! Вот это – радиоприёмник, с запасом батареек, чтоб ты его слушал и знал, что в мире творится.

– Ой, да я ведь не сумею с ним обрашшатса-то! – огорчённо воскликнул старик.

– А тут и уметь нечего! – возразил безапелляционно Никита. – Настраивать ничего не нужно, частоты фиксированные, кнопку нажал, вот, и всё.

Он действительно нажал кнопку, и приёмник заговорил.

– Громко – убавил, тихо – добавил, – пояснил Никита. – Всё очень просто! Выбирай любую частоту и слушай.

Показал, как пользоваться приёмником, как менять батарейки. Старик всё повторил и без проблем справился с первого раза.

– Вот этому я шибко рад! – заулыбался довольный, как ребёнок, Пётр Анисимович. – Обязательно. Теперь тоскливо не будет. У меня бы-ыл раньше-то… Правда, от розетки… Вот керосин-то ты привёз, Никитушка, спасибо! Теперь я и со светом, и с радивом.

– Ну, хозяин, живи! При возможности как-нибудь, может, наведаюсь ещё до прихода зимы.

– Милости просим, – отозвался кузнец.

Они обнялись. Никита пошёл к машине. Старик вышел его проводить.

«Главное, связи-то никакой!» – думал с досадой Никита, печально глядя на старика уже из кабины. Он окончательно понял, что срывать его отсюда – больше, чем смерть… Жестоко, не по-человечески.

Провожая тоскливым взглядом неторопливо отъезжающего Никиту, прощально помахивая ему во след рукой и вспоминая сейчас его усадьбу, в которой он несколько дней прожил гостем, Пётр Анисимович думал спокойно и без какого-либо завистливого чувства, что всё у «помешшика» Никиты хорошо и удобно, да только ему, кузнецу-деревенщине, никогда не привыкнуть и не приспособиться к той нездешней жизни. Его жизнь – мимо этой жизни.

И остаётся ли в ней какой-то смысл – он теперь не знал.

Светлана СЫРНЕВА

СТО ДНЕЙ

НАСЛЕДСТВО

Где бы знатное выбрать родство –
то не нашего рода забота.
Нет наследства. И нет ничего,
кроме старого жёлтого фото.

Только глянешь – на сердце падёт
безутешная тяжесть сиротства:
в наших лицах никто не найдёт
даже самого малого сходства!

Эта древнего стойбища стать,
кочевая бесстрастность во взоре!..
В ваших лицах нельзя прочитать
ни волненья, ни счастья, ни горя.

О чужой, неразгаданный взгляд,
всё с собою своё уносящий!
Так таёжные звери глядят,
на мгновение выйдя из чащи.

И колхозы, и голод, и план –
всё в себя утянули, впитали
эти чёрствые руки крестьян,
одинакие тёмные шали.

Что с того, что сама я не раз
в эти лица когда-то глядела,
за подолы цеплялась у вас,
на коленях беспечно сидела!

И как быстро вы в землю ушли,
не прося ни любви, ни награды!
Так с годами до сердца земли
утопают ненужные клады.

Светлана Анатольевна УХОВА (СЫРНЕВА) родилась 26 октября 1957 года в деревне Русское Тимкино Уржумского района Кировской области. Окончила филологический факультет Кировского государственного педагогического института (1978). Занималась педагогической и журналистской деятельностью. Автор нескольких поэтических сборников, стихов, включённых во многие антологии российской поэзии XX века. Член Союза писателей России (1991), лауреат нескольких всероссийских литературных премий, кавалер медали Пушкина (1999), ордена Достоевского I степени (2012), других наград. Живёт в городе Кирове.

Что не жить, что не здравствовать мне
и чужие подхватывать трели!
Как младенец, умерший во сне,
ничего вы сказать не успели.

И отрезала вас немота
бессловесного, дальнего детства.
И живу я с пустого листа,
и своё сочиняю наследство.

ГОША И КОТ

Каморка у Гоши похожа на старый комод
под лестницей чёрной, где окон, естественно, ноль.
Сюда же прибился какой-то сомнительный кот,
и оба живут, как живёт перекатная голь.

У Гоши по пьянке давно уже выбили глаз,
трёх жен поменял он, по свету рассеял детей.
Кот вылез с помойки на Гошин горелый матрас,
пригрелся – и счастливы оба без лишних затей.

Сам Гоша в дымину и в стельку дней семь или шесть,
гнилая махорка до слёз прокоптила тюрьму.
Но кот не перечит, и даже, коль нечего есть,
то Гоша хоть луковку всё же, но кинет ему.

Ты словом недобрым худую судьбу помяни.
Непросто мужчине без глаза, тудыть тую рать!
Мы знаем о счастье не больше, чем знают они,
когда по сугробам бутылки идут собирать.

Они доходяги, и кто-нибудь скоро помрёт:
не кот – значит, Гоша, хотя он ещё не старик.
Но лучше б, конечно, чтоб раньше скопытился кот,
ведь Гоша за долгое время к потерям привык.

Он водкой заглушит, он будет глядеть в темноту,
а пьяные слёзы – они, как известно, вода.
Но если ты, Гоша, подохнешь – не жить и коту,
ведь горя подобного не было с ним никогда.

КРИВАЯ БЕРЁЗКА

Ларисе Барановой-Гонченко

Это давнего, дивного детства весна,
где природа блестит, оживая.
И опять во все стороны света видна
в чистом поле берёзка кривая.

Пусть убога, мала, не на месте взошла
и над пашней шумит, не над лугом –
осторожно её борона обошла,
не задело родимую плугом.

Кто её уберёг для себя и детей,
кто пахал этот клин худородный?
Фронтовик, навидавшийся всяких смертей,
иль подросток деревни голодной.

Это было в далёкой советской стране,
это есть колыбель и обитель.
Вот он едет в село на железном коне –
работяга, отец, победитель!

РУССКИЙ СЕКРЕТ

Достигало до самого дна,
растекалось волной по окраине –
там собака скулила одна
о недавно убитом хозяине.

Отгуляла поминки родня,
притупилась тоска неуёмная.
Что ж ты воешь-то день изо дня,
да уймёшься ли, шавка бездомная!

Всю утробушку вынула в нить,
в бессловесную песню дремучую.
Может, всех убиенных обвыть
ты решилась по этому случаю?

Сколько их по России таких –
не застонет, домой не попросится!
Знаю, молится кто-то за них,
но молитва – на небо уносится.

Вой, родная! Забейся в подвал,
в яму, в нору, в бурьяны погоста,
спрячься выть, чтоб никто не достал,
чтоб земля нарыдалася досыта!

Вдалеке по реке ледоход,
над полями – движение воздуха.
Сто дней плакать – и горе пройдёт,
только плакать придётся без роздыха.

Это наш, это русский секрет,
он не видится, не открывается.
И ему объяснения нет.
И цена его не называется.

Игорь ТЮЛЕНЕВ

ВЕСНА В УРАЛЬСКИХ ГОРАХ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Андрею Архиповичу Иванову,
моему деду по маме

А ты погиб на Украине
В Днепропетровской стороне!
Не как полярники на льдине,
А как солдаты на войне!

Нёс раненого с поля боя
И чёрнозём кулак сжимал.
Ты защищал широко поле,
Которое бы сам вспахал!

Свистят над головой снаряды
И пули холодят висок.
Тебе сейчас не до награды,
Над полем битвы – Бог высок!

Твой путь в Россию кровью залит
И вот уж рядом наш окоп…
Да не туда судьба заманит?
Уже на бруствер встал сапог…

Спи, полевая хирургия!
Спи, у буржуйки медсестра!
Несёт вас на руках Россия,
Как плащ пурпурный у царя,

То, что от вражеского взрыва
Всё, что осталось наяву…
А в небесах вы с другом живы,
Как я здесь на земле живу.

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Новоильинском, ныне Нытвенского района Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве: «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/ России (1989). Секретарь Правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. международных. Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других общественных наград. Живёт в городе Перми.

Ты нынче шёл в Полку Бессмертном,
Шёл вместе с нами наравне!
Шёл в исполнении портретном,
Шёл без винтовки – налегке!

* * *

Моё неустрашимое гнездо!
Ячейка трудового лесосплава.
Откинулось, как будто по УДО
В 36-м взметнувшись из расплава!

Отсюда дядя с дедом на войну
Ушли вдвоём и больше не вернулись,
К затёртому ладошками окну,
Заросшею щекой не прикоснулись…

Зальются птахи на исходе дня,
Как Жёны Мироносицы рыдая…
Все думали, придёт пора иная,
Забудутся дороги из огня.

Но я застал уже другое пламя,
Сжигающее души и сердца.
Я прокричал, что не Москва за нами!
Сказали:
– Не печатать шельмеца!

Наивные! Со мной литература!
Со мной Господь и Отчина моя!
И от ума большого или сдуру
Не запретить, как Родину, меня!

ПОБАСЁНКА

От империи лишь байки
Остаются нам одне.
От отцовской балалайки –
Треугольник на стене.

От советского «Бурана»
Фюзеляж в ЦПКО.
От усатого тирана –
Чёрно-белое кино.

Без тебя, товарищ Сталин,
Зарастает мхом страна.
Сверхдержавой перестали
Нас враги считать… А зря!

А ведь мы ещё не спились,
Хоть убит наш Коловрат.
Карты старые приснились.
Карты правду говорят!

Там Краина с Белой Русью,
С Туркестаном наголо…
Там два гуся у бабуси
Проходимцев щиплют зло.

В схронах ждут приказ ракеты,
Океаны бороздят
Субмарины, но об этом
И жене не говорят.

Так что вот, судья Верховный,
Без руля и без ветрил
Континент плывёт огромный
Коим ты руководил.

Вот такая побасёка,
Царь народов, для тебя.
Правда, есть ещё силенка
В недрах русского стиха.

ТАВРИДА

Машина просвистела сквозь страну,
Потом другую, ну а в третьей встала.
Где лукоморье радугу-дугу,
Словно хомут, на шее моря сжала.

Как билась черноморская вода,
И в сивой пене сила иссякала.
Чтоб этот миг оставить навсегда,
К душе бумаги приложил я жало.

Графит прожёг, а вслед за ним глагол
Ударил… и остался отпечаток.
Я в море встал, как подъяремный вол,
И потащил его, от шторма шаток.

Дельфины ли, царевны водных сфер,
В моих кудрях как в кущах разыгрались.
Входили три страны в СССР,
Потом входить в СССР не… Сталин

Сказали, что виновен в этом был.
Недавно говорили же другое…
Я море на себе домой тащил,
Как при пожаре тащат дорогое.

* * *

«Язык твой враг » – мне бабка говорила,
Наверное, она меня любила –
Раз так переживала за меня…
Слетал Гагарин в небо. Умер Сталин.
Мы каблуком стучать в ООН устали,
Слез Горбачёв с Троянского коня.

Последний Пленум. Лигачёв да Ельцин.
Мальтийский орден под ковром замечен
И изгнан из Кремля пинками вон!
Порвала шахта на груди рубаху
Грозят Москве шахтёры – побивахом!
Шахидок ловит по горам ОМОН.

Куда не глянешь – мерзость запустенья.
А я пишу своё стихотворенье
В Перми колонной пятой окружён.
Филологини, галеристы, мухи,
Пьют кровь мою или скребутся в ухе…
Но вот коньячный спирт «Наполеон»

Я разолью по дружеским стаканам.
Где муза? – Хищным якобинским станом
Потянется, чтоб развязать язык.
Я уж готов уральский, блин, повеса.
Перепахать историю прогресса,
И всем уродам вострой бритвой – вжик!

А вы молчите всё о том и этом,
Но я же был не зря рождён поэтом,
И правду-матку резать мне резон!
Пусть знают мэры, слышат президенты,
Трепещут все влияния агенты.
И тычут пальцем, мол, сказал вот он!

ВЕСНА В УРАЛЬСКИХ ГОРАХ

Когда в горах рождается поэт,
Шумят ручьи, как воды Иордана.
И густо от лесов и от легенд –
Стих держится за хвост аэроплана.

И зимогор, и дедовский завет,
И Ермака утёс, объятый думой…
И если где-то вспыхивает свет,
Иди за ним и ни о чём не думай.

Свет не подвластен сердцу и уму,
Зато душе отдаст свой звёздный посох.

Иди навстречу, следуя псалму,
Не задавая странникам вопросов.

Здесь камень превращается в поля,
В страницы книг – обломки от ковчега.
В ладонях держит русская земля
Тень от распятья Богочеловека.

* * *

Тумены детородных слов,
Как соколы летят.
На Китеж, Клин и на Саров,
На Курск и Сталинград.

Все выползут из волчьих ям,
Провалов и щелей,
Ломая, как ненужный хлам,
Капканы на людей.

Давно пора нам побеждать,
Из храма гнать свиней.
Постой за нами, Божья Мать,
Как мать своих детей!

Светлеет соколиный лёт,
Седеет борода.
Стих возвращается в народ,
Как в океан вода.

И сладок сыромятный дух,
И быстрокрыл Пегас…
Вставайте, командармы душ
И властелины рас!

ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

Урала звериная лира
Лежит на колене моём,
На женщин стихи растранжиря,
Теперь мы остались вдвоём.

Быть может, Творец нас не слышит,
И знаки нам не подаёт?..
Где распрями Родина дышит,
Стихи заменил огнемёт.

Не важно, в мордве или чуди
Теряются наши шаги…

Всяк русский мечтает о чуде,
Взрывая молчанье тайги.

Там сразу откроются хляби
И жабры у рыб задрожат,
Медведи с герба и на флаге
На наших врагов зарычат!

С размаха ударю по лире,
Пусть с жертвенной кровью слова
Сгорают в полночном эфире…
Поэзия снова жива!

* * *

По церквям с монастырями
Я молился целый год.
Восхищёнными глазами
Я смотрел на свой народ,

Что со мной Христу молился
Лбом стучал в чугунный пол…
Словно конь остановился
Плугом, распахав подзол.

Вместо скверны, вместо срама
Либерастовых тенёт
Наблюдал над крышей храма
Ангелов гусиный лёт.

Хорошо, что дети в школе,
И не выжгли весь озон.
Хорошо, что в русском поле
Не охотничий сезон.

* * *

Лысеет русская равнина,
Упёршись в корни сосняков.
Умам врагов непроходима
История моих отцов.

Смогу ль, медвежий бросив полог
Под ноги, тройку свистом гнать?
На звук знакомый и на шорох
Домой дорогу угадать.

Где солнце метит у поленниц
На лавках в телогрейках «знать»,
Где гнётся к землянике вереск,
Как будто нас не хочет знать.

* * *

Ничего позабыть не посмею,
Не сумею, да и не хочу.
Словно стяг прошлых битв – пламенею,
В сердце Родины я колочу.

Чтобы сердце страны запустилось,
Чтобы стало на сердце легко.
Матерь Божия к людям явилась,
С нею ангелы табунком.

На полях лёд забвенья растает
И вернётся светило в зенит…
Вот уж бабочка в небе порхает
И пчела с первым взятком летит.

МАЛЫШ

Он на фоно пиликал,
Пришла фону хана:
– Бибика, ты, бибика,
Родная сторона!

Ему всего три года
И даль его легка.
Он в людях видит бога,
Не лгут ему пока?

День будет, будет пища.
Нет худа без добра.
Тот, кто с сумою нищей –
Тот будет прав всегда!

Бибика, ты, бибика,
Родная сторона!
А в жизни столько лиха
И худа без добра…

* * *

Уж давно не смотрит Русь на Запад.
Щурит очи, глядя на Восток.
Только до Ла-Манша можно драпать
Западу, пустившись наутёк.
А Восток? Земля его обширна.
За три моря Индия лежит.
Знает, что России всё посильно,
Ну, а путь наш далее бежит…

Пробегает мимо Индостана
По тропе Траяна, по слезам,
Где быстрее зарастают раны
И молитвы ближе к небесам.

Шамбалу рифмуя с Беловодьем,
Ничего не бойся и не трусь.
Это Бога русского угодья,
Там, где в небо вытекает Русь.

* * *

Схожу с ума от русской речи,
Взвалив ум с разумом на плечи,
Под мышкой – классиков тома…

Ты гений? – Нет! Ещё не вечер.
Хотя бы чтивом обеспечен.
Скатилась родина с холма.

Хохочет, как хохочут дети,
Когда пускают вверх ракеты
Не зная, что за солнцем – тьма…

Империи сейчас не сладко –
Ты это запиши в тетрадку,
Что демократия – чума!

Сергей ТРУШНИКОВ

СИНЕКУРА. Рассказ

От автора

Этот текст должен был войти у меня отдельной главой в повесть «Партийная школа», но никак не вписывался ни по объёму, ни по композиции. Время действия: 1977 год. Место действия: один из танковых полков Московского военного округа.

Нас обмундировали в почти новую офицерскую форму. Выдали лейтенантские погоны. Определили в казарму танкового полка. Самые шустрые – Бузя и ещё кто-то из алкашей – сбегали в город за водкой, которую начали мы пить, не дождавшись ужина.

Отужинав в офицерской столовой, мы со Славкой отправились погулять в город с простым, но ёмким названием Дзержинск. Кстати, местные делают ударение на первый слог. Но не суть – мы тоже скоро привыкли коверкать славную чекистскую фамилию, чему научились в ближайшей пивной стекляшке. Нам ещё раньше кто-то рассказывал, что в Дзержинске прекрасное пиво: мол, вода там какая-то особенная, для пива самая подходящая. Вот мы и решили удостовериться, завернув первую встречную «стекляшку». Не обманули: пиво действительно оказалось превосходное, куда лучше, чем в Горьком, а тем более в Перми.

Славка взял жареную мойву. Фу, гадость жирная!

– Я рыбу всякую люблю и в любом виде, – сказал Славка, встретив мой презрительный взгляд. Оно и понятно: на берегу Обвы родился и вырос, а там без рыбы – только ленивый.

После неумеренного потребления пива прошлись без особого смысла по центру города, который называют ещё столицей «большой химии». Ничего интересного не увидели; правда, зелени много, чего-чего, а этого у города не отнимешь.

Магазины уже закрылись, и ноги сами собой завернули в ресторан. Название не помню. Помню только, что пили коньяк, танцевали, затем провожали какую-то долговязую блондинку. Точно помню, что ничем эти проводы не закончились, а вот, как добрались до казармы – совершенный провал в памяти. Это надо же, в пролетарском незнакомом городе и на рогах – какой ангел-хранитель уберёг от патруля да уличного хулиганья?

* * *

Утром, очухавшись, вывернул карманы. Ничего погуляли! Мятая десятка да полтора рубля мелочью на все три недели стажировки.

Сергей Васильевич ТРУШНИКОВ родился в 1948 году в городе Соликамске Пермской области, ныне Пермского края. С 17 лет занимался журналистикой. С 1985 года по 2015 год работал в пермской областной/краевой газете «Звезда», где прошёл все ступени – от собкора до главного редактора (с 1990 года). Член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ. Лауреат международных, российских и областных журналистских премий и конкурсов. Член Союза писателей России (2006), кавалер ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в Перми.

А на какие шиши домой за тысячу вёрст к жене и детям возвращаться?

После завтрака нас, слушателей с военной кафедры Горьковской высшей партийной школы, построили в одну шеренгу на полковом плацу.

– Сношать будут за вчерашнее, – сказал Славка.

– Так вам, собакам, и надо,– ухмыльнулся Бузя, первый на курсе алкаш.

– За что, Бузя?

– За то, что меня с собой не взяли, одни без меня водку жрали…

Мне смешно на Славку с Бузей и на ещё некоторых других однокурсников смотреть. Форма на этих великовозрастных лейтенантах, словно на корове седло. Да и что с них, от армии откосивших, взять: «калаш» и тот только в кино и видели. О себе, пропахавшем на брюхе пол-ГДР и закончившем службу заместителем командира мотострелкового взвода, скромно умолчу. Славка с Бузей промахнулись. Не гнобить нас построили, а для того, чтобы распределить новоявленных лейтенантов по ротам и батареям и другим подразделениям. В основном стажёрами замполитов. Когда дошла до меня очередь, не только я, но и все наши опешили: меня назначили не стажером даже, а исполняющим обязанности замполита первого танкового батальона. Майорская, по сути, должность. За что, с какой такой стати? Голова и без того с похмелюги раскалывается, а тут такое: ни сачкануть теперь, ни выпить, всегда весь на виду – нафиг мне это счастье!

В прострации полной я пропустил мимо ушей команду разойтись, так и остался на плацу в одиночестве.

– Не горюй, лейтенант, – подошёл молодцеватый подполковник, и лицом, и статью схожий с Ван Даммом из голливудских боевиков, – со мной, старик, не пропадёшь…

Представился:

– Командир первого батальона Виктор Петрович Гневашев.

– Но почему именно меня к вам, товарищ подполковник? Методом тыка?

– Возможно. Но и анкета вроде бы подходящая. Офицер запаса. Срочную не на кухне отпахал. И, вообще, хватит комплексовать, через пятнадцать минут отбываем, беги, собирай вещи.

Вещей-то всего портфель да полевая командирская сумка с общей тетрадью и парой книг. И вот мы уже катим на УАЗике по шоссе куда-то на запад.

– В Гороховецкие лагеря, – говорит «Ван Дамм». – Слышал про такие?

– Краем уха. А что за командировка?

– Так, синекура. Вроде курорта. А если всерьёз, то докладываю: я со своими офицерами командую там военными сборами студентов Горьковского политехнического института. Уже неделю. Мой замполит в отпуск намылился. Так вот тебя вместо него везу.

…Ну и попал! Сам-то я тоже, можно сказать, студент, только великовозрастный – двадцать восемь осенью стукнет. Одного поля, получается, ягодки. И какой я, журналюга, им замполит?

А «Ван Дамм» ухмыляется:

– Ребята все взрослые, умненькие, но с гонором некоторые. Они уже дипломные защитили, госэкзамены сдали, осталось только военку отслужить… Да, чтобы ты не запутался: мы, войсковые, отвечаем

только за внутреннюю службу. Ну, как бы тебе популярней сказать? Дисциплина там, построения разные, разводы, поверки, караулы…

– Понял, не маленький.

– А занятия по боевой и политической подготовке ведут офицеры с кафедры. Там у них сплошь полковники и подполковники, а майор всего один…

– Двоевластие, значит?

– Хрен им, мы главней. У нас и ответственности больше – случись что, нас привлекут, – он строго посмотрел на меня: мол, и тебя тоже. – Дадно, на месте сам разберёшься, если не маленький.

* * *

Приехали. На полянах меж стройных, прямо-таки карабельных сосен огромные палатки. Неподалёку несколько щитовых домиков. Возле одной из палаток бродит босой метра под два детина.

– Чего это он? – спрашиваю командира.

– Косит под придурка: сапог на его лапищи не нашлось, вот и давит сачка пока, не найдём сорок седьмой размер.

– А у меня ещё зубной щетки нет, пальцем зубы чищу,– услышал нас верзила.

– Ну и чисти, – сказал подполковник, а потом, обращаясь уже ко мне, добавил: – Между прочим, красный диплом у него, говорят,что чуть ли не гений какой-то по химии. Такие вот чудеса!

– И ничего мне не будет,– бормочет гений,– я к присяге ещё не приведён.

К нам подбегает молоденький лейтенант с красной повязкой на рукаве, докладывает подполковнику, что за время его дежурства происшествий не случилось, что личный состав сборов находится на стрельбище.

Комбат ведёт меня в один из щитовых домиков, самый меньший по размеру. Две кровати, пара тумбочек, стол.

– Это наше с тобой жильё, вот твоя кровать.

Время к шестнадцати часам. Идём в офицерский домик. Большая комната, пять кроватей. За столом два старлея, капитан и рыжий прапорщик режутся в карты.

– Товарищи офицеры! – командует капитан, плюгавенький мужичек лет тридцати.

– Знакомьтесь, товарищи командиры, замполита вам привёз,– представляет меня подполковник.

Жмём руки. Старлеи – взводные, мои ровесники. Боб, высокий светловолосый красавец. Игорь – брюнет, тоже ещё тот чувак: щёгольские усики, влажные цыганские глаза. Прапорщик Лёха – старшина сборов.Подполковник с капитаном Митрохиным, начальником штаба батальона, уходят.

На столе появляются бутылка водки, банка тушёнки.

– Будешь? – спрашивает меня Игорь.

Что я теряю? Да, ничего. А тут хоть голову полечу.

– Почему бы нет? – говорю. – С утра калган трещит.

– Наш чувак, – бросает Боб.

– Ну, тогда за знакомство, – поднимает стакан Игорь.

После второй Лёха предлагает мне шух на шух. Снимает свою потёртую портупею:

– Давай, лейтенант, меняться?

– Отдзынь, Рыжий, от человека,– цедит лениво Боб.

– Ни с кем, Серега, на мен не иди, – просвещает меня Игорь.– С тебя взыщут затем за утерю новой портупеи рублей так десять. Тебе это надо?

– И пошутить нельзя? – обижается прапор, а у самого глаза злые-злые.

Вскоре Лёха уходит считать портянки, а мы сидим, беседуем до ужина: старлеи просвещают меня, кто здесь кто и что есть что.

* * *

На следующий день на утреннем построении комбат представляет меня личному составу сборов. После построения ко мне подходит чувак в дорогих очках – то ли золотых, то ли позолоченных. Лицо круглого отличника. Представляется секретарём комсомольского бюро сборов.

– Какие будут указания, товарищ лейтенант? – комсорг достал из кожаной папки блокнот, шариковую ручку.

Откуда я знаю, какие указания дать молодому карьеристу. Пришлось срочно вспомнить былую свою армейскую службу – тем более, что сам полгода комсоргом роты был.

– Стенгазету выпустить, боевые листки во взводах, политинформации…Что ещё? Да, чуть не забыл: подготовить концерт ко дню присяги…

– Уже работаем, товарищ лейтенант.

– Ну, тогда с Богом, продолжайте в том же духе.

Он на меня как-то странно посмотрел: гадает, наверное, откуда в ВПШ подобные типы берутся?

Комсорг мнётся, не уходит.

– А, сапоги, – говорит, – для Егора?

– Для какого такого ещё Егора? Ах, для Егора! Уже работаем…

* * *

После развода едем на стрельбище.

– Посмотрим, – говорит капитан Митрохин, – что ты, комиссар, за фрукт такой. А то вы, пиджаки штатские, только бла-бла и горазды. Из чего стрелять будешь? Автомат? Пулемёт?

В армии я с этими «калашами» чуть ли не в обнимку два года спал, видеть их с той поры не могу.

– Если можно, – говорю, – из пулемёта.

Мы запрыгнули на бронетранспортёр. Оператор поднял бегущие по рельсам мишени. Я прильнул к пулемёту СГМ, пальцы сами вспомнили, что делать, дал две короткие очереди – обе мишени упали. Игорь захлопал в ладоши.

– Случайно, – сказал прапор Лёха.

– Возможно,– не стал я спорить и краем глаза заметил, как капитан подмигнул Лёхе.

– А под танк слабо? – спросил меня прапор. – На танкодроме студентов как раз обкатывают – и ты, может, попробуешь?

– Охоты особой нет.

– Слабо, замполит? Давай на спор, что струсишь!

– Рыжий, угомонись! – прикрикнул на Лёху Игорь. – Лейтенант вряд ли знает, что это такое.

– Не мешай, пусть спорят, – сказал Митрохин.

– А случись что, кто ответит?

– Не ссы, Игорёша, надо будет, отвечу.

– Уроды! – проворчал Боб и, сплюнув, пошёл к УАЗику.

Я знал, что это такое. Сидишь, вжавшись в окоп, через который над тобой проходит танк, затем вскакиваешь и бросаешь ему вслед гранату. Первый раз, в учебке, было страшно до жути. Затем, в войсках, ещё дважды катали – приятного, конечно, мало, но внутренней паники уже не было. А сейчас мне действительно не хотелось лезть в окоп под танк пыль глотать, форму пачкать. Но заело – молодой, дурной, азартный местами.

– Ладно, – говорю, – если на спор… Пари заключили на две литры водки. Переехали на танкодром.

– Я сам поведу,– сказал Игорь и сел за рычаги Т-62-го.

Отступать некуда: денег на проигрыш нет. Я спрыгнул в окоп.

Не буду скрывать: испытал забытый уже страх, но сумел подавить его, сделал всё, как надо, как когда-то на ученьях. И песка, правда, наелся, и в пыли вывалялся.

– А ты не трус, замполит,– похвалил прапор Лёха, а глаза его были злые-злые.

Вечером Лёха выставил проспоренное. За стол уселись вшестером – ещё и лейтенант Володя, наивный, чистый такой неиспорченный ещё парнишка.

– Ты где, Сергей, служил? – спросил меня Игорь.

– В ГСВГ. Прошёл подготовку в Котбуском учебном полку, затем полтора года в войсках сержантом.

– Тогда понятно…

Капитан Митрохин после третьей закосел и начал тянуть на меня.

– Не люблю,– сказал, – партработников!

Мы с ним сцепились.

– Я не партработник, – говорю,– а газетчик, это две большущие разницы.

– Всё равно комуняка. Ненавижу!

Митрохину налили ещё и уложили его спать.

– Допился! – брезгливо бросил Боб.

– А, между прочим,– сказал Игорь,– он у нас парторгом в батальоне значится.

– Почти по Фрейду,– буркнул Боб.

– А вы знаете, намедни Петрович его за замполита по большой матушке так крыл, так крыл!! – сообщил Лёха и глаза его стали добрые-добрые.

* * *

Не служба, а мёд. Утром после всяких обязательных оперативок, разводов, инструктажей идём с комбатом в своё жилище спасаться от жары. Лежим на своих кроватях, лениво переговариваемся. Ближе к одиннадцати командир не выдерживает:

– Наш час настал, Серёжа, скидываемся и, как говорится, в школу не пойдём.

– Деньги ваши, Виктор Петрович, ноги наши.

– Не наглей, юноша!

– Тогда я пас.

– Что, совсем пустой?

– Ну да, на стипендию много не напьёшь.

– Сколько хоть платят?

– Сто двадцать. А вам, простите за некорректный вопрос?

– Пятьсот тридцать.

– Ну, вот, а вы: скидываемся, скидываемся…

«Вам Дамм» достаёт из подкладки сапога мятую десятку, заныканную от жены:

– Бери, живодёр, и, чтобы мухой!

«Ага, полетел вам, товарищ подполковник, полтора километра по жаре!» Беру деньги и иду к прапору Лёхе:

– Выручай, Рыжий.

– Смотрите, не упейтесь, – отоваривает совсем за небольшой процент Лёха, и глаза у него становятся грустные-грустные.

После ужина в офицерском бунгало играем обычно в карты на шолбаны. Боб не участвует. Переодевшись в джинсы и футболку, уходит до утра. А если иной раз и не уходит, то берёт гитару и поёт «Битлов», Дэвида Боуи и Игги Попа на чистом, как утверждает Игорь, английском. Однажды я попросил его спеть Высоцкого или Окуджаву, он посмотрел на меня, как на урода, советских, сказал, бардов не перепеваю.

Странный он парень. Служба явно ему в тягость. Игорь рассказывал, что в Питере ждала Бориса блестящая карьера, но, обручившись с генеральской дочкой, сбежал от неё прямо со свадьбы. Вот сюда и сослали. А, главное, – зачем сбежал, сам до сих пор не знает.

* * *

День присяги – великий праздник. Начальник кафедры полковник Григорьев пригласил нас с Виктором Петровичем после официальной части отобедать в их офицерском кругу. Мы приглашение, естественно, приняли: по статусу полагается. Наши войсковые офицеры обиделись, что их не пригласили, но из гордости вида не подали: мы, сказали, свой праздник устроим, тем более, что к нам жены приедут.

Студентов наших, как и полагается в Советской Армии, торжественно привели к присяге на верность Родине и её Вооруженным силам. Затем концерт и праздничный обед с котлетками и двойной порцией сливочного масла. Отметив своим присутствием весь этот официоз, мы загрузились вместе с офицерами военной кафедры в автобус и отправились на пикник.

Устроились на берегу озера, образовавшегося на месте выработанного гравийного карьера. Поляну накрыли нам роскошную. Рыба всякая, колбасы, давно исчезнувшие с прилавков магазинов, и даже чёрная икра, которую я в жизни-то ел лишь однажды. А о коньяках и сухих винах уже не говорю. «Ждали командира полка с генералом из штаба округа, но они почему-то не приехали». – сказал мне «Ван Дамм».

Полковники и подполковники как-то странно косились на меня, выпивая и закусывая как бы с оглядкой.

– Тебя опасаются,– шепнул мне «Ван Дамм».

– С чего это вдруг?

– Думают, наверное, что ты засланный.

– Ладно, пусть думают.

Полковник Григорьев вперил в нас возмущённый взгляд:

– Кончай шептаться, танкисты! Лейтенант, скажи теперь ты слово.

Лейтенантов здесь кроме меня не было. Я встал, поднял рюмку:

– Товарищи офицеры, предлагаю выпить за то, чтобы они сдохли!

– Кто? – всё, опешив, подняли головы.

– Враги нашей великой Родины…

Все встали и дружно выпили. Полковник Григорьев захлопал в ладоши:

– Молоток, лейтенант!

Дальше пошло легче, как-то раскованней. Купались в холодном озере, хлебали уху. Никто не напился, мы с моим комбатом выглядели тоже весьма достойно, а вот полковник Григорьев полез было ко мне целоваться, но почему-то передумал.

Вернулись мы в лагерь довольные, приятно расслабленные. Грело также, что нам выдали на дорожку бутылочку коньяка. «Спрячь на завтра»,– велел «Ван Дамм», а сам завалился спать.

Я, отхлебнув чуток, спрятал и пошёл к своим батальонным ребятам. Открыл дверь в их бунгало и оторопел. Кровати перевёрнуты. Посреди комнаты сидит привязанный к стулу капитан Митрохин – глаза стеклянные, губы разбиты, на лбу ссадины. За столом понуро курят Боб с Игорем. Возле них суетится прапор Лёха, разливая из бутылки по стаканам остатки водки. Лейтенант Володя орудует шваброй, подметая разбитую посуду, окурки и прочий мусор.

– Ко мне и Володе приехали жны, – начал монотонно, словно замороженный, объяснять Игорь,– а Боб привёз подругу. Мы, как белые люди, сели за стол, стали праздновать, и он назвал мою Свету ****ью…

– Да, так и было, – подтвердил Лёха. – Еле скрутили, жилистый, гад…

– А какая она ****ь? Она жена моя! – поднял голос до крика Игорь.

– Бел-бил-бял,– забормотал оживший Митрохин.

– Ты, гад, опять! – Игорь, вскочив, шагнул к капитану, замахнулся.

– Игорёк, лежачих не бьют,– остановил его Боб.

Старлей вернулся на место. Долго сидели все молча. Только рыжий прапор суетился возле Митрохина, смазывая ему ссадины зелёнкой.

Дверь распахнулась. Влетел разъярённый комбат:

– Что, стервецы, догусарились?!

– Он, знаете, как назвал Игореву жену,– начал Леха.

– Так точно, Виктор Петрович,– сказал Боб,– у Митрохи совсем крыша съехала.

– Развяжите его! – приказал комбат.

Лёха кинулся исполнять. Разрезал верёвки. Капитан еле-еле, потирая затёкшие руки, встал.

– Смирна! – рявкнул комбат.

– Да, пошёл ты! – послал его на хер Митрохин.

– Что сказал?!– взревел подполковник и врезал своему начштаба хук справа.

Капитан после такого удара не мог не упасть. Что он и сделал. «Ван Дамм» обвёл всех невидящим взглядом, но орать не стал, лишь хрипло выдавил:

– Вот и доживи с вами до пенсии, придурки!..

Скандал удалось замять лишь наполовину. Кто-то донёс – говорят, что комсорг, который в дорогих очках – то ли золотых, то ли позолоченных. Он якобы где-то поблизости тёрся, но всей правды знать, естественно, не мог. Утром, собрав своих офицеров, комбат заявил:

– Всё, хватит, отныне на сборах сухой закон!

– Есть сухой закон! – сказали все хором и выдохнули с облегчением: пронесло, мол. Один только прапорщик Лёха скривился, и глаза его стали злые-злые.

* * *

Выдержать удалось не всем.

Капитана Митрохина отправили в полк. Его обязанности возложили на Игоря, а на его взвод прислали старшего лейтенанта Серёгина. На вид лет сорок, не меньше. Лысина. Животик. В диссонанс к ним – зычный голос. Непонятные глаза: то скользят по тебе неуловимо, то вдруг буравят насквозь.

– Что-то староват он для старлея, – говорю Игорю, – ему бы майором или даже подполковником быть.

– А он и был майором. Служил в прославленной, мать её, Кантемировской дивизии. Элита!

– Ну и?..

– Разжаловали до старлея и – к нам дослуживать пенсию.

– За что, Игорь? Не тяни кота за хвост…

– Говорят, что он запил по-чёрному, узнав, что жена загуляла со старшиной роты. Морду старшине он, конечно же, набил, но и сам пустился во все тяжкие. И вот апогей – заявился в ресторан в домашних тапочках, в парадном мундире на голое тело, но при галстуке. Вскочил на стул и закричал: «Хайль Гитлер!»

– Не может быть!

– Не знаю деталей, но об этом в войсках много судачили. Можешь сам у него по пьянке спросить: он, выпив, особо и не скрывает.

– Да за такое могли вообще по стенке размазать…

– Могли. Но у него брат в Генштабе какая-то шишка – отмазал.

* * *

«Всё, завязываю, – говорю сам себе, – сколько можно!» «Ван Дамм» тоже уже третий день в завязке. Прошли тёплые дожди, и мы бродим с ним меж сосен, собираем грибы. Белые. Они сами, красавцы, лезут на глаза. Набрав по ведерку, относим их на кухню, чтобы поджарили.

Утомившись, валяемся на кроватях. Благодать вроде бы, но какой-то червь всё-таки точит, перед глазами стоит, не уходит субботнее побоище.

– Виктор Петрович,– говорю, – что с армией случилось?

– В чём вопрос, мой юный друг?

– Понимаете, восемь лет назад я служил совсем в другой армии, такого бардака не упомню.

– А где ты здесь армию увидел? Здесь, я тебе уже говорил, курорт – отдушина от армейской и семейной, блин, тягомотины.

– И всё-таки. У нас в полку порядок был. Дисциплина! Когда в Чехословакию заходили, ни одного случая мародёрства…

Комбат вскочил, заходил нервно по комнате:

– Знаю, сам в ГСВГ служил. Туда лучших посылали. Но и там офицеры, не все, конечно, пили, гуляли, морды подлецам били. Просто вам, срочникам, не все было видно. Вот и сейчас ты видишь лишь то, что на поверхности. Взять Бориса с Игорьком – специалисты высочайшего класса. Орлы! На последних войсковых учениях Благодарности командующего округа заслужили. Вот только у Игоря не всё дома ладно, а Борис роком своим бредит, рапорт на увольнение подал… Бывает, душу водкой и лечат, но чести не теряют. И чтоб ты знал, я их пьяными никогда не видел – школа ещё с кадетов, то есть с Суворовского училища…

– А капитан Митрохин?

– Что Митрохин? Больной он на голову. Рано, благодаря брату – двухзвёздному генералу, – расти начал, вот крыша и поехала.

– И всё же…

– Не занудствуй, лейтенант. На себя посмотри – тоже ведь за воротник заливать не промах. Что, мне теперь о партии, глядя на тебя, тоже скверно думать?

Поговорили! Вредно, видимо, обоим долго не пить?

* * *

«Ван Дамм» захандрил. Загрустил, видать, по дому, по семье. Он загнул на своей кровати матрас, показал на лежащую на голой сетке пачку бланков:

– Вот, Серёжа, увольнительные листы на всякий, так сказать, пожарный. Я смотаюсь на выходные домой. Остаёшься за старшего. Смотри не подведи.

– Помилуйте, товарищ подполковник, я же не кадровый!

– Отставить, лейтенант! Я говорю, ты исполняй!

Понятно, почему именно я. Игорь ещё раньше домой отпросился, Боб вообще уже две ночи в расположении не ночевал, старлей Серёгин с утра неизвестно где бухой шляется. Вот и остались на хозяйстве мы вдвоём с лейтенантом Володей. Сидим с ним в нашем командирском домике, играем в дурака на уши – это когда проигравшего бьют по ушам картами. Я только замахнулся, прицелившись к Володиному уху, как в дверь постучали. Нарисовался воин из второго взвода – тощий, длинный, рыжий – по прозвищу Ржавый гвоздь. Плачет:

– Товарищ лейтенант, горе у меня!

– Что случилось?

– Тёща померла. Дайте, – упал на колени, – увольнительную! Пожалуйста!

Я, конечно, не сволочь, у самого хорошая тёща имеется – подписал увольнительное удостоверение, предупредив, чтобы не болтал языком, не хвастался.

Не успели за ним закрыться двери, как ввалились в обнимку Серёгин и прапор Лёха. Навеселе. В руках у Лёхи бутылка:

– Вздрогнем!

– На службе не пьём.

– Ну, хозяин – барин, я тогда пойду. Да, замполит, чтоб ты знал: Светка до Игоря точно ****ью была, все в полку знают.

– Мне-то это зачем? Ты это Игорю скажи, если есть, куда затем бежать.

– И скажу! – взвился прапор и глаза его стали злые-злые.

Прапор, стервец, слинял, старлей остался:

– Поделись, замполит, увольнительными.

– Не могу, они строгой отчётности.

– Да ладно! Ты их принимал по акту? Нет? Тогда не жмись, к тебе же меньше бегать будут. Ну, не жидься ты! А ребята говорили, что ты клёвый мужик…Боишься, так и скажи…

Обволок словами, заболтал. Отдал я ему пять увольнительных. Зачем – сам не знаю.

– Это ты зря,– сказал мне Володя и отправился, как дежурный по сборам, проверять наряды.

Ржавый гвоздь всё-таки проболтался: меня, и часу не прошло, один за другим атаковали студенты. Все – за увольнительными бегут. У кого друг женится. Кто на поминки. Кому срочно на приём к венерологу. А один чудак попросил сразу на троих: поеду, мол, с друзьями вызволять невесту из секты тоталитарной. Отметаю самые экзотические отмазки, но всё равно человек пятнадцать отпускаю. Жизнь есть жизнь. Лишь бы не подвели – в пьянку не ударились, не загуляли, не подрались, вернулись вовремя. Об этом я их и предупреждаю. Мамой и честным комсомольским клянутся, что не подведут.

Обошёл расположение. Лагерь непривычно обезлюдел. Кто в увольнительной, кто в самоволку до ближайшей деревни свалил – не без этого. Оставшиеся по палаткам дрыхнут, грибы меж сосен собирают, мяч на поляне гоняют. Огромный Егор портянки на солнышке сушит – сапоги ему всё-таки нашли

– Ребята обещали зубную щётку в городе купить! - похвалился, увидев меня, Егор.

Пошёл на кухню – грибков жареных с картошечкой отведать. Догоняет запыхавшийся лейтенант Володя:

– Командир корпуса здесь! Беги, докладывай!

– Но почему я?

– Как старший по должности. Бегом, Серёга, а то всех вздрючит!

Бегу, а генерал-майор уже сам направляется от своей «Волги» к кухне. Молодой, гренадёрского роста, статный. Фуражка с высокой тульей, как у офицеров вермахта в кино. Печатаю шаг, докладываю, что происшествий на сборах не случилось, личный состав находится на отдыхе. Он на меня смотрит, как на привидение.

– Почему, – говорит, - не по форме оброс, лейтенант?

У меня космы, действительно, уши закрывают, на воротник лезут. Что делать? Непроизвольно, на автомате, включаю дурака:

– Виноват, товарищ генерал, денег на парикмахера нет.

Он оторопел:

– Что сказал? Денег нет? Пропился! Сильно пьёшь?

– Никак нет, товарищ генерал! Бедный я, студент…

Он ещё больше опешил:

– Какой ещё такой студент?

– Слушатель Высшей партийной школы. Стажируюсь…

– Что, стипендия мала?

– Да нет, товарищ генерал, семья большая.

Он полез в карман, достал мятый трояк:

– На, постригись.

– Не, товарищ генерал, гусары денег не берут.

Комкор расхохотался, согнав своим рокочущим басом сорочью

стаю с верхушек сосен. Потом достал платок, вытер набежавшие слёзы, спросил:

– Дурака валять тоже в партшколе учат? – и, не дожидаясь ответа, протянул мне руку. – Бывай, замполит. И постричься не забудь.

Пронесло. Генерал поехал дальше по Гороховецким лагерям, а на Володю было страшно смотреть: весь он взмок, руки трясутся, губы синие. Я, наверное, был не лучше.

– Ну, ты и даёшь! – вымолвил, наконец, лейтенант.– У тебя что, крыша сдвинулась?

– Это я со страха. А больше всего знаешь, чего боялся? Вдруг он объявит общее построение, а у нас половины людей нет.

Ночь спал я плохо: в кошмарных снах подопечных моих в горьковских городских дворах терзали всякие чудовища, которых сменяли менты – били бедных студентиков дубинками, бросали их в чёрные воронки. Не находил себе я места и в воскресенье – мандражил по полной. Но обошлось. К ужину, как и положено, вернулись все. Измождённые, но счастливые, а, главное, – трезвые. Мужики, одним словом.

– А хрен ли, товарищ лейтенант, – сказал Ржавый гвоздь, доставая из дипломата блок «Стюардессы», – пацан сказал – пацан сделал.

– Убери! Офицеры взяток не берут.

– Берите, не обижайте. Вы ко мне по-доброму, а я почему скотиной быть должен?

И пошло, и поехало – удружил Ржавый гвоздь. Несут пиво, вино, водку и даже самогон, а один чувак печенья целый рюкзак притарабанил. Я растерялся: куда столько бухла, мы же в завязке? Вылить жалко – добро всё-таки. Отдать им обратно? Нет, салаги ещё по армейским меркам, нельзя, ни капли! Да, проблема, мать её за ногу! Но марку держу и даже кричу:

– Всё, хватит, накажу!

– Не надо, мы же от всей души!

Пришёл лейтенант Володя, увидев батарею бутылок, всполошился:

– Прячь, Рыжий с Серёгиным идут!

Я затолкал всё добро под койку, но прапор со старлеем проковыляли мимо. В обнимку, уже никакие в смысле трезвости.

– Разговеемся? – спросил я у Володи, доставая марочное болгарское полусухое.

– Если чуть-чуть…

«По чуть-чуть» не получилось, оприходовали в охотку всю бутылочку. Хорошо и душе, и телу, если настоящее виноградное, а не какая-то там «червивка».

* * *

Вот так, недели не прошло, как сухой закон был нарушен, развязались, так сказать, всем нашим узким и дружным офицерским кругом. Только прапора Лёху со старлеем Серёгиным проигнорировали: они и без моих запасов сутками в обнимку ходили датые. А мы пили интеллигентно, с толком, с расстановкой, чтобы дров опять не наломать и не страдать перманентно алкогольным похмельным синдромом. Лёху вскоре вызвали в полк на какие-то разборки по поводу порчи имущества. Оставшись без собутыльника, Серёгин в уныние не впал, где-то, как-то чудесным образом, не покидая лагерь, доставал бухло и был

каждый день «под мухой». Загадка века: до завтрака Серёгин мрачен и раздражителен, но вроде бы трезв, а после развода уже весёлый ходит, пошатываясь и что-то напевая себе под нос. Где берёт? Кто поит? Заинтригованные, мы устали выдавать версии – одна другой нелепей.

– Хватит гадать,– сказал Игорь,– надо за ним проследить.

Отправили с таким заданием лейтенанта Володю. Через какое-то время он возвращается, корчась от смеха:

– Ой, держите меня, не могу!

Изобретённый Серёгиным способ оказался прост и бесхитростен, как всё гениальное.

– Он пошёл в сосны, – рассказывает Володя, отсмеявшись,– идёт, озирается, я за ним. Всего в шагах сорока встаёт, оглянувшись, на колени перед раздвоенным деревом. Неужели, думаю, молиться надумал? Но нет, лег на пару минут, затем встал, огляделся по сторонам и направился обратно счастливый, счастливый… Я, конечно же, дождался, когда он скроется, бегом к той сосне, разрыл мох, а там…

– Кто там? – вскрикнули мы чуть ли не хором.

– Не кто, а что. Походный бурдюк резиновый. Проверил – похоже, что чача. Литра полтора ещё осталось.

– Крыса вонючая! – сплюнул Игорь.

– Теперь понятно, зачем он выпрашивал увольнительные, – сказал я.

– Что делать будем? – спросил Володя. – Может, Петровичу доложить, как положено?

– Никак нет, – сказал Боб,– западло это.

– Выходит, пусть спивается окончательно старший лейтенант Серёгин? Неправильно это! – взвинтился Володя.

– Запоздали с боржоми, спился уже,– сказал Боб.

– Давайте, перепрячем,– предложил я.

– Нет, – возразил Игорь,– мы же не крысы какие.

Сидели, мозговали, что делать, как быть? Без бутылки не разберёшься – достали предпоследнюю из моих запасов. Прикладываясь по маленькой, долго перебирали варианты – один, признаться, никудышней другого.

– Ладно, – не выдержал наконец Боб,– пусть лакает свою чачу.

– Как так! – взвился Игорь. – Тайком, значит, на халяву?

– А мы чем занимаемся? – Боб показал на только что выпитую бутылку. – Двойная мораль, однако, господа офицеры!

Не знаю, как кому, а мне внутри себя стало как-то неуютно, муторно даже. Действительно, а мы-то чем лучше? Сидим, жрём халявную водку, спиваемся по-тихому. А мне и вовсе бы молчать в тряпочку: кто я такой здесь? Случайный прохожий на пыльной ночной дороге, которого не прогнали от костра, а позволили погреть руки и даже плеснули в стакан. Впрочем, про Серёгина с его чачей вскоре забыли. Приехал прапор Лёха. Распечатав ещё бутылку, пили, не морщась, травили байки, хохотали до слёз. Лишь Боб отчуждённо молчал. Я другими совсем глазами посмотрел на него, а Борис взял гитару и запел что-то на чистом английском.

* * *

Это было последнее моё здесь застолье: срок стажировки истёк, и на следующий день меня проводили на автобус. Пошли все, кроме

Володи – ему выпало опять дежурство по сборам.

– Прибудешь в полк. – велел комбат,– зайди в финчасть, там тебе насчитали немного за замещение замполита

– Спасибо, Виктор Петрович!

– Это комбат для тебя выпросил,– обнимая, шепнул мне на ухо Игорь.

– Бывай, – сказал Боб.

Прапор Лёха ничего не сказал. Я попросил его огоньку прикурить, Лёха достал зажигалку. «Бери на память», – сказал, и глаза его стали грустные-грустные.

* * *

Нас снова выстроили на полковом плацу. Я оглядел своих однокурсников: у всех лица обветренные, загорелые, а опухшие только у друга Бузи и Аркаши, но у них они давно такие. И что характерно, форма на многих сидит уже не так мешковато. Правда, у четверых портупеи потёртые – как тут не вспомнить Боба с Игорем добрым словом?

Подполковник из политотдела корпуса толкнул речь. Сказал, что стажировка прошла в целом успешно, зачитал приказ, которым объявлялась благодарность нескольким из нас, в том числе и мне. «Чудеса!» – подумал я, и тут же покраснел, как-то стыдно перед самим собой стало – не всю совесть ещё, видимо, пропил? Впрочем, ветер настроений переменчив: обнялись после построения со Славкой и Бузей, переоделись в своё, гражданское, и на душе сразу полегчало. И совсем посветлело, когда мы направились втроём в ближайшую «стекляшку» – деньги у меня уже были.

Балдели, наслаждаясь свободой – пусть мимолётной, призрачной, но свободой от жён, армейского начальства, партийных чиновников. А до Афганской войны оставалось два года. На ней сгорел в танке Игорь, командуя батальоном. Об этом мне написал в начале девяностых лейтенант Володя, ставший уже подполковником. И ещё он написал, что:

• Виктор Петрович жив и здоров, выращивает цветы на даче;

• капитан Митрохин сгинул где-то в психушках;

• прапор Лёха, уволившись, развернул мелкорозничную торговлю, ходит теперь в малиновом пиджаке и обедает в ресторане;

• Серёгина влиятельные родственники свозили в Крым к доктору Довженко, и, закодировавшись, он смог дослужить при штабе корпуса до пенсии;

• Боб, отказавшись в октябре девяносто третьего ввести свой полк в Москву, был изгнан из армии, но вскоре, женившись на еврейке, отбыл через Израиль в Штаты;

• комсорг, который то ли в золотых очках, то ли в позолоченных, – ярый демократ, шестерил у Немцова, а теперь собрался в Госдуму.

* * *

Судьбу не выбирают. Или всё-таки каждый сам отыскивает себе дорогу? В вечность или в никуда. Это было единственное Володино письмо. Через несколько лет из газет я узнал, что, командуя танковым полком, он погиб в Чечне.

Николай ГЛУМОВ

БУРЖУЙКИ ПО СКВЕРУ ИДУТ

* * *

Пусто поле. Злобен ветер.
Затуманен лунный лик.
Позабыв про всё на свете
Ходит пьяненький мужик.

Что он бродит? Что он ищет?
Непонятно самому.
Над Россией ветер свищет.
Блещет звёздочка ему.

Русской тройкой мчит столетье.
Блещет красная звезда.
Кулаком грозит планете
Он без всякого стыда.

Погрозивши, прекращает,
Начинает пить опять.
Он по Сталину скучает
И не может перестать.

К ДНЮ ФСБ

Под пламенным клёном печальным,
Средь русских печальнейших дней
Сидит кэгэбэшник брутальный
На старой скамейке своей.

Сидит. На Отчизну взирает
Со старой скамейки своей
И службу свою вспоминает
В течение дней и ночей.

Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время – рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких поэтических сборников «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского III степени (2012). Лауреат премии имени А. Л. Решетова (2015). Живёт в городе Перми.

Сидит он на старой скамейке,
Глядит он на сквера уют.
Нарядные, как канарейки,
Буржуйки по скверу идут.

Их много! Их целая сотня!
И каждая – модный типаж!
Ему не удастся сегодня
Зарыть их в любимый пейзаж!

Советской империи думы
Покоя ему не дают.
Сидит кагэбэшник угрюмый.
Буржуйки вальяжно идут.

* * *

Пусть стёрлась из памяти славная дата,
Пусть я позабыл, что в Москве был когда-то,
Но – ноги запомнили ГУМа ступени,
А лёгкие – воздух весёлый весенний,
А руки – метро золотые перила,
Вся сущность моя свой денёк не забыла!
Как шёл по Кремлю, как жевал пирожок
Простой русской мамы советский сынок.

И пусть мне людишки известной породы
Кричат про советские страшные годы,
Но – ноги высокие помнят ступени,
А лёгкие – воздух весёлый весенний,
А руки – ведущие в небо перила...
Зачем моя память Союз не забыла?!
...Я каждую ночь тот жую пирожок –
Без папы, без мамы советский сынок.

Наталия СОВА

СЧАСТЛИВЫЕ. Рассказ

Трамвай грохотал.

Александра задумчиво рассматривала свои потрёпанные джинсы, размышляя, пристрочить ли к ним понизу цветную тесьму, расшить ли бисером, или им уже ничто не поможет.

А Данька во все глаза смотрел на дядьку напротив – дядька только что оторвал себе большой палец и приставил обратно. С серьёзным и немного рассеянным видом, будто бы откручивать в задумчивости пальцы – для человека самое обычное дело. Был он немного похож на чудаков, о которых часто рассказывала Даньке мама – тех, что играют на скрипках по чердакам, теряют волшебные шляпы и всё такое прочее. Длинные седые волосы почти касались воротника чёрного пальто, возле рта пролегали две резкие морщины, а глаза сверкали как обыкновенно сверкают льдинки, когда смотришь сквозь них на небо. Завладев Данькиным вниманием, он невозмутимо открутил себе мизинец, приставил обратно и подмигнул.

– Ещё, – чуть слышно попросил Данька.

– Здесь обилечено? – злобно спросила подошедшая женщина со старушечьей сумкой.

Александра царственно протянула мятую десятку, пассажир напротив заплёл пальцы косичкой и сделал вид, что не может расплести.

– А здесь что? – женщина нависала над ним, похожая на грозовую тучу, и даже клубилась, кажется. Но пассажир в ответ только печально протягивал ей руки. И внезапно в бесцветном взоре её проступила небесная сострадательная синева. Не сказав больше ни слова, она прошествовала в другой конец вагона и уселась на своё место.

Александра повела бровью: «Однако!» – и мысль её снова возвратилась к проекту превращения старых штанов в относительно новые. Данька с дядькой обменялись заговорщицкими взглядами, и Данька счёл нужным сообщить ему, что они с мамой едут в зубную больницу фотографироваться – там делают портреты зубов. Рентгеновские. Страшно интересно, тем более, что Данька ещё ни разу этого не видел. Нет, фотографировать будут не его зуб, а зуб мамы. Коренной. Жаль, что у него, Даньки, не болят зубы, а то бы и его сфотографировали.

«Трудно, когда ребёнок экстраверт, – подумала интроверт Александра. – Ну зачем он рассказывает про мои зубы? Кому какое дело… Лучше всё-таки тесьму. С бисером возни много».

Наталия Владимировна БЕЛОУСОВА (псевдоним – СОВА) родилась 25 декабря 1970 года в городе Перми. Окончила Пермское музыкальное училище (1990), Пермский государственный институт искусства и культуры (1996). Училась на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А. М. Горького (2004–2005). Работала во Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Известна как автор-исполнитель песен. Первое издание вышло в 2005 году в городе Москве: роман «Королевская книга». Последняя на сегодняшний день книга – сборник прозы «Когда звёзды не жмурятся» – вышла в 2013 году в городе Перми. Член Союза писателей России (2007). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства (2013). Живёт в городе Перми.

Приняв сие решение, Александра мимоходом взглянула на данный ей билет – сложить его цифры и определить степень счастья. Глаза её на миг расширились.

Билет показывал:

643643

Не просто счастье, а счастье редкостное.

Репродуктор прокрякал неразборчивое, Александра подхватила Даньку и устремилась к выходу. Заплетённый в косички пассажир, оказалось, тоже выходит, он галантно поддержал Александру под локоть, и будучи удостоен лёгкого кивка, расплёлся, приподнял шляпу, представился:

– Сириус Александр Михалыч, к вашим услугам.

Александра кивнула вторично, уже более сухо.

– Романов Даниил Андреевич, – солидно ответил ребёнок-экстраверт и, увлекаемый за руку неумолимой Александрой, долго оглядывался через плечо. За спиной неподвижного Сириуса сиял непогашенными с утра синими огнями Дворец культуры имени Гагарина, и падал медленный снег. Сириус пристально глядел им вслед, его пальто чернело на границе снегопада как разделительный знак.

Желающих получить портреты своих зубов оказалось много, Александра уселась ждать перед огромной дверью, похожей на вход в командный бункер. Исследовать лабиринты коридоров она Даньку не пустила, вместо этого устроила его у себя на колене и стала тихонько рассказывать историю про королевского скорохода.

Скороход был такой быстрый, что к ноге его была привязана гиря, чтоб бегал помедленней, чтобы все узнавали вести не прямо сразу, а ждали немного, иначе неинтересно.

– А лошади?

– Что – лошади?

– Лошадей в том королевстве не было?

Лошади, конечно, были, но путь лежал через лес, в котором жил дракон, который лошадей этих ел. Скороходов вот не ел. Скороход худой, жилистый, потому что бегает всё время, и по гастрономической части дракона совсем не прельщает.

– И у него ещё гиря, – добавил Данька.

Да, и, бывало, дубасил он этой гирей драконов почем зря. Дракон ему: «Да успокойся ты, не ем я скороходов, проходи давай, пошёл, пошёл, кыш!» А скороход разгорячится, гирей машет, она в воздухе свистит – дракону не по себе.

А ещё гиря очень была полезна в бурю. Когда надвигался шквал, а скороход видел, что не успеет добежать до леса или селения, он просто останавливался среди поля и ждал. Буря налетала, подхватывала его – скороходы ведь очень поджарые и лёгкие – и поднимала в воздух. И он закрывал глаза, расслаблялся в потоках ветра и парил над землёй, раскинув руки – одна лишь гиря удерживала его от неминуемого полёта в неизведанные края…

Данька не успел сказать, что, если так, почему бы скороходу не избавиться от этой дурацкой гири.

– Следующий! – высунулась голова из двери бункера.

Александра усадила Даньку на своё место и сказала: «Сиди тут!», придав голосу по возможности наибольшую суггестивную силу. Данька, оставшись в одиночестве, некоторое время думал о скороходе

и его гире, потом перестал и заёрзал, слезая с нагретого деревянного сиденья. Обшарпанные больничные лабиринты манили, звали и обещали приключения. То и дело слышались механические взвизги и жужжания, проходили мимо хмурые люди с платочками у рта, а в полутёмной безлюдной глубине вздрагивал высоко под потолком свет одинокой лампы, похожей на неисправный лазерный меч.

– Куда пошёл, мамка-то потеряет, – сказал ему вслед кто-то из очереди.

Данька не удостоил его ответом – взрослый человек вполне мог догадаться, что мама сможет без труда найти Даньку по прекрасным отчётливым следам мокрых валенок на коричневом линолеуме.

В моргающем бледном свете стояли белые глухие шкафы, сломанные вешалки и пыточное кресло из фильма «Вариант Омега». Коридор заканчивался дверью, на которой висел амбарный замок. Открытый. Данька осторожно снял его, прижал к груди и, замирая, толкнул дверь. Внутри была каморка в два шага – пыльная и пустая.

– Даниил! – раздался позади мамин голос. Это могучее тяжёлое имя всегда настигало его, когда он вёл себя не так, как полагалось.

«Всё-таки она нашла меня по следам, –думал Данька, пока Александра молча натягивала на него одёжки. – Мама-следопыт. Правда,не дорасскажет теперь историю про скорохода. Зато разрешила подержать портрет зуба, мало того – велела им махать, чтоб высох, пока она одевается».

Портрет Даньку разочаровал неимоверно – маленький чёрный квадратик с едва заметными разводами.

– Невзрачные какие-то фотки тут делают, – сказал он, давая начало разговору, вслед за которым неминуемо наступит примирение. – Может всё-таки, больница – это не то место… Как ты думаешь?

Губы Александры дрогнули, сдерживая улыбку, глаза посмотрели нежно-нежно, и Данька понял, что прощён.

Сейчас они направлялись к Диме, чтобы показать ему портрет. Дима был частнопрактикующим зубным врачом и настаивал, чтобы его именовали дантистом. Александра считала это пижонством, а Данька думал, что дантисты – это фанаты поэта Данте, один из них даже застрелил поэта Пушкина. Дима, впрочем, пристрастий к Данте никаких не выказывал, равно как и свирепости – наоборот, иногда являлся в гости с цветами и сладостями, и Александра тогда походила на королеву, благосклонно принимающую посла дружественной державы. Однажды Данька назвал Диму папой – просто так, чтобы прохожие подумали, будто Данька гуляет как все, с родителями. Дима покрылся красными пятнами и ничего не сказал. А Александра потом внушила Даньке, что называть Диму папой можно будет, только когда он сам об этом попросит, никак не раньше.

На улице обнаружилось странное: Александр Михалыч Сириус по-прежнему стоял на границе падающего снега. За его спиной намело уже порядочно, и проезжая часть, и Дворец культуры, и окружающие его голубые ели были густо выбелены. Сириус, на пальто и шляпе которого не было ни снежинки, кого-то терпеливо ждал.

– Александра Владимировна, простите мою назойливость… У вас найдётся минутка времени на небольшой разговор?

– В чём дело? – надменно спросила Александра, пытаясь в то же время вспомнить, называла она своё имя-отчество или нет. «Кажется,

не называла. Не называла точно».

– Дело сугубо конфиденциальное, – улыбнулся Сириус.

Данька с гиканьем устремился к ледяной горке – такие высокие попадались нечасто, а Сириус с Александрой стали чинно прохаживаться взад-вперёд по аллейке меж чахлых кустиков. Снег роился в стороне, на почтительном расстоянии.

– Видите ли, уважаемая Александра Владимировна… – Сириус не знал как начать и водил мерцающим взором, будто надеялся увидеть подсказку в воздухе. Увидел, решился. – Я работник чрезвычайно редкой специальности. По-английски она называется weather-maker, гм… что значит – «делатель погоды». В городах эта должность введена сравнительно недавно – лет двести назад, когда произошло отделение городской погоды от прочей, природной… гм, целая революция своего рода. Так вот, «делатель погоды» – особо образованный человек, знающий вверенный ему город до тонкостей и обеспечивающий его погодой согласно сезону. Температура тротуаров и стен, скорость ветра между высотками, оазисы парков и фонтанов, городские цветы и птицы – всё в моём ведении.

Александра украдкой принюхалась – не пьян ли. И присмотрелась – не блещет ли во взоре нежданная страсть, толкающая на отчаянные и смешные поступки (с пожилыми господами это случается). Ни того, ни другого. Спокойный, трезвый, опрятный, несколько старомодный интеллигент.

– …Я работаю в Перми много лет, город растёт, требует всё большего приложения сил, а я, к сожалению, уже не молод. Вы видите, какая в этом году зима? Два месяца подряд нулевая температура. В редкие дни я в состоянии дать минус десять, а в следующем году не будет и этого. Мало того – лета я тоже вам не обещаю. Вряд ли мне удастся нагреть город даже до плюс двадцати. Пятнадцать-семнадцать максимум. Я очень устал, а смены мне всё не было, делатель погоды – очень редкое явление, я повторяю…

И вдруг всё стало ясно Александре. Ну конечно! Человек неплохой, но изрядно спятивший, что с пожилыми господами тоже случается довольно часто.

– Разве я могу чем-то помочь? – холодно спросила она.

– Дослушайте, пожалуйста, а там решите сами. Два-три года назад я почувствовал, что не один в городе. И это вскоре подтвердилось определёнными событиями… гм. Вначале это было… как бы объяснить… как если бы в ваше отсутствие кто-то переставляет мелкие предметы на полке. А потом стало так: будто за работой вы заметили, как рядом играет ребёнок – подражая вам, выполняет точные манипуляции, на освоение которых у вас ушли годы. И вы понимаете, что он одарён, гениально одарён от природы. Я искал его достаточно долго и нашёл сегодня.

– Вот как? – Александра уже выглядывала издали Даньку.

– Прошу вас понять, к этой профессии нужен талант, какого у людей не бывает никогда. Вернее, я думал, что не бывает, пока не нашёл, гм… вашего мальчика.

– Что?!

– Я понимаю, для вас это, возможно, прозвучит дико… Александра Владимировна, не согласитесь ли вы отдать Даниила Андреевича ко мне в ученики?

– Не морочьте мне голову! – Александра круто повернулась и отправилась вылавливать Даньку.

– Помилуйте, Александра Владимировна! Что угодно могу я вам морочить, только не голову! – воскликнул Сириус – Вы убедитесь сами, когда пройдут зима и лето, когда наступит новая зима, вы поверите мне. Но в следующем году Даниил Андреевич уже выйдет из возраста, вот в чём дело. Будет поздно, безнадёжно поздно!

«Вот маньяк!» – сердито подумала Александра, не оглядываясь. Гнилая зима и холодное лето действительно случались всё чаще, и причиной тому – это каждому известно – были несколько камских водохранилищ, постепенно превращающих климат области из резко-континентального в морской. Вытащив Даньку из галдящей копошащейся кучи-малы в конце ледяной дорожки, она энергично отряхнула его и крепко взяла за руку.

Дима работал в двух остановках от Дворца культуры на первом этаже хрущёвки, где у него было хорошо отделанное помещение с отдельным входом. Спасшись от печального взгляда Сириуса в первом попавшемся трамвае, Александра купила билет и обомлела.

Билет показывал:

376673

Счастье редкостное, исполненное особой симметричной гармонии… или гармоничной симметрии?

Кабинет назывался «Estetic». Оставив Даньку обстреливать снежками вывеску, Александра вошла в белую прихожую, где стоматологический запах перемешан был с сигаретным, и на низеньком столике лежали стопкой глянцевые журналы. Дима, склонённый над пациенткой, что располагалась в кресле спиной к входу, в маске и шапочке выглядел непривычно серьёзным. При виде Александры он вместо приветствия расширил глаза, страшно завращал ими и подчёркнуто громко сказал пациентке:

– Не закрывай рот, МАМА.

Александра остановилась на пороге со снимком в руке. О пресловутой МАМЕ Димы она была весьма наслышана от него самого. Дима давно обещал их познакомить, но всячески оттягивал встречу Александры с мамой, ссылаясь на то, что почва ещё недостаточно подготовлена.

– Пожалуйста, подождите, – сказал Дима незнакомым голосом. – Я освобожусь через… двадцать минут. Извините за неудобства. Можете погулять пока.

Глаза его подавали отчаянные знаки: атас, мы незнакомы ни в коем случае!

Тэ-нн! – увесистый снежок влепился в самую середину стекла.

Дима взлетел с винтового табурета и замахал руками на скачущего в сугробе Даньку. Эффект, однако, получился обратный: завидев Диму, Данька возрадовался и вместо того, чтобы скрыться из виду, как ему показывали, побежал здороваться.

МАМА на кресле завозилась и начала оглядываться.

– Уберите своего мальчика, мадам… Пока окна целы, – в глазах Димы читался самый настоящий страх.

Александра почувствовала, как её спина, и без того не сутулая, выпрямляется ещё больше, а губы ломаются в злой усмешке. Поймав за руку ворвавшегося Даньку, вопящего: «Привет, Дима, как

дела?» и «Мама, ты чего, пусти!», она устремилась из кабинета прочь.

Дима догнал её на улице.

– Санька, чёрт, прости ради Бога! Санька, я объясню. Она же начала бы расспрашивать кто ты, и что я ей бы ответил? Ты же знаешь как неубедительно я вру… Санька, не обижайся. Я позвоню, хорошо?

– Я освобожусь лет через сто. Можете погулять пока, – глухо произнесла Александра на ходу.

Что ещё говорил Дима и куда потом делся, она не запомнила. Данька слепил крепкий снежок, закричал: «Мама, смотри!» и надкусил его как яблоко, а она даже не отреагировала.

«Да что же это такое! – неслось в голове Александры. – Только размякнешь, только раскроешься и доверишься, как вместо любимого мужчины обнаруживается очередной маменькин сынок, беспомощный и трусливый до отвращения. Не может быть, что они все таковы, почему же мне только такие и попадаются?»

Она вывернула варежку и счастливые билеты, подхваченные ветром, запорхали сливаясь с белизной снега.

– Всё вы врёте, – сказала им Александра, не оборачиваясь.

– Мам, ты чего? – озадачился Данька.

Она только мотнула головой, продолжая быстро шагать, стремясь отдалиться как можно скорее от этого места, и Данька подумал, что если так будет продолжаться, она, пожалуй, уйдёт по неуклонной прямой прочь из города.

И тогда он поймал маму в луч. «Мама В Луче» – самая любимая игра из всех, в которые Данька умел играть. Нужно было делать это незаметно, иначе неинтересно, а сейчас она как раз вокруг себя ничего не видела.

Со стороны солнца появился в снеговых тучах прорыв, узкий тоннель в облачной толще. И падал оттуда тонкий, как спица, свет, и расширялся к земле, и шёл за мамой, не упуская её ни на шаг. И сияли мамины волосы, выбившиеся из-под вязаной шапочки, и лицо светлело и отогревалось, и глаза смотрели печально и отрешённо, и была мама самой красивой на свете. Останавливались и оглядывались запорошенные снегом люди, а Данька сновал по низеньким сугробам у тротуара, делая вид, что он здесь совсем не при чём.

Самое главное – вовремя остановиться, не раньше и не позже, а именно в тот момент, когда она уже что-то чувствует, уже готова заметить… Вот, сейчас!

Александра взглянула на свои руки, потом вверх, на небо, и снегопад накрыл её, как всех остальных прохожих этого города.

Валентина ТЕЛЕГИНА

НА КРЫЛЫШКАХ РИСКА

ТЕЛЁНОК

Вызвездило. Подморозило!
Встали дымки над селом.
Снег, как густое молозиво,
Пахнет коровьим теплом.

Топится печь.
Время – к полночи.
Мать торопливо вошла,
В старой фуфайке телёночка
Махонького принесла.

Мокрый, дрожит и шатается,
В материн тычась подол.
Ножки его оскользаются
И упираются в пол.

В угол со свежей соломою
Слабое тельце легло.
Что-то хорошее, новое
В избу тревожно вошло.

«Слава те!» – крестится бабушка.
Сладко сопит детвора.
То-то им будет забавушка,
Будет забота с утра!

Уголья светятся розово,
Кошка не спит под столом.
Ночь, как густое молозиво,
Пахнет коровьим теплом.

Валентина Фёдоровна ТЕЛЕГИНА родилась 5 сентября 1945 года в железнодорожном посёлке близ города Уральска, Казахстан. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (1972). Работала экспедитором, секретарём суда. Первая творческая публикация относится к 1957 году. Первый поэтический сборник вышел в 1969 году в городе Сыктывкаре: «Полынь». Издавалась в Москве, Осе, Перми, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре. Автор полутора десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/ России (1977). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2006), премии Пермского края в сфере культуры и искусства (2006). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Березники.

ИДИ ДОМОЙ

Осталось детство далеко-далёко!
Река, пески, полынный дух и зной…
– Иди домой!
    – кричала мать с порога,
Глаза от солнца заслонив рукой.

Есть много мест,
    пристанищ и кочевий,
Где рады нам и с нетерпеньем ждут,
И всюду слышен голос в час вечерний:
– Иди домой! – все матери зовут.

То не буран свистит, не вьюга стонет,
Не тучи гонит ветер-вековей,
То с древности – исконное, святое:
Россия кличет всех своих детей.

И если в сердце смута и тревога,
И тень беды кружит над головой,
Я слышу голос матери с порога:
– Иди домой!.. Скорей иди домой!..

* * *

Памятью вернусь
в свой родимый дом.
Как певала Русь:
– Степь да степь кругом… –
Как в лицо дышал
ветер-суховей,
как полынь качал
да сухой шалфей…

Вот и всё. Конец.
Ветлы шелестят.
Мама и отец
рядышком лежат.
И такая здесь
тишина и глушь!
Хорошо, что степь,
хорошо, что сушь.

Ничего уже
не вернуть назад.
Горечь на душе.
Тополя шумят.
Пролетят века
под мерцаньем звёзд…

Всё одно – тоска,
всё одно – погост.
Жёсткою листвой
шепчет карагач:
– Посиди со мной,
в тишине поплачь… –
Плещется Урал.
Степь да степь кругом…
В той степи стоял
мой родимый дом.

ЗАБЫТЫЙ КОЛОДЕЦ

Надо мною проходят века,
Будто сны в тишине полудрёмной.
Деревянная крышка тяжка,
И тесны мне морёные брёвна.
Я – забытый колодец. Меня,
Ненароком закрыв, позабыли
И на зорьке покосного дня
Уж давно мою воду не пили.

Что там, сверху, который уж век?
Царство Божье иль груда развалин?
Может, выпал там ядерный снег,
И навеки уснул мой хозяин?
Иль народы земли полегли,
И остался лишь жалкий народец,
И безумцы, в грязи и в пыли,
Ходят, ищут последний колодец?

Нет у них ни реки, ни пруда,
И в руинах былое ветшает…
Лишь во мне та живая вода,
Что из мёртвых глотком воскрешает.
Серебристым русалочьим мхом
Обросли мои верхние своды,
Только самым глубинным венцом
Чую – ходят подземные воды.

И покуда их гул не замолк,
И чудесная влага теснится,
Приходите, сорвите замок,
Отворите глухую темницу!
Пусть гремит и взлетает ведро,
И размеренно крутится ворот.
Я отвечу добром на добро,
Напою и деревню, и город.

В нескончаемой дней череде
Мне ведь надо, по сути, немного:

Чтоб лицо отражалось в воде,
Всё равно – человека иль Бога…
А под вечер усталой душой
Я увижу звезду поднебесья
И подумаю: «Как хорошо,
Что в природе опять равновесье…»

РОССИЯ

В лохмотьях вьюги, в платьице весны
Выходишь ты на солнышко – согреться.
И грозы, свежей влагою полны,
Несут тебе цветные полотенца.

Пора прибраться в доме и в полях.
Истосковалась матушка землица
По звону ржи, по шелесту пшеницы,
По русской песне в зреющих садах.

Гудит и плачет ветровой простор,
Весь в ожиданье пахотного гула.
Но горечь затуманивает взор:
Где ж пахари твои, где твой Микула?..

Осиротив детей и отчий кров,
Богатыри исчезли, как виденья.
И на ветру, на росстани веков
Ты их зовёшь,
ты ждёшь их возвращенья…

ТАЙНА

Нас судьба не сводила
Ни под крышей одной,
Ни у края могилы,
Ни под общей звездой.
Наши смутные речи
Не сплетала в одну,
Не готовила встречи
Ни в раю, ни в аду.
Ни «прощай – до свиданья»,
Ни упрёков-обид…
Но какая-то тайна
Между нами стоит!

Все законы нарушив,
Устремлённые ввысь,
Наши странные души
В поднебесье сошлись.

И надмирно летают
В тишине громовой,
И огонь высекают,
И разряд грозовой!
И, на крылышках риска
Чиркнув мимо лица,
Электрической искрой
Прожигают сердца…

* * *

Что ни скажу – всё как-то невпопад,
Всё не о том и не настолько просто,
Чтоб одолеть магический квадрат,
Расчислить круг мучительных вопросов.

Шагнуть бы сквозь себя и свой испуг,
Создать в бреду таинственную повесть,
Где все огрехи обернутся вдруг
Зеркальным отражением достоинств.

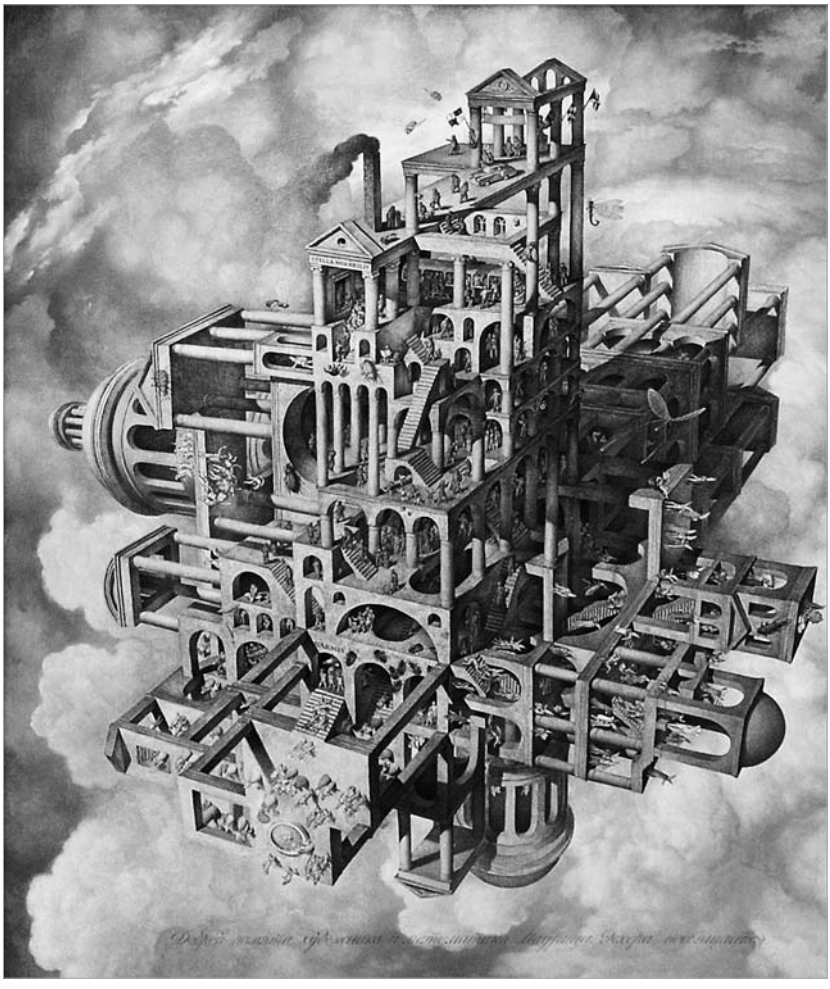
Иметь бы позагадочней судьбу
И право свыше: немотой не мучась,
За всех страдальцев возносить мольбу,
За их земную горестную участь…

* * *

Свадьбы, юбилеи да поминки –
Вот и все мирские торжества.
Ах, какие грустные картинки
Подлинных страстей и шутовства.

Запереться бы в своей каморке,
Мяту луговую заварить,
Радоваться чёрной хлебной корке,
Ни на чьё застолье не спешить.

Мочи нет смотреть на фарисейство.
Но, доколе сам Господь глядит,
От людского горя и злодейства
Отвернуться – совесть не велит.



Часть 2

Андрей ЗЕЛЕНИН

И ВСЁ. Рассказ

Этого немца не любил никто кроме Анютки.

Анютке было два года.

– Дурочка! – говорил про сестру Максим – сам старше Анютки на два года.

Но Максим уже понял, кого боятся старшие: мать и другие сёстры – Зоя и Катя. А Анютка – не понимала.

Когда немец выходил во двор их, когда-то их, а теперь чужого, дома, Анютка с визгом радости неслась к немцу. И тот приветливо улыбался русской девчонке и, если была возможность, гладил по голове – по пушистым льняным волосам, и даже иногда чем-нибудь подкармливал: сухарями, кусочками колбасы, катышами остывшей каши. Пару раз давал конфеты…

Немец был не старый, но и не молодой – не офицер, но и не простой солдат. Немец служил другому немцу.

Тот, второй, был важной птицей – старшим офицером. Правда, дом в русском селе он занял не самый важный, не самый приметный – обычный, с точки зрения простого человека. При этом двор и часть улицы рядом с домом сразу же изменились: появились специальные будки для охраны, шлагбаумы, над частью огорода натянули маскировочную сеть, рядом с крыльцом поставили большую машину, в которой постоянно пищала, трещала и постукивала рация.

По двору, из дома в дом, почти круглосуточно сновали немцы: не очень простые и попроще – всякие.

Но постоянно в доме жили только двое: старший офицер и тот, которому нравилась Анютка.

Когда появлялась свободная минутка, и настроение немца располагало того к общению, он приходил к конюшенке и свистом вызывал её обитателей наружу.

И обитатели появлялись на божий свет: мать, Зоя, Катя, Максим и – впереди всех – Анютка.

А раньше в конюшенке жил скот: корова, свинья, куры во главе с горластым петухом – немцы с ними не церемонились, всех извели на добавку к своим обедам-ужинам.

Не церемонились немцы и с хозяевами дома: выгнали из собственного жилья и держали теперь вместо скота, и обращались, как со скотом – в лучшем случае не замечали, в худшем – били, пинали, особенно, если дети, заигравшись, не успевали уйти с дороги; ребят-

Андрей Сергеевич ЗЕЛЕНИН родился 21 января 1969 года в городе Перми. Был главным редактором книжных издательств «Пушка», «Открытие-Пермь», «Пермский край». С 2008-го – руководитель Клуба юных сказочников при Пермской краевой детской библиотеке имени Л. И. Кузьмина. Детский писатель, драматург. Член Союза писателей России (1999). Член Союза театральных деятелей РФ (2007).Автор более 34 книг и нескольких пьес, поставленных в различных театрах страны. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2015), Пермской краевой премии в сфере культуры и искусства (2015), первый лауреат Пермской городской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2001). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2014, 2012). Живёт в ЗАТО Звёздный Пермского края.

ня ходила в синяках – все, кроме Анютки. Анютка нравилась тому, который служил старшему.

Анютка много улыбалась и несла такую чушь, что никто не понимал, на каком языке она говорит. И это тоже нравилось немцу.

Он садился на здоровенную колоду, на которой кололи дрова, доставал из кармана небольшую книжицу, открывал её и бережно брал в руки любимую фотографию.

На фотографии были изображены трое: пожилая дама, женщина помоложе и маленькая девочка, годами и немного внешне схожая с Анюткой.

– Муттер, – тыкал пальцем в пожилую даму немец. И пояснял почти по-русски: – Матка. – Женщину помоложе он называл «фрау Эрикой», а девочку «Луизой», и говорил, опять почти по-русски: – Жон. И дотч.

Анютка забиралась к немцу на колени, и тот довольно жмурился и даже урчал, напоминая при этом кота, которого когда-то, ещё до войны, притащила в доме старшая – Катька, и который сгинул со двора сразу же, как там появились немцы.

…Так они дожили до настоящей зимы, которая неожиданно оказалась очень злой – стылой до боли, когда ветер выбивает из глаз слёзы, и слёзы сразу превращаются в лёд, схватывающий ресницы так, что глаза открывать приходится руками. Так бывает, если не только холодно, но и хочется есть, а еды нет, и ты только и думаешь о куске хлеба, о варёной картофелине… И не спасают Анюткины подачки.

Всё, чем её баловал немец, Анютка тащила в конюшню; кто ей дал такой разум – делиться с родными – непонятно, но делилась, и сама ела только тогда, когда немец насильно уже впихивал ей в рот съестное. Он и одел Анютку в зимнее – нашёл где-то шубку, шапку, валеночки – в размер: по росту и по ножке, – баловал.

Анютка не мёрзла и по-прежнему весело смеялась и визжала, кидаясь в объятья немца. И немец, к тому времени, всё больше мрачнеющий от своих неизвестных никому дум, на короткое время превращался в улыбчивого человека.

Но в один день он перестал улыбаться. Совсем.

С ночи ещё горизонт засверкал всполохами-зарницами, и гром, далёкий до того дня, приблизился к селу, и стёкла в доме дребезжали не останавливаясь, и сразу несколько машин подъехало к дому, сломав забор, и немцы, бестолково суетясь, бегали туда-сюда, вынося из дома кипы бумаг, папки с бумагами, какие-то ящики, коробки, что-то ещё, и уехала машина с рацией, снеся по пути один из шлагбаумов, и прямо ко крыльцу подошёл большой, но всё-таки легковой автомобиль, и из дома вышел старший офицер в сопровождении немца и махнул рукой в сторону конюшни, и что-то произнёс тоном, не требующим возражений, и уселся в автомобиль, и стал ждать.

Немец, не проторенной тропинкой, а прямо по сугробам, напрямки, прошагал до конюшенки и свистнул. И на этот свист, приученные, почти сразу же, вышло всё семейство: мать, Зоя, Катя, Максим и, запоздавшая на чуток, Анютка.

Из кобуры, висевшей на поясе, немец достал маленький пистолет и приставил ко лбу матери, и нажал на курок.

Мать не успела ещё упасть, а немец уже стоял напротив Зои.

Пистолет – ко лбу восьмилетней девчонки, выстрел…

Следующей была Катя. Она успела спросить «За что?»

Максим… Он успел заплакать.

Анютка ничего не поняла. Она просто обняла немца за колени, прижалась к нему всем тельцем – бестолковый красивый ребёнок в шапке, шубке, валеночках…

Немец оглянулся на автомобиль с офицером; тот не смотрел на расстрел – что-то читал: газету или какой-то документ…

Немец прикусил губу – на мгновение – и принял решение: оторвал от себя малышку, развернул её лицом к конюшенке и толкнул от себя: иди!

Анютка, не понимая, сделала шаг, другой – мимо лежащей на снегу матери, мимо сестёр и брата…

Немец поднял пистолет и выстрелил в Анютку – не в лоб, в затылок. Затем подошёл к ней, уже упавшей, снял с мёртвого тельца шубку, валеночки – оставил только шапку, испачканную кровью, – и бегом направился к ожидающему его автомобилю.

И всё.

Фёдор ВОСТРИКОВ

ПРЕДЗИМЬЕ

БЕЗ ПОВОЛЖЬЯ НЕ БЫЛО Б УРАЛА

На Урале долго я живу,
Но забыть Поволжье невозможно.
Как забудешь, коль с отцом траву
Кашивал в лощине задорожной?
На свинарник мешанку возил –
Свинопасом был и утководом.
С тока урожайного грузил
Хлеб, рождённый в зной и непогоду.
Но пропели третьи петухи –
Мир раздвинул отчие пороги.
Первые любови, первые стихи
И по свету первые дороги.
Ветер странствий в сердце заиграл,
Путь далёкий юность огласила:
Поманил пристанищем Урал –
Часть страны по имени: Россия!
Многое всего перестрадал,
Многое чего перебывало,
Но запомнил твёрдо навсегда:
Без Поволжья не было б Урала!

ОТЕЦ

Последний рушится свинарник.
Вокруг полынь да лебеда,
Где службу нёс отец-ударник,
Герой народного труда.
С доски почётной, что в районе,
Всегда глядел его портрет.
Для всех он был свинарь достойный,
А для семьи – авторитет!
Гордились им – чего ж лукавить? –
Величей нету свинаря!

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 21 февраля 1942 года в посёлке зерносовхоза «Авангард» Алексеевского района ныне Самарской области. Окончил Куйбышевское культурно-просветительское училище (1966). Прослушал курс журналистики при Пермском государственном университете (1969–1972). Работает во Дворце детского (юношеского) творчества города Перми: руководитель литературной студии «Тропа». Первые творческие публикации относятся к 1960-м годам. Первый поэтический сборник вышел в 1979 году в городе Перми: «Отцовское поле». Автор более двадцати поэтических сборников. Член Союза писателей России (1993). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), нескольких медалей общественных организаций. Живёт в городе Перми.

Гордится им, конечно, вправе –
Ведь мы героя сыновья!
Но тут враги пролезли к власти,
Почти всему пришёл конец.
И сразу грянули напасти –
Не нужен власти стал отец.
Да что отец, когда под свисты,
Взорвав в России тишину,
Поскудье стадо ельцинистов
Обезобразило страну.
Под нож хозяйство и заводы.
Чубайсов свора – на коне!
И стонет матушка-природа,
А люди русские вдвойне,
Последний рушится свинарник,
Как отчий дедовский порог.
Узрел бы всё отец-ударник –
Живым бы снова в землю лёг!

* * *

Стихи посвящаю тому,
Кто соли насытившись вволю,
Шагая к рассвету сквозь тьму,
Распахивал русское поле.
А труд благодатный сверша,
Очами одаривал небо.
И пел, и творил, и дышал
Травой молодою и хлебом!

ДУБ

Брату Петру

Когда родителей не стало –
Уже и вспомнить-то с трудом,
Но младший Пётр, мой брат удалый
Сберёг для нас отцовский дом.
И посадил, едва приметный,
Дубок, всего-то, в два вершка.
Теперь он держит облака
И бдит на крышу в час рассветный
Из голубого далека.
А брат живёт рассветом синим,
Разбив и сад, и огород.
Прекрасной дочерью и сыном
Продолжил наш славянский род.
Летим и едем к брату в гости,
А коль точнее – в дом родной.

И пьём за тех, кто на погосте
Кто стал землёю и страной.
А дуб, как страж яснополянский
Державно смотрит со двора
И стережёт наш дом крестьянский,
И брата младшего Петра!

ОТЧИЙ ДОМ

Когда судьбина душу обжигает,
Как суховей в прожаренной степи,
Когда идёшь у пропасти по краю,
Но и тогда не плачься, а терпи.
Судьбина обернётся по-иному –
Исчезнет зло, а радость воспарит,
Дорога повернёт к родному дому,
А отчий дом свечу любви хранит –
От всяких бед тебя оборонит!

ЧИТАТЕЛЮ

Почитаю стихи, порадую,
Но заверю, читатель мой,
Что в стихах есть не только радуга,
Но и тьма, и дожди, и зной.
Словом, всё как в природе, в жизни:
Вроде радость, а рядом грусть,
Как святая любовь к Отчизне
И глубокая вера в Русь!

НИЗКО КЛАНЯЮСЬ

Небо чистое да светло-синее,
Даже перистых нет облаков.
Пересыпано ярко росинами
Поле вязеля, ржи, васильков.
С кручи ивушки песнями русскими
Зачинают родные слова
Про любовь и тропиночки узкие,
Чем Россия осталась жива.
Сколько в них благородства глубокого,
Чувство гордости, ласки, добра
От Кольцова до Виктора Бокова
Звонко-песенного серебра?!
И восторги свои не устану я
Повторять на свету и во мгле:
За творцов, песнопевцев фатьяновых
Низко кланяюсь русской земле!

* * *

Ветер тихо дышит камышами,
Трогает кувшинковый уют.
Птицам и стрекозам не мешает –
Пусть себе резвятся и поют!

Песней наполняются колосья
И пространство, что с небес звеня,
Подаёт живым разноголосьем,
Попадая звуками в меня.

Слышу мир, Чайковского и Листа,
Будто бы из прошлого привет.
И ложатся на душу искристо
Музыки и радужности свет!

АПРЕЛЬ

I
В полдень солнце подогрело –
Обернулся снег ручьём.
Даль проталинкой вспотела
И озвучилась грачом.
Повлажнели рвы и кручи,
Зазвенела с крыш капель.
Незаметно март колючий
Переплавился в апрель!

II
Апрель проталинки рассыпал
По чистополью, как веснушки.
От дива этакого липа
Захорошела на опушке.
Пахнула стёжка прелью тонкой,
Былую стужу тихо руша,
Чтоб слышно, как сосулька звонко
Стучится капелькою в душу!

* * *

Едва оттаяв от кошмарных снов,
Я спешно вышел в солнечное утро,
Где птичий хор на сотни голосов
Творил искусство весело и мудро.
В напевах слышались певцы веков
И возвышало душу их творенье.
Оно, касаясь светлых облаков,
Обожествляло землю песнопеньем.

Кошмары прочь, как хворь, печаль и грусть.
Как прежде в сердце радужно и мило,
Когда Шаляпин дарит божью Русь,
А Волгу дарит – Зыкина Людмила!

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

От звонков телефонных сбегу,
Что и делаю в праздник особенно.
Счастлив я, что услышать могу,
Как поют в светоносном логу
Неземные Шаляпин и Собинов.
А за ними – плеяда других,
Возглавляют Шмелёв и Нежданова…
За короткий, но сладостный миг,
За союз неживых и живых
Благодарен, природа желанная!
Не об этом ли шепчут леса
До верхушек заполнены песнями? –
Люди живы, а их голоса,
Что до боли волнуют сердца,
Обессмертили птицы небесные!

* * *

Весна в историю уходит,
А красно лето тут как тут.
Звончее птицы хороводят,
Долины красочней цветут.
Мажорно и густоволосо
Земля родная мир блюдёт…
А стёжка тихо, безголосо
Меня в бессмертие ведёт.

* * *

Гуляет солнце – день отличный!
Брожу ромашковой тропой.
В лесу пьянящий дух клубничный,
Клубникой дышит травостой.
Природа – храм, а я во храме
Светло и праведно молюсь
За дивный день, за дом, за Русь.
И верю, с новыми стихами
Из храма божьего вернусь!

В ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ

Тёплый дождь ромашки метит,
Метит галок и сорок.
Ворошит рябины ветер
У просёлочных дорог.
Пьёт дожди ржаное поле,
Пьёт цветастый травостой.
И пространство дышит волей
Древнерусской и младой.
На земле в избытке света,
Пусть и мокрого слегка,
Но задиристое лето
Топит в лужах облака.
Миром благостным объятый
Отчий край в начале дня.
В тёплый дождик, как маслята,
Подрастает ребятня!

ПЕТУХИ

I
Первый петух прокричит на рассвете,
Он-то и есть настоящий петух,
Самый правдивый, что будит и ветер,
И пастухов, и запечных старух.
А петухи остальные – засони,
Могут они до полдня пустозвонить.
Если ты им пустозвонство простишь,
То непременно пол-жизни проспишь!

II
Хоть петух живёт не без греха,
Но простим засоню-петуха.
Есть причина, что рассвет проспал –
Слишком много кур перетоптал!

ОСТАПЕНКО ВИКТОРУ

I
Леса, пруды, курганы, птичьи гамы –
Природой восхищался с детских лет.
Дальневосточный край сменил на Каму,
В этюднике вмещая белый свет.
С его задором, яростью и грустью,
Печальной и удачливой судьбой,
С громами бурь и с тихим захолустьем,
С российской вымирающей избой,
С бездонной глубины до брода
От светлого рожденья до креста.

Осмысленно и чувственно природа
Стекает правдой с каждого холста.
Любой художник верит в быль и в небыль,
Но ты вот утверждаешь не в первой,
Что в Вишере вода светлее неба
Бывает и полночною порой.
Не потому ль при разности погоды,
В какой бы край тебя ни занесло,
Несут художника по жизни воды,
Бунтующее, но всё-таки светло!

II
В твоих картинах мощь и сила,
И восхищенье красотой.
С полотен смотрит мать-Россия,
В очах родных былинно-синих:
Река в мятежности крутой.
По берегам, как встарь, осины,
Тайга, деревни, травостой.
И жизнь кипящая клубится
В травинке, в людях и в реке,
И в небе перистом, где птица
В пустом пространстве не таится,
А режет высь на сквозняке…
Спасибо, мастер, что в мазке
Как пчёлка с мёдом на цветке,
Полёт в прекрасное родится,
Что снова я, открыв станицу,
Отдался пушкинской строке!

С. ПОДРЕЗУ

I
Нарисовал меня Подрез
Совсем не всуе, между прочим,
А в затуманенные очи
Впустил живыми степь и лес.

Вдохнул добро, тепло и свет,
Вдохнул божественную лиру.
Тем самым подтверждая миру
Что я, действительно, поэт.

II
У нас одни: паденья, взлёт, пороки,
А разности – совсем просты:
Слова поэт выплёскивает в строки,
Художник душу – на холсты.

* * *

Я с природой.
Только ей подвластен.
У неё учусь я и лечусь.
И к природе в солнце и в ненастье
Из жилища каменного мчусь
Ведь она и вечность и реальность,
Книга неземного бытия,
Та, в которой растворилась дальность, –
Растворюсь со временем и я.
Но пока любуюсь птичьей стаей,
Мне лепечет доброе родник.
Прикоснувшись к вечности, листаю
Самую главнейшую из книг.

* * *

Обжёг крапивой руки, ноги –
Не смог в дороге уберечь,
Но каждый день живу в тревоге, –
Боюсь, чтоб душу не обжечь…

БАБЬЕ ЛЕТО

I
Нынче ярок и чист небосвод –
Ни единой блуждающей тучи.
Как прекрасен стрижиный полёт
Над рыжеющей к осени кручи!
Цирковые творят виражи, –
Как по маслу – ни крика, ни вздоха.
Пред дорогою жаждят стрижи
Восхитить напоследок эпоху.
А эпоха – вершит огород,
Чтобы в зиму жилось, не тужилось…
Сжался пруд. Обозначился брод.
Выцветая, листва закружилась.
Рыбаки, облепив берега,
Рыбу удят, пожалуй, с рассвета…
Как у бабочки, жизнь коротка
У извечного бабьего лета.

II
Трудно верится в метели,
Хоть берёзы облетели,
Но зовёт, зовёт поэта
В мир природы бабье лето,
Где в любимом захолустье
Нет ни холода, ни грусти.

Осень тянет паутины
По саврасовским картинам,
По живым, как в кружках пиво,
Родникам, ручьям ретивым,
По русалочьим озёрам
С рыбаком и фантазёром…
Трудно верится в метели,
Хоть берёзы облетели –
Неспроста зовёт поэта
В мир природы бабье лето!

* * *

Осень дикими ветрами
Ворвалась в мой край степной.
Придорожными кустами
Отхлестала шар земной.
Туч омёты наметала –
Только господу с руки!
В долы падая, взлетала,
Обрывая ивняки.
И отправилась по свету,
Подпоясавшись тропой,
Чтоб зажечь рябину лету,
Как свечу, за упокой!

ПРЕДЗИМЬЕ

Посеребрились травы и кусты,
Хотя мороза градуса четыре.
Прошёл всего-то с полверсты,
А как-то неуютно стало в мире.
Не прочь поднять повыше воротник –
Душа всегда должна быть обогрета
Не верится, что здесь клубил родник
И птица прославляла бабье лето.
Летели паутины день-деньской,
С плетня трещала радостно сорока.
И вдруг, отбросив благостный покой,
Обрушилось предзимье ненароком.
А где предзимье – рядышком зима,
С морозами, с клокастыми снегами.
Ну что ж, входи в чашобы и в дома,
Тебя я встречу жжёнкой и стихами.
Мы вспомним прошлое жильё-былье –
Не обличу в голодной укоризне,
Ведь ты зима, рождение моё
И продолжение выстраданной жизни!

ДУША

От жадности, от зависти, от ревности
Черствеет и морозится душа.
А ты попробуй, доброе верша,
Под шёпот трав, пруда и камыша
Насыть её молитвой, верой, древностью –
До мудрости дотянется душа!

МЫ СТЕПЬЮ ПРОПАХЛИ

Была и осталась тяжёлою доля,
Но мы не согнулись от гулких ветров.
В душе сохранилась орлиная воя
От пашень клокастых до звездных миров!
Как предки, в пространство мы шепчем губами:
«За Родину, русич, всесвято держись»…
Мы степью пропахли, а значит – хлебами,
А в хлебе насущном – и крепость, и жизнь!

МЕТЫ

Сквозь вьюгу и ливень по белому свету
Идём, как всегда, дерзновенно вперёд.
Хоть молодость канула в древнюю Лету
И грозы пластают глухой небосвод.
Сменяется оттепель осенью рыжей,
Как с громом небесным бандеровский гром.
Бывает порою, не знаем, как выжить,
Но всё-таки правдой святою живём.
А правда, как Родина, только едина,
А Родина наша – всеславная Русь
И ныне, и в вечности непобедима,
Которой гордимся, которой горжусь!
Воздвигнув кругом путеводные меты,
Грабастая нечисть в крутой оборот.
Сквозь вьюгу и ливень по белому свету
Идём как всегда дерзновенно вперёд!

Алексей ДУБРОВИН

«БЕЛЫЙ АНГЕЛ». Рассказ

Ноздри жадно втягивали запахи трав. Никогда бы не подумал, что от душистого клевера можно захмелеть. Да, Бог с ним, с клевером. Теперь я знаю своего ангела-хранителя в лицо. Я знал его и раньше, но не думал о нём с той искренней нежностью, которую только что ощутил в своём сердце. И нужно для рождения в себе нового чувства одно мгновение.

Время покатилось снежным шаром под гору, отматывая секунды, минуты и часы в обратную сторону.

К двадцать пятому прыжку готовился обычно. Укладывая на полу в зале свой парашют-крыло, проматывал в уме «фигуры».

Неожиданно в груди ёкнуло. Сам не понял, что ёкнуло.

«Ерунда. За что переживать? – попытался успокоить себя. – Парашют самолично укладываю. “Запаска” в порядке. Команды на покидание борта давно не вносят сумятицы в мозги. Всё будет чики-чики». Но тревожные раздумья залипли в сером веществе, отчего минуты ожидания выхода на групповое построение потянулись резиной. «Двенадцать часов пятьдесят пять минут…»

– Что с ветром? – раздалось из класса теоретической подготовки.

– Два метра был, – громко ответил я.

«…Пятьдесят шесть минут…»

Кто-то рассмеялся за окном.

«У людей по триста прыжков за плечами и ничего, с улыбкой триста первый ждут. Я-то чего взволновался? Хоть снова за укладку не принимайся… Без трёх час… Канитель какая. Словно перед экзаменом: зайти бы поскорее в аудиторию, вытянуть чёртов билет. И будь, что будет. Скорее бы построение. Ждать его ещё восемнадцать минут. И только потом, в тринадцать двадцать пять, на борт».

В зал впорхнула Аринка Стрекалова, медсестричка, подмигнула и взялась за свой парашют. Рядом скрипнули половицы деревянного пола. Приятель Жора Корнеев тащил к выходу какой-то ящик.

– Здорово, Саня! – бросил он мне на ходу.

– Привет, Жор, – ответил я, зачековывая камеру стропами. – Что несёшь?

Без ответа…

«Четыре минуты второго…»

От гнетущего чувства поймал себя на вопросе: «А вдруг двадцать пятый станет моим роковым?» И тут же укорил: «Нельзя думать о

Алексей Александрович ДУБРОВИН родился 28 марта 1961 года в городе Очёре Пермской области, ныне Пермского края. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1987). Служил в органах КГБ /ФСБ: подполковник запаса. Работает в Высшей школе недвижимости: заведующий кафедрой. Занимается краеведением – организатор и председатель оргкомитета краеведческих (литературно-художественных) Спешиловских чтений. За общественную деятельность удостоен звания «Почётный гражданин Очёрского района» (2011). Автор более десятка разножанровых книг. Член Союза писателей России (2013). Кавалер ордена Достоевского III степени (2014), имеет несколько ведомственных наград. Живёт в городе Перми.

плохом. Зачем притягивать несчастья?!» Навязчивая идея о роке не покидала голову.

Взлетели по графику. «Кукурузник» подпрыгнул на кочке, и это помогло ему быстрее освободиться от земного притяжения. Накатанная по примятой траве, взлётно-посадочная полоса закончилась, и за стеклом мелькнула тёмно-зелёная роща, пара бурёнок на лугу. Движок стрекотал, вытаскивая самолёт в небесную высь по спирали.

В утробе «Аннушки» устроилось нас по лавкам семеро. Напротив меня на железной скамейке примостился Жора в сине-красном комбезе «Атлант». На первый взгляд простоватый парень, но себе на уме. Напрыгал он сотню прыжков, чем очень гордился. На сей раз Жора улыбался в свои смолянистые усы, показывая мне на пальцах какие-то цифры.

«Что маячит? На земле ничего не сказал, а тут…», – я пожал плечами и отвернул голову.

За стеклом иллюминатора проплыл кусок ваты-облака. Тонкая нитка дороги с медленно ползущими каплями-машинками резко ушла под брюхо нашего «Ан-2». «Аннушка» закладывала левый вираж.

По колену похлопали рукой. Навязчивый Жорка опять гнул на пальцах какие-то фигуры.

«Господи, что ему надо?» «Чего?» – кивком спросил я.

– Да у тебя же двадцать пятый сегодня. Он поздравляет, – крикнула мне на ухо сидевшая рядом Аринка.

А-а… Дошло. Я изобразил подобие улыбки. Через силу изобразил. Не с чем пока поздравлять. До земли километр, а прыгать будем с трёх, и надо бы не мешком к ней примчаться с диким воплем. Наваждение какое-то. В голове суматошно завертелось: «На чём бы застрять мыслишкам, чтобы не киснуть понапрасну?»

Самолёт между тем урчал и урчал, земля уплывала в квадратах полей-лесов под одно крыло, под другое. Минут через восемь прозвучит сигнал на прыжки.

«Побегаем?» Перед глазами проявилось лицо Макара. Отважные у меня родители. Когда мне исполнилось тринадцать лет, отец как бы между прочим сообщил, что через полгода у меня появится брат. Я пил компот и чуть не подавился изюмом. В свои-то тринадцать прекрасно понимал, что ребёнка не аист принесёт, и шумновато станет в нашем уютном жилище. «Кто его будет воспитывать?» – спросил отца. «Ты и будешь, – спокойно ответил папа. – Твой же братик, не мой». Я хотел, было, возразить, что «братика» не заказывал, но отец потрепал мой чуб и сказал: «Справимся как-нибудь».

Брат родился ночью. В больнице. Вскоре он заполнил своим рёвом всю нашу прежде тихую квартиру. В шесть месяцев Макар перестал кричать по каждому поводу, и мама завела разговор о скором выходе на работу. Мне сразу стало ясно, чем это чревато для меня. «Хорошо бы Макарка подольше орал», – замечтал я. Но однажды раздались слова мамы, повергшие меня в трепет: «С завтрашнего дня за ребёнком с утра будет присматривать тётя Даша, а после школы ты, Саша, останешься с Макарушкой. Один на один».

Закатилось солнце моей вольной жизни за тучу. Ежедневно пришлось нянчиться с Макаркой. Не успевал зайти домой, как тётя Даша тут же прощалась: «До завтра, братья. Еда на плите. Ждите родителей».

В четырнадцать лет я постиг науку, как заставить человека сделать первый в жизни шаг. Для этого показал ползущему Макару приманку – яблоко. Он улыбнулся, сверкнув двумя зубками, облизнулся. Поставив брата на ноги, я покрутил яблоко в ладонях. Макарка потянулся к нему ручкой, не достал и… шагнул. Я сделал шаг назад. Брат шагнул за мной. Потом я упорно учил его пи́сать попадая в горшок, потому что брату отчаянно нравилось пи́сать мимо. Он заливался хохотом, а я бросался вытирать лужу за этим мазилой. Родители приходили с работы и оценивали «труды воспитателя». Про школьные занятия, задания и оценки они почти не спрашивали. Не до моих проблем. Зато про Макара интересовались в подробностях: как ел, долго ли днём спал, откуда синяк у него на щеке? «Сю-сю-сю», – злился я про себя.

Когда Макару исполнилось пять лет, я придумал играть с ним в «белого ангела». Он брал пистолет, «уходя в бой с врагом», а я плавно ступал за ним, «охраняя его жизни». Если «враг поражал» Макара, то моё прикосновение тут же давало ему шанс «ожить и вести бой». Игра полюбилась, и даже родители иногда присоединялись к нам, выступая в качестве «противника». Школа у меня к тому времени заменилась институтом, но кому, как не мне оставалось играть по вечерам с братишкой.

Как-то мама сказала: «Саша, ты стал для Макарушки ангелом-хранителем в прямом смысле. Спасибо тебе, помог нам во многом. Проси на своё девятнадцатилетие, что хочешь».

Я знал, чего хочу. Ребята в институте к тому времени выполнили ради забавы по прыжку с парашютом. Попросил у родителей оплатить мне прыжок. Отец удивлённо развёл руками, произнёс: «Заблажил ты, парень. Но если пообещали, готовься». Потом я заработал себе деньги на второй прыжок, на третий. Сейчас мне двадцать лет, и за плечами двадцать четыре прыжка. Макар осенью пойдёт в первый класс, но он по-прежнему зовёт меня вечерами поиграть в «белого ангела».

Лицо брата растворилось, стоило зазвучать сигналам выхода «Аннушки» на точку сброса парашютистов. Арина тронула за плечо. «Останься», – услышал я её голос. Видимо, заметила что-то. Помотал головой: «Всё нормально» – и направился к распахнутой двери. Как же мне не хотелось шагать за её край именно сегодня. Представил насмешливый взгляд Жорки, взгляд-палицу. Он-то меня и вынес наружу.

Поток воздуха ударил в лицо. Руки и ноги знали, как им раскинуться, чтобы не сорваться с потока. Приподнял голову, огляделся. Бросил взгляд на высотомер: тысяча восемьсот. Блаженны летающие! Мимо просвистел сине-красный комбез. Жорка. Ему не до меня. На удалении тридцати метров царственно парила Аринка. Наверно, страховала.

– Красиво идёшь! – крикнул я ей. В голове мелькнуло: «Хороша!»

«Пора самому работать». Ладонь левой руки внутрь, правой – наружу. Отлично! Наоборот. Выполнив по горизонтали спираль влево, затем вправо, перевернулся по вертикали в заднем сальто. Левый крест, правый. Высотомер показал восемьсот метров до земли. «Всё, финиш на сегодня».

Рука выбросила «медузу» – вытяжной парашют основного купола. Пошла стреньга. «Сейчас хлопнет крыло. Сейчас…» Удивился: «Чего не хлопает-то?» Поднял голову. Крыло основного билось тонкой

струёй нейлона. «Да что с ним?!» Мелькнула мысль, что снится сон, что вот-вот проснусь, и никаких проблем у меня в синем небе. Не может их быть!

– Купол не раскрылся, Санька-а! – услышал сверху крик Арины. – Рви подушку отцепки.

Арину не увидел. Завертело меня. И мир закружился в свистопляске.

«Стропа лопнула и перевила другие. Вот те, чики-чики!..»

Времени на две попытки остановить падение должно хватить. Первая: дёрнул за свободные концы – райзеры, чтобы освободить стропы. Куда там. Вторая… Над головой шлёпал нераскрывшийся купол, под ногами подозрительно быстро вращалась тёмная роща. Рот открылся от набегавшего снизу воздушного потока. Взгляд прыгал, как бывало в мчащемся поезде при рассматривании заоконных картинок. От дикого вращения не мог сообразить, с какой стороны искать подушку отцепки основного купола. И тут перед глазами появилось лицо Макарки с широко распахнутыми карими глазами. Услышал родной голосок: «Саша…» «Побегаем, друг мой!» – крикнул ли я вслух или подумал про себя, невдомёк. Но этот в полсекунды диалог свою роль сыграл. Мозг заработал. Рука выдернула подушку отцепки. Взгляд остановился на основном куполе. Тот подпрыгнул и отстал на неистовом спуске. Левая рука сразу нащупала кольцо запасного. «Высота?» Времени перевести взгляд на высотомер не хватало. Дёрнул наотмашь кольцо запасного. Хлопок. «Сколько в запасе?» Ответ последовал сразу – ноги столкнулись с чем-то оглушающе крепким.

Глаза увидели красный шар клевера возле лица. Вокруг шара кружилось синее небо с белым облаком. Ноздри жадно втягивали сладковатые запахи. Никогда бы не подумал, что от душистого клевера можно захмелеть. «Двадцать пятый скоростной завершился», – выдохнул я и улыбнулся. Сердце ликовало: «Макарка, ангел мой хранитель! Ох, и побегаем мы с тобой!»

Александр АБДУЛАЕВ

ЛИНДА. Рассказ

В селе Зимовище жили в основном одни старики, молодёжь работала на Чернобыльской атомной электростанции, получив новые квартиры в Припяти. Дед Василий Лещенко жил со своей старой и больной супругой Аверьяновной. Хозяйство небольшое: коза, десять чёрных куриц да красавец петух, гордо шагавший со своим пернатым гаремом по сельской улице.

Жила в деревянной будке, сколоченной из досок, сучка Линда, беспородная, её умные чёрные глаза, как глянцевые пуговки, блестели на абсолютно белой шерсти – на морде.

Всё необходимое выращивали на собственном огородике. Вечером дед Василий сходил к соседям и позвонил сыну в Припять, чтобы тот помог посадить картофель. Огород уже был вспахан. Деду было за семьдесят и с каждым годом всё труднее давалось управляться с небольшим хозяйством. Старуха всё время лежала на кровати за печкой. Он не раз намекал сыну о том, чтобы тот забрал её к себе. Как ему показалось, невестка была против. Поговорив по телефону, он вышел на улицу, где его поджидала Линда. От собачей радости она виляла хвостом, скулила, лизала старику руки.

– Ладно, ладно, не крути хвостом, отвалится.

Он погладил её по морде, и они пошли по улице, покрытой асфальтом, который нагрелся за день, и от него шёл удушающий битумный запах. За дорогой местные власти следили, она вела на Чернобыльскую атомную станцию.

Открыв калитку, сразу прошёл в курятник, собрал в фуражку ещё тёплые яйца. «Пожарю яичницу с салом», – подумал старик. Тихо, чтобы не разбудить старуху, на кухне поставил электроплиту с чугунной сковородой, ловко разбил яйца о толстый край, тонко нарезал розовое сало, через минуту по комнате поплыл ароматный запах – так что в желудке засосало. Из стола достал бутылку самогонки, припасённую заранее. Думал после посадки картошки с сыном выпить… Налил полстакана, посмотрел на свет эту мутную жидкость и, не дыша, выпил, крякнул, зацепил вилкой кусок яичницы, закусил, посидел немного, чувствуя, как тепло волной проходит по всему телу.

Положил на тарелку с отбитым краем немного еды и начал кормить свою старуху.

Походив по двору, Линда заглянула в щель калитки и, услышав, что кто-то прошёл мимо, залаяла незлобно, только давая о себе знать.

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе, Таджикистан. Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэсстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве): «Имя сей звезды – горькая полынь». Автор более десятка книг. Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество». Живёт в городе Чайковском Пермского края.

Пролезла в конуру, где заботливый старик постелил разное тряпьё. Свернувшись клубком, уснула. Снилось ей щенячье время в один из весенних деньков. Вдруг резко подул порывистый ветер, стало темно, небо осветилось грозовыми разрядами, и молния ударила в тополь. Верхушка с треском упала на шиферную крышу дома, проломив её в нескольких местах.

Линда была так напугана, что от страха забилась под крыльцо и не вылезала оттуда два дня. Этот животный страх остался, и, когда гремел гром, она пряталась в угол будки и тряслась всем телом. Под самое утро она услышала хлопок, выглянула из конуры, потянулась, выставив передние лапы, глубоко зевнула, посмотрела на пустую алюминиевую миску и пошла обратно к своей конуре. Через некоторое время запахло дымком. Линда подошла к двери хаты и стала поскуливать. Клубы чёрного смоляного дыма поднимались там, вдалеке за лесом. Она продолжала скулить, пока хозяин – в белых подштанниках – не вышел на крыльцо.

– Ну, что скулишь? Есть, наверное, хочется, сейчас каши сварю.

Дед ещё не отошёл от сна, его покачивало, в волосах запуталось небольшое пёрышко из подушки. Глаза их встретились, и старику показалось, что собака чем-то встревожена. За околицей послышалась сирена, звук приближался, и старик увидел, что шесть мощных пожарных машин с черниговскими номерами, не снижая скорости, промчались по улице ещё сонного села. Старик подумал: «Будь оно неладно, опять что-то произошло на станции». Два года назад при строительстве насосной загорелся битум, он горел, поднимая высоко в небо клубы удушливого дыма.

Старик зашёл обратно в хату, заглянул за ситцевую занавеску. Жена спала на боку, натянув на голову пёстрое одеяло. Ему было жаль её так, что сердце прихватывало. Старик видел, как болезнь выедала её изнутри. По скрипучим половицам старик прошёл к кушетке и прилёг. Дом, в котором они жили, был старым и дряхлым, как его хозяева, казалось, что он, как дерево, пустил свои корневища. Кровля прохудилась, починить уже не было сил. Старик попытался уснуть, но Линда во дворе более настойчиво лаяла. Он, кряхтя, поднялся со своего пёстрого ложа, стал одеваться. На стене висели часы-ходики: у кота глаза забавно бегали туда-сюда. Сорвал листок календаря, была суббота 26 апреля 1986 года. В углу хаты висела старая икона Божьей матери и медная лампада. Всё это досталось от покойных родителей.

Ему показалось, что с иконы на него смотрят пристальные глаза. За окном он увидел, что в сторону станции проезжает длинная автоколонна с солдатами.

– Тут что-то неладно, пойду звонить сыну, – решил он и стал быстро переходить улицу.

– Эй, сосед, спишь? Извиняй, что так рано. Срочно надо позвонить.

Он стал пальцем накручивать чёрный диск телефона, от волнения палец срывался, и в трубке слышался длинный гудок. Сосед взял трубку.

– Ты, сосед, часом не с похмелья? Руки дрожат, дай я сам наберу. Слышишь, никто не отвечает, может, он на работе, видел солдат, наверное, учения идут по гражданской обороне. Как твоя старуха?

Старик ничего не ответил, повернулся и, ссутулившись, пошёл обратно.

Линда, высунув длинную морду в щель под калиткой, поскуливала.

– Ну что тебе? – он положил руку на морду, и собака от прилива нежности присела на задние лапы и, прижав уши, поглядывала в глаза своему хозяину, пытаясь угадать его настроение.

– Ладно, ладно, пока не до тебя. Пойду старуху покормлю, проснулась, небось.

Он увидел, как у крайнего дома остановилась небольшая бронированная машина, из неё вышли два человека в костюмах химзащиты. На солнце блеснули стёкла противогазов. В руках люди держали какие-то приборы и подносили их к земле, кустам, росшим вдоль дороги. Один из них вернулся к машине и воткнул в землю жёлтый знак на длинном металлическом стержне.

Сварив кашу на козьем молоке, добавив туда кусочек рыжеватого масла, старик пошёл кормить свою жену. Снял с вешалки чистое полотенце, с расшитыми на концах красными петухами, смочил его в прохладной колодезной воде, вытер её лицо.

– Сейчас будем завтракать.

Старуха посмотрела в угол хаты, где висела икона, с трудом перекрестилась, молча стала молиться про себя, только потрескавшиеся губы иногда подрагивали. В годы оккупации немцы расстреляли её родителей, подозревая в связи с партизанами Ковпака. После того поверила она в Бога, ходила в церковь по выходным, стесняясь своего мужа – члена партии с 1943 года.

Ближе к обеду, когда воздух прогрелся тёплым весенним солнцем, к дому подъехал председатель сельсовета. Он крикнул в открытое окно:

– Выйди, Василий, погутарить надо. Дали команду сверху, будем село эвакуировать. Забрать с собой необходимые продукты на несколько дней, а также документы. Потом обратно. На атомной станции авария, устранят, и обратно привезём. Рекомендуют пить для профилактики йодные таблетки или стакан крепкой горилки.

Было похоже, что он уже внял совету по поводу горячительных напитков.

Председатель пошёл к соседнему дому, в руках держал красную дерматиновую папку, одет в строгий костюм, несмотря на то, что день обещал быть жарким. Ему хотелось всем видом показать свою власть.

Ближе к вечеру приехал сын. Он быстро вошёл в хату.

– Здравствуй, батя. У вас всё спокойно? Когда начнётся эвакуация, не знаешь?

Старик отложил в сторону газету.

– А чёрт его знает, скотину уже увезли. Куда я дену козу, кур?

– Ладно, давайте будем собираться. Жителей Припяти уже вывезли – радиационный фон высокий.

У старика глаза стали колючими.

– Ну и куда мы поедем, сынок? Кому мы, старые, нужны?

Сын подошёл к отцу, обнял его за плечи,

– Поедем, никуда я вас не брошу, ты знаешь, как я люблю вас с мамой.

Голос у него дрогнул, он отвернулся к окну, чтобы отец не видел навернувшиеся на глаза слёзы.

Старик открыл верхний ящик комода, достал из резной деревянной шкатулки боевые ордена, паспорта. Завернул аккуратно в платочек и положил во внутренний карман пиджака.

– Так-то надёжнее будет. Пойдём, мать надо поднять, сама не сможет.

Они вдвоём, поддерживая старуху под руки, пошли к новеньким «жигулям», стоявшим около калитки. Убедившись, что она удобно расположилась на заднем сиденье, старик прошёл с тяжёлым сердцем на двор, открыл дверь сарая, выпустив кур, подпёр её кирпичом. Свистнул собаку, когда Линда подошла, он привязал её к крыльцу грубой веревкой.

– Сторожи, скоро приедем.

Он поднялся по ступенькам в дом, достал из холодильника эмалированную кастрюлю со вчерашним борщом. Вынес во двор и до верха наполнил миску собаки. Он с тоской оглядел свой дом, даже с правой стороны груди защемило и, не оглядываясь, вышел со двора.

К утру следующего дня всё село опустело. Дома, брошенные своими хозяевами, смотрели на дорогу пустыми глазницами окон. Недалеко шумел сосновый лес, казалось, вот-вот раздадутся человеческие голоса и жизнь снова вернётся в эти полесские места. Сквозняк трепал в одном окне пёструю занавеску.

Так прошла неделя. Линда с надеждой посматривала на калитку, надеясь, что хозяин должен скоро вернуться. Собаку одолевала жажда, она высунула язык, с которого капала слюна. Пустая миска валялась неподалёку. Голод не давал покоя, пробуждая инстинкт охотника.

Она стала грызть острыми резцами зубов толстую верёвку, через некоторое время, освободившись, пролезла сквозь дыру в заборе и прошла в соседний курятник. Придавив лапой молодого петушка, она сжала челюсти на небольшом тельце, запах крови пьянил её. Выбежав на улицу, собака втянула носом воздух: пахло асфальтом, выхлопными газами и ещё чем-то непонятным. Прошло несколько дней, собака далеко от дома не отходила, боялась, что может вернуться хозяин, питалась соседскими курами.

В районе ликвидации сформировали отряды уничтожения брошенной живности, чтобы та не переносила радиацию. Приехав в село, милиционеры разошлись по дворам, кое-где были слышны выстрелы. Линда поднялась с земли, повернулась в сторону дороги. Вдалеке она услышала знакомые шаги. Лая от радости, пулей выскочила со двора. Побежала навстречу старику. Линда высоко подпрыгнула, лизнула старика прямо в губы, ей казалось, что они больше никогда не расстанутся.

Старик опустился на колено, обнял собаку за шею и крепко прижал её, не чувствуя резкого собачьего запаха, и поцеловал её в морду.

Александр ГРЕБЁНКИН

СОЛНЦЕВОРОТ. Сонеты

1

В рассветном небе тихо гаснут звёзды,
Густой туман клубится над рекой.
Настоянный на травах терпкий воздух
Пьянит меня и дарит мне покой.

Короче стали дни, длиннее ночи,
И холодней, и пасмурнее дни.
Моей души не радуют они,
Она смириться с осенью не хочет.

Я рано утром с петухами встану,
Сверкают ярко серебром поляны.
И серебрится в озере вода.

Грустит на взгорье старая берёза
И с листьев льёт росы рассветной слёзы,
И утренняя светится звезда.

2

И утренняя светится звезда.
…Я не заметил, как настала осень.
Крик журавлиный ветер мне доносит,
И подступают к сердцу холода.

Горят леса прощальным тихим светом,
Всё ниже тучи ходят над землёй.
Земля покрылась палою листвой,
Отликовало сказочное лето.

Александр Алексеевич ГРЕБЁНКИН родился 14 июня 1940 года в деревне Верхняя Талица Воткинского района, ныне Республики Удмуртия. Окончил Пермское речное училище (1961), Пермский государственный политехнический институт (1967). Работал на заводах города Перми. Творческую жизнь посвятил поэзии. Первая книга вышла в городе Перми в 1979 году: «Живая вода». Издавался в Москве и Перми. Автор около трёх десятков поэтических сборников и одной прозаической книги – часть стихов положена на музыку. Член Союза писателей СССР/ России (1985). Лауреат премии Ассоциации Западно-Уральского региона «Интеллигент-Элита» (1997). Кавалер медали «Ветеран труда». Живёт в городе Перми.

Предзимней стужей веет ветерок.
И иней на обочинах дорог
В лучах холодных серебром сверкает.

Вода в реке темна и холодна,
Почти не слышно, как журчит она,
Предзимний сон её одолевает.

3

Предзимний сон её одолевает.
И вот пришла холодная зима,
Надели шапки заячьи дома,
И до весны природа засыпает.

Дороги снегом вьюги замели,
Закрыли белой занавеской дали.
Всё испытав, мы только крепче стали,
Любовь в глубинах сердца сберегли.

При свете дня и тёмными ночами
Мы вырастали под её крылами,
Любовью к ней сыновье сердце бьётся.

У каждого есть Родина своя,
С рожденья сердцу милая земля.
Она лишь раз судьбою нам даётся.

4

Она лишь раз судьбою нам даётся.
Под солнышком растаяли снега,
Река вошла неспешно в берега.
И синева с небес на землю льётся.

Я слышу: в палисаде у ворот
С весенним ветром шепчется рябина.
И над землёй, в густой рассветной сини,
Неторопливо облако плывёт.

А солнце всё сильнее согревает,
И соловей поёт, не умолкая,
Среди покрытых листьями ветвей.

Шагаю я неспешно по аллее,
И ни о чём на свете не жалею,
Доволен сердцем долею своей.

5

Доволен сердцем долею своей.
…Настала осень, облетели листья,
И низко ветви голые повисли,
И мчатся к югу стаи журавлей.

Родимый край, души моей отрада!
Пружинят листья мягко под ногой.
Аллеею заброшенного сада
Иду я с непокрытой головой.

И пусть мороз грядущий мне не в радость,
Я чувствую душой – он где-то рядом,
Объят предзимней тишиною сад.

И дышит ветер северный прохладой.
И ворошит мои седые пряди,
Они на солнце серебром горят.

6

Они на солнце серебром горят.
Мне всё здесь сердцу дорого и мило.
Ночная стужа лужи застеклила,
Они, лишь ступишь, под ногой хрустят.

Я не заметил, как промчалось лето,
И наступили пасмурные дни.
Стояли дни, полны тепла и света,
Мне жаль, бесследно канули они.

Проходят дни, всё ниже ходят тучи,
И часто льют дожди с небесной кручи,
И наступила полоса дождей.

И как озёра, на дорогах лужи.
И всё ж, в преддверье знобкой зимней стужи,
Легко мне жить на Родине своей.

Николай БАШМАКОВ

РАССТРЕЛЯННОЕ СЧАСТЬЕ. Рассказ

Совершенствование оружия и возросшая жадность человека превратили охоту в убийство.

Предисловие

С большим удовольствием прочитал книгу писателя из Омска Льва Емельяновича Трутнева «Звонкий рог». Автор охотничьих повестей и рассказов не только посвящает читателя в тайны охотничьего азарта, но и учит любить и беречь природу. Не бездумный отстрел дичи, а тесная связь с родной природой и всемерное содействие умножению зверья и птицы должны отличать настоящего охотника от браконьера.

К сожалению, реальность далека от идеала. Человек неразумный настолько «покорил» природу, что уже не приходится искать ответ на вопрос: куда подевались те нескончаемые стаи гусей и уток, за которыми так часто во время осеннего и весеннего перелёта любил я наблюдать в детстве?

Суть

Весной на деревенский пруд прилетели уточка и селезень. Они сильно опасались людей, но деваться было некуда. Утиный род из года в год выращивал потомство по соседству, в старой, заброшенной деревне, где в наследство от человека остался небольшой заросший пруд, но этой весной плотину промыло. Пруд ушёл, и крякуши остались без водоёма.

На новом месте условия были лучше. Воды больше, хищников меньше, и корма достаточно. Парочка высидела утят, и через месяц выводок уже плавал по всему пруду, не опасаясь людей. Те отнеслись к пернатым доброжелательно. Ребятишки подкармливали хлебом. Рыбаки бросали прикорм. Появившегося в небе коршуна немедленно отпугивали криками. Попавшим в беду утятам – помогали.

Однажды один утёнок запутался в сети, которую поставил на ночь жадный до «халявной» рыбы «городской». Городской, потому как не местный, а приезжий, решивший отдохнуть от тяжёлой железобетонной жизни в деревне у родни.

Утёнка спасали всем миром. Увидевшие беду ребятишки прибежали к леснику дяде Пете, у него была лодка. Дядя Петя взял в помощники соседа Ивана, они подплыли к сети, осторожно, чтобы не повредить, достали утёнка и выпустили на волю. Тот, быстро работая лапками, резво уплыл к своему утиному семейству, плававшему

Николай Борисович Башмаков родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободо-Туринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972), Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер: полковник в отставке. Литературной деятельностью занимается с 1991 года. Автор 5 книг. Член Союза писателей России (2014). Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, ряда медалей, в т. ч. юбилейных, медали Польской Народной Республики. Живёт в городе Чайковском Пермского края.

неподалёку. Собравшаяся на берегу ребятня искренне радовалась. После спасения птенца мужчины сняли сеть, вытащили её на берег и стойко выдержали атаку «городского», который приписал им посягательство на частную собственность и грозил судом. На шум сбежалась половина деревни. Кричали долго и много, но приезжего ставить сети отвадили. В пруду купались все. В следующий раз в сетях мог запутаться и ребёнок.

Утята росли быстро. Они привыкли к человеку и скоро почти не отличались от домашних гусят, которые плыли к людям по первому зову. Под надзором людей выводок сохранился полностью, что бывает довольно редко. Только опытный селезень не до конца доверял людям. Знал, среди них есть и те, от кого можно ждать беду.

Незаметно подошла осень. Утята стали на крыло. Теперь под началом селезня была стая из девяти крякв. Глава стаи ежедневно уводил выводок на корма. Перед перелётом в дальние края нужно набраться сил. Перелёт запланирован природой. Приходится зимовать на чужбине, чтобы не погибнуть от суровых морозов. А чуть потеплеет – на родину. У уток нет таких претензий на счастье, как у человека. Вернуться на родину. Любить, то есть приобщиться к тайне зарождения новой жизни. Вырастить потомство. Показать молодняку дорогу в тёплые края, вернуться с ними по весне и продолжить утиный род. В этом и заключается утиное счастье. Не всем оно выпадает. Чаще всего прожить счастливую жизнь мешают всё те же люди.

В этот день в деревню из города приехали охотники. Богатые и жадные, в дорогих охотничьих костюмах, обвешанные самыми современными многозарядными ружьями, прошуршали по деревне на дорогих внедорожниках и расположились табором на крутом берегу пруда. Совсем недавно эта компания вернулась из Африки, где удачно поохотилась на слонов. Теперь им захотелось развлечься птичкой. Уж больно хороша похлёбка из диких уток!..

Охотиться предстояло в центре деревне. Охотников это не смущало. Развращённые богатством и властью, чувствовали они себя неподсудными повелителями природы и господами над людьми. Это чувство придавало им значимость и свободу. Свободу от соблюдения каких-либо законов, будь то законы нравственные, юридические или высшие законы природы.

Обслуживал дорогих гостей районный егерь Плишкин. Главной чертой этого облечённого властью, но мелкого душой человека давно стало угодничество. Оно подавило все остальные качества и отбросило как ненужные любые правила человеческой морали. Его усердие и рвение в сфере услужливости не знало границ. В полном соответствии со своим мировоззрением он рассудил: «Не господское это дело – гоняться за утками по дальним озёрам и речкам. Большие люди приехали не мучиться, а отдыхать!» Оттого и привёл он гостей на пруд, пронюхав, что в этой деревушке завелись кряквы.

Деревенские понимали – что-то тут неправильно, но с «охотничками» связываться не захотели. От богатых и облечённых властью можно ожидать всего, что угодно. Могут ведь и бандюков подослать. Спалят избу, и доказывай потом, что хотел, чтоб было по справедливости. Всполошились только сидевшие возле магазина бабки: «Снова Плишкин “голодных” привёз! Опять, как три года назад, гусей постреляют!» Но и их протест был пассивным. Плюнули охотникам вслед

и пожелали, чтобы жирные животы «самых голодных» когда-нибудь да лопнули…

А выводок крякв, как обычно, прилетел к родному водоёму на ночёвку. В стае не было потерь. Не было больных и слабых. Все были готовы к дальнему перелёту! Гордые и сильные, они были счастливы и оттого беспечны и самоуверенны. Селезень, увидев машины и чужих людей, не обеспокоился и посадил стаю посередине пруда. За весну и лето даже он успел отвыкнуть от людского вероломства.

«Охота» для птиц началась внезапно. Один из приезжих навёл на цель дорогое, штучной работы ружьё и выстрелил по сидящему выводку. В вечерней тишине выстрел прозвучал, как мощный удар хлыста деревенского пастуха. Отразившееся от угоров эхо запутало картину. Смертельно раненая мать-утка попыталась взлететь, но, пролетев над водой несколько метров, замертво упала в воду.

Перепуганный выводок не понял, откуда пришла опасность, взлетел… и полетел в сторону людей… Люди всегда защищали утят от опасности.

Только вместо помощи на этот раз, как скоростные зенитки, затявкали автоматические многозарядные ружья, и сотни дробин понеслись навстречу обречённой стае.

Привыкший доверять человеку молодняк погиб сразу. Только ошалевший от людского беспредела селезень носился над прудом, стараясь хоть кого-то из родной стаи найти и увести подальше от смерти… Но над самой дамбой, когда, казалось, он уже выскочил из опасной зоны, смертоносный заряд достал и его… Злая воля очерствевших душой людей за несколько секунд погубила и стаю и самого вожака…

Удачная охота на почти одомашненную птицу завершилась. Егерь Плишкин плавал на резиновой лодочке, собирал трофеи и радовался: «Кряквы жирные, господа охотники будут довольны».

Повара готовили «шурпу из утятинки». Охотники пили крепкую, выхвалялись дорогими ружьями, меткими выстрелами и спорили, кто больше подстрелил сегодня «диких» уток… «Человеки разумные» отдыхали. Впереди ждала бурная ночь с утиной похлёбкой под виски, хвастливыми охотничьими рассказами и стрельбой по пустым бутылкам…

Пришла новая весна. Следом за солнцем из заморских стран пожаловало тепло и разбудило от зимней спячки природу. На земле, в воде и в воздухе торжествовала любовь. Готовились продолжить род и птицы. Свили гнёзда и уже высиживали птенцов вороны и сороки. Под стрехой весело чирикали пережившие суровую зиму воробьи. Разделились парами и выбирали домики скворцы. Под крышами домов любовно ворковали голуби. Ошалевшие от запаха родины, в небе носились стрижи и ласточки. На опушках рощ вели бои тетерева. Прилетели на созданное бобрами болото цапли. На дальнем угоре затеяли свои игры журавли. Только не было больше на деревенском пруду уток… Утиный род доверившегося людям селезня исчез навсегда!..

Алексей МАЛЬЦЕВ

СМЯТЕНИЕ

НЕУВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ

Полусвет и полутени
в жизни, в творчестве, в судьбе…
Я люблю, когда смятенье,
неуверенность в себе.
Чтобы утром – рябь по Каме,
небольшой такой сквозняк…
Пусть в меня швыряет камень
тот, кто думает не так.
Тот, кто думает иначе –
твёрд, как глыба изо льда.
Я ему его задачу
не облегчу никогда!
Я люблю, чтоб постепенно,
не стремглав, не на краю –
что мне бас,
и что мне тенор!
Я вполголоса спою!
Как и все, топчу я землю,
рассудителен вполне.
Радикальность – не приемлю,
однозначность – не по мне.
У меня – своё лекало,
свой маршрут и свой свисток.
Я стараюсь вполнакала,
я стремлюсь наискосок.
Между будущим и прошлым
приспособиться успел…
Кстати, камень –
тот, что брошен, –
вроде, мимо просвистел.

Алексей Васильевич МАЛЬЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области, ныне Пермского края. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в ЗАО «Новомет-Пермь». Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми: «Траектория». Издавался в Москве, Перми. Автор более десятка книг – поэзии, детективов, мистики. В качестве сценариста сотрудничает с центральными телеканалами. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии правительства Кировской области им. Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

КОЛЛЕКЦИЯ УЛЫБОК

Тот марки собирает,
этот – рыбок
аквариумных холит и лелеет…
А я храню коллекцию улыбок –
от них в душе становится теплее.

Улыбка мамы – солнышко в окошке,
морщинок нет, и в волосах – заколка…
Вернуться бы в те дни
хоть понарошку,
опять счастливым стать,
пусть ненадолго.

Отец, я помню, улыбался редко.
Ну, разве что в кино,
и то – едва ли.
И лишь мои отличные отметки
его улыбку точно вызывали.

Рука в руке – сестрёнку из детсада
веду домой.
Она смеётся звонко.
Я – старший брат,
и выше нет награды,
чем радостью горящие глазёнки.

Открылось мне
ни мало, и ни много –
и блеск ручья,
и дальний свет созвездий –
в улыбке женщины,
мне данной Богом,
с которой
мы идём по жизни вместе.

И на руках
тот крохотный комочек,
что, мне казалось, ничего не весит,
сначала заливался дни и ночи,
а улыбнулся
только через месяц.

Пусть мир, как прежде,
и жесток, и зыбок,
пусть годы осыпаются, как листья…
Я черпаю в коллекции улыбок
Заряд любви, добра и
бескорыстья.

Владимир ВИНИЧЕНКО

ЛЕС ПАМЯТИ

ОЖИДАНИЕ

Утлый стол, топчан и печка –
вот и весь мой скудный рай.
Да вздыхающая речка
редким всплеском через край.

Да над башней чёрной ели
две звезды в ночном окне.
Да сверчок в запечной щели,
так сочувствующий мне.

По тропинке до причала
полчаса ходьбы всего.
Здесь кончается начало
ожиданья моего.

На краю воды и суши
я скитаюсь вдоль реки.
Как выматывают душу
теплоходные гудки!

Простучит толпа по сходням,
а тебя опять в ней нет…
Слава Богу, не сегодня
окончательный ответ!

ПРОБЕЛЫ

А много ли мы помним птиц?
Десятка два – не боле.
Из иллюстраций и таблиц,
нас развлекавших в школе.

Владимир Васильевич ВИНИЧЕНКО родился 10 августа 1946 года в городе Молотове /Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1976), отделение драматургии Высших театральных курсов при ГИТИСе (1985). Работал на заводе. Занимался журналистикой. Поэт. Драматург. Спектакли В. В. Виниченко ставились во многих театрах СССР. Автор нескольких книг для детей, в т. ч. «Ваше Мурычество и все аномальчики» (2001), «День дарения, или Добро побаловать» (2011). Член Союза писателей СССР /России (1986). Лауреат Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова (2011). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

А много ли мы видим звёзд?
Лишь кажется, что видим.
Их еженощный тихий дождь
нам стал, как сон, обыден.

А много ли мы знаем трав?
Увы, совсем не знаем.
Их буйный рост и кроткий нрав
для нас неосязаем.

Но только ждёт нас впереди
та долгая минута,
когда молчание в груди
всё переменит круто.

Тогда, упав на землю ниц,
услышим шелест звёздный,
и буйство трав, и пенье птиц…
Но будет слишком поздно.

СЕНТЯБРЬ

Напрасно мы оплакиваем август,
ещё сентябрь нас жалует вполне.
И солнце расцветающею астрой
в последней вспышке светит нам вдвойне.

Исхоженные улицы и скверы
для нас с тобой сентябрь позолотил,
как будто, зная вкус развязки скверной,
заранее разрыв наш подсластил.

И опоил нас грустью отречённой
достойных снисхождения, как мы,
стрекоз, цветов и птиц –
всех обречённых
проскрипциями будущей зимы.

И под шатром предсмертно жёлтых листьев
проходим мы спокойно и легко
и счастливы одной нехитрой мыслью:
до снега, как до смерти, далеко.

И грусть уже не кажется нам пыткой,
И понимаем, здраво рассудя,
что мы – лишь неудачная попытка
природы изменить саму себя.

ЛЕС ПАМЯТИ

Осенний лес поник
под грузом грустной меди.
Любви моей тайник,
он тих, как заповедник.

Здесь от твоих следов
тропинки не остыли,
цепочками слогов
храня обрывки были.

Здесь голосом твоим
настоян звонкий воздух.
И, памятью томим,
я пью его, как воду.

Струятся, как ключи,
кругом твои приметы,
но сколько не кричи,
а это без ответа.

Попробую уйти –
и вновь вернусь украдкой,
поскольку все пути
ведут меня обратно.

Леонид КОПКО

НЕСКУЧНАЯ ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ. Рассказы

НЕСКУЧНАЯ ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чудесна жизнь на даче. Хотя, как на это дело посмотреть. Для кого-то это семейный курорт бюджетного уровня, для кого-то – убежище от суеты домашней, а кому-то и ссылка («сидишь тут дома, не делаешь ничего, так хоть на дачу поезжай, картошку окучивай…»). А по большому счёту – красота при любом из этих раскладов!

Комары, правда, да мухи… Пауты в жару, да муравьи в сахарнице… Сосед, вот, шансон любит, как заведёт с утра, так к вечеру только и выключит. «По тундре, по железной дороге…» Вот, чёрт, не это хотел написать, да привязалось уже. «Диктуют колёса вагонные, где срочно увидеться нам!..» Вот это по-нашему, по бывшему, по-комсомольски. Едешь в электричке на дачу, напеваешь про себя песни молодости, на пассажиров поглядываешь: «Наш брат, дачник! Рюкзаки да сидора, треники да кроссовки китайские, недорогие».

Здорово, всё-таки, на даче! Сосед вон, любитель шансона, чуть не плакал, когда рассказывал, что дачу хочет продавать. Я молчу сочувственно, а сам в душе нарадоваться не могу. Только бы какой-нибудь токарь-слесарь не попался, а то начнёт точить-сверлить с утра до вечера, так вспомнишь бывшего соседа. Ведь по большому-то счёту не виноват он, что образование музыкальное получил в общаге заводской.

Соседка, домик её справа, Мария Ивановна, семидесяти пяти лет от роду, душевный человек – всегда пирожками угостит, коли печь начинает, а то и на чай с мятой позовёт. Беседу любит поддержать о том, как раньше всё хорошо было. Правда и сейчас неплохо, но при пенсии раза в четыре больше было бы ещё лучше. А так, выходит, что это «неплохо» раза на четыре и не дотягивает. Короче, философия одна да политэкономия в беседах наших. В своё время за эту самую «полит» она чуть и не угодила. Ну, сами знаете, куда в те времена отправляли тех, кому больше всех надо было. А сейчас ей уже много не надо от политики, а вот от экономики она ещё чего-то ждёт. В разговоре со мной, правда, немного осторожничает. Заговорим, к примеру о том, почему у депутата иного зарплата сто тысяч рублей в месяц, а живёт он так, как будто сто тысяч долларов получает. Так Мария Ивановна наперёд спросит:

– А что, Алексей Витальевич (меня так зовут), вопрос это философский или экономический?

Леонид Николаевич КОПКО родился 20 октября 1954 года в городе Оханске, ныне Пермского края. Окончил экономический факультет Пермского государственного университета (1976). Жил и работал за пределами Пермского края. Занимался профсоюзной деятельностью. Творчеством занимается с 1982 года. Детский писатель. Изданы книги: «На руинах мечты» (2001), «Как Петя Белочкин и кот Дымка Вселенную спасли» (2003), «Крах секретного плана дона М.» (2004), «Олигарх из восьмого «б» (2006), «Золото Фаэтона» (2015). Член Союза писателей России (2011). Лауреат Пермской литературной премии имени А. Ф. Мерзлякова (2015). Кавалер ордена Достоевского III степени (2014). Живёт в городе Перми.

А что я могу ответить? Вопрос «кто смел, тот и съел», всегда был философским, а вот, сколько съел и сколько за это светит – всегда был экономический. А от экономики до политики, как говорил один из творцов социализма, всего лишь один шаг. А это опять уже философия. В общем, замкнутый круг получается.

– А ну его, вопрос этот, Мария Ивановна, поговорим лучше о смородине да крыжовнике!

Увожу, стало быть, от политики. Берегу, помня биографию её непростую. А уж как перейдём на садово-огородную тему, так и не остановить нас. Вернее, Марию Ивановну, а я лишь поддакиваю, потому, как в смородине понимаю лишь одно: смородина бывает чёрная, красная и белая. Да мне и хватает этих знаний вполне. А вот Марии Ивановне нет. В моём лице она находит благодарного слушателя и потому на пирожки никогда не скупится.

Михаил Степанович, сосед слева, тоже классный мужик. На пенсии давно, а всё как молодой: и компанию поддержать, и огород вскопать, и по грибы в ближайший лесок сбегать. Вот с грибами и лесочком и вышла у нас однажды история.

Дело было утром. В понедельник. Или во вторник. Нет, всё-таки в понедельник. Я лежал в постели, предвкушая спокойный день. Почитывал газету, поглядывал в оконце: солнышко встаёт, небо голубеет, птички поют. Благодать! А тут вдруг Степаныч на пороге, айда, говорит, за грибами, белые пошли, красноголовики всякие. Предложение мне показалось вполне дельным. Сбегал в сарай за корзинкой, а как выбегал из него, Мария Ивановна меня окликнула:

– Уж не со Стопанычем в лес наладился, Алексей Витальевич?

Вот прозвала бабка Степаныча Стопанычем за любовь к рюмочке и не называет его никак иначе. Да и Степаныч в долгу не остаётся: не Мария Ивановна она у него, а Марихуановна. «А чего она всё травку какую-то сушит?» – резонно задаёт он вопрос, глядя на пучки зверобоя, душицы, иван-чая, висящие у неё сенях. Короче, стоят они друг друга.

– Да, Мария Ивановна, по грибы с Михал Степановичем собрались, – потвердил я.

– Так и я с вами, пожалуй, сбегаю. Притормозите чуток, сейчас я своё лукошко подхвачу!

Очередной раз позавидовал я ей: семьдесят пять, а легка и на подъём, и на ногу быстра, и философией интересуется.

И пяти минут мы бабулю не прождали, как топали уже дружной компанией в ближайший лесок. Я по сторонам смотрел, а соседи незлобно пикировались.

– Ты, Марихуановна, в негосударственный фонд пенсию складываешь или под подушкой держишь?

– Да ты что, Стопаныч, в какой фонд? Они, из фондов-то этих, всё уж в заграницы перебрались, а те, кто вкладывал – по больницам ходят, нервы лечат. Нет, я в банке держу.

– В сбербанке или за границей где? – шутливо допытывался Степаныч.

Мария Ивановна бойко подхватывала:

– Да нет, в народном.

– Что-то не припомню я такого… А банк-то крупный?

– Крупный, крупный… Трёхлитровый!

Так за шутками-прибаутками добрались мы до леса. Лес у нас, надо сказать, не совсем обычный. На опушке редкий перелесок, в глубине довольно плотный ельник, переходящий в поляны, обрамлённые густыми кустами дикой малиной. И ходи, гуляй хоть по полянам, хоть по малинникам, хоть под ёлками лазай в поисках белых грибов.

Разбрелась наша компания по лесу в поисках грибного счастья. Время идёт, то там, то здесь вдруг ветка хрустнет, значит, свой грибник рядом промышляет. Друг друга не видим, а чувствуем, что все рядом. И вдруг тишину леса огласил испуганный крик Марии Ивановны.

Что случилось, в чём дело?! Со всех ног бегу на крик, и вижу такую картину: Мария Ивановна на траве под ёлкой сидит, за сердце держится и костерит Степаныча последними словами:

– Вот ирод! Вот супостат! Дерьмократ паршивый! Вот напугал бабку! Чуть до инфаркта не довёл!

А Степаныч стоит и хохочет, никак остановиться не может. Оказалось, под одной ёлкой, но с разных сторон за одним и тем же грибом потянулись. Только Степаныч видел Марию Ивановну, а она его нет. Не видела и не слышала, как тот подобрался. Не захотел Степаныч гриб соседке отдавать, пожадничал. И только рука её почти дотянулась до искомого, как схватил он её за руку за эту, да как крикнул страшным басом:

– Отдай, бабка гриб!!!

Тут Мария Ивановна и бухнулась на пятую точку.

– Ну, разве можно так, Михаил Степанович! – попытался урезонить я соседа. Тот спохватился с извинениями, но Мария Ивановна обиделась сильно, извинений не приняла, подхватила свою корзинку и пошла прочь из лесу.

Мы со Степанычем остались одни.

– Ну, куда сейчас? – спросил он меня.

Я неопределенно махнул рукой в глубину леса и пошёл молча: всё-таки взрослый человек, а ведёт себя как мальчишка.

Побродил по лесу, грибов не нашёл и решил пойти домой. По пути набрёл на густой малинник. Малины лесной уродилось много, висела она спелыми гроздями, пахла душисто. Решил я компенсировать неудачу с грибами сбором малины. Дело шло споро, я понемногу углублялся в ягодные заросли. Всё было бы чудесно, если не брать во внимание появившийся вначале слабый, а потом всё более нарастающий неприятный посторонний запах.

«Где-то, наверное, лошадь прошла, одарила землю спелыми клубнями, – подумалось мне. – Как она здесь могла оказаться?». Мысль эта покрутилась в голове да и улетела в небытие. А сбор ягод успешно продолжался. Но тут из глубины кустов вдруг послышался негромкий рык. Вот шалун чёртов! Никак не наиграется пенсионер!

– Степаныч, завязывай, я тебе не бабка Маша, не испугаюсь!

Рык повторился. Вот неймётся ему!

– Степаныч, не смешно! Это уже было!

Рык приблизился.

«Ну, сейчас я щёлкну тебя по носу, старый безобразник!»

Я решительно подался вперёд, раздвинул густую малину и… увидел медвежью морду! Медведь с урчанием пожирал сладкую ягоду, обирая кусты обеими лапами. Что уж тут подумал про меня медведь

(если ему было чем думать), но меня хватило лишь на одну короткую мысль: «ТИКАТЬ!!!!»

Как я выбежал из леса не помню. Корзинку бросил прямо в малиннике, едва не потерял правую галошу (у, чёрт, хотел же другие одеть!), руки исцарапал до локтей. Уже далеко от леса, почти возле дачного кооператива решил передохнуть под сосной, благо, что никакой медвежьей погони за собой не обнаружил. Тяжело дыша, опустился на землю. Да, история! Вот тебе и Михал Степаныч! Михаил Потапыч оказался, собственной персоной, а я, видать, в его владения залез.

Отдышался. Огляделся. Так, а это что такое? Возле сосны лежала брошенная корзинка Степаныча, его солдатский ремень, которым он любил подпоясываться, собираясь в лес, початая пачка сигарет «Прима». А с ним то, что приключилось?

Долго рассуждать не позволили крупные мухи. Или пауты. Они назойливо стали кружить возле меня, явно имея не очень мирные намерения. Да что это за денёк сегодня?! Пришлось бегом ретироваться и отсюда.

Когда я появился возле своего участка, то увидел на лавочке славную троицу своих соседей: Марию Ивановну с пузырьком «валидола» в руках, Михаила Степановича с перекошенным от укуса осой лицом (присел по нужде под сосной называется) и любителя шансона, ещё не продавшего дачу и потому числящимся пока в наших рядах.

Когда ещё и я рассказал им свою историю, жестикулируя исцарапанными в малине руками, то всё это вызвало просто гомерический хохот. Смеялись от души и бабуля Мария Ивановна, и покусанный осой Михаил Степанович, и я, побывавший в компании с медведем. Смеялся и имеющий не очень взыскательный вкус любитель музыки. Да, кстати, когда все отсмеялись, он решительно сказал:

– Хорошие вы, соседи, люди. Не скучно с вами. Передумал я дачу продавать, с вами останусь. Навсегда!

ПЕЧНИК

Кто скажет, когда дом становится домом? Когда крыша появится? Когда входная дверь будет на петли посажена? Или, когда обмывочка «правильная» произойдёт? А вон нет! Дом – это когда печь посередине стоит. Когда огонь за дверцей печной трещит. Когда дым из трубы валит. А так, сарайка бревенчатая, а не дом…

Мой дом в виде сруба стоял ещё на пятом венце, а я уже озаботился печкой. Фундамент залил – прямо фундамище, чтобы печка «не гуляла» (погуливают, видать, иные, к соседским, которые мужского рода, так надо понимать), так я это дело на корню решил пресечь – треть бетоновоза на фундамент извёл. У меня не загуляешь! Стал печника искать.

Как известно, лучше искать по знакомству. Зять говорит:

– У друга моего, Алексея, один работал. Хорошо печку сложил. Не дымит. Дать телефон?

А чего не дать-то, коли не дымит, дай, говорю. Получил телефон Алексея, через него – печника. Голос по телефону ответил женский:

– Вам брат мой нужен? Так его пока нет. А у вас какой вопрос?

Узнав, что мне нужен печник, она прямо воодушивилась:

– Конечно, конечно! Возьмите Костю, он и вправду мастер хороший!

Я оставил свой номер, Костя-печник перезвонил, и через день мы с ним встретились. Тут надо оговориться: до Кости я встречался с одним, да созванивался с другим. Профессора! Столько условий мне поставили, прямо как «райдер» у артистов: проживание, питание, трансфер до дачи и обратно, аванс, прованс, преферанс и прочее, прочее, прочее… Голова кругом. Но объясняли чётко: кладка печи дело серьёзное и относиться к этому надо серьёзно. Да я разве спорю? Правда, с другом моим, однажды история была: решил он квалификацию поменять, в печники-каминщики податься. Нашёл с приятелем заказчика, выехали на место. Выслушали заказчика, место осмотрели и сели расчёты делать. Хозяин ждёт терпеливо, курит сигаретку за сигареткой. Когда пол-пачки искурил, друзья ему выложили свои расчёты-подсчёты, короче, сумму показали. Хозяин посмотрел на листочки, новую сигаретку закурил и поманил печников-каминщиков к окну. «Видите, – говорит, – машина «лада» у меня новая стоит? Так вот она раза в полтора дешевле вашего камина будет!» На том и расстались. Друзья потом сетовали, мол, экономика подвела, больно большую норму прибыли заложили. Да поздно было: то ли хозяин без камина решил жить дальше, то ли более скромных, а проще говоря, совесть имеющих, мастеров нашёл, – неизвестно.

Костя совесть имел. Цену назвал божескую и никаких особых условий для проживания не ставил: жить согласился в бане, в которой ещё не было пола, но был потолок. Он же ему должен был стать полом, так как под крышей Костя жить и согласился. С собой решил взять племянника одиннадцати лет – глину месить. На мой вопрос, не холодно ли будет, ответил:

– Так июль-же на дворе, не замёрзнем.

Это меня вполне устраивало, и мы ударили по рукам. Правда, несколько смущало одно обстоятельство: вид у печника был трезвый, но с печатью бывшей долговременной нетрезвости. Одежда – сильно не новая, но хорошо выстиранная (джинсовая рубашка времён «хиппи», чёрные брюки и ботинки, видавшие ещё деревянные трамваи). На мой вопрос, как у него с «этим делом», Костя, глядя на меня своими выцвевшими от крепкого алкоголя глазами, ответил, что пока завязал и развязывать на время работы, не собирается. Я слышал, что печники – любители «заложить за воротник», и не факт, что с кем я общался ранее, были лучше Кости, поэтому попытался ему поверить. Да и он меня сразил неопровержимой истиной, что при всём желании, мастерство не пропьёшь. Вдобавок ко всему, Костя, похоже, был, моим ровесником и производил впечатление бывшего интеллигентного человека. Это и подкупило меня в нём окончательно.

Отличным июльским утром я увёз печника с мальчиком на дачу, показал «апартаменты» в бане, поддоны с кирпичом, бочки с глиной, кран с водой, дорогу до магазина и дал денег на питание. В хорошем настроении уехал в город.

Тут читатель скажет – избитый сюжет – «печник запил, печь не сложил, деньги не отдал…» А вот и нет. Всё гораздо сложнее. И связано, как мне кажется, с высшими силами.

То ли эти высшие силы были недовольны, что я именно в июле

печь решил складывать, то ли Костя «завязал» без их согласия, то ли племянник его булочку в магазине стащил накануне, но по прошествии двух солнечных жарких дней на землю опустился свирепый холод с северным ветром и крупным дождём. Я, чувствуя ответственность за работников, поехал на дачу, прихватив пледы и кое-какие тёплые вещи. Но работники оказались и сами находчивы: затыкали полиэтиленом щели под крышей бани, собрали всё тёплое, что могло оказаться рядом, и предстали передо мной живыми и пока здоровыми. Пледам, правда, сильно обрадовались. Тут бы мне и уехать спокойно назад, как Костя отвёл меня в сторонку и сказал:

– Хозяин, надо денег добавить. Согреться нечем, вон какой дубарь на улице.

Я возразил. Денег, что я оставил, на продукты вполне хватало, а на выпивку добавлять я не собирался. Услышав мой отказ, печник сильно расстроился, сказал, что в Освенциме условия были лучше, чем на моей даче и намекнул, что может оставить работу, хотя уже начал выводить печные каналы и без него эту работу никто продолжить не сможет. Но я решил стоять до конца, сказал: «Ну и фиг с тобой!» – и уехал расстроенным в город.

Три дня Костя мне не звонил, а на четвёртый я поехал на дачу, чтобы выгнать его к едрёной фене. Зайдя в глубь дома по набросанным вместо пола доскам, увидел такую картину: Костя сидит возле готовой, но пока без трубы, моей будущей печки в обнимку с каким-то киргизом и нетрезвым голосом рассказывает ему свою жизнь. Киргиз вид имел хитроватый, Косте услужливо кивал головой. Увидев меня, мой печник встрепенулся, показал на проделанную работу и произнёс горделиво:

– Я же говорил, хозяин, что мастерство не пропьёшь!

Что было делать? Я, как мог, примостился на досках возле будущей печки и принялся разглядывать работу. Костя, объясняя суть проделанного за эти дни, не упустил возможность высказать мне претензию, что денег я не дал и поэтому ему пришлось занять на «сугрев» у брата. Братом и был лукавый киргиз, который, оказывается, работал с собратьями за соседским забором. Я молчал, и Костя, решив меня дальше не беспокоить, продолжил свой рассказ. А рассказ, надо сказать, оказался весьма интересным.

Оказывается, мой печник окончил политех, автодорожный факультет. После окончания был принят на работу в крупное территориальное транспортное предприятие ревизором. И стал проверять по области автобусные парки, предприятия такси, автобазы, автоколонны спецтранспорта. И везде, куда бы не приехал молодой ревизор, первым делом руководство «накрывало поляну». Нескольких лет хватило, чтобы парень заработал известную болезнь – алкоголизм. В рассказе он упомянул вдруг фамилию своего хорошего друга Б. Я тоже знал этого парня, был с ним когда-то в военно-спортивном лагере, состоял в приятельских отношениях. И тут я вспомнил, как однажды в ресторане, будучи уже взрослым женатым человеком, столкнулся в гардеробе с весёлой компанией. Это был тот самый Б. Вспомнил я и печника-Костю, оказавшегося в этой компании, с которым мой приятель меня тут же и познакомил, а также двух красивых девушек. Весёлые, слегка пьяные, а от этого чуть возбуждённые, молодые и удачливые ребята… Я даже позавидовал им: модно одетые,

лёгкие, ничем не обременённые – золотая молодёжь того времени. Весело переговариваясь, они буквально впорхнули зал ресторана.

Это лёгкое чувство зависти к чужой беззаботной жизни долго тогда не отпускало меня. В чём была причина, я объяснить не мог: я и сам жил довольно интересно. Но вот эта искренняя беззаботность, эйфория молодости, пьянящая свобода…

А сейчас передо мной сидел человек с блёклыми глазами, опущенными натруженными руками, но не потерявший… Чего же не потерявший?.. Судя по нему, потерял он всё. Или почти всё. Костя же, словно угадав мои мысли, вёл свой рассказ по запутанным лабиринтам своей жизни именно в этом направлении:

– Пить начал по-чёрному, из дома всё уносил и пропивал, жена ушла. Короче, кошмар, думал в «дурку» попаду, но нашёл спасение. Познакомили меня с классным печником. С мастером с большой буквы. На работу меня нигде уже не брали, а он взял в подмастерье. С ним и стали работать. Многому я от него в этом деле научился, потом сам стал литературу читать по каминам, печам различной сложности. Почти восемь лет этим делом занимаюсь. Смыслом жизни уже это стало.

Киргиз всё так же угодливо кивал и вряд ли ему была интересна Костина жизнь. А вот мне она была интересна очень. Другими глазами я стал глядеть на печника. И видел я в нём уже не «бича» (бывшего интеллигентного человека), каким он казался на первый взгляд, а того красивого, щеголеватого, беззаботно-весёлого парня, которого по всей вероятности любили многие девушки. Несмотря на свои и, видимо его, пятьдесят с хвостиком, видел я в нём своего парня, «чувака» из семидесятых, любителя рок-н-рола, джинсы́, контрабандных сигарет… Короче, всего того, что делало нашу жизнь беспокойной, добавляло перчинки в бытие и называлось просто – м о л о д о с т ь.

Понял я, чего не потерял печник-Костя, – лёгкости ощущения жизни! Всё потерял и нашёл себя в одном простом (ну, это как сказать), деле. И по тому воодушевлению, с каким он говорил дальше о печных премудростях, как называл он своего учителя не по имени-отчеству, а только Мастер, было ясно, что любит он вновь приобретённую профессию и является в ней сам уже почти мастером.

Я слушал воодушевлённый рассказ Кости о его новой профессии, потом о жизни вообще, что живёт он с сестрой и племянником, жилья своего нет, работы постоянной нет, но есть женщина, которой он сильно не безразличен, что вот закончит работу и отметит хорошо с друзьями её окончание. Говорил он всё это просто, не строя никаких планов на будущее. Птичка божья, живёт, как Бог на душу положит…

Не стал я признаваться о нашем знакомстве в далёком прошлом, но только сказал, что отдыхал с Б. в одном лагере, был с ним дружен и привёл несколько фактов из его жизни, хорошо знакомых Косте. Мой рассказ о знакомстве с Б., как потом оказалось, сыграл огромную роль. Уже закончив работу, сдав объект в эксплуатацию, печник признался:

– Есть у печников такая хитрость: если заказчик не понравиться, в дымоход, в кладку, вставляется птичье пёрышко. Печь работает, а тяги хорошей нет. И ничем уже это не исправить, только трубу перебирать. Да и то, если догадаешься. Хотел я вам такую же штуку учинить, но раз вы друг Б., то не стал. Друг моего друга – мой друг.

Вот так. Когда мы позже рассчитывались, к оговоренной сумме я добавил ещё три тысячи. Костя удивился:

– За что?

– Премия это, Костя. Прости, не говорил раньше. Да и друг моего друга – мой друг.

Удивил я, конечно, его, но денег этих премиальных мне не жаль – с молодостью встретился в необычной обстановке. Благодарность это тебе, Костя, моя.

Прошло уже десять лет. И печь, и камин пока работают исправно. А киргиз, кстати, проявил своё нутро, не зря он мне тогда не понравился – украл у Кости телефон сотовый азиатский «брат».

Где ты сейчас, Костя? Жив ли, лёгкий человек с тяжёлой судьбой? Спасибо тебе, что перышко в дымоход, того,… не поставил…

Илья ДОМНИН

ВЕСЕННИЙ НАЛИМ. Рассказ

Тёплое майское солнце стоит высоко. Зацепившись за редкие облака в изумрудном весеннем небе, оно приветливо выглядывает из-за вершин елей, стоящих гривкой вдоль раскисшей дороги. Из всего пути в деревню особенно трудно достаются последние триста метров. Урча пониженной передачей, внедорожник неторопливо переползает залитые талыми ручьями колеи под звонкое журчанье потока. Солнце вдруг выплескивает на капот своё отраженье и заставляет зажмуриться. За поворотом открывается вид на изгороди и немногочисленные подворья.

Стена леса за поляной бывшей поскотины гулко отражает щебетанье скворцов. Сидя на крышах своих домиков, они соревнуются в красноречии. Ласточки пикируют на край дороги, присаживаются и тут же взмывают, унося в клювиках частички строительного раствора для своих гнезд. Лепнина их домиков кучкуется под скатами крыш высоких деревенских домов.

– Где-ж тебя носит? – заехавший вчера сосед Серёга хвастливо поднимает над заборчиком связку из трёх килограммовых налимов.

– Ух-ты! На что ловил? – завидки начинают разъедать меня.

– На червя. Крупного. Вчера вечером посидел после заката с донками – и вот! – расплывается в улыбке Серёга.

Пик половодья на Вильве уже миновал. Река улеглась в берега, но мутная вода стоит ещё высоко. Всклокоченные шапки водорослей и сухой травы на вершинах прибрежного ольховника да разбросанный по прибрежным лугам древесный мусор напоминают о недавней силище и высоте беспощадного весеннего половодья.

После недолгих хлопот по хозяйству я выношу рыбацкие принадлежности на столик в огороде, чтоб заняться донками.

– Не спеши, Илья! – опершись на палочку, у калитки стоит Михалыч, пенсионер, знаток и мастер на все руки. – Здравствуй!

Михалыч неторопливо, по-стариковски заходит за ограду и усаживается на скамейку у столика.

– Ты знаешь, какой снастью местные жители об эту пору налима ловят? Снасть нехитрая и нехлопотная.

– Я весь внимание; очень рыбки хочется, – я сглотнул слюну.

– Так вот: – важно начал Михалыч, – перво-наперво вырезают двухметровый хлыст в полтора пальца толщиной. Вбивают в него два гвоздика – мотовильца для укладки лески. К восьми-десятиметровому

Илья Алексеевич ДОМНИН родился в 1959 году в городе Перми. Окончил физический факультет Пермского государственного университета (1981). Трудовую деятельность начал на пермском заводе «Телта». Увлекается охотой. Творческой деятельностью начал заниматься с 2011 года. Работает в различных жанрах прозы. Публиковался в «Российской охотничьей газете». Живёт в городе Перми.

куску лески потолще крепят грузило, на другом конце – петля вкруг середины прута. За метр и три от грузила на леске завязывают петельки для поводков. Из лески потоньше вяжут поводки с крючками на конце. Конечно, лучше бы маляву (гольяна) насадить, да не добыть его сейчас в мутной и высокой воде.

Михалыч достал мундштук, неторопливо его прочистил, снабдил сигареткой и закурил.

– Удить просто: расправил леску, воткнул прут в прибрежный ил под берегом и забросил. Забрасывай там, где за поворотом есть обратная тяга. Вечером поставил, утром снял. Засекается налим крепко – никуда не денется.

Через полчаса я уже крепил к ивовым прутам известную снасть.

До вечера ещё далеко. Затопив баньку, я занялся домашним хозяйством. Раздобыть породистых червей оказалось непросто – земля ещё холодная. Раскопки в два штыка глубиной на компостной куче всё же принесли мне положительный результат поиска.

Начинает смеркаться. Я закрыл готовую баньку и, укомплектованный всем необходимым, вышел на реку. Перед прямухой русла у моста река даёт левый поворот и, переходя в плёс, образует на нашем берегу обратное течение – под берегом. Размотав леску, я поднял петлю лески на удилище повыше и окунул прут в воду под берегом – через метр с небольшим он достиг дна. Я воткнул в ил удочку покрепче, чтоб не унесло, и отрегулировал леску на пруте чуть выше уровня воды. Оснастив крючки, я забросил удочку там, где обратный поток смыкается с основным – в самое глубокое место. Вторая удочка заняла место чуть ниже по течению, с грузом в середине омута. Так, настроив удочки я отправился восвояси до утра.

…Утро выдалось прохладным. Рваные клочки тумана кучкуются у опушки там, где ещё не растаял снег. Подснежники расправили свои венчики навстречу солнцу. Пернатые солисты на скворечниках перекрикивают друг друга.

Толстым червем мутная речная вода проползает своё русло. Прутья удочек наклонились в сторону туго натянутой лески и слегка вибрируют. На всякий случай я слегка подсёк и начал выбирать леску. На ходу очищая её от ошмётков водорослей, натянутых течением, я скоро добрался до первого поводка. Мне показалось или что-то ударило по руке? Налим грамм на восемьсот шлёпнул хвостом по воде и перекочевал на берег. Второй крючок оказался пуст и забит травой.

Другая удочка принесла мне ещё одного такого же красавчика – налима. Я замотал лески на мотовильца и, не снимая рыбу с крючка, довольный, направился домой.

Мои домашние ещё спят. Через пару часов они встанут, и им на завтрак будет подана душистая налимья ушица.

…Недельки через две река уже проиграла – вода в ней стала чище, течение спокойнее. Об эту пору щурята – «карандаши» – выплывают на отмель погонять гольянов и погреться на тёплом весеннем солнышке. Я, вооружившись лёгким спиннингом иду вдоль берега. К срезу воды сейчас не подойти – илиста прибрежная полоса. Вот уже знакомый плёс и ямка за ним. Первый заброс, второй … В середине ямки блесна цепляется за что-то. Жалко терять посеребрённую колебалку! Я потихоньку натягиваю леску в надежде стронуть с места

коряжку с блесной. Ура! Она подаётся потихоньку. Вслед за блесной на плёс выползает... кусок старой сети! И в середине лоскута сидит застрявший в сети налим килограмма на два! Живой!

Я перевожу дух не в силах поверить в удачу. Награда нашла своего героя!

Весомый трофей занимает своё место в сумке, а я, немного побродив ещё вдоль реки, возвращаюсь домой. Жёлтые бутоны купальниц у леска упруго раскачиваются на ветру. Скворцы снуют между опушкой и домиками. Теперь им не до песен – вывелись птенцы.

Разноцветные кофточки огородниц мелькают между грядками за забором. Черёмуха склонила перед окном свои белые локоны. Терпкий запах её медоноса краешком задевает моё обоняние и уносится прочь верхом на легком ветерке.

Не помню: где-то я читал древний рецепт приготовления ухи из налима. Запомнилось мне, что перво-наперво с налима берут печень и секут её до тех пор, пока она от огорчения не увеличится…

Геннадий ВЕРШИНИН

МУРАШ. Рассказ

Однажды морозным декабрьским вечером отец принёс под шубой крохотного щенка. Поставил его на пол. Чёрно-белый комочек неуклюже двинулся к печке. Сыновья-погодки Егорка и Васятка, дочка Настя окружили щенка, гладят:

– Ой, какой хорошенький!

– А маленький-то какой! Как муравей ползает.

– Вот и назовём его Мураш. Согласны? Вы же просили щенка? Так что ухаживайте за ним, кормите. Да Петровича благодарите. Вон, какой подарок он для вас к Новому году сделал, – отец лукаво глядел на детей, скидывая валенки.

И стал Мураш жить в весёлой семье. К лету он превратился в ладного озорного пса с крепкими лапами, длинной шерстью и мягкими вислоухими ушами. Ну, вылитый Белый Бим Чёрное Ухо, только пока ростом пониже да в груди поуже. Мураш так привязался к ребятам – ни на шаг не отстаёт. Они на лыжах с гор катаются – и он за ними с весёлым лаем, где бегом, где кувырком. Они в футбол играют – и он у них под ногами путается, норовит мяч укусить. А ещё у Мураша обнаружились музыкальные способности.

Как-то, напарившись в бане и отужинав, отец, помолодевший, подмигнул матери:

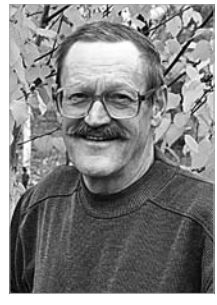
– А что, Любаша, давай-ка споём, как бывало в молодости! Где мой инструмент?

С первых аккордов «Уральской рябинушки», откуда ни возьмись, выскочил Мураш, сел перед хозяином, уставился на гармонь и вдруг, подняв морду кверху и слегка наклонив голову набок, «запел»:

– У-у-у! У-у-у!

Получилось до того потешно, что супруги, забыв о дуэте, с улыбкой наблюдали за лохматым певцом. А тот, не отрывая взгляда от гармони, старательно, как нам казалось, выводил мелодию, пособачьи выразительно закатываясь на высоких нотах. Стихла мелодия – оборвалось и «пение» четвероногого артиста. Егорка, Вася и Настя дружно захлопали в ладоши. А Мураш, как-то виновато поджав хвост, словно стесняясь проявления своих чувств, скрылся на кухне. Но едва отец заиграл другую песню «Вот кто-то с горочки спустился», как Мураш снова выбежал «на сцену» и заголосил:

– У-у-у! У-у-у!



Геннадий Васильевич ВЕРШИНИН родился 17 октября 1949 года в городе Лысьве Пермской области, ныне Пермского края. Учился в Пермском государственном политехническом институте. Окончил Пермский государственный университет (1973). Преподавал в школе. Работал на Лысьвенском металлургическом заводе инженером. Занимается журналистикой: был корреспондентом нескольких местных изданий. Член Союза журналистов СССР /России (1980). Лауреат нескольких журналистских конкурсов. Творческой деятельностью начал заниматься в 1970-е годы. Первая книга вышла в городе Лысьве в 1998 году: «Глубинка». Издавался в Лысьве, Перми, Чусовом. Автор нескольких поэтических и прозаических сборников. Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2015). Живёт в городе Лысьве.

– Ишь ты, певец какой выискался! А мы-то тебя Мурашом назвали. Певцом или Артистом надо было, – засмеялся отец.

В тот вечер сыграл он и свои любимые фронтовые песни «Катюшу», «Огонёк», «Землянку» и «Ой, цветёт калина...» Мураш не пропустил ни одной, добросовестно «вытягивая» мелодию – где-то жалобно, где-то задорно подлаивая.

С той поры, едва услышав переливы тальянки, Мураш сломя голову, летел к гармонисту и начинал свой «сольный концерт». К песням же, звучащим по радио и телевизору, Мураш почему-то относился без особого восторга. Остановится, прислушается, но подпевать отказывался. И даже среди песен, исполняемых отцом на гармони, у него определилась любимая – «Уральская рябинушка». Оттого ли, что он услышал её первую в своей жизни, то ли в ней он нашёл особую лирическую напевность, но при звучании этой мелодии Мураш вёл себя крайне возбужденно. При её исполнении у него даже слёзы катились из глаз.

Грибов тем летом уродилось на славу. С пустой корзиной никто не возвращался из леса. Причём, синявки почти не брали, несли отборные красноголовики да боровики. Отпросились однажды за грибами Егорка, Васятка и Настя. Взяли с собой и Мураша. Впервые попав в лес, он с лаем, как угорелый, носился от одного к другому. Но вот его внимание привлёк какой-то шорох в кустах. Мураш, стремглав, бросился на звук и скрылся в густой листве. Увлечённые тихой охотой, дети не сразу заметили исчезновение друга.

– А я-то белый нашёл! – радовался Васятка.

– И я! – не отставал от него Егорка.

– А мне под одним деревом сразу три красноголовика попались! – хвасталась Настя.

Когда все сошлись вместе, почти одновременно спросили друг друга: «А где Мураш?».

– Мураш! Мураш! Мураш! – в голос закричали дети. Прислушались. Никого.

Они вернулись на поляну, где, как им показалось, видели Мураша в последний раз. И там никого не было. Они снова устремились в чащу леса, продолжая кричать и свистеть. Мураш не появлялся. Егорка с Васей даже на берёзу залезли, оттуда сверху высматривали и звали собаку. Безрезультатно. Все знакомые урочища и лога исходили дети, но Мураша нигде не обнаружили. Усталые, полуголодные, до слёз огорчённые потерей друга, они возвратились домой.

Отец, узнав о пропаже любимца, успокоил ребят:

– Подождём до утра. Ни одна собака в лесу не заплутает. Найдёт дорогу и наш Мураш, если с ним ничего не случилось...

Но то ли от первого знакомства с тайгой в Мураше проснулся зов диких предков, и он, почуяв волю, добровольно остался в лесу. То ли, увлёкшись погоней за дичью, так далеко убёг, что по неопытности не нашёл дорогу к дому или забрёл в соседнюю деревушку. То ли пал от клыков при встрече с другим, более сильным зверем, во что никому не хотелось верить. Но, так или иначе, Мураш не появился и к утру.

– Папа, пойдём с нами искать Мураша, – едва проснувшись, со слезами на глазах пристала к отцу Настя.

Её горячо поддержали и братья.

– Пойдём, папа. И возьми с собой гармошку. Может быть,

он услышит её и прибежит к нам, – первым догадался Егорка.

– Да вы что? Сенокос в разгаре. Какая тут гармошка?

Но они так настойчиво умоляли отца, что тот, наконец, сдался:

– Ладно, только до гаража схожу. У механика отпрошусь.

Механик Петрович, тот самый, что подарил щенка, поворчал для порядка:

– Такая погода стоит. Сено пересыхает. А ты в лес, собачку искать. Ну ладно, – смягчился Петрович. – Ступай. За тебя сегодня Николай поработает. Трактор его уже на ходу, отремонтировали. А из Мураша, кстати, дельный пёс выйдет. Так что без него не возвращайся.

Наскоро перекусив, Егорка, Вася, Настя и отец с гармонью под мышкой, вышли за околицу деревни. Зайдя в лес, дети, перебивая друг друга, хором закричали:

– Мураш! Мураш! Мураш!

В ответ тишина. Только от лёгкого ветерка на осине шелестели листья. Да где-то невдалеке журчал лесной ручеёк.

– Папа, давай музыку, – тронул отца за рукав Васятка.

Отец развернул тальянку и заиграл «На сопках Манчжурии». Правда, на сей раз не было в этой, присущей для вальса мелодии, широты, величия и торжественности. Скорее грусть и тревога. Так, с музыкой, прерываемой в минуты затишья ребячьими криками и свистом, дали они по лесу добрый крюк, прочёсывая самые глухие отдалённые уголки. Мураш так и не подал голоса. Только однажды на просеке на звук гармони с почти полной корзиной грибов вышел ещё довольно крепкий старик Трофимыч, в прошлом деревенский кузнец.

– Ты что, Степаныч, никак задумал грибы в пляс пустить, чтобы они тебе сами в лукошко прыгали? – хитро сощурился старик.

А вникнув в суть дела, дед пустился в рассуждения:

– Ежели он домой не возвернулся, поди уж и в живых нет. Либо приглядел кто, увёл с собой. А что? Шапку-то из него ладную можно сробить. Ну, будя, будя! Не шемутитесь. Я ведь так, к слову. Увижу пса, дам знак. Подсоблю, ежели что…

До полудня бродили по тайге отец и дети в поисках Мураша. Ни Настя, ни Егорка с Васей ни разу не пожаловались отцу на жару и усталость. Казалось, отчаянье вот-вот одолеет их, но они крепились, не подавали виду, по-детски надеясь на чудо. Выйдя на крутой берег лесной речушки, отец глянул на измождённых, покусанных оводом ребятишек:

– Давайте-ка отдохнем здесь немного. Водицы испьём, ополоснемся.

Егорка с Васей побежали к речке. Отец положил гармонь на траву, и, усевшись на пенёк, полез в карман за куревом.

– Папа, подожди! – всполошилась вдруг Настя. – Ты же сегодня ещё не играл любимую песню Мураша про рябинушку. Ну, попробуй! Только погромче.

Отец не верил в чудеса, но дочка с такой мольбой смотрела на него, что он так и не прикурив, задул зажжённую спичку и потянулся к гармони. Над рекой разлилась пронзительно-чарующая мелодия русской песни. И вдруг! В промежутках между куплетами, когда гармонь на мгновенье затихнув, набирала воздуха для припева, раздалось приглушенное, до боли знакомое «У-у-у!».

– Он! Мураш! Живой! Вон там он! – Настя скатилась с обрыва и берегом, вверх по течению, помчалась к ивовым зарослям.

За ней побежали и остальные. Метрах в двухстах от того обрыва и нашли Мураша, который увидев их, рванулся, было к ним навстречу, но обессиленный упал на траву, словно его что-то держало. Этим «что-то» оказался капкан. В него угодил Мураш левой задней лапой. От места, где лежал Мураш, до самой воды по траве тянулся засохший кровавый след... Отец ножом раздвинул заржавевшие жёсткие пластины, освободив беднягу от мёртвой хватки стального изобретения человека. Оторвав подол нательной рубахи, он перевязал перебитую лапу Мураша. А тот, преданно глядя на освободителей, всё пытался лизнуть в лицо и Настю, которая гладила его по спине, и склонившихся над ним Егорку с Васей.

Отец с капканом в руке подошёл к воде, внимательно осмотрел заводинку. «Здесь на мели и стоял капкан. На бобра или ондатру – кто попадёт – ставили, – догадался отец. – Но зачем же волчий-то? Вот изверги!» Он с трудом удержался, чтобы не сматериться вслух. Закопав поглубже капкан, отец зачерпнул кепкой воды и, стараясь не расплескать, понёс Мурашу.

– Пей, Мурашик, пей, дорогой. Да поправляйся скорей. Мы ещё споём с тобой. Пей, водичка хорошая, ключевая, – Настенька продолжала ласкать любимца семьи, который жадно набросился на воду.

Затем отец бережно взял Мураша на руки, и они зашагали к обрыву, где у пенька на полувздохе замерла в ожидании гармонь...

Наталия ГУМЕРОВА

ОБМАНЧИВОГО СОЛНЫШКА ПРИВЕТЫ

* * *

Ах, как же птицы заливались
В едва проснувшемся лесу…
Травинки робко оживали,
Щекоча свежестью в носу.

И мы, как маленькие дети,
Скрываясь в зелени кустов,
Делились мыслями о лете,
О буйстве красок и цветов.

Летели робкие признанья,
Объятья были горячи,
И лес томился в ожиданье,
Глотая первые лучи.

Лучи изменчивого мая…
А нынче – новая весна.
Но, сердце с грустью понимает:
Ты не один… Я не одна…

* * *

Сообщила капелью погода:
В спящий мир возвратилась весна!
Оживай, просыпайся, природа,
Выходи из глубокого сна

Улыбнись восходящему свету
Напоследок, слегка потянись…
Вешний дождь, омывая планету,
Каждой ветке шепнул: «Возродись…»

Наталия Евгеньевна ГУМЕРОВА родилась 30 января 1973 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994). Работала в управлении «Подземметаллзащита». Увлекается декоративно-прикладным искусством: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» при Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в т. ч. Пермского краевого – им. А. Решетова (2011). Публиковалась в различных сборниках и альманахах, в т. ч. «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Когда приходит вдохновенье» (2006), «Я нарисую бесконечность» (2008), «Туда, где царствует любовь» (2016). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2016). Живёт в городе Перми.

Возродись, хватит нежить седины!
Отпусти седовласую хмарь!
Вместо зимней унылой картины
Водоструйный играется март.

А за мартом – апрель волоокий
Горицветом пройдёт по холмам
Возродись, хватит спать, лежебока!
Возвращайся красавицей к нам…

* * *

Рыдает небо по зиме:
«Прощай… Прощай, метельная…
Прости, подруга, слёзы мне.
На то – судьба, наверное…»

Судьба. И я её приму,
И отпущу ушедшее…
И ту «горячую» зиму,
То время сумасшедшее.

А с этим временем – его…
Его объятья краткие.
«Прощай…» И больше ничего,
Лишь соль слезы украдкою…

* * *

Я очень жалую весну,
Но осень, всё-таки, дороже.
Наверно, это потому,
Что с нею я душою схожа…

Рябин багровые уста,
Осин рыжеющие косы,
Заколдовали навсегда
Мои девические грёзы.

Возьму каштановую прядь
И причешу, и приласкаю…
Осенних красок благодать
В крылатых рифмах расплескаю.

И вдохновенья терпкий мёд
Запью горячим травным чаем…
Весна по городу идёт,
А я – по осени скучаю…

* * *

Мы все когда-нибудь уйдём
Уйдём, чтоб снова возродиться…
Так оживает вешним днём
От сна холодного землица,

Так прорывается росток
Травинкой тонкою на волю.
Увы, у каждого свой срок,
Свой путь, своя на свете доля…

Но, распускается бутон,
Корнями втягивая влагу –
Неукоснительный закон,
Вселенной созданная сага.

Повествование о том,
Что в мире всё не односложно.
И мы, когда-нибудь, уйдём,
Но возрождение возможно!

* * *

День рождения поэта.
На дворе апрель шалит.
На душе палитрой цвета
Луч поэзии разлит.
И бегут по мыслям строки,
Собираются в стихи,
Мыслью светлой и глубокой,
То – игривы, то – тихи…
Это Решетов Алёша
С недоступной высоты
Улыбается прохожим…
С ним сегодня мы на «ты».
Жаль, обнять его, как друга,
Не могу – так далеки…
Лишь врываются без стука
В душу вечные стихи…

ВЕТЕР

Разгулялся ветер буйный, распоясался.
Дескать, каждого продую, кто не спрятался…

Подбоченился, взмахнул кудлатой гривою,
Да как дунет на синичку нерадивую.

И вприпляску, по посёлку стародавнему…
То кусты ломает, то играет ставнями.

Расшумелся, разревелся, раззадорился…
Может с вьюгою метельною поссорился?

Или чем-то, одичалого, обидели?
Ну, а вы его обидчика не видели?..

* * *

Н. Домовитову

Лишь забудусь на мгновенье,
На кушетке прикорну,
А его стихотворенья
Надрывают тишину…
То заслышу, как пехота,
Несмотря на боль и страх,
Бьёт врага из пулемёта,
С диким криком на устах…
То увижу незабудки,
Что на бруствере цветут.
От лихой солдатской шутки
Улыбаюсь в пустоту…
Вижу томные рассветы,
Чистый Свешников родник
И счастливые моменты,
И любви пречистый лик.
Свод речного краснотала,
И ромашку в летний зной,
Словно всё, что прочитала,
Было именно со мной.

МАЙ

Цветущий май… Волшебная картина:
Заворожённый яблоневый сад.
Где на ветвях, узорным палантином,
Гирлянды небывалые висят

Из миллиона цветиков воздушных…
Принарядилась Матушка-Земля!
Раздольный Май, ты лечишь мою душу…
Я словно за штурвалом корабля,

На палубе небесного ковчега…
А подо мной – цветущая земля…
И слышно, как волнуются у брега
Святые травянистые поля…

БОЖЬЯ ВОЛЯ

Ну что, Га-Ноцри, добрый человек
Твою судьбу предательством отметил?
Ответишь: «Да?..» Ну, что за дикий век?..
А ты, пророк, остался добр и светел…

Для вора – милость, для святого – смерть…
Но смерть, в итоге, стала очищеньем.
Иешуа, пожалуйста, ответь,
Как научиться жить без сожаленья?

Как научиться верить и прощать,
Забыть обиды, ссоры и измены,
Не зарекаться, зря не обещать,
Быть праведным, открытым и смиренным?..

Иисус ли ты, иль ангел воплоти,
А путь один у каждого пророка –
Свой тяжкий крест достойно пронести,
Приняв, как есть, святую волю Бога…

* * *

Я живу, я дышу… Разве этого мало?
Почему же опять на душе пустота…
Вот забросить бы всё, возвратиться в начало,
В те далёкие, в те заревые года…
В те года, где средь зарослей жёлтых акаций,
Легковерной девчушкой мечтала о том,
Чтобы с детством, как можно скорее, расстаться,
Повзрослеть и покинуть родительский дом…

Я бы этой наивной девчонке сказала:
«Погоди… Пролетят босоногие дни…
Повзрослеешь, решишь воротиться в начало,
Но бесследно рассеются детства огни…»

Я живу, я дышу… Разве этого мало?
За плечами – карьера, работа, семья…
Только чаще мечтаю вернуться в начало,
В тот родительский дом… В дом, где выросла я…

Леонид ГРИБЕЛЬ

УЛИЦЫ СТАРОЙ ПЕРМИ

О, улицы старой Перми,
Сейчас вас осталось так мало!
Прими меня, город, прими
В свои переулки, кварталы!

Каким ты был в сумраке лет,
Тот город, парящий над Камой?
Ищу твой исчезнувший след,

А всюду рекламы… рекламы…
И где-то у самой реки,
Где сумерек звёздных дрожанье,
Гуляют мои пермяки –
Родные мои горожане.

Когда-то здесь хриплым гудком
Будили причал пароходы,
И грузчики шли босиком,
Владельцы считали доходы.

Таёжный затерянный край
Хранил свою бытность веками;
Гудел над водой Разгуляй
Трактирами и кабаками.

Последние избы теперь
Здесь участи ждут одиноко
И смотрят на новую Пермь
Пустыми глазницами окон…

Леонид Валентинович ГРИБЕЛЬ родился 27 декабря 1945 года в городе Чусовом Молотовской области /Пермский край. Учился в школе N 75, школе рабочей молодёжи N 20, профессионально-техническое училище N 9. Окончил физический факультет Пермского государственного университета (1974). Творческой деятельностью занимается с 13 лет. Автор поэтических сборников «Странник» (1999) и «Линия горизонта» (2007). Литературный сотрудник Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2015 года. Живёт в городе Перми.

Разночтения

Олег ЧЕРНЯК

СТРАШНЫЙ СОН. Рассказы

ШАХМАТИСТ

Рекламная вывеска над металлическими дверями мигала умирающими огнями. Свет от угасающих неоновых трубок, выгнутых в слово «БАР», сиреневыми бликами осыпал посетителей этого питейного заведения. К середине девяностых годов такие рюмочные часто открывались в продуктовых магазинах и были, как близняшки, похожи друг на друга внутри.

Длинная барная стойка и высокие прямоугольные столы, оклеенные пластиком под красное дерево, на стенах несколько плакатов с полуголыми красотками и тусклый жёлтый светильник над служебным входом. Но убогость интерьера не интересовала завсегдатаев бара, жители соседних домов приходили сюда пить. Полумрак помещения и мелодии шансона располагали к задушевным беседам о личной жизни, судьбе и политике. Все места за столами были негласно распределены. В самом тёмном углу собирались местные хулиганы и жулики, готовые в любой момент при появлении милиции ускользнуть через служебный вход в магазин и затеряться в его просторах. Ни один чужак, случайно зашедший выпить, не оставался без их внимания. У него непременно пытались вытащить кошелёк, а если не получалось, то виртуозно заманивали в карточную игру и при любом варианте случайный гость выходил из бара без наличных, а иногда без верхней одежды и обуви. За другими столами открывались настоящие дискуссионные клубы по интересам. Иногда, когда аргументы заканчивались, жаркие споры переходили в незлобную драку, которую моментально прекращал выходящий из-за стойки бармен Серёга. Его все уважали и побаивались не только потому, что он был бывшим боксёром, а из-за того, что только бармен решал налить или не налить, дать взаймы или нет. Учитывая, что в то время зарплату постоянно задерживали, а выпивать хотелось каждый день, то можно сказать, что Серёга умело манипулировал большинством своих клиентов.

Первого марта девяносто пятого года бар был полон. Всеми обсуждалась одна тема – убийство известного журналиста Влада Листьева. Стрельба на улице в то смутное время уже никого не удивляла, но смерть ведущего любимой Серёгиной передачи «Поле чудес» временно сплотила посетителей бара не столько горечью утраты, сколько щедростью скорбящей души бармена. Он выставил

Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976 году окончил восемь классов физико-математической школы N 9, поступил в Пермский строительный техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Работал на промышленных предприятиях города Перми. С 2004 года перешел на работу в систему образования, в настоящее время – директор МАОУ «Центр образования города Перми». Автор сборника рассказов «Птица вольная», выпущенного пермским издательством «ОТ и ДО». Литературный сотрудник Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России. Живёт в городе Перми.

на каждый стол по бутылке водки за счёт заведения и, вытирая слёзы, пил со всеми за упокой души ушедшего кумира.

Печальный процесс прервал резкий скрип пружины открывающейся входной двери. В зал вошёл невысокий тощий мужичок неопределённого возраста. Потрёпанная шуба из искусственного меха и надвинутая на брови чёрная вязаная шапка, ботинки с белыми верёвками вместо шнурков ясно показывали, что сейчас у него не лучший период жизни. Новый посетитель держал в руках вытертую шахматную доску и был похож на доброго домовёнка, которого почему-то выгнали из жилища.

Осмотревшись вокруг, «домовёнок» громко сказал: «Я категорически приветствую всю достопочтимую публику!» И, подойдя к Серёге, продолжил: «Разрешите, милостивый государь, выпить в вашем уютном заведении пару фунфыриков, приобретённых мной в соседней аптеке? Если да, то не могли бы вы дать мне бутерброд, за который я расплачусь в ближайшие часы».

Все собравшиеся в баре с удивлением смотрели на необычного посетителя. Даже Серёга, повидавший за многие годы работы разных чудиков, слегка опешил. Он взял со стойки бутерброд с килькой и, протянув мужичку, спросил: «А водочки не желаете? Я угощаю!». «Благодарю вас, любезный, – ответил тот. – Не буду отказываться от даров, с удовольствием выпью». Мужичок поднял стакан до краёв наполненный водкойи большими глотками опустошил его. «Итак, господа, меня зовут Вова, – сказал он, понюхав бутерброд. – Кто желает сыграть со мной под интерес незатейливую партейку в шахматы? Ставлю на кон бутылку водки, но кто проиграет, отдает мне её денежный эквивалент». Посетители, вспоминая, что такое эквивалент, молча наблюдали за происходящим. Вова обратился к вышедшей из подсобки уборщице Фае. «Мадмуазель!– сказал он, разглядывая огромный синяк под её глазом. – И хотя я вижу, что ваша жизнь ещё хуже моей, не могли бы вы удалить мусор с этого стола. Сейчас тут начнётся игра». Фая мгновенно убрала стаканы и смахнула крошки вонючей тряпкой. Первым проиграл Серёга, слегка покачиваясь, он вытащил из кармана мятую купюру и протянул её победителю. «Положите на стол, уважаемый,– сказал Вова. – И, по-моему, вы забыли вычесть за бутерброд».

У стола уже собирались желающие сразиться с пьяненьким шахматистом. Через три часа Вова обыграл всех. Перед ним на столе лежала приличная пачка денег. Он разгладил купюры, половину аккуратно сложил в карман, а остальные кинул на барную стойку. «Уважаемый! – обратился Вова к Серёге.– Будьте любезны, налейте на эти деньги водки всем присутствующим и не забудьте вычесть за бутерброд. А мне на сегодня хватит, и я вынужден вас покинуть. Если позволите, завтра я снова посещу это милое заведение». Он театрально раскланялся и вышел из бара.

С того дня Вова стал постоянным посетителем этого места. Он приходил к открытию, расставлял шахматы и шёл в аптеку за любимой настойкой боярышника. Слух о каком-то странном шахматисте распространился по всему району. В бар стали наведываться солидные люди, любители шахмат, но и они уходили полностью проигравшись. Когда один из чужаков попытался сжульничать, воспользовавшись Вовиной дремотой, его сразу наказали очевидцы с углового

стола. Побитый спасся бегством, правда, без часов и кошелька.

Шахматиста любили все. Несмотря на жизненные передряги, о которых он никогда не рассказывал, Вова постоянно улыбался беззубым ртом, не повышал голос, не ввязывался в драки, всегда пребывал в состоянии удивительного спокойствия. Молодая уборщица Фая называла его папой и жаловалась на мужа-тирана, который напивался и колотил её каждый день. Вова подолгу слушал её и гладил по голове. Лицо его в этот момент становилось серьёзным, а глаза наполнялись волчьей яростью. «Хочешь, я его убью?»– спросил он Фаю. Она замотала головой и с испугом сказала: «Нельзя, тебя посадят, да и здоровый он, не справишься». Вова только усмехнулся в ответ.

После долгих уговоров Вова рассказал Серёге с Фаей историю своей жизни, вытащив из кармана замотанные в полиэтиленовые пакеты фотографии.

Оказалось, что ему всего пятьдесят семь лет. Родился Вова в Москве, там же окончил театральный институт и по распределению уехал работать в провинциальный театр. Талантливый актёр играл все главные роли, он быстро женился на молодой актрисе, служившей в этом же театре. Через три года его заметил известный режиссёр, приехавший на гастроли в глубинку со своим театром, и предложил перебраться в Ленинград. Окрылённый, Вова помчался в театр сообщить жене радостную новость. Он застал её в костюмерной в объятиях тихого портного,которого все считали голубым. Обезумев от ревности, обманутый муж схватил большие ножницы и убил обоих. Поняв, что натворил, сам пришёл в милицию и написал явку с повинной. Дело передали пожилому следователю, который только что развёлся с женой, застукав её с молодым любовником. Он как никто, понимал Вову и очень старался ему помочь, провёл массу экспертиз и даже возил обвиняемого в институт Сербского, пытаясь доказать его невменяемость. Все усилия были напрасны, врачи не нашли никаких отклонений кроме кратковременного эмоционального возбуждения в момент убийства.

Суд хотел назначить высшую меру, но, учитывая состояние аффекта, дали пятнадцать лет строгого режима, и Вова был этапирован в город Соликамск. В зоне он серьёзно увлёкся шахматами, перечитал все библиотечные книги о великих гроссмейстерах и постоянно играл, нарабатывая опыт. До освобождения оставался год, когда в отряде вспыхнул бунт. Выход был один – или присоединиться ко всем, или умереть от ножа. И он выбрал жизнь. Ничего не добившись от начальства лагеря, протестанты набросились на охрану. Многих заключённых тогда застрелили при попытке к бегству, но Вову смерть обошла стороной. После долгих разбирательств, ему добавили ещё семь лет, пять из которых он отсидел в одиночной камере. Эти долгие годы, чтобы не сойти с ума, он изучал книги по шахматам, выстраивал в голове возможные комбинации нападения и защиты. И вскоре освоил все этапы игры, знал классификации дебютов, изучил атаки, контратаки и позиционное маневрирование в миттельшпиле, чётко представлял, что делать, когда игра переходит в эндшпиль.

После освобождения Вова мотался по ближайшим деревням, зарабатывая чем придётся, но так и не смог нигде прижиться. Год назад приехал сюда и пока живёт в подвале, разделяя незаконно занятую жилплощадь с двумя такими же бродягами. «Работать я уже

не могу, – сказал Вова.– Если дотяну до пенсии – хорошо, а там видно будет». Серёга и Фая с интересом рассматривали фотографии, которые подтверждали счастливые моменты жизни шахматиста. Со снимков смотрел улыбающийся Вова в сценических костюмах рядом с великими актерами той поры. Фая плакала, Серёга пил.

Однообразная жизнь бара вошла в свою колею. К шахматисту уже все привыкли и волновались, если он куда-нибудь ненадолго исчезал, как сам говорил, по личным незначительным делишкам. Постоянные клиенты приносили ему разную одежду и обувь, а Серёга иногда, когда директор магазина уходил рано, разрешал остаться в баре ночевать. Вова стал живым талисманом зала, настоящим домовым.

Незаметно наступила зима. Двадцатого декабря Вова праздновал день рождения. На выигранные деньги он накрыл стол и угощал всех знакомых. Хулиганы подарили имениннику хорошую турецкую дублёнку и норковую шапку. Всё это было украдено на центральном рынке у зазевавшихся торговцев. Под всеобщие крики Вова,смущаясь, демонстрировал обновки, которые сразу надел, а старую шубу торжественно вынес на улицу и положил у входа в бар вместо тряпки.

Веселье продолжалось. Фая вышла в магазин через служебный вход. Серёга отправил её за колбасой для бутербродов, которые сегодня быстро заканчивались. Через секунды из-за двери раздался грохот и дикий крик Фаи:»Помогите! Помогите!» Вбежавшие в подсобку люди увидели лежащую на полу уборщицу с разбитым лицом и здорового парня, её мужа, пинавшего Фаю в живот. «Всем стоять», – крикнул Вова. Он взмахнул рукой, и все заметили, как из рукава вылетает заточенный металлический прут. Шахматист резко подхватил его и приставил к горлу оторопевшего обидчика. «Послушай меня, выродок!– прохрипел Вова.– Если ещё раз узнаю, что ты ударил Фаю, я тебя убью». По искорёженному злостью лицу было понятно, что он не шутил.

Через пару дней произошло ещё одно событие, всколыхнувшее бар. Днём к питейному заведению подъехали два мерседеса «Гелендваген». Из них выскочили крепкие ребята и вежливо попросили всех кроме шахматиста покинуть помещение. В зал вошёл хорошо одетый пожилой мужчина с резной тростью, он положил на стол сто долларов и сказал Вове: «Твои белые, ходи!» Партия длилась около двух часов и закончилась патовой ситуацией, соперники были вынуждены признать ничью. Потом мужчина что-то долго говорил Вове, а тот в ответ молча кивал, в конце беседы они пожали друг другу руки, и незнакомец направился к выходу. «Деньги забыли забрать», – крикнул Вова, но мужчина уже вышел из бара.

Вечером Вова рассказал друзьям, что в жизни грядут большие перемены. Тридцать первого декабря в два часа дня за ним приедут, а с нового года он будет играть на закрытых турнирах и зарабатывать большие деньги. Новый покровитель обещал достойную жизнь, которую заслуживает хороший шахматист. И все снова пили за Вовину удачу.

Тридцатого декабря резко похолодало. Посетителей в баре не было, все готовились к встрече Нового года. Серёга сидел за стойкой, пил пиво и думал о Вове. Как иногда несправедливо жизнь закручивает людей. Может, уехав тогда из провинциального театра, стал бы шахматист великим артистом и не прошёл бы все испытания,

сыпавшиеся на его голову. Хотелось, чтобы в этот раз повезло, если он талант, значит, должен пробиться наверх. «Закрою я сегодня лавочку, – решил Серега. – Народу всё равно будет мало, шахматист придёт только завтра. Что сидеть без выручки?» Обмотав лицо шарфом, он вышел на улицу, закрыл бар и пошёл домой.

У Фаи весь день было радостное предчувствие – может быть приближающийся праздник давал надежду на перемены.

Сегодня директор устроил укороченный день и повёл всех продавцов в ресторан по случаю Нового года. Фая попрощалась со сторожем и вышла на улицу, ледяной ветер обжёг лицо колючими снежинками. У входа в магазин стоял пьяный Вова. «Фая!– сказал он. – Пусти в бар переночевать, я с соседями по подвалу поругался, и они меня выгнали». «У меня нет ключей, и Серёга давно ушёл, – ответила Фая. – Я сейчас прибегу домой и позвоню ему, что-нибудь придумаем. Ты иди к бару и жди там».

Фая зашла в квартиру и не сразу поняла, что произошло. Квартира блестела чистотой после недавней уборки. Её муж абсолютно трезвый, в белой рубашке, встречал у порога. Он помог снять пальто и заботливо поинтересовался:

– Замёрзла? По телевизору сказали, что на улице минус тридцать четыре.

– Что с тобой?– с удивлением спросила Фая.– Ты заболел?

– Нет, Фаечка. Я закодировался и больше никогда не буду пить.

Он подхватил Фаю на руки, как маленького ребёнка. «Подожди,– пробормотала она в растерянности. – Мне надо позвонить». Но муж поцелуем закрыл ей рот и унес в спальню.

Фая проснулась и посмотрела на часы.

«Пять утра! Ужас! А Вова?! Я совсем забыла про него! – мысли кружили голову.– Да ладно, пересидел одну ночь в подъезде, не впервой». И она снова закрыла глаза.

…Серёга подходил к бару. «Сколько снега намело за ночь, – подумал он.– Надо алкаша найти, чтобы от входа сугроб убрал и лёд со ступенек сбил».

Но, подойдя ближе, он в ужасе замер. «Не может быть! Нет!»– закричал он.

У дверей бара сидел засыпанный снегом, навечно замёрший Вова, окоченевшими руками он прижимал к груди шахматную доску.

Серёга наклонился и смахнул замёршие слезинки с холодного улыбающегося лица.

Неоновая вывеска ярко вспыхнула и погасла навсегда.

СТРАШНЫЙ СОН

Яркий свет ламп, растекаясь по подвескам хрустальной люстры, залил радужными бликами огромную гостиную. Коричневое кресло из крокодиловой кожи нежно поскрипывало, любовно обхватив сидящего в нём Сяву. Он выглядел как всегда великолепно, но именно сегодня для подчёркивания важности события по рекомендации жены Зинаиды добавил несколько дорогих аксессуаров. Надел часы «Chopard»в бриллиантовом корпусе, общим весом 67 карат; манжеты голубой шёлковой рубашки украшали запонки из сапфира,

закреплённого тонкими лапками в платиновое обрамление. И очки! Шикарные очки, выполненные по его заказу. Дымчатые фотохромные итальянские линзы, менявшие окраску в зависимости от температуры и освещённости, были прочно вмонтированы в массивную оправу из панциря черепахи, которую он сам поймал в Мозамбике.

Не веря в приметы и в очередной раз наплевав на предрассудки, решил праздновать сорокалетний день рождения. Сервировка стола подходила к концу. Две темнокожие служанки, грациозно покачиваясь на длинных ногах, заносили в комнату, наполненные едой, большущие расписные тарелки из китайского фарфора времён правления императора Канси.

Наблюдая за происходящим, Сява прибывал на верху блаженства. Взглянув на прислугу, он вспомнил, как два года назад летал в ЮАР охотиться на антилоп, но что-то не заладилось, и чтобы не возвращаться с пустыми руками, в качестве трофея пришлось привезти в Россию чудесных молодых близняшек. Девушки были признательны новому хозяину за то, что он не только вытащил их из нищеты и обучил русскому языку, но выдал замуж за садовника и водителя. Служанки с радостью потакали всем причудам хозяина. Сегодня он нарядил их в новую униформу. По сути не одел, а раздел – они ходили по дому в туфлях на высоких каблуках, в белых коротких фартуках, ажурных чулках и малюсеньких трусиках-стрингах. Босс жадно пялился на их упругие ягодицы, а девчонки, перехватывая его взгляд и улыбаясь, придавали своей походке изящество поступи молодых чёрных пантер.

Сява взял с журнального стола, стоящего рядом с креслом, небольшую коробку ручной работы из жёлтой слоновой кости. Открыл крышку и, зажмурившись, с наслаждением втянул запах сигар «Gurkha Black Dragon», лежавших внутри. Вытащив одну, аккуратно обрезал стальной гильотиной закруглённую шляпку и начал с упоением втягивать аромат. Этот ритуал приносил такое же удовольствие, как и сам процесс курения.

«По-другому нельзя, – подумал он. – Сигара стоимостью более тысячи долларов за штуку требует индивидуального подхода».

Нежный огонёк спички лизнул табачный лист, и воздух гостиной наполнился благоуханием терпкого ореха, смешанного с мускусом.

Хозяин тихонько присвистнул. На знакомый звук весёлым тявканьем откликнулась собака, дремавшая в углу. Роскошная афганская борзая встрепенулась, подбежала и положила острую мордочку на его светло-коричневые туфли, украшенные золотыми пряжками в виде голов дракона.

«Как прекрасна жизнь! – думал хозяин, посасывая сигару. – Мне сорок лет, и у меня есть всё, о чём можно мечтать. Здоровье, деньги, жена. Что ещё нужно для счастья?»

Сява никогда не разделял мнение друзей о том, что для настоящего счастья нужна любовь, как говорится, «с милым рай в шалаше». Зачем? Он взял и просто купил себе жену, зная, что никаких чувств она к нему не испытывает и кроме денег ей ничего не надо. Он окружил Зинаиду такой роскошью, что она готова, как этот пёсик, лежать у него на туфлях и делать всё, что он пожелает. В случае

развода ей не останется ничего, а что будет после его смерти, уже не важно. Виртуозно составленный лучшими юристами брачный контракт тридцатью страницами текста связал Зинаиду и стер из её головы даже мысли о мыслях о том, чтобы какими-нибудь методами ускорить уход мужа в мир иной.

«Хозяин! Мы закончили, – сказала, широко улыбаясь, африканская красотка. – Когда гости рассядутся, вынесем ещё несколько блюд. Пойдёте проверять?»

«Конечно!» – ответил Сява, осторожно вытаскивая ногу из-под морды дремавшей собаки. Он бросил докуренную сигару в хрустальную пепельницу с серебряным ободком и пошёл за девушкой, поглаживая её по спине.

На разделочном столе блестящей нержавейкой кухни стояли серебряные блюда. На одном – высунув малюсенький язычок, нагло дразнился румяный фаршированный поросёнок, покрытый коричневой корочкой, с красными вишенками на ушах. На другом – замаринованный в красном вине и овощах копчёный кабаний бок, украшенный зеленью и рубиновыми зёрнами граната. На третьем разместились запечённые целиком куропатки, окруженные пенёчками из теста, кедровыми орехами и корзинками с перепелиными яйцами.

Утвердительно покачав головой, хозяин цокнул языком и воскликнул, повернувшись к вытянувшимся по струнке поварам в высоких колпаках: «Превосходно! Молодцы! Пойду посмотрю, как накрыли в зале».

Он вернулся в гостиную и стал обходить накрытый бледно-розовой скатертью дубовый стол. Чего тут только не было! Нарезки из красной и белой рыбы, камчатские крабы, красная и чёрная икра, тарелки с французскими и греческими сырами, салаты из свежих овощей. Небольшие пирожки с мясом. Мармелад из баклажанов, сладкого перца и кабачков, оленина с апельсинами. Мясное ассорти манило чесночным запахом заливки. Рядом на стеклянном столике с бронзовой отделкой стояли редкие спиртные напитки, доставленные хозяину с разных концов света.

Сява посмотрел на часы. «А где же Зинаида? – подумал он. – Через пятнадцать-двадцать минут начнут гости подъезжать, а её нет. Ушла переодеться и уже часа три не выходит. Может, заснула? Пойду посмотрю». Опираясь на массивные перила из карельской берёзы, он быстро поднялся по гранитным ступеням лестницы на второй этаж и, пройдя по коридору, тихонько приоткрыл дверь спальни. Раздетая Зинаида лежала на чёрной шёлковой простыне и спала. Одна рука прикрывала грудь, другая лежала на животе, казалось, что женщина защищается от чужого взгляда. При тусклом свете желтой луны, пробивающимся через тюль, она была похожа на ожившую статуэтку из прекрасного мрамора, высеченную острым резцом великого Микеланджело.

Сява открыл дверь шире и застыл. Рядом с женой, уткнувшись лицом в подушку, тихо посапывая лежал голый мужчина.

Мысли громко застучали в висках. «Как такое может быть? – кружилось в голове. – Ну не любишь, чёрт с ним! Но устроить такое в моём доме!» Он взглянул на коллекцию холодного оружия, развешанную на персидском ковре. Неожиданно ногу охватил сильный

жар. Превозмогая боль, он выхватил из висящих на стене ножен стальной клинок и, хромая, подошёл к жене. Зинаида проснулась и, увидев мужа, закричала: «Приди в себя! Приди в себя!» Сквозь туман, заполнивший голову, он понимал, что жена трясёт его за ворот рубашки и откуда-то издалека до него доносился её голос: «Приди в себя! Приди в себя!»

Сердце билось со страшной силой, его удары, как кувалдой, разбивали тело изнутри, ступня ныла мучительной болью. Он открыл глаза. Перед ним стояла Зина. «Наконец-то! – выдохнула она. – Чуть сам не сгорел и картошку не сжёг, чертяка! Взгляни на подошву».

Сява огляделся, смахнул примёрзшие к бороде снежинки и посмотрел на ногу. Подошва, примотанная медной проволокой к старому рабочему ботинку, полностью обуглилась.

Он задумчиво замотал головой и вдруг неожиданно для себя вспомнил, как десять лет назад похоронил жену и начал пить. Потом выгнали с работы. В пьяном угаре за бесценок продал квартиру и стал бомжом. Хотел броситься под машину, но спасла незнакомая женщина Зина, такая же бездомная, как и он. С тех пор стали бродяжничать вместе. Суета улицы засосала по полной, и к нормальной жизни возвращаться не хотелось.

– В чём ходить-то будешь, зима только началась?– спросила Зина.

Он посмотрел на свою подругу. Замёрзшая, она стояла перед ним в изношенной нутриевой шубе с поднятым воротником, обвязанным мохеровым шарфом, её лоб и уши закрывала мужская кроличья шапка.

– Найду что-нибудь, не волнуйся, – ответил он.

– Давай мой руки, – сказала Зина, широко улыбаясь. – Пока ты тут воздушные ванны принимал, я стол накрыла. Будем твой день рождения праздновать, хотя говорят, что нельзя сорок отмечать. Но мы на это дело плюнем. У меня и подарок есть.

Сява поднялся с деревянного поддона, подтянул вверх рукава засаленного пуховика и начал оттирать руки обжигающе холодным снегом.

Потом он спустился по расколотым кирпичным ступеням в свой «дом». Отогнув грубую полиэтиленовую плёнку, защищавшую разбитую дверь подвала от зимних ветров, зашёл в жилище. При тусклом свете одинокой лампочки он увидел Зину. В красном свитере с заштопанными дырками она была очень привлекательна.

– Ну, давай,садись, – сказала подруга и плюхнулась на старый скрипучий диван без ножек.

Сява по-хозяйски оглядел стол, сделанный из сдвинутых вместе деревянных ящиков. На расстеленной свежей газете стояла бутылка водки и два пластиковых стакана. Одноразовые тарелки были наполнены разной едой. Чего тут только не было! И печёная картошка, и аккуратные, слегка пожелтевшие, кусочки селёдки. Нарезанный крупными кольцами лук блестел выступившим промёрзлым соком. Свежие, но очень мятые овощи, осыпанные капельками растаявшего снега. Копчёная, покрытая белым налётом колбаса манила острым запахом пищевых добавок.

– Ну, вот мой подарок, поздравляю! – сказала Зина и протянула ему новые тёплые шерстяные носки ручной работы.

Сява присел на край дивана и пробормотал:

– Спасибо, моя заботливая. Ну, что, начнём?

Он взял бутылку, посмотрел на Зину и спросил:

– Скажи! А ты меня любишь?

– Конечно, люблю! Я даже не представляю, как жила без тебя раньше, – нежно ответила она и поцеловала его в седую бороду.

Сява улыбнулся. Ему очень хотелось поскорее забыть приснившийся только что страшный сон.

Анна КОЛЧАНОВА

БЕЛЫЕ НОЧИ – НАВСЕГДА. Рассказы

ТАКИЕ РАЗНЫЕ «БЕЛЫЕ НОЧИ»

Белые ночи. Произнося эти слова, наполняешь душу волшебным ощущением чуда.

Правда, жители Заполярья, скорей всего, не согласятся с этим.

Несколько месяцев в году там царит полярная ночь, потом наступает двоевластие Солнца и Луны.

А на несколько месяцев в году бразды правления передаются полярному дню. Много лет назад мне повезло побывать в Мурманске.

Будучи человеком очень любознательным, задала таксисту, который вёз нас в аэропорт, мучавший меня вопрос: «Что тяжелее переносить, полярный день или полярную ночь?»

Почему-то я была почти уверена, что он ответит: «Полярную ночь переносить тяжелей».

Но я была неправа. Он дал мне противоположный ответ и обосновал этот ответ, объяснив, насколько тяжело несколько месяцев подряд терпеть проникающие повсюду, даже через плотные шторы на окнах, солнечные лучи.

На Западном Урале некоторое время ночи сужаются до небольшого промежутка, – тоже «белые ночи». Но, будем честными, «белые ночи» в том понимании, которое мы вкладываем в них, это всё-таки белые ночи Ленинграда (Петрограда, Санкт-Петербурга).

Только один раз мне повезло погулять по набережным Ленинграда; простите, привыкла так называть этот город на Неве. Мы встречали зарю, гуляли по Невскому проспекту. «Белые ночи» Ленинграда – это и на самом деле что-то волшебное, завораживающее. Именно тогда, гуляя по ночному городу, я поняла, что ленинградские белые ночи – это не только явление природы, это нечто большее, главное, разглядеть, почувствовать и сохранить это ощущение в душе.

ЧЁРНО-БЕЛОЕ КИНО

1970 год.

На Ленинградском телевидении снят телевизионный художественный фильм «Проводы белых ночей», по пьесе Веры Пановой.

Режиссёр – Юлиан Панич. В главной роли снялся артист Юрий Каморный.

Анна Григорьевна КОЛЧАНОВА родилась 16 марта 1957 года в городе Перми. Окончила Пермский государственный университет им. Горького – механо-математический факультет – в 1979 году. Работала научным сотрудником, инженером-программистом, преподавателем в пермских вузах. Автор нескольких книг, выпущенных пермским издательством «Богатырёв П.Г.». Публиковалась в газете «Пермский писатель». Является литературным сотрудником Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2015 года. Живёт в городе Перми.

Этот фильм, вроде бы, с простым сюжетом заставил меня, четырнадцатилетнюю, напичканную романтикой приключенческих книг, девчонку, глубоко задуматься.

В начале фильма действие разворачивается, как в романах.

Двое молодых людей влюбляются друг в друга. Ленинградские белые ночи нежными крыльями оберегают их любовь.

Молодой журналист Валерик обаятелен, талантлив.

Он дарит любимой белые ночи Ленинграда и прекрасную «песнь счастливой любви». Ночи напролёт они гуляют по светлому городу.

Казалось бы, ничего не предвещает грядущих горестей.

А потом… Потом я по-настоящему, до глубины души, испытывала сострадание к главной героине фильма, чью любовь безжалостно и равнодушно растоптали.

Вместе с ней я влюблена была в героя Юрия Каморного.

Его имя было – Валерик. В те годы имя «Валерик» стало именем нарицательным, как в своё время стало нарицательным имя «Альфонс».

Я тогда горела благородным гневом «как он мог…».

В конце фильма нам оставили надежду – друг Валерика, влюблённый в девятнадцатилетнюю наивную провинциальную девочку Нину, не оставил её – одну, в чужом городе, с чужим ребёнком.

Фильм закончился. Хороший, умный фильм.

Такие фильмы учат думать и надеяться на лучшее.

Прошло много лет.

И снова – Ленинград, точнее Санкт-Петербург в июне. Мы наслаждались прекрасными белым ночами. Звуки джаза доносились с набережной канала Грибоедова. Милая девочка у Казанского собора пела песни, подыгрывая себе на гитаре.

А вот и они….

То тут, то там гуляли по Невскому проспекту влюблённые.

Что будет с ними потом – кто знает. Но тогда они были счастливы…

СУДЬБА

Умница Цевехан[1] родился и вырос в одном из аулов, что расположились в горах Дагестана.

В школе была хорошая учительница английского языка. Цевехан был её любимым учеником. Он налету схватывал то, чему она учила его и одноклассников.

Родители гордились сыном; ему прочили хорошее будущее.

Окончив школу, Цевехан отслужил положенные два года в армии, а после демобилизации вернулся в родной аул, женился на хорошей девушке.

Вроде бы, чего ему ещё желать?

А всё тянуло куда-то, неспокойно было на душе у молодого аварца.

В один прекрасный день собрался Цевехан в дорогу, решил поехать в город Ленинград, поступать в педагогический институт.

[1] Цевехан означает «предводитель, вожак».

Хотел он, как и его любимая учительница, учить ребятишек английскому языку.

Ленинград встретил его по-дружески. В институт он поступил, хоть по-русски даже говорил с ошибками, но английский знал прекрасно.

Окунулся парень в жизнь Ленинграда. Учился старательно, но не пропускал премьеры в театрах северной столицы. На занятиях «схватывал всё на лету».

Дома ждали родители и молодая жена. Но Цевехан не собирался возвращаться туда. Тем более что поразила его воображение русоволосая ленинградка – Маша.

Она училась с ним в одном институте, на курс младше. Хотела стать учительницей русского языка.

Родители Маши, коренные ленинградцы, воспитали её скромной, интеллигентной девушкой.

Цевехан и Маша были красивой парой. В родном ауле первая жена Цевехана жила с его родителями и уже не ждала молодого мужа.

Цевехан получил место преподавателя английского языка в городе Энске.

Молодым – всё по плечу, всё у них ладится, особенно если в доме – любовь и уважение.

Радовала их и маленькая дочка – Меседу[1]. Внешне – копия папы. Подросла девочка. Все удивлялись её иссиня-чёрным косам.

Косы эти были тогда редкостью, – а такие длинные, густые, чёрные-чёрные, так и вообще в уральском городе Энске почти и не увидишь.

Меседу (в школе все звали её Машей) подрастала. Цевехан защитил кандидатскую диссертацию на тему «Связь между аварским и английским языками».

По-русски он и через несколько лет говорил с акцентом. Семья засобиралась в Махачкалу, где уже ждали учёного с семьёй.

Для Цевехана нашлась хорошая работа. Меседу подобрали элитную школу с английским уклоном. Маша устроилась в русскую школу учительницей русского языка.

Ждали сына с семьёй родители. Так ни разу за всю долгую жизнь они не покидали родной аул.

Сыном – гордились.

Цевехан с Машей и Меседу поехали в аул, навестить родителей и многочисленную родню Цевехана. Он тоже скучал по аулу, но возвращаться туда не собирался.

Маше и Меседу пришлось надеть паранджу. В ауле чтили мусульманские законы. Но встретили гостей радушно. Бабушка Патимат наготвила всякие вкусности для гостей.

Очень быстро Меседу стала называть бабушку – Бати, сокращённо-ласково от Патимат. Всё радовало кроме одного: время оказалось слишком быстротечным.

После этой поездки Цевехан с семьёй стали частыми гостями в родном ауле.

А время и на самом деле – летит, не остановишь.

Меседу окончила среднюю школу в Махачкале, а педагогический институт выбрала в Энске.

---

[1] Меседу – красавица, царевна.

Родители скучали по ней, но не отпустить не могли.

Пять лет пролетели как один день.

Гордая, с дипломом в руках, стояла девочка перед родителями.

А диплом-то давал право Меседу быть учителем английского языка в любой школе Советского Союза.

А Цевехан тоже время зря не терял. Вот он уже доктор филологических наук – защитил с успехом докторскую диссертацию.

Для Меседу началась по-настоящему взрослая жизнь. В Махачкале она могла выбрать любую работу. Родители всегда помогут любимой дочери.

Но…

Девочка решила по-другому. Душа её рвалась в Ленинград, мамин родной город. Только в Ленинград и никуда более.

Папа с мамой, друзья, родственники уговаривали девочку остаться в Махачкале, где её ожидали лучшие перспективы.

Остановить – невозможно. Папа с мамой вынуждены были отпустить любимую дочь в Ленинград.

А Ленинград её не очень-то и ждал. Без прописки на работу не устроиться. А где жить?

Вопросы, вопросы, вопросы.

Но эту упрямицу с длинными чёрными косами и восточным профилем разве остановишь?

Она готова была бороться за свою мечту.

Вместо любимой работы – место воспитателя в рабочем общежитии. Если хватит духу отработать там три года – вожделенная ленинградская прописка у неё в кармане.

Само собой, название «рабочее общежитие» – это только название.

На самом деле там жили и выпускники ленинградских вузов, оставшиеся в городе на Неве после окончания учёбы и устроившиеся на работу в северной столице.

Вот так Меседу и познакомилась с двумя друзьями-корабелами – Пашей и Сашей.

Прошло совсем немного времени, – и Паша овладел всеми думами дочери аварца.

Белые ночи Ленинграда окутывали их своими волшебными крыльями.

Можно легко потерять голову, даже такой серьёзной и целеустремлённой девушке, какой была Меседу.

Сложно не потерять голову от любви к такому обаятельному парню, как Паша.

А когда он берёт в руки гитару…

А когда они гуляют по набережной канала им. А. Грибоедова…

Весь мир помогал им. Когда такая любовь, всем радостно.

Но…

Кончились белые ночи…

Меседу ждала ребёнка. И радостно, и страшно.

Побежала к любимому. Поделиться новостью, поглядеть в его глаза.

Павел не обрадовался, а как-то сразу стал чужим, незнакомым.

Меседу всё поняла. Всё сразу поняла эта гордая аварская девушка.

Даже и мысли не допускала она, что нужно избавиться от дитя.

Несколько дней раздумий заставили её повзрослеть и надолго стёрли милую улыбку с её лица.

А душа металась. Что делать, как поступить?

Родителям – пока ни слова.

Да, эта история, скажете, стара как мир.

Погодите, не спешите делать выводы на полдороги.

Как о случившемся узнал Саша, никто не знал. Сам он на эту тему не распространялся.

Если честно, давно и безнадёжно влюблённый в Меседу, этот молодой человек свято чтил мужскую дружбу.

Поняв, что между его любимой и его другом вспыхнула любовь, он отошёл в сторону, хоть и продолжал нежно любить девушку.

Его возмутило предательство друга. Как он мог? ...

А вот, что было дальше…

Надеюсь, что Вам это интересно.

Интрига. Интрига.

…Несколько месяцев спустя из дверей родильного дома появилась хрупкая молодая женщина. Поражали её прекрасные чёрные косы и восточный профиль лица.

Рядом шла медсестра, держа на руках прелестную новорожденную девочку.

Весь сияя, к ним подошёл молодой папа ребёнка и нежно, и аккуратно принял СВОЮ дочь в крепкие и чуткие объятья.

Так папа-Саша встретил в родильном доме своих любимых девочек: Меседу и Леночку.

Он знал, что он никому и никогда не даст их в обиду.

В самом центре Ленинграда (Санкт-Петербурга), в уютной благоустроенной квартире живут преподаватель английского языка Меседу Цевехановна с мужем, который проектирует яхты. Их любимая дочь Леночка часто гостит в этом доме с мужем и внуком.

Дедушка Цевехан с бабушкой Машей переехали поближе к своим родным: дочери, зятю, внучке.

А как же иначе.

По-другому не могло быть.

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ

ЧУВСТВО МЕРЫ

БРЮКИ

Как праздник, первую зарплату
Я ждал, как полночь – бой часов.
Ходил, как «раненый» – в заплатах,
Был в дырках виден цвет трусов.

О, как тогда мне было стыдно!
И, чтобы скрыть дырявый тыл
(Казалось мне, что так не видно),
Людей я боком обходил.

Промчались годы, словно кони,
Теперь-то точно знаю я:
Видна была как на ладони
Та хитрость каждому, друзья!

...Ах, я в своих дырявых брюках
Сейчас бы был моднее всех!
Теперь в таких же ходят внуки,
Гордясь при этом – смех и грех!

ГОРЬКИЙ УПРЁК

Инне

«Очень мало семьёй занимался!» –
Ты мне горький бросаешь упрёк.
Я таким же, как был, и остался,
А твою красоту не сберёг.

Словно ранняя осень дохнула
На черты дорогого лица.
Сгоряча ты меня упрекнула,
Но слова тяжелее свинца.

Владимир Михайлович ПАНТЕЛЕЕВ родился 8 апреля 1936 года в деревне Телеговщине Даровского района Кировской области. Окончил Пермский авиационный техникум, Пермский государственный политехнический институт. Трудовую жизнь посвятил Пермскому моторному заводу. Почётный авиастроитель. В творчестве тяготеет к поэзии. Публиковался в альманахе «Литературная Пермь», газете «Пермский писатель». Является литературным сотрудником Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2013 года. Автор трёх поэтических сборников – некоторые произведения положены на музыку. Живёт в городе Перми.

Нет, дымок над костром не завьётся,
Если ливень стучит по ветвям.
Красота никогда не вернётся –
Ты её отдала дочерям.

Чувства меры мужчины не знают,
От любви постоянно пьяны.
И сейчас надо мною витает
Запоздалое чувство вины.

В сердце ноет пусть поздняя жалость –
Ничего не пытаюсь вернуть,
Мне сейчас с тобой каждая малость
Возвращает счастливую суть.

Виктор ГААС

НА РОДИНЕ, ДОМА...

1.

Мне там, за границей,
Не естся, не спится.
Чужие порядки,
Как слизни на грядке.

Родные берёзы
Мне давят на слёзы.
И рад я, что живы
Плакучие ивы,

Рябины, калины,
Речные долины,
Родные просторы,
Уральские горы,

Труба на избушке,
Гаданье кукушки –
Жить сколько осталось:
Лет сто... или малость, –

Дожди грозовые,
Грибы боровые,
Рыбацкие лодки
С бутылочкой водки...

Сердечные встречи,
Весёлые речи,
Застольные песни,
Под рюмочку если.

Родные напевы
Чуть слышатся, – где вы?
Вода из колодца
Бальзамом зовётся.

Виктор Густавович ГААС родился 2 декабря 1942 года в городе Калиндорф Херсонской области в многодетной семье. В 1943 году семью фашисты вывезли на работы в Германию. После окончания войны и возвращения на родину отец был расстрелян, мать (на спецпоселении) умерла в 1948 году. В. Г. Гаас – воспитанник Оханского детского дома – окончил Пермский политехнический институт, получил второе высшее экономическое образование, прошёл славный трудовой путь от слесаря до руководителя крупных предприятий и производств в Москве и Перми. Автор двух поэтических книг, выпущенных при финансовой поддержке АОО «Международный союз немецкой культуры». Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2015). Живёт в городе Перми.

Петух на ограде
В красивом наряде
С утра, спозаранку,
Заводит шарманку.

Здесь солнце теплее,
Вода голубее.
На Родине, дома, –
Солома съедома.

2.
Тебя, мой отчий край,
Нельзя забыл я чтобы.
Колодец, дом, сарай,
И зимние сугробы,

И крики журавлей,
Леса, озёра, реки –
Вы в памяти моей
Останетесь навеки.

Ты – плоть моя и кровь,
Жизнь без тебя ужасна.
А коли есть любовь,
И умирать не страшно.

Наталья КАЛИКИНА

ДАШЕНЬКА. Рассказ

За окном трещал стужей декабрь 1962 года. Над снежным покровом крыш вытягивались в стылое небо кружева белых дымов. Народ на улицах прятал носы и щёки в поднятые воротники, скукожась, тащил поутру санки с детишками, укутанными во всевозможные шали. Приходилось везти ребятишек в садики: на заводе морозы в расчёт не брались, в производственных планах поправок на студёный ветер не значилось.

– Господи, Татьяна в роддоме поди-ка озябла совсем, – вздыхала пожилая женщина, управляясь по хозяйству. – Роды приближаются, а стуже конца и края нет. Как родит? Не заморозить бы ребёнка после выписки из больницы.

«Петровна», как прозвали женщину односельчане, не гадала, кого родит её третья дочь. Лишь бы обошлось всё благополучно, да морозы поубавились. Зато многочисленные родственники Татьяны судачили между собой: «Кто же родится?», «Может, девка? Хватит нам мальчишек», «Парень за парнем на свет появляются», «День, другой и узнаем. Сообщит Михаил».

Надежду на то, что родится девочка, подала в конце осени многодетная Таисья Саниха. Увидев Татьяну, приехавшую в деревню на короткую встречу с родственниками, махнула весело рукой:

– Готовьте розовые ленты – девка будет!

Татьяна улыбнулась в ответ:

– Спасибо, да мы рады будем и мальчику.

Наступил день, когда, действительно, пришлось отправляться в роддом.

Под потрескивания за окном колючего мороза Татьяна сидела на кровати в тёплой больничной палате и вспоминала летнюю радугу над родной деревней Мельники, дом, наставления мамы и тот памятный взмах руки Таисьи Санихи. «Скорее бы», – пронеслось в голове.

В Евстратиев день, двадцать шестого декабря, начались роды.

– Ну, мамочка, повезло тебе! Бог дочкой наградил за страдания, – приговаривала старенькая акушерка роддома, принимая ребёнка. – Как назовёте?

– Дашей, – выдохнула уставшая Татьяна.

Разговаривать не хотелось. Душа радовалась, а тело горело, словно превратилось в щепку, брошенную в печь. «Поспать бы», – промелькнуло в голове.

Наталья Александровна КАЛИКИНА окончила Пермский педагогический институт, учитель русского языка и литературы ОСОШ N 1 города Очёра. Исследовательские работы учеников Н. А. Каликиной не раз удостаивались грамот и дипломов различных творческих конкурсов. Она автор многочисленных публикаций в газете «Очёрский край» на темы патриотического воспитания молодёжи, изучения истории родного края и наследия пермских писателей. Живёт в городе Очёре Пермского края.

Последнее, что рассмотрели глаза в тот миг, – плачущего маленького человечка, которого уносила заботливая акушерка. Неведомая сила подхватила Татьяну и понесла высоко-высоко, к любимой с детства радуге. Ноги побежали по многоцветной дуге, волосы разлетались от горячего ветра, и отчего-то с каждой минутой становилось всё жарче и жарче. Высохшие губы кричали: «Дождя, дождя!» – и небо пролилось каплями воды. Татьяна в метаниях на больничной койке не видела, как кто-то из соседок по палате положил ей на голову влажное полотенце, не слышала чужих шепотков: «Всё позади. Спи, голубушка». Татьяна в видениях продолжала обнимать облака, и те в ответ обнимали её. Желанные слова вырвались в крике: «Ра-ду-га! У меня родилась доч-ка!» Руки подкинули вверх разноцветные блики: «Каждый охотник желает знать... У неё зелёные глазки! Спасибо!..»

Осторожный рассвет заглянул в окна палаты и прошептал голосом медсестры: «Таня, пора кормить доченьку». Наступало утро нового дня. В разговорах с соседками, кормлении ребёнка и во врачебных визитах день пролетел стрелой. За ним – другой.

– Готовьтесь к выписке, – долгожданные слова предвещали встречу с мужем Михаилом, двухлетним сынишкой Матвеем и с родственниками, которые уже дали о себе знать «приветами» через медсестёр.

– Что ж, пора со всеми познакомиться, Дашенька! – приговаривала, улыбаясь, молодая мама, пеленая ребёнка. Ребёнок чмокал губками. Наверно, соглашался.

* * *

Ледяной ветер, казалось, продувал плотину заводского пруда насквозь. Пегая лошадка отворачивала морду и резво прибавляла в шаге. Не только сидящим в санях не терпелось спрятаться в тепле, но и животина, тащившая сани, рада была поскорее укрыться от пронизывающего дыхания декабря. Татьяна возвращалась из роддома с одной мыслью: «Не простудить бы малышку».

Обошлось. Как ни странно, в первые недели пребывания в семье ни сопливый Матвей, ни подкашливавший Михаил инфекцию ребёнку не передали. А может, сказалась забота окруживших Татьяну людей. Сёстры, тётки и, конечно, самые близкие люди – муж и мама – большую часть забот взяли на себя. В сердце поселилась тихая радость. Да и как было не трепетать сердцу от нежности, когда двухлетний Матвей пытался обнять сестрёнку. «Дася – ладость нася», – лепетал он. Приходилось останавливать заботливые порывы сына да нередко и мужа. Михаил, вернувшись с завода, целовал сына в лобик, торопливо грел руки о русскую печь и со словами «Где там моя Дашунька» спешил к кроватке. Татьяна знала зачем: хотелось понянчиться с дочуркой.

– Мишаня, уснула Дашенька. Не разбуди. Вот тебе утюг. Погладь пелёнки, – смеялась она над «кислым» выражением лица своего Мишани.

По поведению мужа было понятно, что он готов и пелёнки погладить, и постирать, и кашу сварить. Но вот от детской кроватки с дочкой отходить ему не хотелось. Желанны оба ребёнка, только дочка – единственная девочка во всей многочисленной родне. Гордость? Радость? Нет, не то. Словно счастливый билет вытянул. По глазам мужиков из числа родственников читал – завидовали они ему, Михаилу. Хотя... Кто их разберёт?

Тихими зимними ночами, когда любопытные звёзды заглядывали в окно и словно пытались подглядеть, как спится Дашеньке, заботливые руки Татьяны ещё крепче обнимали дочь. О чём мечтать? Рядом спали сыночек и доченька, заботливый муж. Не о том ли загадывала на лепестках ромашковых среди трав мельниковских лугов? Квартиры пока завод не выделил? Какая-никакая крыша над головой есть. Другие хуже живут. Успокаиваясь, Татьяна засыпала и снова видела во сне лица детей, глаза мужа.

Вскоре появился повод для других раздумий – дочка росла слабенькой. Врач из городской больницы всякий раз при осмотре расспрашивала о патологиях, выводя в медкарте свои диагнозы, предлагала сдать анализы, проверить материнское молоко. Несмотря на хороший уход, дочь в девять месяцев начала таять на глазах. Пришлось Татьяне лечь с ребёнком в больницу. Недолюбливала она казённых стен. Выросла в деревне среди раздольных лугов и полей, среди цветов, их душистых ароматов, а тут – таблетки, уколы, запахи лекарств, процедуры и… ожидание, что скажет врач.

Лечение, однако, пошло на пользу. Девочка повеселела, начала лепетать, кушать, играть. Татьяна всматривалась в родное личико дочери и шептала: «Девочка моя, всё будет хорошо. Мы справимся. Нас с тобой ждут дома. Вот и тётя-врач обещает, что скоро нас выпишет. Папа приходил. Рассказал, что братик дома скучает, смотрит на фотографию и тебя зовёт: «Дасенька!»

Дочка прислушивалась к знакомому маминому голосу, улыбалась, словно понимая, что причин плакать нет. Но всё вышло иначе.

* * *

В один из дней палату, где лежала Татьяна, облетела новость: «Наша врач ушла. Сегодня придёт другая». Соседки по палате заворчали: «Нет ничего хуже, когда врачи меняются! Один так лечит, второй – иначе…» Встревожилась и Татьяна. Пора домой. Дашенька почти здорова, и Михаилу тяжело одному с сыном. Работает на заводе, да ещё подработками заниматься приходится, выполняя по ночам чертежи для знакомых студентов. Матери, Полине Петровне, из деревни не наездиться.

Словно подслушав мысли Татьяны, многодетная Катерина успокоила:

– Нет, бабы, кто куда, а я с сыном отправляюсь домой. Мужик – на вахте, угланы одни. А ты, Таня, не скучай по семье. Вас день-два и выпишут, давно лежите! А подержат ещё, так и не горюй! Отдохнёшь на казённых харчах. Это мои там, семеро по лавкам, ревут со скотиной вместе. Не задержимся, бабы, не переживайте!

Катерина как в воду смотрела. Новый доктор выписала всех соседок по палате. Они быстро собрали детей, взяли котомки и поминай, как звали.

Татьяну не выписали. Новый врач, седоволосая, не очень разговорчивая женщина, долго изучала историю болезни, а потом назначила ребёнку другое лечение, отменив прежнее. При этом запретила кормить малышку кашей и всем остальным, что выдавали детям Дашиного возраста. Врач сухо произнесла: «Только водой пока поите». Напоследок пообещала, что скоро сделает «венепункцию лобной или височной вены, как получится».

После ухода врача Татьяну охватило уныние. Тоскливо одной в большой палате находиться. Странно, что в палату к ним никого не положили. Чего ждать – не понятно. Вместо каш с молоком пришлось поить ребёнка водичкой.

Михаил, зашедший вечером в больницу навестить жену, расстроился. Супруги молча сидели в пустом коридоре, поглаживая укутанную в одеяльце спящую Дашеньку. Предчувствуя, что пора расставаться, склонили головы над дочкой.

– Миша, а вдруг доченька не выдержит… – чуть слышно прошептала Татьяна, вытирая слёзы рукавом больничного халата.

– Танюшка, милая, вы же в больнице. Всё будет хорошо, успокаивал муж. – Знаешь, я каждый вечер, когда Матвейка засыпает, рассматриваю фотографию дочери и сына и загадываю, чтобы мы снова все оказались вместе.

Время посещения заканчивалось. При прощании Михаил достал из кармана куртки цветок домашней герани, которой часто радовалась жена:

– Выше нос! – попытался пошутить он, приподняв кончик своего носа кверху.

Знал, что Татьяна всегда отвечала этой же шуткой. Но она с какой-то безысходностью только покачала головой в ответ. Как ему хотелось в этот миг спрятать жену с дочкой в своих руках, прикрыть от всего мира, от всех бед и напастей. Сдерживая подступающий к горлу ком, чтоб не показать, как мучительно ему, Михаил, поцеловав обеих, торопливо направился к входной двери.

* * *

После встречи с любимым человеком чувство тревоги у Татьяны не исчезло, более того, обернулось жгучим угольком в груди. Вглядываясь в ночную тьму, она ходила по пустой палате, от окна к кровати, слушала учащённое дыхание дочери. В голове назойливо крутились вопросы: «Почему один доктор говорил об улучшении, готовил ребёнка к выписке, а другой начал лечить снова? Что происходит с дочкой? Лежит она, кровинушка моя, и не догадывается, что чужие тёти с ней будут делать. Ах, Даша, Даша – радость наша…»

Дочь, словно почувствовав состояние матери, зашевелилась на старой железной кровати, причмокнула пухлыми губками. «Есть хочет, – подумала Татьяна. – Подкормлю завтра тихонько крошечками хлеба, размочу в молоке и подкормлю. Где это видано, ребёнку почти год, и не подкармливать?! Плачет от того, что не наедается».

За горькими мыслями не заметила, как прошла ночь. В большие больничные окна пролился светом новый день. Застучала вёдрами санитарка, заплакали проснувшиеся в соседних палатах дети. Из кухни потянуло горелым молоком. Всё, как прежде. «На зав-тра-к!» – донеслось из коридора. После привычных процедур в палату заглянула медсестра: «К вам посетители!»

Татьяна взяла на руки дочку, укутала спинку одеялом. Девочка обняла её за шею.

– Доброго здоровья, родные мои! – бросилась навстречу приехавшая из деревни мама.

– Здравствуй, мамочка! Как себя чувствуешь? Как дела у Веры с Надей? – не терпелось узнать новости Татьяне

– Да мы-то с Божьей помощью живы – здоровы. Как вы тут? Надеялись, что вас выпишут. Господи! Да что с Дашенькой? Совсем, казалось, на поправку пошла. Танюша, ты чем её кормишь? Не томи, рассказывай, – попросила мать.

– Дела, как сажа, бела, – попыталась отшутиться Татьяна.

Глядя на встревоженную маму, решила не скрывать, что врач запретила подкармливать ребёнка. Полина Петровна, выслушав дочь, чуть не ахнула. Она всегда оставалась для Тани советчиком и лучшей подругой, но тут растерялась. Что подсказать, чем успокоить? Пока Полина Петровна с дочерью шептались на лавочке, Даша даже глаза не открыла. Пришла пора возвращаться в деревню. Полина Петровна засобиралась, вытирая слёзы: «Надо, Танюша, ещё до дому добраться. Корова ждёт, курицы не закрыты. Поцелуй Дашеньку, голубушку мою, как проснётся. Храни вас Господь!» Протянула Татьяне небольшой узелок с гостинцами, поправила старенький платок на голове, перекрестила дочь с внучкой и пошла к дверям. У порога оглянулась, помахала рукой и, сгорбившись от нахлынувших чувств, вышла.

Не давали покоя на обратном пути тревожные воспоминания Полине Петровне: стояла перед глазами то кудрявая Маринка старшей дочери Веры, то девочка средней дочери Надежды... Доехав на попутной машине до деревни, прошла по знакомой тропинке к своей избе, убрала палочку из кольца у ворот – знак на деревне известный «хозяев дома нет». А нет, так никто и не зайдёт. Закрутился во дворе от радости пёс. Отворила двери с крыльца в сенки. В лицо пахнуло сухой мятой и мелиссой, аккуратно развешенных пучками. Начала хлопотать по хозяйству, но от невесёлых мыслей о Татьяне и внучке всё валилось из рук.

Кое-как управилась с хозяйственными заботами. Присела на лавку у окна, положив на колени натруженные руки. Ноги гудели. Словно почувствовав чей-то взгляд, подняла голову – на неё молчаливо смотрел с портрета погибший в Отечественную войну муж Степан: «Стёпушка, родненький мой! Всё делаю, как ты наказывал. Не серчай...» Сама не поняла, как задремала, прислонив голову к стене. Зашумевший во дворе Барсик прогнал своим лаем дремоту. Полина Петровна встала, зашаркала по полу затёкшими ногами. Нащупала на полочке спички. По сложившемуся за жизнь правилу зажгла с молитвой свечи, встала перед иконами на колени и, вглядываясь в знакомые лики, заговорила со святыми: «Господи, спаси и сохрани рабу Твою Дарью... О Пресвятая и Преблагословенная Дево Богородице! Услыши меня и не лиши помощи Твоея...» И вдруг впервые за многие годы своей вдовьей доли запричитала на всю избу, словно выпуская на волю душу, закрытую давным-давно на крепкий амбарный замок: «Господи! Всегда была послушной рабой Твоея, жила честно, отца с матерью почитала, людям старалась помочь, чем могла. С Твоей помощью, Господи, детей подняла и внуков, грехи людские, вольныя и невольныя, до седьмого колена замаливала, всех усопших, кровных и знакомых, поминала в ежедневной молитве. А тут всем нутром своим чую беду. Научи, что делать...»

Долго горели свечи, отражаясь в маленьких окнах стоящей на краю деревни избы. Никто не слышал, как молилась и плакала раба Божья Полина, как просила Бога не забирать внученьку, подарить ей жизнь.

* * *

Чуть забрезжил рассвет, Полина Петровна вышла на крыльцо, вдохнула терпкий, ставший уже прохладным осенний воздух. Подумалось вдруг: «Да, жизнь идёт своим чередом. Вот и последний октябрьский денёк наступил, в народе говорят, праздник синичек. Облюбовали они нынче и мой двор, веселятся, посвистывают, насмешники. Ничего, с Божьей помощью будет и на нашей улице праздник».

Наскоро переделав все утренние дела, женщина заторопилась на соседнюю улицу. Деревня начинала просыпаться: перекликались сонные петухи, то тут, то там тявкали собаки. Сыростью тянуло от речки со старой мельницей.

Полина Петровна постучала в окно дома старшей дочери:

– Вера, послушай, что я надумала…

Быстро сообразив, что к чему, Вера сбегала на хоздвор, договорилась с бригадиром о том, чтобы съездить в город. Одевая хомут на шею лошади, произнесла: «Дай-то Бог, чтобы всё у нас ладно вышло». Через несколько минут женщины ехали на телеге.

Осень, на удивление, стояла тихая. Даже колеи не образовались от робких дождей. Осколками разбитого зеркала вспыхивали замёрзшие за ночь лужицы, отражая лучи восходящего солнца. Природа жила по своим скромным законам, и лишь рябины за деревней, вдоль дороги, как румяные купчихи со старинных полотен художников, выпячивали напоказ красные гроздья ягод.

Город, облитый малиновым рассветом, встретил женщин редкими прохожими. Оставив немногословную Веру сторожить лошадь, Полина Петровна бросилась через заросли сирени к знакомым больничным окнам. Знала – время посещения больных ещё не наступило. Порядки в больнице строгие, в субботу тем более, рано двери не откроют. Тихонько постучав в окно, прислушалась.

– Таня, Танюшка!

– Мама? Что случилось? – с тревогой отозвалась дочь, прильнув к стеклу.

– Приехали мы с Верой. Как вы-то переночевали?

– Без изменений. Врач на понедельник назначил Дашеньке какую-то пункцию. Сказала, что девочка слабая, готовьтесь, мол, к худшему… – со слезами на глазах ответила Татьяна.

Полина Петровна залезла на торчащий у стены выступ и заглянула в палату, на кровать с внучкой. «Как плёточка лежит», – больно шевельнулось в груди.

Не удержалась, высказала, что накопилось в душе:

– Может, хватит, Танюшка, належались? Умрёт, так дома…

– С огнём играем, мама. Тут врачи рядом.

– Э-э-эх… – вырвалось у Полины Петровны. – Неволить не стану. Решай, ты – мать…

Татьяна оглянулась на дочь. Представила, как наступит понедельник, и тогда её уже не спросят: медсестра заберёт малышку и унесёт в процедурный кабинет. В голове молнией пронеслось воспоминание, как сёстры с мужьями хоронили своих малюток-дочерей. И больница не спасла…

«Господи, что же делать? Врач сказала про дочку, что «не жилец»… – Таня заметалась по палате, сдерживая рыдания и натыкаясь на кровати. – Идти к врачу? Зачем? Она отмахнётся. Не верит врач

в Дашенькино выздоровление. А если…» Снова подбежала к окну. И тут на пожелтевшей траве через открытое окно Татьяна увидела край знакомого домашнего одеяла. «Мама привезла!» – осенила мысль.

Она решительно протянула к матери руки:

– Давай!

Полина Петровна соскочила с кирпичного выступа, молча схватила узел с травы и подкинула его в руки дочери. Привычными движениями укутав спящую Дашеньку, Татьяна бережно передала её маме. Взгляды их встретились. Но слёз в глазах обеих уже не было.

«Прости, Господи, грех мой! Первый раз в жизни против закона иду…» – перекрестилась Полина Петровна, бережно прижимая к груди бесценный свёрток.

Оставшись одна, Татьяна, как должно быть в таких случаях, написала на листе бумаги, что от дальнейшего лечения ребёнка отказывается и ответственность берёт на себя. Предчувствуя тяжёлый разговор с медиками, бессильно опустилась на пустую кровать, обхватив голову руками: будь что будет.

* * *

По залитому солнцем тротуару главной улицы небольшого провинциального города шла молодая женщина. На лице её время от времени появлялась улыбка. Рядом вприпрыжку вышагивала в белых сандаликах маленькая девочка. На ней было одето синее платьице в горошек. Июльский ветерок раздувал золотистые косички девочки, на которых, словно бабочки, порхали голубые ленточки. Лицо ребёнка напоминало Алёнку с шоколадной обёртки: весёлые зелёные глазки, румяные щёчки. Малышка то удивляла маму рассказами про «непоседу Бавсика», то успевала показать ручками, какая «бальфая-пребальфая» радуга висела вчера над бабушкиным лесом.

Из «бескровной тростинки» Даша превратилась в «попрыгунью-стрекозу» благодаря травам, сметане, молочку, безграничной любви и заботе бабушки Поли. За три года Дашенька многому научилась. Особенно ей нравилось бойко бегать по деревенским дорожкам и громко напевать с притопами и прихлопами «Калинку-малинку». Взрослые, встречаясь в деревне, переговаривались: пришло время готовить ребёнка к жизни среди ровесников в заводском детском саду. Да и быстротечное время подсказывало – школа не за горами. Михаил сходил в завком и профком, его просьбу о выделении места в садике поддержали.

Приехав в деревню за дочкой, Таня понимала состояние мамы, и потому, расставаясь на крыльце родного дома, шепнула ей с нежностью: «Ты – наш ангел-хранитель…» Полина Петровна в ответ перекрестила дочь с внучкой. Вышла провожать их за околицу и долго махала вслед рукой.

И вот проводы с дорогой позади. Татьяна с дочерью отправились от городской автостанции к дому, в котором семья год назад получила новую квартиру.

Таня издалека признала в идущей навстречу женщине врача, которая чуть было… Сердце забилось в груди, лицо бросило в жар.

– Здравствуйте! – поравнявшись, поздоровалась молодая мама.

Седоволосая женщина замедлила шаг.

– Неужели Татьяна? Я не ошиблась? А это кто? Не может быть…

Та девочка, которая… чуть не умерла?! – от удивления женщина остановилась. – А я думала – не выживет… Как тебя зовут, маленькая?

– Дафенька, – ответила девочка.

Словно почувствовав, как не хочется маме говорить с тётей, она потянула за руку:

– Пойдём сколее, мама…

– Да, поторопимся, Дашенька, – Татьяна крепко сжала её ладошку. – Нас ждут дома.

Карина ИБРАГИМОВА

У ВОДЫ, ЧТО ЦЕЛУЕТ ЗЕМЛЮ

ЗОЛОТО

Возьми моё молчание, которое золото,
и дай мне простой фарфор.
Всем сёстрам по серьгам из слитка размолотого,
мне – разговора сор.

Потому что из любого узелка – хоть Гордиева! –
я одна расплету, смеясь,
карфагенские косы буйного норова,
коммуникаций вязь.

Даже в злом завихрении спора, как омута,
знай, водица моя чиста;
возьми моё молчание, которое золото,
и я разомкну уста.

К СОЛНЦУ

Мне приснилась не жизнь – мне приснилось, что я был рыцарь,
подбиравшийся к башне. Восток был шершав и светел.
«Поздновато петь альбу, – подумал, – уже семь тридцать»,
но без песни, увы, здесь никто мне не даст ответа.

Что ж, я сел за стихи на зелёной сырой равнине,
позабыв обо всём, что в реальности так кололось:
позабыв о маршрутках, будильниках и рутине,
а когда я поднялся, то снова увидел солнце.

И теперь я ищу его в каждом стекле трамвайном,
в каждом путаном сне, в каждом отблеске монитора,
и зачем-то храню в себе эту смешную тайну,
словно страсть к Абсолюту покажется всем позором.

И брожу у воды, что целует сухую землю,
тянет нить гобеленную, въедливо пахнет хлоркой…

Карина Рашитовна ИБРАГИМОВА родилась 9 февраля 1996 года. Занимается в литературной студии «Тропа» (руководитель Ф. С. Востриков). Лауреат международного фестиваля детского и юношеского творчества «Волшебная строка» (2010, 2011), Пермского краевого конкурса начинающих авторов им. В. Дементьева (2008). Публиковалась в фестивальном сборнике «Волшебная строка», в журнале «Родничок», альманахе «Литературная Пермь». Живёт в городе Перми.

Я сложил свою песню, но солнце уже не внемлет.
Что ей жизнь моя, право?
Лишь капля огня –
и только.

КРАСНОЕ МОРЕ

Холодно, друг мой, не скоро растает снег,
долгой петлёй обернулись мои пути…
Красное море, впитавшее сотни рек –
солью останется
в мёртвой моей груди.

Осень, отчаявшись, сводит сраженье в тыл,
горечи медной на небе оставив след:
выстоять, выдержать – сколько осталось сил!..
Что ж, parabellum.
Сдаваться привычки нет.

Каждую ночь я стою – сожжена песком,
древние волны слетают с чужих картин,
я не пророк, но молитвы моей остов:
«Красное море, молю тебя, дай пройти!»

Чуда не будет. Не будет момента, где
воды расступятся, медленный яд цедя…
Холодно, друг мой, в разумной мирской тщете.
Снег не растает,
и ты не зовёшь меня;

если б могла, если б ведала – имярек,
может быть, было бы чудо и мне дано:

снится мне: море вскипит и коснётся век,
склонится тихо, тревожное, надо мной…

…каждую ночь я встаю и смотрю в окно:
холодно, друг мой, не скоро растает снег.

* * *

В средневековой пустоте,
где ночь – от края и до края,
мы все – отчаянно не те,
и не живём, а умираем,

и рвётся чёрная строка
от строгости молитвослова
к окну, в витраж и облака
без дум и горького былого.

На что я трачу эту жизнь,
о чём кричу высоким слогом?
Номинализм и реализм! –
какая сухость, боги, боги…

Свою же праведную грусть,
по завещанию Эразма,
несу я к Вакху и молюсь
тайком об этом безобразье.

Я – жалкий грешник, чистый лист,
но всё же в чём-то разумею:
номинализм и реализм
мои не высушат идеи,

там, в монастырской пустоте,
сижу, зажатый кельей тесной,
и к неизвестной красоте
слагаю сумрачные песни.

ДЫМ

Иссыхает родник, угасает луна
и струится – как в юности – к нам из окна
бесконечное небо.

Отчего моя жизнь – это хворост и дым?
Разбиваешь стекло, задыхаясь, – горим! –
в ожидании гнева.

Пой, мой друг, о судьбе, о тетрадных листах
запирай все замки – этот каменный страх
не изжить за минуту!

Очень странно дышать, если каждую ночь
в этом городе (душу мою обесточь!)
я сира и разута.

Всё же лучше, о донна, ступать по костру:
обожжёшься – и полно! – ожоги не врут
и не бредят печалью!

Потому что терцины – всегда о любви,
даже если об аде; и лучшее в них –
это Ваше молчанье.

ПОЙДЁМ СО МНОЙ

Москва уснёт, но мы с тобой пойдём
по этим мокрым улицам и крышам,

(как Данте и Вергилий!) – под дождём,
чтоб пение небесных сфер услышать,
и, под огнями сумрачных домов,
в дыму осеннем, в киновари листьев
мы наберем букеты новых слов
и бросим миру в лица эти лисьи.

Придут снега, но стоит ли дремать?
Коснись со мной холодного гранита:
мне надоело, друг мой, воевать,
мне надоело всеми быть забытой,
ведь я же не Алкей, не Феогнид,
мой жаждет флот открытия Америк!
Ведь что же ярче в юности блестит,
чем новый берег?

Пойдём же, друг, бродить по мостовым,
смотреть на кабаки и на вокзалы!
О счастье, сшито ты из бересты:
легко порвать, легко начать сначала –
и так я начинаю новый лист,
по эту ли он сторону от рая?..
Пойдём со мной, покуда воздух чист,
я приглашаю!

Наталья КЫЛОСОВА

ТАКИЕ МАТЕРИ У НАС. Рассказы

МЫ ПОБЕДИЛИ, МАМА!

Рассказ посвящён моей бабушке Пирожковой Анне Ильиничне. Она умерла от голода в 1942 году в г. Красноярске. Два её сына: Пётр (1920 г. р.), капитан пехоты, в феврале 1945 года умер от ран, полученных в одном из боёв за город Кёнигсберг, ныне Калининград, и Владимир (1922 г. р.) лейтенант, лётчик, после одного из боёв с обширными ожогами был отправлен в госпиталь, в город Ишим, где умер в декабре 1944 года.
Вечная память и наш поклон до земли таким Матерям и Сыновьям за их военные и гражданские подвиги.

День, когда в госпиталь привозили почту, раненые уважительно называли «почтовым». Случался он нечасто, но все его очень ждали.

Точных сроков доставки писем никто не знал, однако земля слухами полнится, и потому часа за три до желанного момента все начинали готовиться к встрече.

Госпиталь сразу превращался в муравейник, где каждый занимался своим делом, а хороший результат принадлежал всем. Выздоравливающие и ходячие больные, стараясь принимать во внимание советы и просьбы лежачих, наводили порядок в палатах.

В первую очередь перестилали постели свои и соседей: встряхивали на улице видавшие виды простыни и одеяла и выносили на воздух тощие подушки. Из тумбочек убирали всё лишнее, если оно, это лишнее, водилось, и тщательно мыли и сами тумбочки, и стены за ними.

Затем все вместе подвергали влажной уборке подоконники, углы палат, двери с обеих сторон, пол и только тогда приводили в порядок лежачих больных и в последнюю очередь себя. «Как в армии», – говорили они, потому что для тех, кто лежал в госпитале, жизнь была там, на фронте, а здесь – лишь временное, хотя порой и долгое пребывание.

Закончив дела, усаживались каждый на свою койку и с нетерпением ждали заветного призыва: «Почта!»

Генку Рудакова призвали в армию в 1941-м.

Три года он провоевал без сучка и задоринки, его даже ни разу не царапнуло, а тут, нате вам, в июле 1944 года ранило в левое плечо, и вот уже два месяца он находился в госпитале.

Наталья Евгеньевна КЫЛОСОВА родилась 28 июля 1950 года в селе Абан Абанского района Красноярского края в рабочей семье. В 1969 году окончила Пермское областное медицинское училище, по окончании которого 2 года работала в Пермском районе на селе фельдшером. В 1985 году окончила Пермское педагогическое училище. До 1993 года работала в детских лечебных и педагогических учреждениях. С1993 по 2003 годы работала во ВКИУ рентгенлаборантом. Публиковалась в газетах завода им. Дзержинского и ВКИУ, с 2016 года – литературный сотрудник Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России. Живёт в городе Перми.

Здесь Генку все знали и очень завидовали ему. Причиной тому были письма, которые он получал из дома от матери.

Многим раненым вместе с сердечными приветами в письмах приходили грустные вести: то кто-то из их родни умер, то огород нечем засаживать, то пол в сенках прогнил, а плотников днём с огнём не сыщешь: в деревнях только мал-малы да стар-стары.

И тогда мужикам становилось тяжело; одни ругали всех и вся, громко и зло матерясь, другие шли на улицу и, нарушая запреты, много и жадно курили, пока дежурная медсестра не загоняла в палаты, а третьи замолкали на два-три дня, и никакими подходами разговорить их было невозможно.

Генка радовался и немного стеснялся, что его мать жила совсем по-другому. Опять и опять он доставал заветные тетрадные листочки в клеточку и в который раз перечитывал письма.

«Сынок, – писала она, – береги себя родной наш за нас не волнуйся мы живём потихоньку я всё так же в бригаде работаю устаю конечно но не шибко. Картошки и лука до новья думаю нам хватит не оголодаем даст Бог.

Домик наш стоит не падат крыша не течет Лиза сестрёнка твоя совсем уж большая десять годков сполнилось помогат мне во всём

Геночка не переживай за нас мы сдюжим».

«Повезло мне»,– каждый раз думал Генка и украдкой целовал дорогие мамины строчки. «Везёт ему, – вздыхали старшие вояки, – воюет, а душа всегда спокойна за дом – это ли не главная подмога в любом бою».

Ещё через месяц Генку выписали из госпиталя и по ранению дали отпуск на десять дней.

…Поезд затормозил. Проводница открыла дверь тамбура, и народ высыпал на перрон. После суточного сна в душном вагоне Генка легко пробежал по перронной площадке, нашёл попутку, и машина понесла его к маме и сестрёнке.

Вот и его деревенька показалась вдали.

Генка выпрыгнул из кузова, глубоко вдохнул утренней свежести и радостно улыбнулся: «Дома!» Он быстро прошагал два километра, свернул направо, прошёл по узенькой тропинке тридцать метров (когда-то с ребятами измеряли) и… остановился в изумлении.

Всё выглядело совсем не так, как писала мать.

Домик их покосился, дырявой крыше требовалось много заплат, стёкла в окошках потрескались, а в двух местах и вовсе отсутствовали, а вместо них на рамах висели выцветшие лоскуты старого маминого платья. Генка зашёл в дом. Повсюду пахло плесенью, всё было сырым и безжизненным.

«Как же они здесь?!» – с ужасом подумал Генка.

Вдруг он услышал чьи-то неторопливые шаркающие шаги. В комнату медленно вошёл дед по прозвищу Ёлки-палки. Был он древним, никто в деревне не помнил его имени, все так и говорили: надо у Ёлки-палки спросить, давайте Ёлки-палки позовём. Дед молча пожал Генке руку, сжал ещё раз посильнее, и они обнялись.

– Мать твоя, Гена, уж год, как померла, потому как голодали они с Лизой. Помогали им люди, чем могли, но мать сильно ослабела.

– Как год, Ёлки-палки? Я от неё за два дня до отпуска последнее

письмо получил! – навзрыд заплакал Генка. – Она всегда писала, что у них всё хорошо».

– Ох-хо! – дед шумно вздохнул. – Знаю я про все её письма. А писала она так для того, чтобы ты, Гена, спокоен был в бою и уверен, что врага вы победите. А ещё она говорила, что для того человеку Мать дана, чтобы у него силы и духа было втрое больше.

– А где Лиза? Что же она-то не написала мне про маму?

– Так мать запретила ей писать тебе, все письма писала сама до самого последнего часа своего. Лизу она задолго отправила к тётке Марии в соседнюю деревню. Погоди-ка, – Ёлки-палки прошёл в красный угол комнаты, из-за иконы Спасителя достал небольшой пакет, сшитый из старой клеёнки, и потдал его Генке.

В пакете было письмо от мамы. Она писала: «Здравствуй сынок получила от тебя весточку уж так я рада так рада Береги себя Христом Богом прошу у нас всё ладно домик стоит крыша не течет картошка нонче опять уродилась управимся.

Твоя мама. 28 октября 1944 году.»

– Ёлки-палки! – закричал Генка. – Так ведь сегодня и есть двадцать восьмое октября сорок четвёртого года!

– Да, Ген, вот такие матери у вас, – теперь уже, по-детски всхлипывая, плакал дед, – и нигде во всём мире таких Матерей больше нет!

Генка сходил на могилу матери, побывал в соседней Берёзовке, повидался с сестрёнкой и, не догуляв отпуск, вернулся в свою часть.

…9 мая1945 года младший сержант Геннадий Рудаков вместе со всеми праздновал Победу. Среди многоголосого «Ура!» было и Генкино:

– Мы победили, мама!

СТЫДНО

Автобус третий час трясся по зимней дороге, оставляя за собой деревню за деревней. Умаявшись за день, все пассажиры этого последнего рейса спали.

Мне же не спалось: всю дорогу я думала о том, что уже не встретит нас у своего маленького домика моя Свекровь, не обнимет, прижавшись своей мягкой щекой к моей, и не скажет: «Приехала, голуба моя, а молочко-то уж заждалось, тебя, заждалось». Она всегда помнила, что я очень люблю молоко, и в день нашего приезда всегда покупала у соседки литр-другой.

В тот год отпуск мужу дали в феврале, но, несмотря на очень холодную зиму, мы поехали в деревню всей семьёй, взяв с собой и месячную Танюшку.

Целых две недели не утихали шумные встречи.

Накрывался стол, за которым и квашеная с клюквой капуста, и маринованная особым рецептом свёкла, и громко хрустящие огурцы были почему-то необычайно вкусными. Томлёные в печи щи с куриным мясом, тушёная картошка с салом и чесноком, и яишенка с зеленью бесцеремонно сводили с ума своими ароматами, а чай с пирогами и шаньгами служил неописуемым заключительным аккордом.

То и дело хлопали входные двери. Со своим приходили ближние и дальние родственники, и конечно, соседи. « На стол поставить, со встречей поздравить!» – радостно восклицали он, отдавая Свекрови принесённое.. И тут же рядом с водочкой да пивом деревенским, на которое моя Свекровь была большая мастерица, с дефицитной селёдкой под лучком своё место на столе занимал «король – холодец, бравый удалец» ,«вырастали» важные солёные грузди, «созревали» крупные красные помидоры, а пирожкам-посикунчикам и счёту не было. Напрочь забытые городские «Цезари» и «Чахохбили» даже не всплывали в нашем сознании – куда им до сельской вкусноты под искренним гостеприимным соусом. До позднего вечера не смолкал обмен новостями за год, и нескончаемо длился философский разговор о городской и деревенской жизни.

Каждый день, отоспавшись после вчерашнего, в обед приходил дядя Паша. Приняв первые три стопаря, он брал в руки свою любимицу, и все до позднего вечера под его волшебницу-гармошку пели любимые песни, всё больше страдальные, а чаще других одну, общую на всех:

«Позарастали, стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастал мохом-травою.
Где мы гуляли, милый, с тобою».

Не оставляя дел, Свекровь тоже пела: в комнате – вместе со всеми протяжно, на голос, а на кухне – одна тихо и глубоко – душой, словно ведала кому-то по секрету свою давнюю любовь-долюшку.

Песни сменяли весёлые незамысловатые частушки:

Мы работать не хотим,
Только шанежки едим,
А как шанежки съедим,
Так работать захотим.

А ещё они плясали. По-деревенски: тесным кругом, топая чётко и коротко, и каждая по-своему «ножку выделыват», в этом весь фарс и есть – ну, глаз не отвести! Иногда и Свекровь пристраивалась к танцующим, но заботы и хлопоты бессовестно выдёргивали её оттуда, и тогда она подбегала ко мне, быстро и ласково обнимала: «Иди, Даша-матушка, у тебя ладно выходит». Бабы тут же давали мне в кругу место, и начинался новый «заход».

Всё это время главная молчаливая хозяйка дома, русская печь, заботливо одаривала всех своим теплом, а опытная «докторица» – небольшая уютная банька – и её неизменный друг, берёзовый веник, терпеливо поджидали желающих попариться.

Так было и в этот раз. Гости разошлись по домам, а мы, разомлевшие от тепла и жара, сидели в избе за столом и пили душистый чай, кто с мёдом, кто с молоком, кто просто с куском сахара.

– Даша, давай поедем домой не завтра, а через три дня,– предложил мой муж, – и не на первом автобусе, а на втором.

– Чего это вдруг?

– До конца отпуска ещё целая неделя.

– Ну, и что? Мы же перед поездкой обо всём договорились!

– Так лучше.

– Кому?! – моя интонация вопроса настораживала.

– Даш. Не заводись.

По тому, как я замолчала и посмотрела на него, муж понял, что простым наш разговор, не будет.

– Я не понимаю, – волна моего «взрыва» подняла голову, – почему это всё поменялось?!

– Послушай…

– Ничего не хочу слушать! – «взрыв» усердно набирал обороты. – Можешь оставаться хоть на год!

Я рывком сдёрнула пальто и шапку с вешалки, сунула ноги в валенки и судорожно стала пеленать дочку.

– Даша, да ты что, – попытался образумить меня муж, ещё не принимая всерьёз мою решительность, – поздний вечер на дворе, до ближайшей деревни три километра собачьей тропкой и ту замело совсем, чего придумала.

Я молчала.

Тут не выдержала Свекровь:

– Даша, матушка, (она почему-то всегда называла меня так) – милая моя, зимища страх какая, метель всё не утихает, робёночка-то застудишь, а темень и того жутче – ни зги не видать, куды же…

Но ничьи слова уже не имели для меня никакого значения. «Взрыв» прогремел! Схватив покрепче Танюшку, я стремглав выбежала на улицу. «Ничего, ничего, он ещё пожалеет, что вредничает, условились же на завтра! – злорадствовала я. – Ни за что не вернусь!»

Пока светили огни двух крайних изб, чуть-чуть освещая впереди меня снег, я уверенно шла вперёд, иногда оглядываясь, не бежит ли за мной муж. Сделав своё грязное дело, «взрыв» ретировался восвояси, оставив меня с ребёнком на морозе в полной темноте в метрах ста от деревни. Я остановилась. Тропки не было. Переминаясь с ноги на ногу, два раз я оступилась, чуть не уронив Танюшку в снег. Мне стало очень страшно, вернее меня охватил ужас от того, что я наделала, и я горько рыдала, ругая себя на все лады. Оглянувшись в очередной раз, я увидела, что от деревни бежит ко мне мой муж.

Он приближался, и вдруг я увидела, что это не муж, а… Свекровь. В телогрейке, в старых кирзовых сапогах на босу ногу, с лёгким платком в руке, запыхавшаяся, плачущая, она подбежала ко мне и опустилась предо мной на колени:

– Даша, матушка, Христом Богом прошу тебя, вернись… родная моя… Христом Богом…

Подбежал муж, забрал у меня дочку и поспешил домой. Я помогла Свекрови подняться, и мы, обнявшись, пошли следом за ним…

Ни тогда и никогда после моя Свекровь ни словом, ни намёком не напомнила мне об этом случае.

Прошло сорок лет, но каждый раз, вспоминая о том февральском дне, я опять и опять прошу прощения у давно ушедшей из жизни моей Свекрови.

И плачу.

От стыда…

Михаил ДАВИДОВ

ЖЕНЩИНЫ ПРИКАМЬЯ

ДЕВУШКА СЕВЕРА

Берег Колвы, Великая Чердынь…
От людской суеты убежав,
Встретил девушку севера здесь я,
Неземную любовь испытав.

Здесь природа суровая лечит,
Здесь тайга вековая шумит,
И уходят мирские печали,
И восторженней хочется жить.

Твоих глаз бирюзовых сиянье
Будет вечно мне в жизни светить,
Отгоняя невзгоды и беды,
Призывая желать и любить.

Две звезды загорелись на небе,
Полюд сказкой синеет в ночи.
Я тебе подарю свою нежность,
Ты мне сердце своё подари!

МАМА

Милая добрая мама!
Вспомнилась детства пора:
Как ты меня приласкала,
К белой груди поднесла.

Нежность из глаз твоих синих
В душу мою пролилась.
Сладко баюкал твой голос,
Песня с любовью лилась.

Сердце своё отдавала
Сыну ты, грела душой.

Михаил Иванович ДАВИДОВ родился в 1954 году в Ординском районе Молотовской области, ныне Пермского края. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1977). Работал врачом военно-строительного отряда космодрома Байконур, хирургом, урологом. В настоящее время – доцент Пермской государственной медицинской академии. Кандидат медицинских наук. Около 40 лет изучает историю отечественной литературы. Публиковался в различных журналах. Имя М. И. Давидова было включено в Биографическую энциклопедию «Who is Who в России» (2010). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2015). Живёт в городе Перми.

Глазки мои закрывались,
Сон наступал золотой.

Мама склонилась над спящим,
Гордо шепча про него:
«Вырастет мальчик мой славным,
Будут любить все его!»

Звезды на небе мерцали.
Тихо сияла луна,
Долго на маму и сына
Нежно смотрела она.

…Жизнь пронеслась, словно буря.
Стала я, как мама, седой.
В сердце моём не стихает
Голос её дорогой!

ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЕ

Волосы рубинового цвета,
Умные прекрасные глаза;
Сколько в них огня, души и света
И земного женского тепла.

Изумруды глаз твоих прелестных
Покоряют нежностью мужчин,
Но ещё сильнее пламя страсти,
Что восходит из твоих глубин.

Ты в «Тойоте» серебристой мчишься
Сквозь туманы, непогоду, мглу.
Словно ты к своей мечте стремишься:
Обуздать коварную судьбу.

Сколько было и преград, и боли
На тернистом и лихом пути!
Мужество, упорство, сила воли
Не дают тебе с дорог сойти.

И талантом, и умом пленяешь,
И решенье всех задач найдёшь,
О проектах будущих мечтаешь
И любую крепость ты возьмёшь!

Целый день сгораешь на работе
За рулём, компьютером, станком,
В вечной нескончаемой заботе,
Оставаясь прелести цветком.

Вот уж снова сумерки настали…
Ты устала ездить, говорить.
Только женщиною быть не перестала,
Только нежной не устала быть!

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ИННА

Хорошая девочка Инна
В Перми в нашем доме живёт.
Работает, верит, мечтает
И счастья доверчиво ждёт.

Легко её гибкое тело,
И грудь высока и нежна,
А ножки упруги и стройны.
Как роза, прелестна она.

И ездит она на «Тойоте»,
Мечтая о «Бентли» порой.
Нет женщин умнее на свете,
Желаннее ранней зарёй.

Душа её нежная просит
Высокой и чистой любви.
Мужчины же жаждут другого,
И рушатся Инны мечты.

Работает Инна без стресса,
Но день её полон забот:
Врачей посещает принцесса,
Рекламу лекарства ведет.

Ей хочется сделать всё споро,
Добиться успеха в труде.
Но лавры придут к ней не скоро –
Препоны ей ставят везде.

Суровая леди-наставник
За каждую мелочь печёт.
Профессор, глядя как любовник,
Всё «дружбой» своей достаёт.

Врачи по плечам её гладят,
Мечтая о ночи любви,
А сами никак не желают
Помочь ей продать порошки.

Устав на нелёгкой работе,
Притихнув в ночной тишине,
Сидит за компьютером Инна,
Отчёт шлёт о хлопотном дне.

Ночная прохлада на город
И синюю Каму легла,
И девочка тихо мечтает,
На звёздное небо глядя.

Как хочется девочке этой
И счастья, и светлой любви,
И денег побольше, и «Бентли»,
И принца заморской крови.

И юная Инна шагает
По жизни дорогой мечты.
Вначале судьба ей подарит
Ребёнка и счастье в любви.

Живёт в нашем доме мальчишка,
Тоскует об Инне и ждёт.
Стихи он ночами слагает
И нежные песни поёт.

Красивый, надёжный и верный…
В глаза ему, Инна, взгляни!
Не надо богатого принца,
Мальчишке навстречу шагни!

Пусть чистые души сольются,
Костёр запылает любви.
Влюблённого юношу, Инна,
С собой в светлый мир позови!

Валерий ЗЛОБИН

К НАМ ОБЛАКА СНЕГА НЕСУТ

* * *

Веселье утихает осени,
И меркнут краски на полях.
Последние листочки сбросили
В саду седые тополя.

Взгрустнула роща – в увядании
Теряет золота красу.
Под ветра стылого рыдание
К нам облака снега несут.

* * *

Облака сиреневыми лепестками
Плещутся в прохладе утренних небес.
Осень красит красно-рыжими мазками
Парк и за рекою поредевший лес.

Увядают травы на лугу прибрежном,
Пригорюнилась на берегу ветла.
Осень листья рвёт, бросая их небрежно,
И всё чаще дуют стылые ветра.

СНЕЖИНКА

Зима бездушная на троне…
Тяну к снежинке я ладони,
Боюсь нечаянно согреть.
Душа доверчивая стонет –
В небес сиреневом затоне
Стремлюсь звезду свою узреть.

Валерий Васильевич ЗЛОБИН родился 23 марта 1947 года в деревне Мельничата Селтинского района Удмуртии. Художник, поэт. Неоднократно отмечался дипломами и почётными грамотами: «Художник года» (2005), «Человек года» (2006), «Событие года» (2007), лауреат премии «Глория» Чайковского городского поселения за достижения в области искусства и культуры (2008, 2013), диплом за 1-е место в номинации «Слово о поэте» на конкурсе, посвящённом поэту Николаю Бурашникову (2014). Стихи пишет с юности. В 2013 году издал литературно-художественную (стихотворную) версию казахской сказки «Жиренше и Карашаш». В 2014 году вышли лирический сборник стихотворений «Любовь не унять» (Ижевск) и поэтический сборник «По зову сердца» (Пермь). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

Серебряная утра рань.
Снежинки нежной филигрань
Ложится мягко на ладонь.
Беззвучный глас зимы:
– Не рань!
Трескучая мороза брань:
– Не тронь красавицу, не тронь!

День засветился бирюзой,
Снежинка на ладонь – слезой.

Пермская БУКА

Вера БАШКЕЕВА

ГДЕ МОЯ ЛОШАДКА, или МНЕ СНОВА СТАЛО СТЫДНО.

Из цикла рассказов «Моя младшая сестра»*

– Вера, где моя лошадка? – печально вздыхая, спросила Люба.

– Какая? – тоже спросила я, искренне недоумевая, поскольку игрушечных лошадей у младшей сестры много, а я спрятала одну – конкретную.

– Такая маленькая, чёрненькая… – Люба была готова заплакать.

– Откуда я знаю?! – опять же искренне удивилась я. И – поразилась собственным мыслям: «Надо же! Я спрятала у сестры одну лошадь, а она другую ищёт!»

– Тогда пожа-алуйста, – жалобно протянула Люба, – помоги мне найти Буяна!

– Буян – это остров! – неожиданно вспомнила я сказку Александра Сергеевича Пушкина про царя Салтана и его семейство.

– Буян – это лошадь! – всхлипнула сестра. – Такая маленькая, чёрненькая…

– А-а-а! – протянула я. И сделала шутливое предположение: – А, может, Буян у тебя на улицу ушёл? Поесть, пить, побегать…

Я недоговорила про то, чем лошадь может заниматься на улице, хотя Буян наверняка должен был быть не лошадью, а конём, поскольку кличка Буян может быть только у коня, а не у лошади… В общем, я недоговорила, потому что Люба с воплями «Ой! Точно! Спасибо!» помчалась в прихожую и уже оттуда, уже в уличных сандалиях, на улицу.

Входная дверь хлопнула, и мне стало стыдно.

Я подошла к своему комоду, вытянула нижний ящик, достала из него спрятанную мною большую белую лошадь – Снежка, затем взяла табурет, поднесла его к большому двухстворчатому шкафу, залезла на табурет и достала со шкафа Буяна, которого Люба сама вчера вечером закинула на шкаф, а потом благополучно забыла.

…Люба вернулась домой вся в слезах. Через полчаса:

– Я весь двор оббегала – Буяна нигде не-е-ту-у!!!

– Дома он уже, – относительно спокойно, с трудом сдерживая смех, сказала я. – Сам пришёл. Вместе со Снежком. Они вдвоём пастись уходили.

Вера БАШКЕЕВА родилась 17 января 2005 года в городе Перми. Некоторое время жила в городе Истре Московской области. Учится в пермских школах: средней общеобразовательной N 2, музыкальной N 2. Танцует в коллективе «Калейдоскоп» при СОШ N 2, поёт в Академическом хоре «Млада». С 2012 года занимается в Клубе Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. Неоднократно публиковалась в журнале детского литературно-художественного творчества «Родничок», краевой литературно-публицистической газете «Пермский писатель». Тяготеет к прозе, сюжетно выбирая школьную тему. Живёт в городе Перми.

– Правда?! – воскликнула Люба и перестала реветь, и пулей улетела в детскую.

Подойдя к двери в комнату, где осталась со своими лошадьми сестра, я услышала, как Люба выговаривает игрушкам:

– Как вы так могли? Уйти без моего ведома! Город большой, а вы маленькие – вы же могли потеряться!

Смеяться мне уже не хотелось. Совсем. Мне снова стало стыдно.

---

* Рассказ написан при участии А. С. Зеленина.

Алексей КРЮКОВ

У НАС ЕСТЬ КОШКА. Рассказ*

У нас есть кошка. У неё для имени: длинное – Пушинка, короткое – Пуша.

Пуша любит сидеть на подоконнике и смотреть в окно – на птиц. Занимается она этим давно. И – каждый день.

Однажды мы с братом подумали: что такого интересного в этом занятии – сидеть на подоконнике и смотреть в окно? Взяли и сели рядом с Пушей. И тоже принялись смотреть в окно. А там…

А там голуби, воробьи, снег, деревья, люди, лёд, автомобили, небо!

Полчаса мы сидели на подоконнике и сидели бы дольше, но замёрзли. Слезли на пол и кошку с собой забрали – пусть тоже согреется.

…Мы теперь часто на подоконнике сидим. Втроём.

---

* Рассказ написан при участии А. С. Зеленина.

Алексей КРЮКОВ родился 13 августа 2003 года в городе Перми, учится в средней общеобразовательной школе N 76. В течение двух лет посещает занятия Клуба Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. Творчески тяготеет к прозе. Публиковался в газете «Пермский писатель». Живёт в городе Перми.

Дарья СМИРНОВА

ТАЛАНТЛИВАЯ ДЕВОЧКА. Миниатюры*

МУХА

Где-то жужжит муха.
Судя по звуку, эта муха большая, жирная и наглая.
Мне из-за неё плохо, а мухе – всё равно.

ПЕТУХ

Утром закричал петух.
Я проснулась, попыталась уснуть заново, но у меня не получилось.
Петух кричал и кричал, и я думала: «Где же у него кнопка, чтобы его выключить?»

ТЕЛЕВИЗОР

Жил-был телевизор.
Он показывали людям мультфильмы, взрослое кино, новости и ещё много другой всякой всячины.
А себе телевизор показывал людей, которые сидели на диване напротив него.

ТАЛАНТЛИВАЯ ДЕВОЧКА

Я не знала, про что написать.
А хотелось – очень!
Чтобы прочитать потом и сказать себе: «Какая я талантливая!»

---

* Цикл написан при участии А. С. Зеленина.

Дарья СМИРНОВА родилась 13 июля 2003 года в городе Перми. Учится в средней общеобразовательной школе N 47. Разносторонне развитый человек – занимается вышиванием, рисованием, танцами. Пробовала свои силы в кунг-фу. В течение двух лет посещает занятия в Клубе Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. Тяготеет к прозе. Живёт в городе Перми.

Андрей ЗЕЛЕНИН (об авторе см. с. 140),
Дарья ШИЛОВА

КТО-ТО ЖЕ ДОЛЖЕН...

Из цикла рассказов «Родной мой Васька»

Вася должен быть хищником. Я это понимаю, а Вася – нет.

Моя старшая сестра вышла замуж, родила сына, и отдала мне… Нет, не сына, свою шиншиллу.

Шиншиллу зовут Ксюшей. Она представляет собой нечто среднее между крысой и белкой.

Вася, как кот, должен охотиться на крыс и прочих грызунов. То есть, на Ксюшу он тоже должен охотиться.

Когда Вася увидел шиншиллу, я поняла: мне нужно воспитывать в собственном коте зверя.

Потому что.

Когда Вася.

Увидел Ксюшу…

Оказалось, что страшнее зверя, чем шиншилла, для Васи нет.

Васю в нашей двухкомнатной квартире мы искали долго. Но нашёлся он сам, ночью, когда Ксюшу закрыли в клетке. Кот пришёл ко мне на диван и долго и беззвучно рыдал в одеяло.

Теперь я думаю: как сделать Васю хищником?

Нет, мне не нужно, чтобы мой кот съел шиншиллу сестры! Мне просто нужно, чтобы это Ксюша пряталась от Васи, а не наоборот!

Не могу себе представить, что я буду бегать за шиншиллой и кусать её за хвост, но кто-то же должен показать Васе пример!

Дарья ШИЛОВА родилась 16 ноября 1999 года в городе Перми. Училась в средней общеобразовательной школе N 65, перешла в среднюю общеобразовательную школу N 64. Занималась в школе дополнительного образования Englishplus. С 2011-го посещает Клуб Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. В творчестве предпочитает соавторство, тяготеет к прозе. Автор (совместно с учителем, детским писателем А. С. Зелениным) книги рассказов «Родной мой Васька» (2014). Неоднократно публиковалась в альманахе «Литературная Пермь», краевой литературно-публицистической газете «Пермский писатель». Живёт в городе Перми.

Дарья СМИРНОВА (об авторе см. с 239),
Валерия ШАРАПОВА,
Дарья ШИЛОВА (об авторе см. с 240)

ВЕЧНЫЙ СПОР. Рассказ*

Тёма пришёл к маме и сказал:

– Мама, пожалуйста, дай мне конфету.

Мама строго посмотрела на Тёму и ответил:

– Нет.

– Почему? – удивился Тёма.

– Потому что ты не ел, – сказала мама.

– Так ты дай мне конфету, и я её поем! – выдал Тёма.

– Конфеты – это не еда! – сурово произнесла мама.

– Почему?! – снова удивился Тёма.

– Потому что конфеты – это сладость, – пояснила мама.

– А разве сладость есть нельзя? – развёл руками Тёма.

– Можно, – согласилась мама.

– Значит, дай мне конфету! – потребовал Тёма.

– Нет! – опять строго ответила мама.

– Почему?! – чуть не расплакался Тёма.

– Потому что конфеты – это не еда! – мама была непреклонна.

– Как так?! – изумился Тёма.

– А вот так! – мама упёрла руки в бока.

– Но ты же сама сказала, что их можно есть! – Тёма уже кричал.

– Можно, – согласилась мама.

– Ну, так дай мне конфету! – Тёма даже затопал ногами.

– Нет! – в третий раз ответила мама.

– Почему?! – завопил Тёма.

– Потому что конфеты – это не еда, – мама была похожа на неприступную крепость.

Тёма поскрёб маковку, шмыгнул носом, дёрнул себя за ухо и… тихо-тихо попросил:

– Ма-ам. Пожалуйста. Дай мне суп.

– Умница! – обрадовалась мама. Она тут же налила полную чашку рассольника, нарезала хлеб, затем, подумав, достала из шкафчика шоколадную конфету. И сказала: – Когда съешь суп, можешь съесть конфету.

Тёма сел за стол, посмотрел на маму, быстро раскрыл фантик, сунул в рот конфету и… взялся за ложку.

Это было в обед.

Вечером вечный спор продолжился.

---

* Рассказ написан при участии А. С. Зеленина.

Валерия ШАРАПОВА родилась в городе Перми. Учится в средней общеобразовательной школе N 109. Занимается в детской школе театрального искусства «Пилигрим» и изостудии Детско-юношеского центра «Рифей». Несколько лет посещает занятия Клуба Юных Сказочников при Пермской краевой детской библиотеке им. Л. И. Кузьмина. Тяготеет к поэзии. Публиковалась в журнале детского литературно-художественного творчества «Родничок» и краевой литературно-публицистической газете «Пермский писатель». Живёт в городе Перми.

Андрей ЗЕЛЕНИН (об авторе см. с. 140)

НА САМОМ ДЕЛЕ

ГОВОРУШЕЧКА ПРО БАБУ ЯГУ

В некотором царстве,
В некотором государстве,
В избушке на курьих ножках
На самом деле, а не понарошку
Жила-была Баба Яга
Костяная нога –
В ступе летала,
Метлой след заметала…
А как в зеркало глядела,
Так пугалась да ревела:
– Ах, нос крючком!
Ах, уши торчком!
Ах, зубов мало!..
Ах, опять сама себя напугала.

НАДОЕЛО

В столовой свинья заказала обед:
Сосиски, сардельки, салат, винегрет.
Сосиски, сардельки, салат она съела.
Сардельки – не съела; ей есть надоело.

ЕСЛИ СКУЧНО

Если вам сегодня скучно,
Отчего-то очень скучно
Или просто – очень скучно,
Не скучайте просто так!
Поскучайте с интересом,
С интересным интересом,
Потому что с интересом
Интереснее скучать!

Парнас
без границ

Алексей МАЛЬЦЕВ (об авторе см. с. 167)

ПОТЯНУЛО ЧТО-ТО, БРАТЦЫ

Потянуло что-то, братцы,
несмотря на суету,
в мир перкуссий и пальпаций,
в царство Коха и Манту.
В медицину мне, короче,
захотелось снова вдруг…
Писанина снится ночью –
Доплер, Холтер, ультразвук…
Жил,
раскаянья не ведал,
крепко спал,
тахту давил…
Десять лет прошло,
как предал,
десять лет,
как изменил.
Ностальгией переполнен,
маюсь,
сам себе не рад…
Там меня, конечно, вспомнят…
Только примут ли назад?!

Игорь ТЮЛЕНЕВ (об авторе см. с. 105)

ЧТО-ТО В МИРЕ НЕ ТАК

* * *

Роману Мамонтову

Что-то нынче случилось с тобой человек,
Если птицы летят в небе яйцами вверх!
Если стала ржаветь золотая душа
И почившие в бозе кричать кореша.

Что-то в мире не так, что-то в мире не то,
И уже удивляет, что конь без пальто
В сентябре ходит в поле жуёт облака,
Подставляя под солнце тугие бока.

С куполов позолота сползла на траву.
Вновь Москва погрузилась по грудь в «татарву».
А по небу грохочут Ильи сапоги,
Не волнует его: кто с какой встал ноги?

Третий Рим не воскрес по примеру Христа.
До сих пор нас Иуда целует в уста…
Планетарной тоской жив мужик на земле,
А душа, как царевна, лежит в хрустале.

Там, где камни из тьмы тащат корни на свет,
Ибо камню хотелось, чтоб был обогрет…
Ничего не случилось с тобой человек,
Просто птицы летят в небе яйцами вверх.

Анатолий ГРЕБНЕВ (об авторе см. с. 105)

ЗА ТРЕЗВОСТЬ!

О ПЬЯНСТВЕ

Пели-пили, поливали,
А потом – сплошной провал.
Утром вспомнишь ты едва ли
День, убитый наповал.

Вспоминать его не надо,
По убитому не вой.
Алкогольную помаду
Смой водою ключевой.

…Вот и друг, живой и резвый,
Непреклонный, как трамвай:
– Ну, в последний раз –
За трезвость!
– Что ж, за трезвость – наливай!

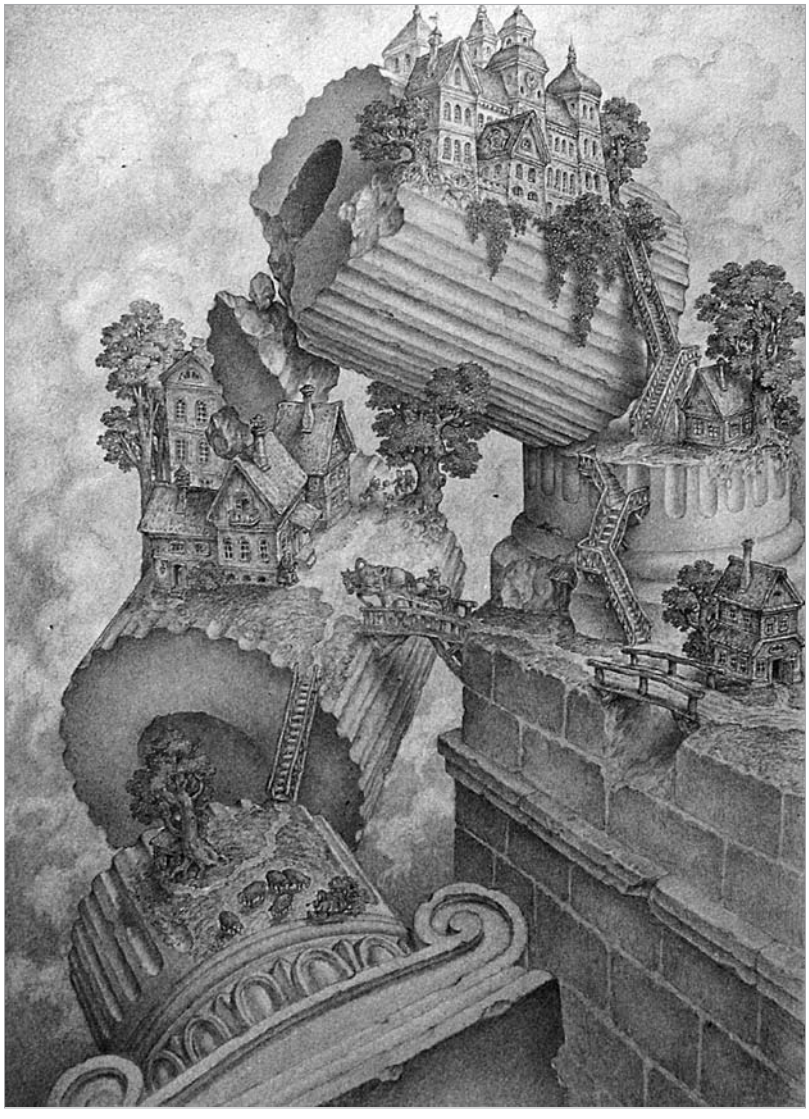
ПОХМЕЛЬЕ

Набряк мой лик.
Потух мой взор.
И совесть, словно ревизор,
Опять, как плату за стихи,
Считает
Все мои
Грехи!

ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

И ко груди твоей приблизясь,
Я позабыл, её ввиду,
Что поразил Россию кризис –
И что народ попал в беду.

И понял я, хоть не философ,
Что только у твоей груди
Есть разрешенье всех вопросов,
И счастье ждёт нас впереди!



Часть 3

Арсений КОНЕЦКИЙ

РЖАНАЯ ПАМЯТЬ

ШЕСТОЕ ИЮНЯ

Неистребимый ястребиный стремительный российский слог
Хмельной рябиной, ржавой глиной вторгается в гортанный мир.
И одиночество смолкает, и страх уходит из-под ног,
И снегом завлекает осень на вкус распробовать эфир.

Я лишь старательный возница, послушливый толмач просёлка,
Мне расталдычить эти дали – дороже дрожи на заре,
Когда холмы на одеяле, и обнажённая двуколка,
Летит, колдобины щербатя, морозной тенью в серебре.

Я только отсвет, отзвук только, льняное поле, поздний посвист,
Позёмка, бьющая плечами в чечёткой сточенный порог,
Но я велик твоею волей, разбойная хмельная повесть,
Неистребимый ястребиный стремительный российский слог!

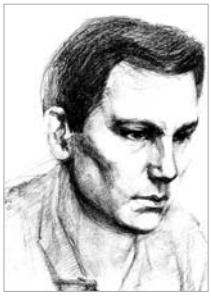
ЕВРАЗИЯ

Подземный гул копыт, что дальний гром:
В лоскутный дым бродячих поселений
Обряжена весна. Степным костром
Чуть теплятся огни ночных молений.

Сухой грозою полон край земли,
И воздух – слюдяным свеченьем стали,
И высоко из медленной пыли
Вокруг костра слепые тени встали.

Забыто солнце в руслах древних рек,
Но яблоневый свет идёт с востока,
И мы храним в тяжёлых складках век
Запретный плод заоблачного ока.

У наших жён протяжны имена
И нежен взгляд с янтарной поволокой,



Арсений Юрьевич КОНЕЦКИЙ, известный русский поэт, родился 24 июня 1968 года в Свердловске – безвременно скончался 3 мая 2016 года в Москве. Член Союза писателей России (1993). Автор семи книг. Участник последнего IX Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве и самый первый лауреат Всероссийской Есенинской премии (1996). После окончания Литературного института остался в Москве. Создал поэтический центр «Композиция». Был соруководителем (с Риммой Казаковой) «Клуба одного стихотворения» в ЦДЛ. Его стихи печатали столичные журналы и антологии, а имя вошло в библиографические справочники и энциклопедии. Жил напряжённой, внутренней, творческой жизнью, дорожа свободой слова. Последний период жизни поэт углублённо работал над книгой духовных стихотворений «Тесные врата».

И кажется, что в нём отражена
Ржаная память полночи глубокой.

И шёлковая ниточка вдоль рук,
И мятный сквознячок при поцелуе,
Когда тела изогнуты, как лук,
И колокольца колобродят в сбруе.

Когда восторг перетекает в ночь,
И кровь перенимает звон цикады,
Когда... Светает... Некому помочь
Ворочать нам державные громады.

И как сказать дымящейся стерне,
Растерзанной железным лихолетьем,
Что вскрикивают всадники во сне
И молятся о времени последнем?

Что даже там, где бурая тайга
Распластана, как шкура росомахи,
И где кружит в зените пустельга,
Нам не избыть младенческие страхи.

Младенческие страхи тишины
И судороги вдовьего проклятья,
Когда ущербный мёрзлый ком луны
Обугленные разорвёт объятья.

Но тем из нас, кто перейдёт рассвет
И в руслах древних рек расплещет воды,
Хмельная память перебьёт хребет
Во имя непрощающей свободы...

СЕРЕБРЯНЫЙ СВЕТ

I

Невесёлое солнце морозных широт
не взрастило щедрот Апшерона.
Хоть шаром покати. Шаг шагни от ворот –
тишь да глушь, да над рощей ворона.
В кронах – ветер; в портках перешитых – дыра;
комариная взвесь над башкою;
И сегодня, как завтра, а там, как вчера, –
нищета вперемежку с тоскою.
Одиноко в осоке сидит мухоглот,
и листва перепрелая ржава.
Что же ты разлеглась вдоль дремотных болот
да по мхам разбежалась, Держава?
Что же ты невзлюбила веселье цветков –
ни магнолии, ни олеандра,

Что же ты не городишь для их завитков
палисадников из палисандра.

II
Невысокое небо слегло на лесок,
но далече раскинулось поле:
Оттого человечище русский широк!..
Оттого-то и мается боле.
Пусть от ветреной зыби сквозных позолот
весь трепещет осенний ольшаник, –
Зёрна к зернышку: мыши пожрут намолот;
червь подточит уснувший омшаник.
Ранник тронет рябину – вразлёт! – не собрать
в закрома тароватые грозди.
Снегирей говорливая рдяная рать
скоро, скоро напросится в гости.
Скоро, скоро. А там, как и прежде, хандра,
только в снежном, ином облаченьи.
Слышишь, милая, сколько звенит серебра
в среднерусском морозном реченьи?

III
Пусть с небес и трусит слюдяная труха,
что тебе до щедрот Апшерона,
Если – царские! – соболь приносит меха,
если всякая птаха – корона!
Ну и что теперь, коли не зреет гранат,
не беременна ветка оливой, –
И без них твой медвежий закуток богат
кедрачом да плакучею ивой.
Всё равно не поможет тебе ни на грош
околотных народов орава:
Чечевица – не рожь. Пропадай! Пропадёшь.
Переможешь! На то и Держава.
Пусть иные тарахтают в тартарары,
нагрузив тарантас барахлишком, –
Будем счастливы в дебрях родимой дыры,
на прокорм промышляя ружьишком...
Слышишь, сколько в словах серебра?
И сегодня, как завтра, а там...

СУСАННА

Кровоточит осень и саднит
Ноющим дождливым бормотаньем,
И ключом вращающимся длит
Скуку заводным воспоминаньем.

Голову в ладони урони,
Остужая локти на паркете,

И увидишь, как бегут огни
По обитой бархатом карете.

В воздухе кислит от нечистот,
Из Кремля доносится осанна,
И выходит к старцам из ворот
В горностаях траурных Сусанна.

Но толпа смыкается кольцом
С пьяною угрюмостью урода,
И холуй с бревенчатым лицом
Что-то врёт от имени народа.

На губах слоится шелуха,
Осыпая мстительные речи,
И летят в ночную грязь меха,
Обнажая царственные плечи.

Мужики в метро молотят вздор,
С похорон в гнездо спешит ворона,
И расстрелян танками в упор
Площадной вертеп синедриона.

Голову в ладони урони:
Нет ни слёз, ни мщения, Сусанна!
В чёрных рощах теплятся огни
Зубчатых святилищ Ханаана.

Но в бесстрастной книге бытия
Есть ещё свободные страницы,
И восстанут из небытия
Твоего позора очевидцы...

ОСАЖДЕННАЯ СОВЕСТЬ
(орнамент)

Атакована зло взбунтовавшейся плотью,
Окружённая вражьей звериной ордою,
Осаждённая совесть последние силы
Напрягает, взывая о стойкости к Богу.

Вот крадётся, петляя, пехота желаний,
Волоча по грязи похотливое тельце,
Но отвесные стены у башни обета
Нелегко одолеть вислозадым уродцам.

Вот пошла в наступление конница страсти,
Мечет стрелы зажжённые, в топоте, громе.
Но глубокие рвы возле башни обета
И с шипением гаснут бесцельные стрелы.

Вот ударила враз артиллерия гнева.
Содрогнулись в дыму поражённые стены.
Но добротная кладка у башни обета
И непросто из пушек разрушить твердыню.

Недоступна врагам, успокоилась совесть,
Помолясь благолепно, уснула; не зная,
Что гордыня-лазутчица знатного рода, –
Отпирает тайком городские ворота…

ИМЯРЕК

Гостеприимства выпит спирт. И выбит половик.
И мы опять обречены цедить чифир войны:
Налётом на гнилых зубах окаменеет крик,
И вырежет животный страх полоску вдоль спины.

Налётом на бессонный дом, набегом по стерне,
Вторгается в полночный мир слезоточивый век,
Сжимая солнечный восход в кровавой пятерне,
И пишет смерть мою вчерне угрюмый имярек.

А я всегда любил тропарь и не любил псалтырь,
И не спешил постичь вблизи небесную цифирь:
Но если враг меня зовёт на выжженный пустырь,
Пойду менять чифир войны на дружеский чихирь.

Чтоб не топтать чужой земли, постелим половик,
Не станем поминать грехи, а помянём родных.
И я кричу ему: «Постой!..» Но – каменеет крик,
И первобытная вражда коленом бьёт под дых…

ДАР

И сельский вор, и просвещённый киник,
И площадной юродствующий хлыст
Найдут приют в стенах небесных клиник:
Карающий их не коснется хлыст.

В мансарде меблированного неба,
Прохладной, светлой и полупустой,
И я забуду черствь земного хлеба,
Въезжая на безвременный постой.

Чтоб обрелась духовная свобода –
Поближе к Богу и подальше от
Пернатого чиновничьего сброда,
Сброшюровавшего вселенский ход.

А смрадный ров, где будет гнить убийца,
В подземной мгле, возмездием за грех, –
Лишь философский фортель флорентийца,
И небеса – единые для всех!

Но ангелы перстом не тронут лютни:
Здесь тот же склочный коммунальный быт,
Всё те же сплетни и всё те же плутни,
Всё так же дар смирения забыт…

ПЕСОЧНЫЙ КРУГ

Житейский циферблат, песочный круг арены
Я подчинил себе без маски и белил:
Смолкали от моих разбойных слов сирены,
И в малом и большом мне мир благоволил.

Мне мир благоволил, как цирковая лошадь,
Кивая праздничным плюмажем площадей.
И жизнь была сама бушующая площадь
С ночными толпами ликующих людей.

Но памяти моей просторный колумбарий
Не сохранил всех тех, кто прогорел дотла.
Всей рощи не вместил потрёпанный гербарий,
Листву смела в костёр угрюмая метла.

И вот теперь, когда под гнётом поколений
Перебродил в крови пророчества настой,
Я в лепете листвы ловлю пыльцу явлений,
Опустошая штоф судьбы полупустой.

Ушедшее – вдвойне становится дороже,
Когда не отыскать свидетелей живых,
И мы глядимся в ночь расчётливей и строже,
С заоблачных высот сердец сторожевых…

РОЖДЕСТВО

В пылающий свиток поэма грядущего свита,
Но я не ищу ни хвалы, ни хулы, ни совета:
Меня не отыщет небесная хмурая свита.
Сцепление слова. Сцепление снега. Сцепление света.

Я лишь очевидец великого таинства снега:
Здесь мёртвая птаха свистит, как стрела печенега,
Здесь в сумерках в небе разлита разбойная нега.
Сцепление света. Сцепление слова. Сцепление снега.

Здесь в пьяном разбеге сшибается конная лава
И рыбарь Симон ожидает обильного лова.
Вот так и проходит земная метельная слава:
Сцепление снега. Сцепление света. Сцепление слова.

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Вложивший в зёрна тайну набуханья,
Расчисливший движенье птичьих крыл
Нас одарил за вечные страданья
Вторым дыханьем на исходе сил.

Но есть иное, высшее уменье,
Когда, как дар за хищный, нежный взор,
Откроется очам второе зренье,
И станет мир неведом с этих пор.

Дорогу, дом – ты всё увидишь внове,–
Речной обрыв, церквушку, дальний лес,
И жизнь вторую им даруешь в слове,
И узришь свет, струящийся с небес.

Опустишься: и над хребтами пашен
Подсмотришь, как летит к земле дракон.
Поднимешься: окажется не страшен
Среди других жуков жужжащих он.

Благословляя труд и равновесье,
Ты обретёшь покой и тишину,
Чтоб числить птичьи взлёты в поднебесье
И жизнь привлечь к набухшему зерну.

ЛЕТО

Маме

В дом врывается сад сквозь фруктовые форточки.
Видишь: яблоки словно до зерён сгорели
Там, где солнце садится по-детски на корточки
На резную скамью позабытых качелей.

Еле-еле касаясь рукой подоконника,
Тень моя пробежит по одной половице,
И закат отразится на дне рукомойника,
И в ведро застучит водяное копытце.

Голубыми, зелёными, красными бликами
Сад скользит по стеклу, по стене, по постели:
И во сне мы садимся – ночными курлыками –
На резную скамью позабытых качелей.

Наше детство – курлы! – до головокружения
Проскрипит нам – курлы! – в деревянном разбеге,
Для колен не жалея крапивного жжения,
И к реке довезёт на бродячей телеге.

От загара светлеют вчерашние ссадины.
А когда от грозы волны ходят кругами,
На ладонях блестят розоватые градины
Вперемежку с рогатыми злыми жуками...

И репейник склоняет колючие мордочки
Прямо к пухлым губам, липким от карамели,
Там, где солнце садится по-детски на корточки
На резную скамью позабытых качелей...

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАРТЕРА

В дни, когда я держал горсть песка на ладони,
солнце спало в воде,
И тончайшие отблески вечной латуни
восходили к звезде.
Я шалел от сплошного песчаного счастья
и лепил, как хотел:
Образ мира из пасмурной глины ненастья,
из мерцания тел.
Я лепил, я любил, я отстаивал чуда
рукотворный восторг,
И меня не брала ни хандра, ни простуда,
ни беспамятный торг.
И во мне вызревала разбойная вера
в правоту топора,
И ко мне выходил человек из партера,
из людского костра.
В человеке, ушибленном собственной ложью,
прорастала трава,
И, как старцы, бредущие по бездорожью,
спотыкались слова
В человеке, ушибленном собственной ложью,
было всё от меня:
Рваный жест, пересыпанный чувственной дрожью,
голос в шрамах огня.
В каждом слове его проживала пантера
и хрипел патефон...
Я такой же, как он, человек из партера,
я такой же, как он.
Я такой же: угрюмый, красивый, влюблённый
в острогрудую мглу.
Улыбнёмся, и – строится угол казённый
на пустынном углу.
Но, кривляясь на общих духовных подмостках,
мы глядимся в метель,

И простуженно зябнет в духовных обносках
детских снов карусель,
И тончайшие отблески вечной латуни
не восходят к звезде,
И янтарные камушки, взвившись с ладони,
не скользят по воде…

НОВЫЙ ФАЭТОН

Я не Бог. Но сегодня я сам – огневое светило.
Раскалённые спицы – летят с колесницы лучи.
Я прекрасен и молод, и полон властительной силы
Раздвигать вязкий холод, и мрак, заключённый в ночи.
Я взойду! Своё тело в целебном огне искупаю!
Омрачённую душу – венчальным лучом исцелю!
Искупаю, родная, ночную печаль искупаю,
Искуплю, дорогая, ночную печаль искуплю…
А когда небеса смоляным свежеструганным доскам
Возвратят прогоревшее чёрное тело, тогда
Помолись за бессмертье,
пусть слёзы смешаются с воском,
Пусть качнётся фитиль,
пусть крылатая вспыхнет звезда!

БЕЗДНА

Придорожно влюблённый в удачу,
Как в расцветшее солнце в росе,
Я свидание наше назначу
В стороне от зеркальных шоссе.

Скоростной амальгамой асфальта
Искажается облик и жест,
Только рокот шмелиного альта
Приглушает ревущую жесть.

В сонном княжестве дикого мака
Никогда не визжат тормоза:
Безо всякого вздорного знака
Заглядимся друг другу в глаза.

Оттого и влюблён я в удачу,
В острогрудую летнюю мглу,
Оттого и в бессилии плачу,
Заключённый в медвежьем углу.

Нет! не блеском дороги зеркальной
И не злою острожной судьбой –
Вечной одурью континентальной
Осуждён на разлуку с тобой…

Но, минуя пространство, вплотную
Ты мерцаешь в дыханьи моём,
И не раз ещё в бездну глазную
Мы сорвёмся вдвоём...

МОРОК

Владычествуя в космосе ночном,
Меня ты обволакивала светом.
Шиповник цвёл. И в воздухе раздетом
Блуждало эхо в мороке речном.
Дождь вспыхивал, земли не оросив,
Небесный порох передав губами
Мгновенному свеченью между нами,
На миг всего калитку отворив.
Шиповник доцветал. Губам твоим
Так много предстояло после помнить
Того, что и веками не восполнить,
Не отмолить и не забыть двоим...

ХОРАЛ

Когда стечёт в траву воск утреннего града
И размотает гром свой огненный клубок,
Из-за свинцовых врат возвышенного града
Нисходит вдоль луча мой кареглазый Бог.

Сквозь затхлый и сквозной мрак метрополитена
Я восхожу к Нему по лествице пустой,
И радостный хорал из ветра и Шопена
Торжественно звучит молитвою простой.

На срезе подвижных подземных минаретов
Ветхозаветных дней мерцают письмена,
Когда не ведал мир ни Мекк, ни Назаретов
И не придумывал для Бога имена.

Мой кареглазый Бог нисходит в мир без злобы
И в смерти не страшит пылающей смолой,
Мой кареглазый Бог ко мне приходит, чтобы
Я стал молитвенным огнём, а не золой.

Я не ищу судьбы скитальца и пророка,
Но в пыльный луч вплелась янтарная лоза,
И я иду один, без имени, без срока,
Чтобы с улыбкою взглянуть Ему в глаза...

ВОЗНЕСЕНИЕ

Город смотрит через плечо
На ладони мои пустые,
Так удушливо горячо
Растрепав тополя густые.

Я кормлю тишину с руки,
Проходя потайным бульваром,
Где прозрачные старики
Прозревают судьбу задаром.

И пульсируют их тела,
Отторгая чужие тени,
И пробившиеся крыла
Пригибают к земле колени.

Преломляя порожний свет
Дрожью высшего соучастья,
Их ладони хранят секрет
Невозможного в жизни счастья.

Их ладони приблизь к глазам,
Поцелуй, и сквозь них на время
Посмотри – и увидишь сам,
Как возносится к солнцу семя…

КАМЕНЬ

По щиколотку вросший в мох, в родимый перегной,
Тысячелетия дремлю в невольной немоте:
Меня и звери, и века обходят стороной,
Да непреложно облака блуждают в высоте.

Я слышу шорохи травы и скрежет корневищ,
Когда окрестные леса предзимний бьёт озноб,
Когда на злые голоса свистит небесный свищ
И почерневший горизонт свинцовый хмурит лоб.

С времён ацтекских пирамид и гибели Микен
Я некий путеводный перст в неведомый предел.
Не омрачаемый ничем, не движимый никем,
Я помню: как сгущалась ночь, как плод запретный зрел,

Как с ветви Млечного Пути, покрытой звёздной ржой,
Червивым яблоком Земля сорвалась на ладонь
Взрастившего небесный сад не волею чужой,
А токмо промыслом своим, рождающим огонь.

Он яблоко спечёт в золе вселенского костра,
Когда увидят облака, что весь я мхом порос.

И я врастаю глубже в мох – покуда не пора! –
А подо мной таится червь, как дремлющий вопрос:

Что тайна? Знаки на песке, накрытые волной,
Неторопливый перелёт пузатого жука,
Две полуночные души, вмещённые в одной,
Иль разорви-рубаху пляс хмельного мужика?

Иль всё испепеляющой свет, пришед из далека?

СОЖЖЕНИЕ

Я листья жгу, прощая вечер новый
Томлением беспечного труда,
Бессмысленно гляжу на лист кленовый
И замираю, может, навсегда:
В прыжке за тенью зависает кошка,
Огонь фольгой топорщится в костре,
В тумане застывает неотложка,
Как божия коровка в янтаре.
И что-то вспыхивает, что-то поднимает
Листву с земли и жизнь кружит назад,
И женщину ко мне на грудь бросает,
И мороком пронизывает сад.
Пусть вывихнуты челюсти у окон,
Пусть прошлое торопится к костру,
О, жизнь моя! тебя, как жалкий кокон,
Не сжечь и не развеять на ветру…

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Жизнь пора переписывать набело,
Тесно стало мне в черновиках:
То – что было, и то – чего не было,
Выносить сквозь огонь – на руках!

На задворках духовной опричнины,
Сея смуту в разгульной строке,
Тёмных слов узколобые истины
Воцарились в опальной башке.

Оттого горностаевой мантией
Ниспадают в пожар облака
На закате, больном пироманией,
Пеплом райского черновика.

Отдаляют зачатие истины
Легионы расколотых снов,
И оскалом духовной опричнины
Пьяны рты перекошенных слов.

Мне пора переписывать набело
Истлевающий свиток любви,
То – что было, и то – чего не было,
Отторгать от заблудшей крови...

УЗНИК

Есть жертвенность двоякого страданья,
Когда страдают жертва и палач:
Склоняя совесть на алтарь закланья,
Они не ждут от мира: исполать!

Они скопили детские обиды,
Скрепили сердце гневным сургучом,
Их двери к солнцу наглухо закрыты
Бог знает где потерянным ключом.

Счастливый узник вольного сознанья,
Свободной жертвы скованный палач,
Я сам себе назначил наказанье,
Я сам себе раскаянье и плач.

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Хочу примерить долголетие
Греховной бабочкой к сединам:
Моё духовное наследие
Ничтожно в тлении едином.
И я несу своё безверие
Туда, где мглой припорошило
Полей студёное безветрие,
Где отжило всё и отжило.
Где станут первыми последние,
Изверясь в номерах «Астории»:
Моё духовное наследие –
Грязь под ногтями у Истории.
Слегка помешкаю в преддверии
Зимы, в предвосхищеньи тления:
Не веря, но уже в предверии
Для нового перерождения...

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

ПАМЯТИ ПОЭТА

Арсения Конецкого,
ненаглядного Сына моего

* * *

Входи, сынок, я двери отворила!
Не хочешь в двери? – Залетай в окно!
Тебе теперь дана такая сила! –
Все ангелы с тобою заодно:
Ты можешь на плечо моё садиться,
Как в детстве, тайны на ухо шептать…
…Сегодня я – тоскующая птица, –
Вчера была – счастливейшая мать!
Сын столько дал мне нежности и ласки,
Такие бездны Духа приоткрыл,
Что даже смерть, хоть и сгустила краски,
Не очернила цвет его чернил…
Частицей света, мыслью планетарной,
Тетрадь его сияет на столе…
…И плачу я светло и благодарно
О самом лучшем Сыне на Земле.

МАТЕРИНСКИЙ ЧАС

У матерей неповторимы лица:
Им греет душу свет издалека
У них под сердцем
вызрела частица
Той жизни,
что пройдёт через века.
А почему так ласково и строго
Смотрела мать
на безмятежных нас,
Я поняла,
поднявшись по тревоге,
В свой самый первый
материнский час.

Любовь Анатольевна ЛАДЕЙЩИКОВА родилась 1 декабря 1946 года в городе Свердловске. Отец – инженер-металлург, участник Великой Отечественной войны, мать – техник связи. В 1975 году окончила Уральский государственный университет, филологический факультет. Работала библиотекарем. Член Союза писателей СССР/России (1980). Автор нескольких книг стихов и поэм. Живёт в городе Екатеринбурге.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ТАЙНА

1

Безрассудна, прекрасна, случайна
И сладка, как замес на крови,
За спиною у вечности – тайна,
Колыбельная тайна любви.

Но не помнит, не ведает вечность
Миг, когда обручально сплели
Сон и солнце, весна и беспечность
Колыбельную тайну любви.

2

Жизнь – млечная горечь, огонь и борьба,
Времён корневая основа…
Добавила к ней моя страсть и судьба
Любви колыбельное слово.

ЗАМЫСЕЛ

А жизни не хватает никому.
На этот счёт не стоит обольщаться.
Уходим в темноту по одному,
Не успевая с солнцем попрощаться.

Но если посмотреть со стороны,
То с нами ничего не происходит:
Все в электронном хаосе равны,
Хотя с нас глаз Вселенная не сводит

И самая высокая звезда
Из дальнего сияет зарубежья,
Как замысел, спешащий в никуда,
Как почерк мирового центробежья.

* * *

Слова пришли, но слишком поздно,
И долгожданны, и ясны
Они явились, точно звёзды,
Откуда-то из глубины.

И величавы, и красивы,
И неподкупны, и горды,
И всё-таки уже бессильны
Спасти иль вырвать из беды.

Ни друг, ни враг тех слов не слышит
Средь запоздалой тишины.
И что-то пишешь, пишешь, пишешь –
Глаза и губы солоны…

ПЛАМЕНЬ ЖИЗНИ

Мир рушится – а Женщина идёт! –
И сквозь живот – просвечивает Солнце, –
Не ведая, что взрыв произойдёт -
И раздробятся вечности оконца,

Чтобы собрать в неведомом году
Пыльцу земли и мыслящее семя,
И посадить в Божественном саду
Как уголёк, младенческое время.

В иных мирах, ветрах иных систем,
Иных планет мерзлотном неуюте,
Жизнь станет отраженьем, но не тем,
Что было чудом, плазменным по сути,

Но каждая, решившая нести
Во чреве обжигающее Солнце,
Бессмертна и прекрасна на пути –
К неведомым мирам – с бездонным донцем.

И Женщина, оберегая плоть,
И разум, и безумные надежды,
Плывёт, обняв пространство, словно плот,
И пламень жизни светит сквозь одежды.

Анатолий ЖОХОВ

ЖИВАЯ ВСЕЛЕННАЯ СТАНИСЛАВА КОВАЛЁВА. Рассказ-эссе

«На заре туманной юности», более сорока лет назад, Провидение подарило мне встречу с замечательным пермским художником-мыслителем Станиславом Романовичем Ковалёвым, философические беседы с которым были для меня своеобразной «коммуникацией в истине».

Поводом для знакомства послужило увлечение моего батюшки, протоиерея Владимира Платоновича Жохова, нашей семейной родословной, которая была документально восстановлена за 600 лет со времён жизни и деятельности святых Сергея Радонежского и Стефана Великопермского. Завершив свой четырёхлетний кропотливый труд, потребовавший работы в нескольких архивах городов России и высоко оценённый археологической комиссией Академии Наук СССР (есть благодарственное письмо председателя этой комиссии доктора исторических наук Сигурда Оттовича Шмидта), батюшка решил создать герб рода Жоховых и для художественного воплощения этой идеи пригласил рекомендованного ему высокого мастера своего дела художника Станислава Ковалёва.

Работой последнего батюшка остался очень доволен и в знак благодарности подарил художнику Библию, достать которую в те далёкие атеистические времена было непросто. Подарок этот оказался пытливому уму художника весьма кстати. И уже в скором времени Станислав поделился со мной своими размышлениями об особенностях библейского сказания о шести днях творения.

«День творения» самого Станислава Романовича длится вот уже девятое десятилетие. Человек фантастического трудолюбия, оформивший и проиллюстрировавший более 500(!) изданий произведений русской, белорусской, западноевропейской классики, написавший десятки картин, покоряющих своим виртуозным композиционным мастерством и глубоким философским содержанием. С. Р. Ковалёв в последние годы увлёкся ещё и сугубо научной деятельностью по собиранию классификации и осмыслению материалов, посвящённых вопросам космологии и космогонии. Итогом этой деятельности явились книги С. Ковалёва «Живая Вселенная. Время, пространство, материя, человек: Представление о мире в диалогах» (Пермь, 2006), «Вселенная» (Пермь, 2013), и «Гипервселенная» (Пермь, 2014).

В своём предисловии к двум последним книгам я отметил тот

Анатолий Владимирович ЖОХОВ родился 11 апреля 1944 года в семье православного священника. Человек энциклопедических знаний, глубокий и утончённый знаток мировой культуры, музыкант. Кандидат философских наук. Заведующий кафедрой социально-гуманитарных естественнонаучных дисциплин Пермской духовной семинарии. Более двух десятков лет является ведущим дискуссионного клуба «Диалог» при Пермской художественной галерее. Лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства (1999). Живёт в городе Перми.

факт, что побудительным мотивом этого труда, помимо естественной природной любознательности, послужило и знакомство С. Ковалёва с творчеством уникального талантливого графика-философа Маурица Эшера, чьи парадоксальные «невозможные» композиции перекликаются с озадачивающими странностями современной астрофизики. Для С. Ковалёва, как и для древних мудрецов, между внешним макрокосмосом и внутренним микрокосмосом существует глубинная, нерасторжимая символическая связь. Вот почему художник снова и снова обращается к азбуке, к тайнам русского алфавита, который при должном к нему обращении, становится уникальным инструментом научного познания Вселенной.

Эта мысль настойчиво проводится художником и в многочисленных картинах, где буквенный упорядоченный космос выступает метакодом космоса внешнего, природного. Эта же мысль красной нитью проходит через книгу С. Ковалёва «Живая Вселенная», где персонажи диалога наименованы старославянскими названиями букв.

Можно предположить, что для С. Ковалёва буквы алфавита – это некий символический код, который передаёт соответствующие закономерности Мироздания. Эти космические знаки и символы отражают структуры, пронизывающие как вещественные образования, так и бессознательные и сознательные формы жизни. Художник как бы говорит нам, что механизм взаимосвязи между Макро- и Микрокосмосом и человеком запрограммирован самим Творцом – трансцендентной Причиной всего существующего. Человеку не дано переступать некоторую запретную границу, он обречён раскрывать и познавать глубинные законы материи и Космоса посредством разного рода мысленных абстракций и символов. Художник убеждён, что такими символами и знаками являются буквы русского алфавита и сам русский язык. Живой для С. Ковалёва является не только Гипервселенная, но вселенная языка, которая по слову М. Хайдеггера есть «Дом бытия».

Самым ёмким и универсальным символом языка как такового является язык музыки. Помню, что уже при первых встречах со Станиславом меня, как музыканта, поразило его знание классической музыки, его обширная фонотека, включающая в себя симфонии, сонаты, концерты многих русских и зарубежных композиторов. Высокая гармония музыкальной классики будила и будит фантазию художника, наполняла и наполняет его графические и живописные полотна изысканными ритмами и удивительной соразмерностью.

В своей книге «Гипервселенная» в главе «Наитие» Станислав Романович пишет: «Рождение мысли высокой, знаменующей собой научные и художественные открытия, было и остаётся до сих пор тайной. Каждый человек, способный к творчеству, несомненно, замечал, что лучшие идеи приходят внезапно и как будто “ниоткуда”».

В подтверждение этой мысли он приводит свидетельство великого мужа науки – Альберта Эйнштейна и великого мужа искусства – Вольфганга Амадея Моцарта. А мы, рассматривая иллюстрации С. Р. Ковалёва к сказкам А. С. Пушкина, Г. Х. Андерсена, его «Сказочную азбуку», удивительные по своей философской глубине живописные полотна, читая его книги о Живой Вселенной никак не можем отделаться от догадки, что и к нашему незаурядному земляку и современнику все эти идеи прилетели из вечного и таинственного «Ниоткуда».

Иван ГУРИН

ОТ «ВЕРСТЫ МЕЖОВСКОЙ».

Из повести-эссе «Сокровенное»

В нередких поездках по стране – дальних и не очень – мне неотвязно лезут в голову стихи Поэта: «Только вёрсты полосаты попадаются одне…». И вдруг повстречал необычную версту – Межовскую, заворожившей меня не безликостью полосатой, а щедростью природной красоты, увиденной, прежде всего, Виталием Богомоловым на своей родной земле, в ординской деревеньке, Межовке. От неё, той версты, я и буду плясать, словно от печки, рассказывая о нём как о друге и писателе.

Сдружились мы давно, и – не с бухты-барахты.

В Уинской газете я дорос до заместителя редактора и внезапно был откомандирован в Чернушку, на юбилей «районки» – «Маяка Приуралья». Её редактировал отставной «сталинский сокол» Николай Чикуров, солидный, плотный красавец с шикарной шевелюрой – почти такой же, как у Вольфа Мессинга. Способный писатель, он в 1950 году был участником второго областного Совещания молодых литераторов, печатался в детском журнале «Оляпка», названном так удачно Клавдией Рождественской.

С Чернушкой я сошёлся заочно с армейской поры. В 1960-е годы, при хрущёвской территориальной перетряске, уинские сёла и деревни входили в состав Чернушинского района, и мне, солдату, приходилось слать рассказы и стихи в тамошнюю редакцию.

Прибыв на торжества, я попал в окружение земляков, переехавших сюда жить, и моих друзей: редактора Николая Чикурова, журналиста и поэта Николая Филиппова, собкора газеты «Звезда» Валерия Уварова…

На празднике – газете исполнялось 40 лет – я сказал «пламенное слово»:

– «Маяк Приуралья» в дни моей мятежной юности осветил мне тропу селькора и повёл по ней к широкой дороге журналистики. Прочитанная на днях мною в вашей газете антирелигиозная статья «Крестил, венчал и отпевал» навела меня на глубокие размышления, в ходе которых я пришёл к выводу: «Маяк Приуралья» – мой крёстный, то есть – родственник мой.

«Маяк Приуралья» крестил меня как селькора, побуждая погружать в чернильные чаны новорождённое перо. Он венчал меня

Иван Петрович ГУРИН родился 11 октября 1940 года в деревне Шарынино, ныне Ординского района Пермского края. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1968). Трудовую жизнь посвятил журналистике, в т. ч. был главным редактором газеты «Маяк Приуралья» (город Чернушка Пермской области). Был организатором краеведческих (литературных) Шарынинских чтений. Член Союза журналистов СССР/ России. Член Союза писателей России (2000). Автор более десятка книг, в т. ч. «Долгое эхо бабьего лета» (1998), «Крест бунтаря» (2009). Лауреат премии им. А. Гайдара (1979, 1982, 1985). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2013, 2012). Живёт в городе Перми.

с Журналистикой, давая наставления не бросать её ни при каких обстоятельствах. Здесь, наконец, отпевали мои стихи и заметки, крестя из угла в угол ручкой и бросая в корзину, откуда их отправляли в печку, а из редакции приходили тёплые письма с пожеланием: «Пишите нам ещё»…

Не стану пересказывать всю мою «цицероновскую» речь, лучше сразу скажу: после того юбилея я был назначен редактором «Маяка Приуралья», вместо ушедшего из жизни в 1975 году Николая Васильевича Чикурова.

Живя на юге области, я переписывался с пишущей братией из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Читы, других городов и не ощущал оторванности от центра. Завёл переписку и с Виталием Богомоловым, жившим в Перми.

В декабре 1979 года мне от Олега Селянкина, ответственного секретаря Пермской писательской организации, награждённого за войну орденами и медалями, пришёл вызов на Семинар молодых литераторов.

Приехав на него, я свиделся с Виталием Богомоловым и полнее его узнал.

С поэтами занимались Виктор Болотов, Николай Домовитов, Лев Кузьмин, Алексей Решетов и Михаил Смородинов, с нами, прозаиками, – Лев Давыдычев, Лев Правдин, Владимир Черненко.

Трём Львам, крупным писателям, я посвятил шуточный экспромт:

В Союз писателей, увы,
Боюсь зайти, не скрою правды,
Ведь здесь живут такие Львы:
Кузьмин, Давыдычев и Правдин!

С каждым из них мы наладили доверительные отношения.

У нас с Виталием оказалось много общего. Во-первых, наши рассказы на семинаре получили положительные оценки, во-вторых, как выяснилось, мы – земляки, с одного района, Ординского: он – межовский, я – шарынинский. В– третьих, оба учились в Уинской школе и были исключены из неё: он – из 8-го класса, я – из 10-го. Его погнали за шалость, меня за то же самое и критику школьных порядков.

Спустя год я вернулся, поработав завклубом, доучиваться по просьбе учителей, а Виталий продолжил учёбу в вечерней школе по возвращении из армии в Пермь, где он в 1978 году окончил и филфак госуниверситета.

До службы в погранвойсках у Виталия была другая фамилия – Соколов, по мужу его матери, Евгении Харлампиевны. Муж её воевал, она же отбывала срок по политической 58-й статье в свердловской Тавде. Там же, в неволе, в занятное число – 13 мая 1948 года – родился Виталий.

Выйдя на свободу, Евгения Харлампиевна уехала с ним в Межовку.

– Узнав о гибели мужа, – рассказывал Виталий, – мама в пятьдесят втором году по мудрому и дальновидному настоянию Фёдора Никандровича, супруга её сестры, взяла прежнюю, девичью, фамилию – Богомолова. Я же оставался Соколовым, и меня в школе

дразнили – Сокол, что мне не нравилось. В пятьдесят пятом я был записан на мамину фамилию…

«Фигушки вам, – радовался Виталий тому, как огорчит сверстников, – никакой я теперь не Сокол!» Рано он ликовал: ему дали прозвище ещё хлеще – Божок. Переживал, ясное дело, зато попал в любимые погранвойска: в них, подчинённых КГБ, не брали ребят репрессированных родителей.

До армии Виталий рос, мужал в Межовке, не раз бывал на краю гибели.

В шестую весну Виталька пошёл по льду на другой берег реки Межовки поиграть с ребятами на вытаявшем и подсохшем косогоре.

Поиграв часа три, побежали домой. Друзья осторожно шли над бурлящим потоком по жёрдочкам, а Виталий, из-за боязни смотреть вниз, переходил реку поодаль, по тому же льду, но сильно истончённому веющим тёплым ветерком и водой, текущей поверху. Лёд не выдержал, и парнишку, оказавшегося в ярой, мутной воде, стало затягивать под него.

На крики ребят, видевших, как тонет Виталька, прибежала женщина, проходившая поодаль. Она и спасла его, едва державшегося за инстинктивно ухватившуюся веточку ивы. К ним, веточкам, у него вызреет особое чувство: «И ветер горестно качает // Ивняк на берегу реки», «В ветвях оголённых берёз», «Я веточку младой полыни»…

Опасных для жизни случаев у него, как и у меня, было до десятка. Я тоже тонул, падал с высоты, попадал в аварии.

В семнадцать лет Виталию доверили комбайн. На хлебной ниве он опять же угождал в рисковые ситуации.

…В знойную жатву у его зерноуборочной машины внезапно забарахлил режущий аппарат. Сожалея о поломке, он остановил комбайн и, помышляя обойти по намолоту зерна зрелых комбайнёров, взялся за ремонт при невыключенном двигателе, сидя на земле, под мотовилом.

Ни с того ни с сего, по дури, что ли, паренёк-штурвальный включил в работу молотилку, и Виталия, подхваченного планками мотовила, потянуло в жатку. От отчаянного крика комбайнёра перепуганный помощник отключил механизм и замер: что с напарником?! А Виталий, слава Богу, отделался ушибами и порезами.

Несмотря на иные приключения, молодой хлебороб в ту горячую жатву стал призёром. Побеждал и в последующие уборочные. Ему вручали путёвки на ВДНХ СССР, приличные костюмы, в которых, щеголяя, вскруживал голову межовским девушкам. Впрочем, не только им.

В трудные минуты жизни, а их бывает с избытком, Виталий говорит:

– Что поделаешь, жизнь есть жизнь. Иногда она мучает и жестоко мучает, как сына Божьего. Но не пострадай Он за всех нас, мы бы и не знали Его.

Виталию Богомолову за библейской легендой о Христе видится главное: без страданий, без трудов и лишений невозможно оставить след на земле, ради чего и живём.

Пронзительная его проза социально-нравственной направленности была не ко двору властям. В письме от 8 февраля 1983 года Виталий писал мне:

«11–13 января проходил в Перми областной семинар творческой молодёжи. Главный редактор журнала «Урал» Валентин Лукьянин похвалил меня за язык, за стиль, за сюжетность и т. д., но сказал, что такие рассказы не могут быть напечатаны. Слишком много в них негативного, в том числе пьянства. Но ведь я не виноват, что народ спился.

Сейчас я столкнулся на работе с самыми низами нашего многослойного общества. И такое увидел, что негативное в моих рассказах на фоне этого – самое что ни есть положительное. И понял, на себе почувствовал, как оторваны от жизни те, кто призван решать судьбы литературных произведений. Можно выписать положительного героя в положительной социальной обстановке, но это такая ложь, что стыдно будет…»

И Виталий не поступался совестью, не приукрашивал жизнь, не выдумывал чистеньких героев.

Рассказы Виталия в трудное для него время я печатал в «Маяке…», и он утешался маленькой отдушиной.

«Конечно, очень приятно доброе отношение, – писал мне Виталий 25 сентября 1984 года. – Особенно начинаешь ценить его, когда получаешь откуда-нибудь отписки, авторы которых чаще просто грубовато отталкивают, а то и стремятся открыто унизить. Пытаюсь понять их, они завалены рукописями, нет им отбоя от нашего брата пишущих. Естественно, что рукописи читаются с раздражением, поверхностно, с целью ухватить одну-две неудачных фразы, чтобы, цепляясь за них, разгромить всю рукопись. Однако понимание этого не очень утешает.

Когда Владимир Крупин не так давно высказал в "Литературке" обиду на то, что начинающие авторы засыпают писателей рукописями, и, прикрываясь чьим-то именем, хотят войти в литературу, то я, прочитав его слова, задумался – а почему? И вот к какому выводу пришёл: молодые, таким образом, рассчитывают на более внимательное, а не поточное, прочтение рукописи в редакции. Кстати, полистав сентябрьский номер "Нашего современника", удивлён тем, какую малоинтересную чепуху там печатают».

Посылая мне рассказы, Виталий опасался моих необоснованных правок и сокращений. Приведу его откровения от 8 сентября 1986 года:

«Ты знаешь, когда мне принесли конверт, я прочитал письмо, а публикацию и смотреть не стал, уверен был (прости за грешные мысли), что рассказ подпомажен и сокращено то, что смотрится невыгодно.

Некоторое время спустя, всё же прочитал рассказ. И знаешь, Иван, я пережил минуты очень высокой гордости за тебя. Ты сохранил даже то место, где говорится, как председатель-ухарь овладел женщиной против воли её. А вот один редактор, в общем-то, уважаемый мною человек, прочитав это место в рукописи, аж задрожал и побледнел от одной мысли, что это можно публиковать, это-де чернит чуть ли не всё наше общество.

Я очень рад, что ты посмотрел на это как на жизнь. Да, были в то время такие вот люди, и не один, не два, для которых мечтой было переспать с образованной женщиной… Но ведь и это тоже – наша история, от неё не уйдешь… Спасибо, что ты это тоже понял…»

Из-за долгого неприятия прозы Виталия Богомолова, у него запоздало вышла первая книжка – «Глухариное утро». Издана она

не в Перми, а в московском «Современнике», и должна была выйти накануне сорокалетия писателя. Но у издательства случился сбой, и сборник, датированный 1987 годом, появился на свет позже. Виталий переживал: «Болезненно ожидание первой книжки. Это как первые роды для женщины моего возраста: разрешится – не разрешится, останется наследник – не останется?..»

К счастью, всё обошлось. Одно плохо: маме его, Евгении Харлампиевне, не довелось увидеть книгу сына – умерла как раз в 1987 году.

«На меня, – сообщал Виталий, – свалилась нелёгкая задача, жестокая, по сути, – ликвидация хозяйства. За жизнь нескольких поколений немало накопилось предметов и вещей, необходимых… и чем-то дорогих, как память об ушедших. Теперь всё это обречено, ибо не стало последней хранительницы этих вещей. И резать приходится по живому…»

Раз сто вспомнились ему строчки Анатолия Гребнева из стихотворения «В суходоле»: «Ты уехать отсюда не можешь и остаться не можешь никак».

Виталий, вторя ему, говорил:

– Это трагедия наша, выходцев из деревни, где осталось наше сердце, душа осталась, а плоть – в городе. Мы, как деревья, которые спиливают и увозят, а пни с корнями, питавшими нас, остаются в земле.

Он поступил мудро: сохранил дом, самые необходимые вещи; многие предметы быта передал Ординскому музею.

* * *

Я бывал в Межовке.

Был, как сейчас помню, погожий осенний день. Мы ехали домой с Шарынинских чтений, ежегодно проводимых на моей родине, и вдруг Виталий попросил поэта Сашу Гребёнкина, сидевшего за рулём легковушки, свернуть к Межовке. Кроме них и меня, в деревню приехали Анатолий Гребнев и Фёдор Востриков.

Дом Виталия пригляден всем: и местом расположения – тихим, в конце улицы, вблизи речки и косогора, возвышавшегося за ней, на котором он в детстве играл с ребятами, и плодородным огородом, и родником, что бил у самых грядок, – с чистой, вкусной водой.

Нас дурманил свежий воздух таёжного края. К избе Виталия летом в поисках поживы забредал медведь; зимой забегали волки, лисы и зайцы.

Анатолий Гребнев, осмотрев усадьбу, достал из машины гармозу – свою неразлучную спутницу – и заиграл сердечный вальс.

Играл трогательно. Я не выдержал, снял с гвоздя висевшее у крылечка коромысло, принадлежавшее ранее Витальки́ной маме, и плавно закружился с одиночным водоносом во дворе, уносясь мысленно в прошлое, подававшее короб радужных надежд.

Вальс сменили плясовые наигрыши. Пришлось и вприсядку пуститься.

Анатолий долго не смыкал меха гармоники. Он, поди, видел в моих кружениях, плясках нечто древнее, обрядовое – и продолжал наяривать мелодии, а я – выделываться. Что я? У него, Анатолия Гребнева, и косари-то «идут, чуть качаясь», «точно в танце медлительно-древнем».

Наконец музыка улеглась. Повесив коромысло на прежнее место, я дошёл до родника, наклонился к воде и, утолив жажду из пригоршни, распрямился. Предо мною вздымался заросший лесом крутой косогор в осеннем, пёстро-лоскутном убранстве. У подножия холма неслышно текла речка Межовка, разделявшая некогда русские и татарские земли.

Я любовался и отдыхающим огородом, с сохранившимся на грядке подсолнухом с большой созревшей шляпкой, под тяжестью которой стебель сгибался в три погибели, и могучим деревом на улице, и желтизной стерни дальнего сжатого поля…

Красота! Не мог Виталий, любуясь светлой сторонушкой, не воскликнуть:

Благословенные места!
Ах, как мне здесь пожить охота!
Межовская моя верста:
Река – рыбалка, лес – охота.

О привязанности Виталия к своему краю можно судить и по признанию, вычитанному мною в том же стихотворении, что даже душа его, попади она в рай, зачахнет в нём без России и, конечно, без «Версты Межовской», олицетворяющей Малую родину писателя. За теми земными строчками он, глубоко верующий в Бога, видится мне материалистом.

Я вернулся к крылечку. Виталий, взглянув на солнышко, вплывавшее в тучку, возникшуюся ниоткуда, сказал:

– Пора, друзья, в дорогу.

Мы простились с остающимся в одиночестве домом – и отправились в город со смешанными чувствами: и светлыми, и тревожными.

Виталию Богомолову я, безбожник, посвятил сюжетные стихи, и, судя по ним, сложенным в Межовке, совсем не выгляжу атеистом:

…Молюсь перед твоей избой,
Молюсь за то, не зная меры,
Что мы не разошлись с тобой
Во времени, в пространстве, в вере.
Здесь всё в гармонии живёт.
Какая благодать, Всевышний:
Границ не ведает народ,
И в роще нет берёзки лишней!
И колосу здесь полным быть,
И свадьбе быть после помолвки.
Родную Русь не разделить,
Покуда есть ещё Межовки!

Ах, как мы ныне к ней, родной землюшке, нерадивы! Забрасываем поля, продаём неведомо кому свои доли за бесценок. Рады бы и не продавать, да не в силах обрабатывать пашню.

Не забыть грустных слов, оброненных Виталием в усадьбе:

– Я, дитя деревни, не знаю её проблем.

Не мог я согласиться с ним. Знает он их, и деревню знает – всю, насквозь.

– В деревне невежество убийственное, – тревожился писатель. – Темнота крестьянина сегодняшнего дня густоты дёготной, в сравнении с темнотой крестьянина кануна отмены крепостного права…

Газеты, наоборот, шумели о крутом подъёме сельского хозяйства. Виталий же чувствовал: на исходе XX века крестьянство изводят. Говоря стихами поэта Анатолия Передреева, снова «кому-то захотелось слишком круто судьбу крестьян перемолоть, как рожь».

В конце 1990-х годов Виталий беспокоился в письме:

«Помню деревню своего детства, когда на всю ребячью ватагу приходилось один-два придурка. Теперь среди детей едва ли найдётся, может быть, один-два нормальных и полноценных. Это ли не вырождение?»

Из того же письма:

«Верю, что жизнь заставит нас повернуться лицом к деревне. Мы построим там прекрасные дома, протянем дороги, пустим автобусы, поставим на поля новейшую технику, и народ туда хлынет из душных городов на свежий воздух, на натуральные харчи и воду. Но к той поре в народе будет утрачено то душевное зернышко, которое отличает индустриально-технического землеработника от истинного хлебопашца…»

Мы радовались начавшимся в 1985 году переменам. Шли они трудно, не так, как хотелось, что видно из послания Виталия от 8 апреля 1989 года:

«Получил твоё письмо. Горячее письмо, взволнованное, беспокойное. И я, читая его, тоже взволновался, и беспокойно стало на душе моей. Особенно от слов твоих о том, что райкому не по душе позиция твоей газеты. Хотя ты пишешь, что райком это ещё не вся партия, но в назревающем конфликте, как в капле воды, отражается ситуация, по-моему, общесоюзная. Правящая верхушка на всех уровнях, от райкомов и, может быть, до Кремля (Егор Лигачёв, например, и, думается, он там не одинок), становится в оппозицию народу и перестройке.

Я заметил, что меньше всего перестройка нужна обкомам и райкомам. Перестройка проводит в жизнь положения, при утверждении которых все эти «комы» теряют власть, которою они упивались десятилетиями, теряют своё особое положение, а гласность срывает покровы с их дворцовых тайн. Зачем им нужна такая перестройка?.. Дай-то Бог, чтоб газеты стали народными, имели бы независимость…

Ты глубоко прав, старик, время сложное, в прямом смысле решается судьба России, народа и всё происходит в состоянии кризиса, охватившего страну во всех горизонталях и пластах. И уж, конечно, надо сделать всё от нас зависящее, чтобы перестройку не задушили. Если задушат, нет сомнения, – с такими редакторами, как ты, расправятся. Относись ко всему этому как естественному и неизбежному, легче будет переносить, без борьбы в таком деле не обойтись.

Действительно, «затюкали, затуркали» нас. Смирение, безропотность удивительно просто, особенно у нас в Перми, в области. Равнодушие страшное. Я не далее, как вчера, думал об этом. Скорость демократических преобразований в обществе в значительной мере зависит от степени терпимости народа. Чем он терпимее, тем медленнее ход демократических преобразований. Ведь изменения происходят, как только у народа кончается терпимость к тем или иным явлениям…

Особенность, видимо, нашего народа в том, что рабство прошлых веков и десятилетий после Октября выработало в нём огромную боязливую терпимость, смирение и идущее отсюда безразличие. Да ещё легковерен, простодушен наш народ…»

Нельзя не согласиться с Виталием. Легковерность и простодушие народа, охмурённого перестройкой, а на деле – бархатной буржуазной контрреволюцией, сыграли с ним злую шутку, как и с компартией, не заметившей перерождения своей верхушки.

Народ и партия, полные смирения и безразличия, не проявили живости в демократическом переустройстве общества, чего не скажешь о нуворишах, вмиг прибравших себе все богатства страны. Людей обобрали, выкинули за ворота проходных заводов, фабрик, принадлежащих им прежде, бросили крестьян, разогнав колхозы, совхозы, на произвол судьбы.

К худшему устройству России приложили руки иностранные советники, лазутчики (в столице их было более полторы тысячи) и «учёные» Школы политических исследований, чей попечительский совет возглавлял сэр Родрик Брейтвейт – британский посол в Москве, представитель разведки, обеспечивавший координацию всех спецслужб и их связь с ЦРУ.

Они, советники, надеясь развалить Россию путём реформ, выгодных им, кропали и нашу новую Конституцию, и Земельный кодекс, по которым мы до сих пор живём. Под запрет попали и агитация, и пропаганда патриотизма, что привело к идеологическому ослаблению страны и позорному проигрышу Западу в информационных войнах. Далёкая Америка не церемонилась в выборе пропагандистских средств и за 20 лет воспитала молодёжь Украины в духе ненависти к русским. А мы, соседи-славяне, прозевали её!

От разгула «демократии» пострадали и мы с Виталием. Я умело был смещён с поста редактора путём «демвыборов». Попутно мне, грезившему «летающими тарелками», готовили «психушку». И все бы поверили в моё сумасшествие: сужу о том по письму преподавателей истфака Пермского университета, называвших меня «помешанным на инопланетянах». Но в чётко продуманной цепочке где-то случился разрыв, и я не попал «лечиться» в Байболовку под приглядом давно врачующего там поэта Анатолия Гребнева.

А Виталий роптал:

«Я работаю, пишу, но не знаю, удастся ли издать ещё когда-нибудь книжку. Сам знаешь, что теперь на книжных прилавках. Моя проза сегодня издательству не нужна, она убыточна. В материальном отношении семье необыкновенно трудно. И чувствую, что впереди нас всех ждёт время страшное. До перемен к лучшему ещё далеко, отнюдь не те три месяца, которые обещает Бориска-самозванец. Шайка его обречена на историческое поражение, это лишь дело времени…»

Причём, это была шайка предателей. Когда она посредством хитрой перестройки и искусственно созданного дефицита продуктов со стороны Запада и наших либералов разрушила СССР, Борис Ельцин в тот же день позвонил Президенту США и с радостью сообщил ему, как последний денщик, что Советского Союза больше нет.

Белый дом возликовал: наконец-то застарелый «План Дауэса», названный так по имени американского банкира Чарльза Дауэса и разработанный ещё в двадцатых годах, до доктрин «Барбаросса»,

Аллена Даллеса и Згибнева Бжезинского, направленных на уничтожение СССР, может быть реализован.

Америка, точнее сущность её алчной политики, – исчадие всего ужасного, что творилось и происходит на свете под лживым прикрытием декларируемой демократии. Это её бизнесмены, банкиры развязали две мировые войны, взрастили Гитлера. Без капиталов Уолл-стрита не было бы мощной Германии и бесноватого фюрера.

Мысли эти не мои – американского исследователя Ральфа Эпперсона из его книги «Невидимая рука». Она, невидимая рука США, и дирижировала всеми процессами, ведшими СССР по «Плану Дауэса» к тому, чтобы он, Советский Союз, со странами Восточной Европы, стал рынком сбыта и аграрно-сырьевым придатком военно-промышленного комплекса Германии, заправляемым американскими бизнесменами и политиками.

Сначала они действовали через Льва (Лейбу) Троцкого (Бронштейна), которого после Февраля 1917 года Президент США Томас Вудро Вильсон отправил на пароходе «Кристианиафиорд» с большой группой террортстов и крупной суммой денег в Россию – подобрать валявшуюся под ногами власть.

Из-за них-то, денег, возможно, Ленин, прибыв из эмиграции в пломбированном вагоне, и приветил «иудушку». Про тот вагон, набитый до отказа людьми, много мифов. Есть же документ: «К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир».

Ещё больше лжи выливается на вождя, являвшегося якобы немецким шпионом, о чём сейчас «знает каждый школьник». Увы, насаждаемая в сознание людей ложь живуча, как и та, что Германия финансировала большевиков ради свершения русской революции. Пусть, мол, они разлагают армию, помогают нам в войне, а когда возьмут власть, совсем капитулируют.

Что в итоге? В феврале 1917 года в России произошла буржуазная революция, сбросившая царя. К власти пришло Временное правительство, в котором, верно, были германские пособники, вроде военного министра Владимира Сухомлинова, его подручного полковника Сергея Мясоедова, министра-эсера Вячеслава Чернова (Либермана) и других, но для «немецкого шпиона» Владимира Ленина, находившегося в эмиграции, она оказалась неожиданной, и он призвал народ не поддерживать временщиков.

Историк Юрий Бахурин в работе «Германский след в Октябрьской революции» пишет:

«Таяние русской армии путём дезертирства и раскола по классовому и национальному признаку не было уникальным: схожие процессы наблюдались и в других странах, участвовавших в Первой мировой войне, – Германии, Австро-Венгрии…»

Он же приводит высказывание немецкого генерала Эриха Людендорфа:

«Мысль о революции, распространяемой неприятельской пропагандой, и большевизм нашли в Германии подготовительное состояние умов… и завоевали себе почву в армии и флоте. Ложное учение… начало привлекать к себе широкие массы. Германский народ в глубине страны и на флоте получил смертельный удар».

Помыслите здраво, взрослые и школьники: зачем было правитель-

ству Германии финансировать большевиков, призывавших народы всех стран к социалистической революции, убийственной для него и всего Запада?!

Недобросовестные исследователи, доказывающие связь верхушки большевиков с Германским Генштабом и МИДом, ссылаются на телеграммы В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, присяжного поверенного М. Ю. Козловского, главы Заграничного бюро РСДРП (б) Якова Ганецкого (Фюрстенберга) и его двоюродной сестры Е. М. Суменсон.

По версии обвинения, через экспортно-импортную фирму «Фабион Клингсланд», основанную Александром Парвусом (Израилем Лазаревичем Гельфандом), исполнительным директором которой был Ганецкий, а представителем в Петрограде – Суменсон – и велось финансирование партии большевиков. Александр Парвус якобы передавал получаемые от немцев деньги Ганецкому, последний перечислял их двоюродной сестре, обналичивавшей счета и передававшей финансы Козловскому.

Считая эти телеграммы подтверждением сотрудничества большевиков с государством-противником России, начальник Петроградской контрразведки полковник Борис Никитин, автор воспоминаний, изобилующими ошибками, выписал 1 июля 1917 года ордер на арест 28 большевицких функционеров.

«Следует отметить, – пишет Юрий Бахурин, – что против Суменсон улик выявить не удалось – она использовала фигурировавшие в деле документы как сугубо коммерческую документацию».

К такому выводу пришёл и американский историк С. Ландрес. Посвятив немало времени их скрупулёзному изучению, он написал на эту тему докторскую диссертацию. Анализ телеграмм показал, что упоминавшиеся в них денежные переводы шли из России (!) в Стокгольм, а не наоборот…

Единственным примером, документально подтверждающим получение большевицкой партией денег от швейцарского социал-демократа Карла Моора, немца по происхождению, получившего крупное наследство: 73 тысяч шведских крон, является его ссуда, подлежавшая возврату, без всяких иных обязательств, после захвата большевиками власти.

Но деньги в Россию не поступили. Часть их была потрачена на проведение Третьей Циммервальдской конференции в сентябре 1917 года, состав и цели которой указывали «на использование пресловутых «немецких денег» против самой кайзеровской Германии не в меньшей степени, чем Временного правительства России».

Тогда же, в сентябре, руководители партии большевиков, не имея возможности проверить происхождение этих средств, приняли решение: «Предложение (Моора) отклонить и всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать не допустимыми».

Однако Моор, мечтая нажиться на процентах, всё-таки долю ссуды перевёл в Россию, но… в 1920 году. Эта сделка, видите, к Октябрю не имела никакого отношения. Да и сам он до переворота не был германским агентом.

Немцы питали, разумеется, ту же надежду, что и американцы, англичане, французы, японцы: за счёт гражданской и военной смуты в России захватить власть или, по крайней мере, прибрать себе часть её территорий.

И победа, казалось, была близка.

12 декабря 1917 года президент США Вильсон, утверждая телеграмму о предоставлении финансовой помощи генералу Каледину, имел сведения, что «монархисты работают с большевиками, что правительство в Смольном находится под полным контролем германского Генштаба и что «многие или большинство из них (то есть «большевики» – *И. Г.*) из Америки».

Хваткая Америка хотела облопошить всех. Об этом свидетельствовало и заявление Артура Булларда из Петроградского бюро комитета общественной информации США. Он 20 февраля 1918 года утверждал:

«Мы должны быть готовы помочь любому честному национальному правительству. Но люди, или деньги, или оборудование, направленное теперешним правителям России, будут использованы против русских как минимум в такой же степени, что и против немцев».

А майор Хеннинг, резидент германской разведки в Москве, давал 24 мая 1918 года такую характеристику внутреннему положению в РСФСР:

«Дни Советской власти сочтены, поскольку в ближайшее время в Москве, по приказу Антанты, произойдёт организованный левыми эсерами военный переворот. Антанта… сумела склонить часть большевистского руководства к сотрудничеству с эсерами. Так, прежде всего Троцкого уже можно считать не большевиком (он им, настоящим, никогда и не был – *И. Г.*), а эсером на службе у Антанты».

Все заговоры, однако, рухнули, прогнозы лопнули. Ленин, не угодив ни в какую финансовую кабалу и не являясь, что совершенно очевидно, немецким шпионом, устоял в сложнейшем и тяжелейшем противостоянии с Антантой. Интервентам не было дела ни до белых, ни до красных. Перед ними, не ввязывавшимися в бои на стороне Белой армии, стояла иная задача: уничтожить больше мирных жителей и поделить между собою богатую природными ресурсами страну. Они оставляли России всего пять городов.

Нет сомнения: нынешние либералы и «демократы», перенеси их в то время, воевали бы против Ленина, против Советской власти, и отдали бы Россию на растерзание врагам. Так я рассуждаю с позиций нынешнего видения мира. А в то время они поступили бы точно так же, как всё и произошло. В историю с опозданием не вмешиваются.

…Успехи Ленина развил Сталин, сламывая сопротивление Льва Троцкого, Льва Каменева (подлинная фамилия – Розенфельд), Григория Зиновьева (Овсея-Гершена Радомысльского) и других оппозиционеров.

В 1926 году оппозиция ослабла не без усилий Сталина и его соратников, а XV съезд ВКП (б) обозначил курс на индустриализацию страны. «План Дауэса» срывался, и забугорные банкиры, политики, недовольные действиями советских руководителей, прежде всего – Сталина, начали давление на Россию: вводили санкции, захватывали за рубежом наши посольства, убивали дипломатов, разрывали дипотношения…

Сталин жуткое давление выдержал. И не песочьте понапрасну, господа либералы, вождя! Он – молодец! Он окончательно порвал с американским агентом Троцким, не позволил оппозиции осуществить

«План Дауэса», отстранил её от подрывной работы, и сделал Советский Союз могучим, независимым государством.

Американские банкиры, провалив «План Дауэса», вновь обратили внимание на Гитлера и его партию. Гитлер, попав под пресс заокеанского капитала, хотел освободиться от влияния США, чтобы самому владеть миром. Играя в свои игры, он заключил с Советским Союзом 23 августа 1939 года пакт о ненападении, ставший серьёзным сбоем в разработанном американцами сценарии Второй мировой войны.

Кто только не клевещет на Сталина, поделившего якобы с немцами территорию Польши! А тот пакт, при незначительных минусах, сыграл на руку СССР. Наша страна вернула себе территории, ранее принадлежавшие Российской Империи. С геополитической точки зрения это считается одной из главных целей любого государства. Кроме того, договор позволил отложить на два года начало войны с немцами… Ко всему прочему, благодаря тому неожиданному пакту, японское правительство, находившееся с Советским Союзом в состоянии войны и надеявшееся на помощь Германии, ушло в отставку, и 15 сентября 1939 года Япония подписала с нами Соглашение о перемирии, а 13 апреля 1941-го был заключён советско-японский пакт о нейтралитете.

Сталин переиграл всех политиков, тем более – Гитлера, собиравшегося заключить мир с воюющей Великобританией, чтобы создать вместе с нею и Францией «Европейскую империю» и напасть на Штаты и СССР.

Для исполнения задуманного фюрер отправил 10 мая 1941 года в Великобританию своего заместителя Рудольфа Гесса, помогавшего ему писать книгу «Майн кампф» и вложившего в неё немало своих мыслей.

Посланник Гитлера, находясь за штурвалом самолёта, летел один. Не найдя ночью посадочную полосу, он спрыгнул с парашютом, да неудачно: подвихнул ногу. Неудачными были и переговоры: политическая элита Великобритании, находившаяся под влиянием Америки, на сговор с Гитлером не пошла, и фюрер, скрывая свои планы, объявил Гесса невменяемым.

Мудрый Сталин выгадал во всём, и на Постдамской конференции в августе 45-го года позаботился о восстановлении польских границ. Выступал и за единую Германию.

Дивлюсь высшему руководству нашей страны 90-х годов прошлого столетия, осудившего пакт Молотова-Риббентропа и придумавшего ещё «секретные протоколы» «о разграничительной линии», о чём сообщалось… в газетах. И стали мы ломать шапку, и ломаем по сию пору, перед польскими панами-политиками, мечтавшими перед войной расчленить и уничтожить СССР, отхватившими у Чехословакии Тешинскую область и отказавшимися войти в антигитлеровский альянс, а ныне договорившимися до того, что Москва не имеет права праздновать у себя День Победы. А где его отмечать? Во Франции, в ФРГ, в Польше? Так мы же их и освободили от фашистов!

Почему же, позвольте спросить, польские паны не просят прощения у России? Они не раз шли на неё войной, расстреляли и уморили голодом в лагерях сотни тысяч (!) красноармейцев, попавших к ним в плен в 1920 году из-за расписавшегося в бессилии Михаила Тухачевского. Катынь, где фашисты расстреляли польских офицеров,

что доказано комиссией Николая Бурденко, меркнет перед теми преступлениями.

Фашизм возник не в Германии. Он перекочевал в неё из США по прихоти американского автомобильного магната Генри Форда (1863–1947). Гитлер зачитывался его газетами и книгой «Международное еврейство».

Лидер фашистского движения в Америке поставлял в Германию до войны и во время неё легковые и грузовые автомобили, составившие основу германского армейского транспорта. Легковушки, «трёхтонки» на колёсно-гусеничном ходу и «пятитонки» шли в Германию и с французских филиалов Форда. За великие заслуги перед Германией Гитлер наградил автомагната, своего наставника и друга, «Большим крестом Немецкого Орла».

Не отставали от Форда и Ротшильды, и Рокфеллеры, и Морганы. Банковскому дому Моргана принадлежали: вся химическая промышленность Германии, 40 процентов акций компании телефонной связи и 30 процентов акций авиастроительной фирмы «Фокке-Вульф». Морган контролировал и автомобилестроительный концерн «Опель». Предки нынешних Бушей снабжали Гитлера взрывчаткой. И это в то время, когда Америка была нашей союзницей в борьбе против него!

Ныне США, как и раньше, продолжают старое: вскармливают новое нацистское государство – Украину; пестуют в России свежеиспечённых троцких, каменевых и зиновьевых. Не упускают из вида и иностранцев, являющихся акционерами наших фирм, концернов и определяющих их экономическую политику, приведшую к оттоку финансов в оффшоры. Печально, что в России огромный процент недвижимости управляется иностранцами, что случилось в конце прошлого века благодаря преступной Ельцинско-Чубайсовской приватизации. И эта вакханалия продолжается.

Да и все мы находимся под колпаком АНБ (Агентства Национальной Безопасности) Америки через мобильные телефоны и компьютеры. К тому же, в окружении нашего правительства есть «агенты влияния», нагнетающие в обществе напряжение. То они переименуют милицию в полицию, затратив колоссальные средства и не изменив ничего к лучшему, то отменят и вернут электрички, то рушат лучшее в мире образование, заодно – медицину, то вздувают цены, боясь, как огня, их регулирования, что на Западе делают, не исключая элементы планирования. Бизнесмены садятся на шею государства, вынуждая его выплачивать населению разного рода компенсации. Нас приучают к жаргону зэков, разделив страну на поселения…

Жалею о разгороженном «железном занавесе», установленном не нами, а Западом. Им тяготели те, кто рвался вывезти за рубеж свои миллиарды, хотел укрыться от правосудия, купить заморские виллы, острова, отдать знания чужой стране, чего и ныне с лихвой хватает. И нечего удивляться нашему жалкому существованию!

И всё же я поддерживаю нынешнюю власть, противостоящую Западу, свихнувшемуся с ума, но, в тоже время, хочу, чтобы она сама была разумна и решительней меняла экономическую модель, ибо положение в стране за два десятилетия либеральной болтовни и бездействия, или застоя, худшего, чем было при Брежневе, усугубилось. Мы ни на йоту не продвинулись к экономике, независимой от нефти и газа.

Бурную активность проявляют новоявленные буржуа, плюющие на свою страну ради наживы. Сейчас бизнесменам – с большим запозданием! – предлагают амнистию вывезенного за рубеж капитала и имеющейся там недвижимости, не требуя никаких объяснений. То есть власть готова им простить все преступления. Рада бы и за жабры взять, да к тем махинациям не подкопаешься. Они хитро узаконены ею же самой.

Бизнесмены, в ущерб будущим поколениям, сплавляют на Запад шедевры искусства (контрабандой), сырьё, ценные металлы, особенно кобальт, необходимый для выпуска нейтронных бомб, не вызывающих разрушений, но уничтожающих всё живое.

«Новая Антанта» – не секрет! – готовится и к биохимической войне, о начале и конце которой никто не узнает. Она будет тихой, без атак и взрывов.

Америке нужна мёртвая Россия.

Опора Америки – Североатлантический блок, приблизивший вплотную ракетные базы к России из-за потворства ставропольского комбайнёра Михаила Горбачёва. Не сбылись бы сполна предсказания американского политика польского происхождения Збигнева Бжезинского: «Новое рождение Запада должно происходить через Россию и за счёт России». Это – отголоски того же «Плана Дауэса». Словом, я – за восстановление «железного занавеса», но на более цивилизованном уровне.

Шаг к его возрождению уже сделан: в России, в связи с введёнными против неё экономическими санкциями, создаётся – тоже с опозданием! – своя национальная платёжная система, никому неподвластная извне. Нам следует избавиться и от долларовой зависимости, как было при социализме, когда доллар не дотягивал до рубля (!), а наши политики и бизнесмены прогнулись перед ним. Взяться бы и за землю, подвергшуюся диверсии.

Дай-то Бог, чтобы до демократов и либералов дошла вся иллюзорность братания с жестоким миром капитала!

США и их союзники, вводя санкции против России, недальновидны. Точно так же – блокадами и санкциями – они пытались изолировать от мира Кубу. Да – пролетели! Прозрев немного, поняли: теми мерами ничего не добиться, нужно, решили, разлагать остров Свободы изнутри, наладив с ним «дружбу», как с Украиной. Ты уж, родная Куба, не поддайся на уловки янки!

Сама Россия выстоит наперекор всем, если не будет заигрывать с наглой, враждебной либеральной оппозицией и всё ей прощать, ссылаясь на демократию. Злая и непримеримая, она, если придёт к власти, ни с кем церемониться не станет. У неё так и чешутся руки устроить декоммунизацию. К чему это приведёт, мы видим на примере Украины.

Вспомним, если не Сталина, то Столыпина, которого поднимают ныне на щит за то, что он жестоко подавлял протесты рабочих, крестьян, интеллигентов и солдат. «Сначала, – говорил Столыпин, – успокоение, потом – реформы». Эту палачёвскую формулу любят повторять демократы, установив ему памятник в Москве. Нахваливая его жестокие антигуманные репрессии, они ещё и жалеют: мало, мол, Пётр Аркадьевич истребил народа, раз не потопил его возмущение в его же крови. У либералов, теряющих всякие исторические ориенти-

ры, отсутствует и здравая логика мышления: Столыпину можно было бороться с оппозицией (вешать, расстреливать!), а Сталину – нельзя.

Кажется, я увлёкся политикой. Вернусь к Виталию Богомолову, тоже болеющему и за страну, и за свою «Версту Межовскую».

Виталий Богомолов издал, кроме «Глухариного утра», немало и других интересных книг: «Дороже сказочных земель», «Среди душманов», «Старые русские», «Душа плачет», «Как тебя зовут?»…

В 2011 году у писателя вышла документальная повесть «Вон парнишка бежит босиком» – о поэте Анатолии Гребневе. И что важно: при его жизни! На выход книги откликнулся экспромтом Фёдор Востриков:

Говорю я без подколов:
Очень славен Богомолов,
Что хватило сил и воли
Книгу выпустить о Толе,
О котором знает свет:
Гребнев – истинный поэт.

Меня всегда поражает образ самого Виталия Богомолова, входящего в состав правления писательской организации. Он выступает перед читателями, ведёт литературные вечера…

Виталий удивляет бескорыстием, умением прощать людей. Однажды, узнав об исчезновении денег из доставленного ему письма, в которых сильно нуждался, искренно сказал:

– Может, человеку, взявшему их, они были нужнее, чем мне.

Неординарный человек, Виталий Богомолов занял в литературе свою нишу социально-нравственными произведениями. Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени В. М. Шукшина, он, награждённый орденами Достоевского второй и первой степеней, находится в расцвете сил – и жизненных, и творческих. А если есть силы и способности, то новые его «наследники» – впереди.

О Виталии Богомолове и других друзьях я скажу ещё немало сердечного.

Станислав Романович Ковалёв

С. Р. Ковалёв. Городок-азбука

С. Р. Ковалёв. Иллюстрации к книге «Сказочная азбука»

С. Р. Ковалёв. Иллюстрации к книге сказок Г. Х. Андерсена

С. Р. Ковалёв. Иллюстрация к сказке А. С. Пушкина «Золотой петушок»

С. Р. Ковалёв. Иллюстрация к сказке П. П. Ершова «Конёк-Горбунок»

С. Р. Ковалёв. Иллюстрация к книге сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка»

С. Р. Ковалёв. Иллюстрация к русской народной сказке «Финист-Ясный сокол»

С. Р. Ковалёв. Иллюстрация к книге былин «Русская старина»

С. Р. Ковалёв. Иллюстрация к книге сказок «Старый замок»

С. Р. Ковалёв. Иллюстрация к русской народной сказке «Окаменелое царство»

С. Р. Ковалёв. Теремки на коряге

С. Р. Ковалёв. Адам и Ева

С. Р. Ковалёв. Неистовство пространственных волнений. 2013 г., х., м.

Тамара ШМАТЁНОК

ПУТНИК И НЕОБЪЯТНЫЙ МИР. Статья

Имя художника С. Р. Ковалёва хорошо известно и любимо несколькими поколениями пермяков. Он – Заслуженный художник России, член-корреспондент Петровской Академии Науки и Искусства (Санкт-Петербург), лауреат премии Пермской области в сфере искусства и культуры (1995), один из тех, кто создавал феномен Пермской книги.

Станислав Романович – художник огромной работоспособности, светлого романтического порыва и неиссякаемой фантазии. Трудно найти в Перми семью, в которой в 1970–1980-е годы не было хотя бы одной книги с иллюстрациями С. Р. Ковалёва.

Воспитанные на жизнеутверждающих, необыкновенно зрелищных и романтичных иллюстрациях художника, эти зрители и сегодня активно приходят на его выставки, но уже с детьми и внуками, радуясь встрече с новыми произведениями любимого художника.

С. Р. Ковалёв сотрудничал с издательствами многих городов и автономных республик РСФСР, союзных республик СССР, позднее России и СНГ, стран Европы и Азии (Япония, Китай, Индия). Тиражи книг, оформленных и проиллюстрированных художником более чем за 50 лет творчества, насчитывают многие миллионы экземпляров.

Станислав Романович – художник-универсал; он иллюстрировал и оформлял книги самых различных литературных жанров: общественно-политическую, учебную, художественную (отечественную и зарубежную), поэтические сборники, русские былины и сказки, сказки народов России и народов мира. Среди авторов, чьи произведения он иллюстрировал – А. Данте, А. С. Пушкин, П. П. Ершов, Г. Х. Андерсен и др.

Но всё же фольклор (сказки, былины), отличающийся ярким мифологическим мышлением, оказался художнику наиболее близким и родственным. Близок яркой образностью, иносказательностью и мифотворчеством, ведь и сам художник – мифотворец. Видимо, поэтому более всего С. Р. Ковалёв известен работами к детским сказочным книгам.

С удивительной фантазией художник пишет и станковые картины, которые по мотивам и образному решению близки сказочным иллюстрациям. Но он не только большой мастер книги, но философ, интеллектуал, создавший и обосновавший свой художественный космос.

Тамара Дмитриевна ШМАТЁНОК, родилась в селе Глубоком Витебской области, ныне Республики Беларусь. Окончила Пермский государственный университет (1973), Уральский государственный университет (1985). Работала в Пермской художественной галерее. Искусствовед. Член Союза художников России (2002). Автор ряда статей о художественной жизни Пермского края. С конца 1988 года является заведующей отделом отечественного искусства XX века Пермской государственной художественной галереи. Преподает историю изобразительного искусства на кафедре живописи Пермского института культуры и в Пермском хореографическом училище. Живёт в городе Перми.

Многие издания, с которыми работал Ковалёв, отмечены дипломами и медалями на республиканских, всесоюзных, международных выставках-ярмарках.

Вывод из всего сказанного прост: Ковалёв создал свой, в чём-то универсальный, язык и способ образного решения, которые оказались близки, понятны и востребованы зрителями России, Запада и Востока, по-сути, всех континентов.

Художественный почерк автора абсолютно ни на кого не похож в российском искусстве. Его отличает любовь к полнокровной и дотошной, но не чрезмерной информативности, пристрастие к миниатюрно выписанным деталям и обилию мотивов в одной композиции. В его работах цветовой декоративизм и выразительность линейного ритма придают композиции узорочье и затейливую орнаментальность. Создаётся впечатление, что художнику важно не столько самовыражение, сколько стремление донести своё понимание этого необъятного мира.

Его иллюстрации и станковые произведения, несмотря на их сказочный характер, интересны и детям, и взрослым: они информативны, зрелищны, увлекательны и предназначены для созерцания и внимательного вглядывания. Несмотря на любовь к сложносочинённым композициям, они легко воспринимаются, выполнены с уважением к зрителю, направлены на диалог.

Созерцание работ С. Р. Ковалёва порождает желание путешествовать в дальние страны, постигать окружающий мир, любить его. Не случайно среди основных мотивов, переходящих из одной работы в другую присутствует бегущий по волнам, и летящий в облаках корабль с белыми надутыми парусами, и неутомимый путник.

Практически все мотивы в его произведениях – это мотивы-иносказания, мотивы-символы. Особенно явно это просматривается в произведениях последних лет, в серии картин «Сказки и фантастика» (2015).

Дерево с большой разветвлённой кроной – это древо жизни, символ жизни, а дом на дереве – образ культурного созидания; замок с развевающимся флагом, терем, храм – героический образ человеческого созидания, духовного развития, движения вверх, а высокое многоствольное дерево с корнями, вышедшими наружу – образ иссушающей душу современной цивилизации.

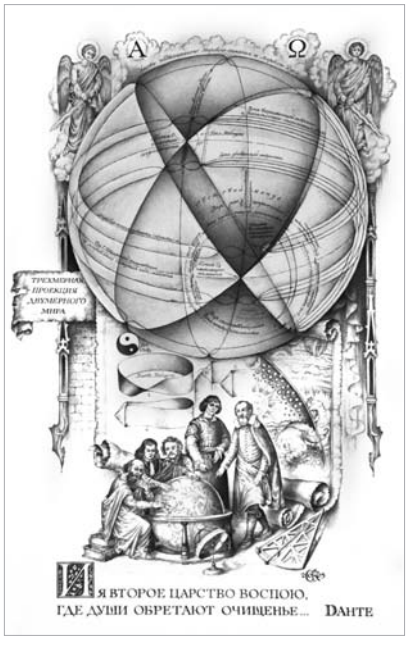
Серия станковых картин «Сказки и фантастика» синтезирует и обобщает многое в творчестве художника – мысли, идеи, мотивы, образные и пластические решения. В них автор наиболее целостно и ёмко воссоздаёт свой художественный мир, в котором иносказательно разговаривает со зрителем об очень серьёзных вещах: о движении времени (читай – цивилизации), колоссально оторвавшейся от породившей и питающей её почвы («Часы эволюции»); о сложности мира и социальных потрясениях («Неистовство пространственных волнений»); о зле, которое незаметно для жителей повсеместно прорастает в их доме («Семь грибных колдунишек»); о красоте, величественности и хрупкости здания построенной мировой цивилизации («Волшебное Земноморье»); о конечности человеческой жизни и вечности человечества и культуры («Последний причал»).

Картины написаны легко, артистично, хотя художник говорит в них о непростых, по-сути, глубинных и драматичных проблемах на-

шего времени. Но говорит просто и непринуждённо, не назидает, не поучает и не запугивает, а доверительно беседует со зрителем, как это делали художники-классики. С. Р. Ковалёв предлагает зрителю задумываться, размышлять, напоминает о том, что человек не один, и живёт в истории, и продолжая эту мысль – в обществе, социуме. Серия картин «Сказки и фантастика» является важным этапом в творчестве самого художника и определённым событием в художественной жизни Перми.

С. О. Ковалёв. Волшебник «Земноморья» II. 2013 г., х., м.

С. О. Ковалёв. Иллюстрации к книге Данте Алигьери «Божественная комедия»



Мария ПАРШАКОВА

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЁТ. Очерк

Одно из самых ранних и ярких воспоминаний Натальи Белоусовой – первая встреча с рекой Камой. Она до сих пор помнит своё восторженное удивление от необъятности простора. Помнит, как тут же по-детски присвоила увиденную картину: «Это и моя река тоже!» В силу возраста, девочка ещё не умела облечь свои чувства в слова и, кто знает, может, именно тогда и проклюнулась потребность в самовыражении? «В начале было слово». Но и слову, и музыкальной фразе предшествует чувство.

Став школьницей, Наташа уже пересказывала соседке-журналистке историю собственного сочинения. От неё впервые услышала слово «фантастика» и даже получила кое-какие практические советы. Спустя много лет, они всплывут в памяти, чтобы воплотиться на страницах её книг.

Обыденность была этой девочке тесна, как старые туфли, и она самозабвенно уносилась в загадочные миры и далёкие галактики, созданные писателями фантастами. Хотелось задержаться там подольше и придумать свой поворот сюжета. Но пора было бежать в «музыкалку» при Доме пионеров, где Наташа осваивала игру на фортепьяно, или – в хор. Всё же большую часть её души занимала музыка и не удивительно, что после восьмого класса она сделала выбор в пользу музыкального училища, дирижёрско-хорового отделения.

Юность. Романтика. Как же без гитары? Наташа осваивает инструмент и, как естественное продолжение для творчески беспокойного человека, – начинает сочинять собственные песни. Музыкальный, литературный дар и красивый голос вскоре вывели её на фестивальные площадки авторской песни. Бардовские круги потеснились, приняв новичка.

Хорошие учителя – это наши проводники на пути к себе. Самые главные наши учителя – родители. В семье «технарей» Белоусовых всегда была гитара. Под её аккомпанемент маленькая Наташа громко распевала песню про «мохоногую» лошадку. А потом часами слушала, включённые папой, магнитофонные записи песен.

В училищные годы такими «проводниками» стали для Натальи преподаватель дирижирования Александра Павловна Рогова и Игорь Геннадьевич Носков – руководитель ансамбля «Рабочая песня», где с 1985 года – в течение шести лет она пела. Ребята исполняли песни на английском, испанском, итальянском языках. Это помогло ансамблю

Мария Юрьевна ПАРШАКОВА окончила Пермскую государственную медицинскую академию им. Вагнера. Работала на скорой помощи. Более десяти лет является корреспондентом газеты «Здравствуй». Печатается в газете «Звезда». Занимала призовые места в литературных творческих конкурсах. Живёт в городе Перми.

просочиться сквозь железный занавес. Сначала – в дружественную Чехословакию, потом – в капиталистическую Италию на международный театральный фестиваль Ежи Гратовского «Славянские пилигримы». Полученный опыт пригодился Наталье во время сотрудничества с театром «Арлекин». Среди других музыкальных проектов тех лет, куда влилось её звучание – группы «Абрам Пятница» и «Проект Савицкого».

Промелькнули студенческие годы в училище. Но желание «дойти до сути», заставило Наталью продолжить учёбу в Пермском институте искусств и культуры по специальности «дирижёр академического хора и преподаватель музыкальных дисциплин». В это время она вернулась в свою альма матер – бывший Дом пионеров, а ныне – Дом творчества юных – в качестве преподавателя студии бардов. Конечно, можно было довольствоваться и исполнением чужих авторских песен, но Наталья сумела зажечь учеников своим творческим запалом. И вот уже чья-то детская рука протягивает ей очередной листок с собственными стихами и музыкой.

1996 год. Свою преподавательскую работу Наталья подтверждает дипломом о высшем образовании. Это ещё и начало нового творческого этапа – перехода от стихов к прозе. Пробы пера закончились тем, что в 2000 году в журнале «Фантом» была напечатана фантастически-приключенческая повесть «Здесь, на краю земли», подписанная литературным псевдонимом Сова. «Каждая постройка должна быть там, где её задумал Господь Бог. Замкам, крепостям и храмам отведены специальные места на земле», – строки из книги Н. Совы, которая сразу обрела своё место в литературе. Умение настроиться на одну волну с юным читателем, богатое воображение и музыкальность слога обещали появления новых интересных произведений.

Следом пошли публикации в журналах «Фантом» (2000, 2001), «Лавка Фантастики» (2002), «Огонёк» (2005), в сборниках – «Новые писатели» (2003), «Пролог» (2004), в альманахе «Литературная Пермь» (2005) и в газете «Пермский писатель».

Наталья по-прежнему – действующий педагог и концертирующий музыкант. А в жизни – лёгкая, остроумная, порой авантюрная. Человек-праздник. Но случалось, в больших чёрных, как южная ночь, глазах поселялась печальная дума.

Не всем по плечу брать всё новые и новые вершины. Музыкальные проекты с группой «Безымянные барабанщики», с ансамблем духовной и фолк-музыки «Тишина» сделают из Натальи мультиинструменталиста – к фортепьяно и гитаре прибавятся в разные годы – аккордеон, дудочка, барабан.

2005 год выстрелил дуплетом, став годом окончания учёбы на Высших литературных курсах при литинституте им. М. Горького и, ознаменовав выход «Королевской книги» в московском издательстве «Вагриус». В сборник вошли 3 рассказа и повесть. События рассказов разворачиваются в фантастическом средневековье. Повесть поначалу кажется автобиографичной, но по мере развития сюжета в повествование органично вплетаются элементы фэнтези. Адресуется она скорее взрослому читателю – здесь есть психологическая глубина и скрытые коды. Однако подобно своему менестрелю Оэлу, Наталья так глубоко погружается в свой мир, что он материализуется и не вызывает сомнений – от кухонных разборок до войн, как и от любви до

предательства – один шаг, и «поступки каждого человека отзываются эхом во множестве миров».

Спустя два года список пермских писателей пополнился новым именем. С тех пор Наталья Сова по полному праву стала участницей форумов молодых писателей в подмосковных Липках.

Музыка и литература, как два крыла несли её по жизни. «А я давно уже там. /Я там навсегда и всегда. /Слепящие зеркала, светящаяся вода. /А я до сих пор ещё здесь. /Устраиваю дела…»

Однако с высоты полёта нагляднее современные реалии. Из записей Натальи: «Дом в аварийном состоянии. Просьба – не ставить машины во избежание несчастного случая» – объявление на стене. Рядом – хорошо отреставрированный особняк – казённое заведение. Делаешь шаг с тротуара и замечаешь – за немытыми окнами – худосочные дебри алоэ…»

В 2009 году, наконец-то, и родное пермское издательство «Дар» выпустило сборник рассказов Н. Совы – «Счастливые». В одноимённом произведении, мальчик Данька направляет на расстроенную маму луч солнца, чтобы лицо её «оттаивало и светлело». Рассказы Совы тоже несут свет. Образы детей – непосредственны и трогательны. И всё тот же отточенный стиль и тонко подмеченные детали: «…высокие дома – новорожденные, стерильно-чистые, без истории…», «небо яростно сдирало с себя серые одежды, обнажая первозданную синеву», « Главное в домах – не особенности архитектуры, а наша с ними тайная связь. /В наших корнях общий сок – медленно текущее время».

И всё-таки прежде всего Н. Белоусова – учитель музыки. Тут нельзя схалтурить, сэкономить душевные силы, не додать. Капитал, вложенный ею в учеников, конвертировался в их победу на городском творческом конкурсе авторской песни им. Окуджавы. Это высшая оценка педагогу и одарённому человеку. Что такое одарённость? И награда, и крест. Это оголённость рецепторов, тонкокожесть. Как-то в интервью Наталья призналась, что в своих книгах часто ассоциирует себя с молодым мужчиной, обладающим волевым характером. В этом образе она черпает силу и поддержку. Возможно, это было предчувствием, что скоро они ей очень понадобятся.

Если верить, что все виды искусства растут из одного корня, то не удивительно, что Наталья ещё и неплохо рисует. Используя акварель и карандаш, она точно передаёт световые оттенки, так что вполне могла бы иллюстрировать собственные книги.

Следующая книга автора вышла в 2013 году в серии «Антология пермской литературы» и была удостоена краевой премии в сфере культуры и искусства.

Болезнь наступала незаметно, из-под тишка. Словно прислушиваясь к её вторжению, Наталья замирала, устремив взгляд в никуда. Папа беспокоился: уж не наркотики ли? Не знал, что и думать. А тут горе – внезапный уход мамы Натальи в мир иной. После неё осталась целая галерея вышитых картин и тетрадные листочки со стихами. Следом другое несчастье – болезнь отца, неудачная операция и, как следствие, – повторное хирургическое вмешательство. Тогда ещё Наталья была на ногах – навещала его в больнице. Между тем, непонятный недуг всё настойчивее заявлял о себе. Наконец, симптомы

усилились настолько, что диагноз уже не вызывал сомнений. Правда придавила к земле бетонной плитой – рассеянный склероз.

Сегодня болезнь усадила молодую женщину на коляску, ослабила связь с внешним миром, снизив остроту зрения и нарушив речь. А периодические приступы тремора делают проблематичным просто донести кружку до рта. Однако для диагноза характерно волнообразное течение с обострениями и ремиссиями и, значит, надежда на выход «из пике» остаётся.

За Натальей ухаживает отец – Владимир Леонидович. Имея трудовой стаж – 57 лет, он продолжает работать в инструментальном цехе Мотовилихинского завода. Болезнь диктует свои правила – пришлось перевестись во вторую смену и научиться самому делать уколы. Надеяться не на кого. Близких родственников в городе нет. К лету Владимир Леонидович работу планирует оставить. Конечно, это ухудшит материальное положение семьи. Ежедневные дорогие лекарства, одноразовые средства гигиены и ухода, массаж – всё обходится «в копеечку». Только десятидневный курс массажа стоит 5 тыс. руб. Но обстоятельства требуют постоянного нахождения с дочерью, да и сам он уже не молод.

В комнате Натальи – весенние обои. На них присела стайка гофрированных бабочек, похожих на маленькие веера. Нахохлившаяся сова (тёзка) и вислоухий пёс, несмотря на свои тряпичные сущности, кажется, вполне очеловечено грустят, сопереживая. Вот и кактус на подоконнике – круглая голова на гусиной шее – неспроста, без участия посторонних сил, рухнул на пол. (Некоторые биологи утверждают – экспериментально доказано, что растения способны чувствовать).

Кактус вернули на место в новом горшке с воткнутыми в землю клинышками-подпорками. А где найти опору человеку?

Болезнь, ко всему прочему, это ещё и проверка для ближайшего круга. Лакмусовая бумага на человечность. Как часто тут поджидают горькие открытия. Наталье пришлось пройти и через это.

Напротив кровати – иконы. Среди них есть совсем древняя. Сколько раз к ней вопрошали в скорби – почему? За что? Похоже, Наталья сама ответила на этот вопрос. В интернете есть такая запись, набранная её рукой, когда это ещё было под силу: «Завораживающе красив утренний солнечный свет на поверхности движущийся воды. /Мгновенно меняются светящиеся рисунки. /А что, если все ситуации нашей жизни всего лишь мимолётные световые блики на поверхности реки времени под лучами Божественного солнца? /Всё меняется и исчезает. Кроме реки и солнца». Может ответ ей подсказала Кама?

Белоусовых навещает батюшка – бывший музыкант ансамбля «Рабочая песня». В православии страдание – это духовный опыт. Опыт нужен для жизни. У Натальи остались нереализованные планы, которые кроме неё никто не воплотит – не напишет её книг, не споёт её песен. А кто вдохновит юных бардов? Хочется, чтобы и дальше звучало самобытное слово Натальи Белоусовой. Мы надеемся на это. А надежда – немая молитва Богу.

Лев АВИЛКИН

«КРАСНОРЕЧИЕ» ХУДОЖНИКА. Рассказ

В 1952 году исполнилось 70 лет известному русскому писателю и литературоведу, автору классических произведений для детей в стихах и прозе, Корнею Ивановичу Чуковскому. Ну, кто же не знает Корнея Ивановича, кто не воспитывался на его книгах? «Муха-Цокотуха», «Мойдодыр», «Тараканище», «Айболит», «Крокодил», «Телефон» и другие его произведения – это те книжки, которые были рядом с нами с самого нашего рождения, не утратив своего поэтического очарования и дальше. А, между тем, мало кто знает, что настоящее имя этого маститого писателя – Николай Васильевич Корнейчуков. Но его псевдоним так укоренился в сознании большинства людей и так органически вошёл в его личность и литературную деятельность, что даже его сын Николай, автор таких известных произведений, как «Балтийское небо« и «Водители фрегатов», вошёл в литературу под фамилией Чуковский и с отчеством Корнеевич.

Эрудиция Корнея Ивановича, как и его исследовательские произведения «Мастерство Некрасова», о А. П. Чехове, о замечательном американском поэте Уолте Уитмане, восхищают читателей.

Трудно найти в современной литературе более глубокого знатока детской психологии и исследователя детской речи, чем Корней Иванович Чуковский.

А с кем только он в своей творческой биографии ни встречался, кого только ни знал! Был он близко знаком и с Ильёй Ефимовичем Репиным.

Используя авторитет Корнея Ивановича и его дружеские отношения с этим великим художником, Советское правительство в двадцатые годы прошлого столетия именно его, Чуковского, посылало к Репину в Куоккалу, где последние тридцать лет своей жизни жил художник, чтобы уговорить его переехать из Финляндии, на территории которой находилась в то время Куоккала, в Советский Союз. Рискуя не только своим общественным положением, но и самой жизнью, Корней Иванович настоятельно рекомендовал Репину не переезжать в большевистскую Россию.

И вот в 1952 году этому замечательному человеку исполнилось 70 лет. Литературная общественность страны, конечно, не могла обойти мимо эту дату. Чествовали Чуковского в Колонном зале Дома Союзов в Москве. В президиуме заседала вся литературная элита Советского Союза. Там были Константин Федин, Фёдор Панфёров,

Лев Николаевич АВИЛКИН родился в 1932 году в городе Самаре. Окончил Ленинградское Нахимовское военно-морское училище, штурманский факультет Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе. Служил в ВМФ СССР. Позднее работал на судах морского флота. Был начальником порта. Преподавал морские дисциплины в Пермском речном училище. Живёт в городе Перми.

Михаил Шолохов, Михаил Бубёнов, Сергей Ожегов, Самуил Маршак, Агния Барто и другие гиганты литературного слова. Председательствовал генеральный секретарь Союза писателей СССР Александр Александрович Фадеев. В зале сидели не менее крупные современные литераторы, писатели, поэты. Зал был полон. Вход был по пригласительным билетам и строго ограничен из-за невозможности вместить всех желающих.

В дальнем углу зала сидел автор этих слов. Попал я туда неожиданно для самого себя.

Мой родной брат, отслужив после фронта срочную службу, до 1948 года, в это время учился на четвёртом курсе факультета журналистики Московского университета. Всякими правдами и неправдами, как фронтовику, ему удалось достать пригласительный билет, а сам он в этот день слёг с высокой температурой. Билет отдал мне.

После многочисленных поздравлений, наконец-то, председатель предоставил слово самому юбиляру. Корней Иванович под гром аплодисментов встал за трибуну и начал так:

– Благодарю вас, друзья, что вы пришли пособолезновать мне в столь печальный для меня день!

И в президиуме, и в зале возникли возгласы: «Что вы, Корней Иванович?!», «Как можно?!», «Мы пришли поздравить Вас, а не соболезновать» и всё такое прочее.

– Что вы тут ни говорите, – продолжал Корней Иванович, – как ни хвалите меня, как ни возносите, а семьдесят лет есть семьдесят лет. И никуда от этого печального факта мне не уйти, не взирая на все ваши хвалебные дифирамбы!

Далее Корней Иванович заворожил зал интересными воспоминаниями из своей жизни, воспоминаниями о встречах с известными людьми, воспоминаниями о некоторых курьёзных случаях в своей творческой биографии. Зал слушал его, что называется, затаив дыхание. Ни единого звука в зале, кроме голоса самого юбиляра. Говорил он внятно, спокойно и в то же время эмоционально.

Было интересно услышать, что даже такое во всех отношениях детское произведение, как «Муха-Цокотуха», увидело свет после длительной борьбы автора с цензурой. Как это ни странно, а цензор увидел в «Мухе-Цокотухе» открытую эротику, развращающую детскую нравственность. Цензор узрел эротику в словах «Паучок Муху-Цокотуху в уголок поволок». «И зачем это он поволок муху в уголок?» – допытывался цензор. И требовал эти слова из сказки убрать. Только после длительной настоящей борьбы с цензором «Муха-Цокотуха» увидела свет. Пример, достойный подражания для современных издателей литературы и телевизионных программ, культивирующих откровенную похабщину, кровь и насилие.

Конечно, придирка цензора к «Мухе-Цокотухе» – это настоящий и глупейший перегиб. Но, что поделать? В нашей советской действительности было немало перегибов… А современным издателям, принимающим разврат за реализм, не плохо бы помнить слова Антона Павловича Чехова, что «Интимная жизнь тем и хороша, что она, именно, интимная».

В своём выступлении Корней Иванович рассказал о том, как в 1911 году в этом самом зале ему довелось присутствовать на первой годовщине смерти Льва Толстого. Дело было так.

Литературная общественность Москвы решила отметить годовщину смерти великого писателя и, как личного друга Льва Николаевича, пригласила Илью Ефимовича Репина, знаменитого русского художника. Репин, в свою очередь, пригласил с собой Корнея Ивановича Чуковского, с которым они были довольно тесно дружны, несмотря на разницу в возрасте. Репину в это время было 67 лет, а Чуковскому 29. Вдвоём они вошли в зал и сели рядом друг с другом в дальнем углу. Корней Иванович с трибуны показал на дальний угол зала, в котором сейчас сидел я, и сказал:

– Мы сидели вон в том углу.

Поскольку Илья Ефимович близко знал Льва Толстого и неоднократно бывал у него в Ясной Поляне в гостях, его просили выступить со своими воспоминаниями о Толстом. Репин отказывался выступать, и отказывался долго. Дело в том, что при всём своём могучем таланте художника, Илья Ефимович не обладал красноречием и терялся на публичных выступлениях. Ну, не умел он выступать перед аудиторией. Тем не менее, ему так и не удалось отказаться от выступления, его всё-таки уговорили.

Понимая, что он на трибуне растеряется, Илья Ефимович всё своё выступление изложил на бумаге с тем расчётом, что на трибуне он эту бумажку прочитает. Записи положил в портфель и с ним пришёл в зал.

В нужный момент председательствующий предоставил ему слово:

– Слово предоставляется личному другу Льва Николаевича Илье Ефимовичу Репину. Пожалуйста, Илья Ефимович, проходите. Ждём вас.

Репин встал, взял портфель и из своего дальнего угла зала по проходу между рядами пошёл к трибуне. Взойдя на трибуну, он положил на неё портфель, открыл его и начал искать записи. Перебрав все бумаги в портфеле, нужных записей он не нашёл. Стал нервничать. Вывернул портфель наизнанку, выложил всё его содержимое на трибуну, но… записей не нашёл.

Зал, понимая, что он что-то ищет, затаил дыхание. Нервничая, Илья Ефимович стал внимательно смотреть на проход, по которому он шёл к трибуне. Все присутствующие в зале поняли, что он смотрит, не потерял ли что-то, когда шёл по проходу, и задвигали стульями, стали нагибаться, смотреть под ними. Всё было напрасно. Записей не было. А он уже на трибуне. Пути к отступлению отрезаны, мосты сожжены. Ничего не остаётся делать, как только говорить без записей. И он решился.

Выпив целый стакан воды, Илья Ефимович Репин, как рак красный от волнения, скороговоркой выпалил:

– Господа! Я лично знал Льва Николаевича. Часто бывал у него в Ясной Поляне. Приезжаю, бывало, к нему, садимся на коней и скачем, скачем к пруду! Подскакав к пруду, Лев Николаевич прямо с коня, не остывши, бултых в воду!

Сказав это, Илья Ефимович вытянул в сторону зала руку с поднятым указательным пальцем и, потрясая им, громко выкрикнул:

– А надо остывать!

Взял под мышку портфель, сошёл с трибуны и пошёл на своё место.

Василий КОЛБИН

ПОЕЗД ВРЕМЕНИ. Рассказ

Судьба снова влекла его на Дальний Восток. За окном вагона грязной соломой прошлогодних трав мелькали картины Барабинской степи. Временами их сменяли полосы кустов и низкорослых берёз, где бурыми кочками торчали гнёзда грачей. Сами птицы уже тоже копошились поблизости.

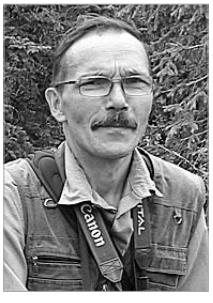
Наступала третья декада апреля – разгар весны.

Он чувствовал какое-то родство с этими грачами, поскольку почти каждую весну отправлялся в Приамурье встречать волнующую пору ежегодного пробуждения и обновления природы.

На верхних полках купе спали молодые люди – видимо супруги. Они являли собой странную, но похоже гармоничную пару: худосочный юноша с жидкой бородкой-клинышком и татуировкой на лодыжке, и невысокая полная хохотушка с пирсингом под нижней губой. Способность помногу спать в поездах вероятно присуща всем молодым людям. Таёжник это помнил по своему давнему опыту. Теперь молодой сон вызывал лёгкую зависть.

Его странствия часто начинались с поездов и заканчивались ими. Теперь в памяти всплывали первые экспедиции и поезд Москва – Воркута, увозивший таёжника-студента второкурсника за полярный круг. Вспоминалось, как на вторые сутки после Котласа пустело купе, а поезд делился надвое: одна часть вагонов шла в Воркуту, другая, в которой ехал он, в городок с таинственным названием Лабытнанги. За окном слепили глаза снега Полярного Урала. В вагоне становилось холодно, в первую поездку заботливая проводница накрыла студента вторым одеялом. После бессонных ночей перед досрочной сдачей экзаменов спалось сладко, поэтому кардинальные изменения мира за окном во время пробуждения поражали воображение. А банка с паштетом, который родители каким-то чудом достали в голодной Перми начала 1980-х и запихали ему в дорогу, казалась изысканным деликатесом.

Он как будто тогда уже запрограммировал свою жизнь, или, при чём тут он, сама судьба вела его от поезда к поезду. Тогда, в конце маршрута по мере приближения к Лабытнангам пустел вагон, то же самое ежегодно происходило на БАМе, при подъезду к Тынде. В купе менялись попутчики, и почти никто не ездил на такие большие расстояния. Все проскакивали небольшие перегоны: Тюмень – Омск, Новосибирск – Красноярск, Красноярск – Братск и только он про-



Василий Анфимович КОЛБИН родился 9 августа 1961 года в селе Красный Бор Елабужского района Татарской АССР. Окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России (2012). Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более 100 публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф. Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Член Союза писателей России (2013). Живёт в городе Красновишерске Пермского края.

езжал всю Сибирь со своим огромным экспедиционным рюкзаком.

В молодые годы крепкий сон защищал его от беспокойных соседей. Так, в свою первую экспедицию, после завершения двухмесячного пребывания на Ямале, он снова загрузился в вагон знакомого поезда, чтобы двинуться в обратный путь. Вскоре в вагон вошли два майора милиции в парадной форме и радостно заявили: «Не бойтесь, не обворуем». Потом попутчики куда-то исчезли, а девятнадцатилетний таёжник забрался на верхнюю полку и крепко заснул.

Позже, сквозь сон всплывали образы весёлых майоров, которые толкали его и видимо звали к столу. Но разве можно разбудить накопившего полевую усталость студента, тем более, когда он знает, что просыпаться совсем необязательно. Потом, когда неумолимая физиология всё же подняла таёжника с постели, он обнаружил пустые бутылки из под водки, объедки на столе и храпящих на нижних полках блюстителей порядка. В купе висел густой запах перегара. От этой неблаговидной картины он легко избавился, снова погрузившись в спячку.

Когда студент-таёжник проснулся на следующий день, в купе уже не было ни милиционеров, ни следов их пребывания. А в реальном времени, тридцать пять лет спустя, за окном поезда вырисовывалась станция Тайшет. На ум приходила старинная песня Пахмутовой про таёжный Тайшет и палаточный Братск. В этом месте поезд сворачивал с Транссиба и уходил на БАМ. Хотя БАМ уже давно утратил своё звучное эпохальное название и существовал в виде фрагментов Забайкальской и Дальневосточной железных дорог.

Когда-то, больше двадцати лет назад таёжник наметил после 11 лет жизни на Дальнем Востоке возвращение на Урал. Тогда он смотрел в окно с уверенностью, что видит сибирские города и пейзажи в последний раз, но боги, как всегда посмеялись над ним, и теперь он ездил по Транссибу и БАМу каждый год, как будто был свихнувшейся перелётной птицей, кочевавшей каждую весну с запада на восток и обратно.

Бамовские станции с шикарными вокзалами – правда, на некоторых крышах росли берёзки – и хиреющими посёлками, казались памятниками ушедшей брежневской эпохи. Великая стройка тогда вытянула пассионарную молодёжь на освоение Сибири. Теперь, когда миновала пора всеобщего охаивания достижений СССР, уже было ясно, что БАМ живёт несмотря ни на что.

После Братской ГЭС и верховий реки Лены магистраль вилась между гор, временами ныряла в тоннели. Скорость движения становилась совсем неторопливой, а стоянки долгими. Таёжник уже настолько привык к видам из окна, что не обращал внимания ни на величественные под 3000 м горы, ни на живописные реки по долинам которых двигался состав. А ещё лет пять назад он выхватывал фотоаппарат и пытался через форточку запечатлеть невиданные «гималайские» красоты.

Дорога стала однопутной. Теперь вагоны, извергая бурые клубы отработанной солярки, тащил тепловоз. Это также было знакомо с юности, с первой экспедиции на Север. Казалось, ничего не меняется, и он движется по кругу времени в неторопливом холодном поезде, и ему снова 19 лет, и сердобольная проводница вот-вот накроет его вторым байковым одеялом…

Нина БОЙКО

О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ. Очерки

АРХИП ИВАНОВИЧ КУИНДЖИ

Архип Иванович Куинджи не был очень уж плодовитым живописцем, он не умел повторяться и не любил. «Пусть лучше только это, что есть, я высказался главным, а второстепенное, второсортное никому не нужно», – говорил он.

У Куинджи был совершенно детский взгляд на мир. Может быть, потому, что рано остался сиротой. Отец умер, когда Архипу шёл всего шестой год. Вскоре умерла мать. Лишившись родного угла, Архип жил у тетки в Мариуполе. Грамоте обучался на медные гроши в «вольной школе» грека-учителя. Учитель сам был едва грамотен, поэтому учение продолжалось недолго. Архип пас гусей, был подручным на строительстве храма – дорогу в жизнь пробивал себе сам.

Страсть к рисованию в нём проявилась рано, и была настолько огромна, что он рисовал где только мог и чем только мог!

В девятнадцать лет, подкопив небольшую сумму, поехал в Петербург поступать в Академию художеств. Не приняли, конечно. Дважды поступал, дважды проваливал экзамен, но никто не слышал от него ни жалоб, ни сетований.

Работал ретушёром в фотосалоне, и «сам-один» в своей каморке писал картины. Странная, исключительная судьба!

Только через семь лет Архипу Куинджи разрешили посещать Академию в качестве вольнослушателя.

Проучившись три года, дойдя до натурного класса, Куинджи внезапно исчез. Даже друзья не знали, где он, пока, наконец, не нашли его в фотосалоне, где он заведовал фоном и позами. Кое-как удалось вернуть его в товарищескую среду. Однако жажда самостоятельности всё равно заставляла Архипа Ивановича предпочесть Академии собственную каморку. Независимо от французских импрессионистов, Куинджи изучил законы сочетания дополнительных тонов, а в области воздушной перспективы достиг высочайшего мастерства. Выношенное впечатление от природы и затем тщательный, до педантизма, подбор тонов, стали его неизменным приёмом.

Он сам обучил себя, сам воспитал свой дар. Скажет впоследствии: «Если художественное дарование настолько слабо, что его надо ставить под стеклянный колпак, а иначе оно погибнет, – туда ему и дорога! Если человеку дано что-нибудь сделать, он сделает».

Нина Павловна БОЙКО родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе ныне Пермского края. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и преподавала на Урале, Алтае и в Грузии. В творческой деятельности тяготеет к прозе. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. альманахе «Литературная Пермь». Первая книга вышла в городе Перми в 1995 году: «На тот большак…» Автор нескольких книг. Член Союза писателей России (1998). Лауреат первой премии (номинация «Документалистика») Всероссийского журналистско-литературного конкурса «Моя малая Родина» (2002). Кавалер ордена Достоевского II степени (2014). Живёт в городе Губахе Пермского края.

Куинджи не признавал никаких традиций, опрокидывал все правила, все рецепты и делал так, как бродило у него в голове. Обладая уникальным восприятием цвета – от насыщенных контрастных тонов до мягких, «исчезающих» полутонов – справлялся с самыми сложными художественными задачами.

В 1876 году Архип Иванович представил на выставку картину «Украинская ночь», которую тотчас же купил Павел Михайлович Третьяков. Затаилась природа, тьма перемещается, как живая; хуторок словно в сказке; и светит над этим миром яркая, знакомая и неведомая луна. Настроение южной ночи было передано в совершенстве. Просто, незатейливо, но так живо! Души зрителей наполнялись тихой радостью при виде картины, хотелось смотреть и смотреть на неё, руками трогать, хотелось… шагнуть в неё.

Увидев «Украинскую ночь», Репин воскликнул:

– Куинджи – гений!

– Гений! – эхом отозвался Крамской. – Не много таких насчитаешь.

Газеты писали, что этот пейзаж совершенно убивает другие пейзажи на выставке. И это действительно было так – настолько необычной и в то же время до крайности правдивой казалась картина с её глубочайшим небом, лунным светом на стенах хат и величаво-недвижным покоем.

Российские критики в один голос заявили, что ничего подобного искусство ещё не знало:

«Не верится, что это могли сотворить обычные краски!»

«Задумываешься: не здесь ли предел для развития художника?»

Картина стала сенсацией.

Начались споры вокруг творчества Куинджи. Стали звучать заявления, что так писать нельзя, потому что это не картина, а живой момент.

Архип Иванович не вступал в полемику. Что он мог сказать в оправдание своего творчества? Что, живя в Петербурге, тосковал по южной неге? Что эта тоска переродилась в конце концов в романтическую иллюзию, наполнив собой его жизнь и его творчество? Что никогда не забудет ночей, проведённых с пастушкой Настей под таинственной южной луной?.. Никто этого не поймёт.

С «Украинской ночи» началась зрелая пора в творчестве Куинджи.

В 1878 году он показал петербургской публике «Вечер на Украине». Никогда ещё в живописи не был передан закат солнца столь чарующе. Так мог увидеть только ребёнок. А написать – волшебник. Но волшебства здесь не было: к этой картине Куинджи шёл очень долго, ибо только казалось, что здесь одно мимолётное впечатление от природы. Чтобы написать такую картину, надо было многое повидать и уложить в своей памяти, многое знать.

Жаждой знаний Архип Иванович был охвачен всю свою жизнь. Он желал всё понимать не только в искусстве, но и в науке. Когда ему говорили, что не все научные вещи можно объяснить, что есть такие, которые требуют особой подготовки, он сердился:

– Как же это так, что я не могу понять? Ведь я же человек, я должен понимать всё! Мне не надо подробностей, мне надо главное. «Нельзя понять»… Нет, это вы не умеете разъяснить просто.

Сам он писал очень просто. Он в совершенстве владел этой гениальной простотой и не верил, что другим такое владение не дано. Он подходил к художественной задаче с какой-то совсем своей, неожиданной, не общепринятой стороны. Лишённый настоящего образования, до всего доходя «сам-один», при даровитости натуры и богатстве жизненного опыта Куинджи решал вопросы так, как подсказывало ему сердце.

Имя его не сходило со страниц петербургской печати. Картины этого непревзойдённого мастера световых контрастов воспринимались как полная иллюзия действительности. Кроме Куинджи не было ни одного художника, достигшего таких чудес в живописи. «Глядя на такие картины, я могу сделаться лучше, добрее, здоровее», – признавался Крамской.

Возле полотен Куинджи постоянно бурлила толпа, вызывая зависть к нему в художественной среде. Кое-кто из художников начал уличать Куинджи «в полном невежестве, в полном незнании техники». Архип Иванович не связывался, не пререкался. Не до того ему было. Под руководством Д. И. Менделеева и физика Ф. Ф. Петрушевского он изучал влияние света на свойства красок в живописи. Упорным, настойчивым трудом достигал виртуозного владения цветом и композиционной простоты.

Весь свой талант и энергию Куинджи отдавал раскрытию неисчерпаемых красот природы. «Берёзовая роща». Начало лета, первых жарких дней с яркой и чистой листвой, сочными коврами трав. Влажная дымка воздуха. Ничего, кажется, особенного. Но публика бессменно толпилась перед картиной на выставке в Петербурге и в Москве. Было чувство открытия не только этого уголка леса, земли, но открытия для себя мира в целом. Мелкие солнечные кружки на берёзах играли живым, настоящим, светом, по зелёной опушке темнел ручеёк, стволы берёз выступали стереоскопическим рельефом… – создавалось впечатление огромной внутренности леса, уходящего – одна группа стволов за другой – вдаль.

– Это чёрт знает что такое, ещё в первый раз я радуюсь, радуюсь всеми нервами моего существа… Вот оно, настоящее-то, то есть такое, как оно может быть! – восклицал художник Маковский.

– Это – не картина, а с неё картину можно писать! – поражался Шишкин.

«Трудно теперь предсказать, куда пойдёт пейзажная живопись, но перед ней распахнулось что-то широкое, светлое, совершенно новое, небывалое, чего никто не ожидал, о чём никто не смел думать… Какая же сила должна быть у художника, который так широко распахнул эти двери и открыл новую, неведомую область!» – высказывались критики и живописцы.

Опасались они только одного: долговечной ли будет комбинация красок, которую открыл Куинджи? Может быть, он соединил вместе такие краски, которые находятся в природном антагонизме между собой и, по истечении известного времени, потухнут или изменятся? И потомки будут пожимать плечами в недоумении: отчего приходили в восторг зрители? Во избежание такого будущего, Крамской даже предлагал засвидетельствовать протоколом, что полотна Куинджи действительно все наполнены светом и воздухом, что свечение и бездонность их настоящие.

Опасения оказались не напрасными. Смешение химически несовместимых красок стало горем не одного Архипа Ивановича. Эта живопись чернела со временем. Люди, видевшие картины Куинджи в годы их появления, впоследствии их не узнавали, – так померк под чёрным «флёром» некогда блестящий, могучий колорит. Но всё равно, симфонии Куинджи, взятые так просто, переданные такими, казалось бы, элементарными приёмами, – до тех пор, однако же, не приходившими в голову ни одному живописцу, – овладевали зрителем и вливали в душу тихое, какое-то загадочное и сладостное ощущение.

В 1880 году впервые на Руси появилась выставка отдельного художника, да притом одной только картины. И картина эта – не какой-нибудь грандиозный исторический сюжет, а скромный по размеру пейзаж. Буквально весь грамотный Петербург целыми днями осаждал помещение выставки. Кареты стояли по Большой Морской до самого Невского и загибали ещё за угол по Невскому до Малой Морской. Публику, во избежание давки, приходилось впускать группами. В то время как одна группа толпилась перед картиной, другие длинной вереницей ждали на лестнице и густой толпой стояли у подъезда. Творилось что-то небывалое!

Картина была выставлена в тёмном помещении и освещена сбоку ламповым светом. «Что это такое? – стояли перед ней поражённые зрители. – Картина это или действительность? В золотой раме или в открытое окно виден этот месяц, эти облака, тёмная даль, эти «дрожащие огни печальных деревень» и переливы света, эти серебристые отражения месяца в струях Днепра, огибающего даль, эта поэтическая, тихая, величавая ночь? Нет ли тут фокуса? Не писал ли Куинджи на перламутре? Не искусственное ли освещение лампами придало картине такой блеск и такое обаяние?»

Иллюзия света была так полна, что иные наивные граждане просили разрешения заглянуть за ширму, на которой висела картина, чтобы удостовериться, не написана ли она на стекле и не просвечивается ли сквозь него какой-нибудь лампой. Но те, кто видел картину днём, когда по воскресениям художник на два часа открывал для посетителей мастерскую, говорили, что при солнечном освещении она ещё лучше.

Помимо удивительного светового эффекта, «Ночь на Днепре» была наполнена поэзией знойной, южной, летней ночи с её глубокими, таинственными тенями, с её царственно-щедрым, бездонным небом.

Иван Николаевич Крамской сообщал Репину в Москву: «Какую бурю восторгов поднял Куинджи! Вы, вероятно, уже слышали… Этакий молодец, – прелесть!»

По всему Петербургу разносился звук нерусского имени «Куинджи» – человека глубоко русского, только с восточным лицом, с чёрной бородой. Газеты наперебой помещали отзывы о «Ночи на Днепре», в каждой из них появлялось по две-три, а то и больше статей о картине и её авторе. Высказывались не только простые рецензенты, но и такие именитые люди как Дмитрий Иванович Менделеев. В журналах, сколько-нибудь причастных к художеству, печатались обстоятельные статьи, целиком посвящённые Куинджи и его значению в русской живописи; делались попытки определить его место и в европейской живописи

Мариупольский пастух гусей, ретушёр, художник-самоучка, никому не ведомый грек Куинджи завоевал столицу и Россию!

«Это не движение живописи вперёд, а скачок, скачок огромный! «Ночь на Днепре» – это невиданное ещё нигде могущество красок. Это не картина, а сама природа, перенесённая на полотно в миниатюре. Такой картины нет в целом мире, нет в мире искусства!» – восторгались ценители произведением Куинджи.

Не обошлось и без ядовитых укусов. Недруги Куинджи уверяли, что художник, будучи другом Менделеева, использует краски, составленные самим Менделеевым, и в них знаменитый химик добавляет фосфор. Другие распускали слух, что якобы петербургский университет предлагал Куинджи раскрыть секрет его красок в обмен на звание профессора химии, но он не согласился.

Зависть, вызванная невиданным триумфом Куинджи, привела к травле художника. Дошло до того, что «Куинджи – вовсе и не художник, а пастух, убивший в Крыму художника и завладевший его картинами».

Полотна Куинджи отвечали страстному желанию новизны, каким в ту пору было охвачено русское общество. «Ночь на Днепре» ещё до выставки купил за большие деньги великий князь Константин Константинович. Картина так полюбилась ему, что он не пожелал с ней расстаться. И после того как весь Петербург вдоволь на неё нагляделся, он взял её с собой в кругосветное плавание.

Тогда же, под личным руководством Архипа Ивановича, картина была воспроизведена в олеографии, разошедшейся огромным количеством экземпляров. Позднее он получил два заказа на повторения, долго работал над ними, но так и не отдал заказчикам: оба повторения остались в его мастерской.

Архип Иванович, не шутя, заявлял друзьям:

– Буду миллионером, куплю землю в Крыму, устрою курорт для больных художников.

Один из его товарищей, который в молодости вместе с ним перебивался с хлеба на квас, вздумал сказать, что это нецелесообразно. Куинджи вышел из себя, и, задыхаясь, волнуясь, закричал на него:

– А это ты забыл, как сам был в таком же положении? Забыл? Стыдился бы говорить так, сердца у тебя нет!

Для Куинджи прошлое не покрылось пеленой, не произошло с ним того, что часто происходит с людьми сытыми: бесчувственности. Он никогда не переставал понимать человека. В любое время к нему обращались – в письмах, в личных просьбах – нуждающиеся, настигнутые бедой товарищи, ученики, знакомые и даже незнакомые, и никто не встречал отказа. Вечная готовность к самой широкой помощи была одним из трогательных и характерных свойств Архипа Ивановича. Помогал он не только людям. В полдень ударяла пушка с Петропавловской крепости, и, казалось, все птицы города слетались на крышу дома, где жил художник. Он выходил к ним с мешочками разного зерна, кормил. Подбирал на улице больных и замёрзших воробьёв, галок, ворон… отогревал у себя в комнате, лечил и ухаживал за ними.

Жена Архипа Ивановича говорила ему с улыбкой:

– С тобой, Архип, вот что будет в конце концов. Приедет за тобой карета, скажут, что вот там на дороге ворона замерзает, спасай. И повезут тебя, только не к вороне, а в дом умалишённых.

Пройдёт не так уж много времени, Архип Иванович Куинджи, знаменитый пейзажист, профессор Академии художеств будет миллионером. Будет за свой счёт возить своих учеников в Европу, знакомить со знаменитыми памятниками и музеями, подарит Академии и Художественному обществу полмиллиона рублей для выдачи ежегодных премий студентам пейзажной живописи, купит несколько гектаров земли в Крыму, куда на лечение и отдых будут съезжаться живописцы. Сам будет обходиться мизером, но помогать абсолютно всем, особенно собратьям по искусству: «Ведь они сидят, пишут, – ведь только один Бог знает, как это трудно… Ведь они с голоду умрут, пока их картины будут кому-нибудь нужны».

Вынашивая идею объединения живописцев в большой союз, «приучающий к солидарности, к моральной и материальной взаимопомощи, которые должны явиться на смену современной обострённой борьбе честолюбий и конкуренций из-за материальных выгод», Куинджи неустанно проповедовал на собраниях в Академии: «Мы должны всегда держаться друг за друга, можем расходиться и спорить только в вопросах искусства, но никогда не должны оставлять друг друга в жизненной борьбе…»

В результате было создано Общество имени А. И. Куинджи, объединившее несколько организаций художников, среди которых были Академия художеств, «Союз русских художников», «Товарищество художников», «Мир Искусства», «Общество акварелистов»; затем присоединились «Передвижники».

Почти всё своё состояние, все картины, этюды и эскизы Куинджи завещал этому Обществу, и лишь небольшую часть средств, достаточную для нормальной жизни, оставил жене и близким.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СУРИКОВ

Вспоминая своё детство в Красноярске, Василий Иванович Суриков говорил: «Жизнь была как в семнадцатом веке! Мощные люди были. Сильные духом. Размах во всём. Казни и телесные наказания на площадях публично происходили. И сила какая была у людей: сто плетей выдерживали, не крикнув».

Род Суриковых был древний, ещё при Ермаке служил есаул по фамилии Суриков. В подвале родительского дома Василий видел старинные сёдла, ружья, пистоли, ятаганы, шашки; в сундуках матери – расшитые шугаи, узорчатые дорогие шали, телогреи на меху, парчовые повойники и сарафаны. Было множество книг в кожаных переплётах.

Из окон школы, где учился Василий, виднелась городская площадь, на которой нередко происходили публичные наказания. Школьники слышали барабанную дробь, сопровождавшую экзекуции, видели свистящую в воздухе плеть палача, но редко сквозь барабанную дробь прорывался вопль наказуемого, – кричать считалось позором. Красноярские мальчишки не боялись палачей, они их знали даже по именам: палач Сашка, палач Мишка.

Жизнь сибиряков всегда проходила бок о бок с каторжниками и беглыми. Поджоги, грабежи, разбой на дорогах… – всё это было обычным явлением, расправлялись за такое жестоко. Дважды Василий видел смертную казнь.

Кто-то был должен всё это запечатлеть пером литератора или кистью художника. Трёхвековая история выдвинула Василия Сурикова.

Первой звучной картиной его стало «Утро стрелецкой казни». Хмурое утро. Вот-вот наступит день. Страшный день… Толпы зевак заполнили лобное место у Кремля. Кружит вороньё, чует поживу. У подножия храма Василия Блаженного на телегах стрельцы – ратники царевны Софьи, защитники старого царского уклада. Бунтовщики! Они покушались на самого царя Петра. Их ждёт неминуемая казнь. Лютая. Но ни стонов, ни вздохов – огромная площадь притихла, только живые трепетные огоньки свечей напоминают о быстротечности последних зловещих минут. Непокорённый, яростный взор вонзил стрелец в бесконечно далёкого, окружённого свитой и стражей царя. Пётр видит его. Этот немой, полный ненависти диалог среди бушующего моря страстей человеческих – страшен! Пётр только что вернулся из-за границы: известие о стрелецком мятеже вынудило его бросить всё. За границу он отправился в 1697 году со свитой волонтёров для обучения кораблестроению. Работали на верфи в Голландии. Потом поехали в Англию обучаться инженерному искусству кораблестроения: России был нужен свой флот. Работая и обучаясь наравне с другими и даже усерднее других, Пётр ещё успевал осматривать монетные дворы иностранных государств, арсеналы, промышленные предприятия, учебные заведения. Он меньше всего думал о себе, он думал о будущем России. А тут – мятеж! Сразу по приезде в Москву начал розыск, сам участвовал в допросах и пытках. Был твёрдо убеждён, что бунт – дело рук сестры Софьи, которая уже восемь лет находилась в заточении в Новодевичьем монастыре. Эх, Софья, Софья… С детства его ненавидела. Как уехал за границу, так и взялась стрельцов подбивать.

Изучая для картины эпоху Петра, Суриков бродил по московским музеям, по церквам, заходил в Кремль, в Оружейную палату, рассматривал там воронёную чеканку затворов на пищалях или старинный, поеденный молью кафтан стрельца. И ему тогда казалось, что он знал в лицо обладателя кафтана, того, кто глухой ночью, при свете факелов, под нависшими сводами дворцового подвала давал торжественную клятву до последнего вздоха служить одной только царевне Софье. Она вместе с преданными ей боярами Милославскими обещала стрельцам добрые старые времена. Ни одного иноземца, пригретого Петром, не будет на Руси! Ни одного чужеземного кафтана не останется на русских плечах! Но получилось – лобное место.

Долго из бойниц кремлёвских стен торчали брёвна с повешенными стрельцами, долго у Спасских ворот не убирали телег, нагруженных трупами… Безмолвный народ не мог подойти, а царь пировал с иноземцами в хоромах с окнами на Красную площадь, где бояре-шуты продолжали рубить головы посягнувших на великое дело – преобразование России.

Василий Иванович ходил из угла в угол по своей мастерской – пустой и гулкой, сердце и воображение его были с преображенцами и стрельцами. Вот они все! Стрельцы и стрелецкие семьи, выплеснувшие море скорби и отчаяния на площадь перед Кремлём, и «птенцы гнезда Петрова», преображенцы, которые вместе со своим «бомбардиром» – юным Петром начинали с потешных баталий, дойдя затем до настоящих, грозных орудий, до строительства российского флота.

Впервые в русском, да и, пожалуй, мировом искусстве героем картины стал народ. Суриков делал титаническую работу!

В России с середины XIX века начался пересмотр отечественной истории. Становилось ясно, что реформы Петра I, направленные на усиление могущества России, имели и оборотную сторону: унижение русского человека. Пётр насаждал иноземщину палкой, каторгой, рекрутчиной. Никогда русские не кланялись чужому, знали цену себе, а при Петре – да и после него почти полтора столетия – вынуждены были ломать шапку. И вышло так, что в России получали права иностранцы, а своим не было ходу. Недаром художник поместил Петра в глубине картины, а впереди – пострадавших от него. Недаром русские – в русской одежде, а русский царь – в немецкой.

За работой Василий Иванович вспоминал, как юношей приехал в Петербург в Академию художеств. Его рисунки привели академиков в негодование! В Академии тогда царствовали чужие, к тому же допотопные сюжеты, и вдруг – предстало своё, родное, дышащее жизнью и самобытностью!

– Да за эти рисунки вам надо запретить даже ходить мимо Академии! – взъелся на Сурикова инспектор Шрейнцер.

Но у Академии уже были противники: вырастала своя, национальная школа. Упивались обретением русского взгляда на мир, и нравилось, нравилось думать по-русски и на русском, наконец-то, языке! Эти новые умы не дали погибнуть таланту Сурикова. А ещё – не дала погибнуть крепкая сибирская закваска.

Три года заняла работа над картиной «Утро стрелецкой казни». Художник на своём полотне заставил жить и действовать десятки людей. Явственно, без единой утайки, показал он всю драматичность, трагичность страниц русской летописи. Всю меру страданий людских, страданий народа, который отвечает за всё. Таких художников Россия ещё не знала.

В 1881 году картина была показана на Петербургской выставке.

Поражённый зритель впервые увидел народные массы в исторической правде! Павел Михайлович Третьяков тотчас купил картину, и это дало Сурикову возможность работать над следующим большим полотном. Он начал обдумывать «Боярыню Морозову».

Однако летнее пребывание в деревне под Москвой навело Василия Ивановича на мысль о «Меншиков в Берёзове». Суриков был женат, имел двух дочерей, – семья на лето сняла избушку с низеньким потолком и маленькими окошками, других избушек в деревне не было. А лето выдалось очень сырым и холодным. Почти всё время сидели дома, кутаясь в тёплую одежду, и Василий Иванович шутил: «Вот так же когда-то сидел всесильный князь Меншиков, сосланный умирать в Берёзов».

Художник начал искать натуру для центрального образа картины, и, уже вернувшись в Москву, столкнулся на улице с «самим светлейшим князем» – настолько сильно было сходство! Едва уломал мужчину позировать.

На своём полотне Василий Иванович показал Меншикова в крохотной низенькой избушке, как бы давая знать зрителю, до каких пределов сжалась бывшая беспредельность князя. Не ожидал фаворит Петра I, что когда-то окажется в таком положении. В своём петербургском дворце он был окружён льстецами, а его помпезные

выезды поражали весь город. Даже царь никогда не выезжал с такой пышностью, он почти всегда либо бегал пешком на верфь, либо скакал по делам на своём громадном коне.

Меншиков был любимцем Петра. За преданность, смекалку, безоглядную храбрость стал первым его другом. На Алексашку Меншикова Пётр всегда мог положиться: не продаст, не подведёт, ничего не забудет, головы не пожалеет, а сделает! Как и Пётр, Меншиков жадно впитывал и с поразительной лёгкостью усваивал артиллерийское дело, фортификацию, кораблестроение. Блестящий полководец, он умел предвидеть многое из того, что потом приносило Петровым войскам победу. В Полтавской битве главная заслуга принадлежала Меншикову: он сделал всё возможное для полного разгрома шведов. И недаром после битвы, тут же на поле перед войсками, Пётр пожаловал своего помощника фельдмаршальским жезлом. И посыпались на Меншикова милости, подарки, земли… «Дитя сердца моего», называл его Пётр и терпел всю ту роскошь, которой обставлял себя Меншиков.

Но и гнев Петра не раз обрушивался на Меншикова. Из-за безудержной алчности «светлейшего».

– Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние?! Опять будешь кричать: «Пироги подовые»! – топал ногами Пётр.

Меньшиков в детстве торговал пирогами. Стать вторым лицом государства он мог только при Петре I, царе-реформаторе. При Петре появилась плеяда государственных деятелей, которые вышли из низов, и вошли в историю благодаря личным заслугам, а не родовитости.

После смерти Петра, Александр Данилович Меншиков сделал всё, чтобы на престол взошла Екатерина, как когда-то сделал всё, чтобы царь женился на этой лифляндской служанке, попавшей к русским в плен во время Северной войны. Оба они – Меншиков и Екатерина – вышли из низов и добрались до самых вершин могущества. Став императрицей, Екатерина возвела Меншикова в сан генералиссимуса. Но и этого уже было мало «светлейшему». Решил породниться с царским домом. Заставил Екатерину завещать трон малолетнему сыну убитого царевича Алексея с условием, что будущий император женится на одной из дочерей Меншикова.

Но тут «светлейший» просчитался. Пётр-внук, своенравный, красивый, не терпел его, называл выскочкой, а Марию Меншикову, красавицу, наречённую свою невесту, ненавидел уже за то, что она была дочерью «светлейшего». Бесчисленные враги князя нашёптывали царевичу: «Меншиков бил твоего отца по щекам, присутствовал при его пытках!» И нашёлся предлог, чтоб свалить могучего мужа. Ему было приказано оставить Петербург.

Вот уж тут враги распоясались! Всё дочиста отняли у генералиссимуса. Нажитое, пожалованное и награбленное. Все почести, земли, вотчины, дворцы… Уезжал он из Петербурга в золотой карете со свитой, а в Твери его затолкали в телегу и вместо свиты отрядили конвой.

Александра Даниловича с двумя дочерьми и сыном (жена умерла по дороге, не доехав до Казани) доставили в Берёзов – старинный уездный городок на севере Тобольской губернии. У самого берега Сосьвы, на пустыре, он своими руками построил домик в четыре комнаты и с часовенкой. В одной комнатке поместились княжны,

в другой – князь с сыном, в третьей – прислуга; четвёртую комнату отвели под кладовую.

Страшная жизнь началась. Зима – лютая, дня почти нет, вместо него северная кромешная тьма. Дочери затеплят свечной огонёк, подсядут к отцу и читают ему священные книги. Или Меншиков рассказывает им своё богатырское прошлое. Память Александра Даниловича удерживала сотни имён и дел. Поочерёдно дети записывали его рассказы, и так шли дни, недели, проходили месяцы…

На картине «Меншиков в Берёзове» вокруг «светлейшего» расположились его дети. Переливается рубинами бархатная скатерть на столе, сапфиром – атласная юбка младшей дочери, топазом светится лампадное масло в пузырьке на подоконнике… Два источника освещают всю группу: мертвенно белый свет за заиндевевшим оконцем и – тревожный, трепещущий, красноватый от лампады перед божницей, где, оправленные в золото и серебро, тёмные лики угодников напоминали о возмездии.

Сколько в этой картине, не смотря на общий сумрачный колорит, было сверкания и разнообразия цветов! Сколько живого человеческого тепла в движениях под складками одежды, в лицах, в позах! Окончив её, Василий Иванович показал «Меншикова» на Одиннадцатой передвижной выставке. Однако даже великий защитник русского искусства Стасов обошёл картину молчанием. Даже прекрасный художник Крамской высказался неопределённо:

– Либо эта картина гениальна, либо я в ней ещё не разобрался.

А что говорить о хулителях творчества Сурикова! – те хором кричали: «Плохо нарисовано!», «Семья моржей!», «Грязные цвета!»

«Провалился я нынче», – мрачно думал художник.

Понял произведение и правильно оценил, пожалуй, один только Третьяков. Он почувствовал, что отсюда открываются новые пути для всей русской живописи. «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Берёзове» – были единственные в России зрительные итоги целых эпох и проникновение в самую душу истории. Суриков – этот русский до мозга костей человек – внёс неоценимый вклад в отечественную культуру.

На полученные за картину деньги Василий Иванович смог поехать в Европу, где давно мечтал побывать, посмотреть работы старых мастеров. Ехал через Берлин, Дрезден, Кёльн, останавливаясь в каждом из этих городов для осмотра картинных галерей. Затем были Франция и Италия. Всюду художник часами пропадал в музеях. Написал в Петербург Чистякову: «Видевши теперь массу картин, я пришёл к тому заключению, что только колорит вечное, неизменяемое наслаждение может доставлять, если он непосредственно, горячо передан с природы. В этой тайне меня особенно убеждают старые итальянские и испанские мастера».

По возвращении в Москву Суриков начал писать «Боярыню Морозову». Эта тема жила в душе художника давно. Мальчиком слышал он от своей крёстной рассказ о неистовой раскольнице Морозовой, которая, отстаивая старую веру, пошла против патриарха Никона, проводившего с согласия царя Алексея Михайловича реформу Церкви. Греческие богословы исправляли по греческим образцам и заново перепечатывали тексты церковных книг, Никон требовал от верующих креститься не двумя перстами, а щепотью, «чёртовым кукишем». Такого унижения Россия ещё не знала!

Русские приняли христианство чуть не позднее всех других народов, приняли на душу неразвращённую, чистую; по верности души своей следовали ему, не представляя, что от Бога им данная вера и обряды могут быть искажены человеком властвующим. И хотя Никон уверял паству, что делается это в силу необходимости, ибо в церковных книгах из-за множества переписываний, появились разночтения, русских протопопов (старших попов) такое объяснение не устраивало. Они твёрдо стояли на своём: Русь – единственная хранительница неповреждённого православия, которое «давно замутилось у пленённых турками греков – испроказилось».

– Смотрите, – доказывал им Никон, – святому саккосу сотни лет, а на нём изображённый символ веры разнится с нашим. Вышито: «Его же царствию не будет конца». А мы у себя чтём – «Его же царствию несть конца». Ну, как не выправить?

– И не надо выправлять! По греческому мудрствованию, конец есть, но боятся его и успокаивают – «не будет». Почто врут и двойничают? Мы-то знаем, что царствию Божьему несть конца! Несть! Стало быть – нету! Это грекам надо выправлять свои служебники по нашим! Везут и везут к нам мощи святых угодников, хитоны мучеников, гвозди многие. И ведь не так себе, не бескорыстным подношением, а за мзду! По-христиански ли это? Канючат подаяния на греческие церкви, на прокорм насельникам монастырским, а царь наш тишайший – пожалуйте! А они ему опять палец подносят, а то и всю руку святого или щепу от креста Господня… Подумать страшно, пальцев Иоанна Богослова с полусотни по Руси обретается! Как не грех промышлять сим?

Ненависть протопопов к Никону и греческим богословам была лютой. Протопопы подвергались побоям, ссылкам, истязаниям, но продолжали обзывать греческих иерархов «блохочинными» и «побирушками». Пламенный борец за старую веру, протопоп Аввакум громогласно взывал к народу:

– Слыши небо и внуши земле! Вы будете свидетели нашей крови изливающейся! Нас винят, что ещё держим неизменно отцов своих предание!

Царь неоднократно ссылал Аввакума далеко за пределы Москвы, но и оттуда – из Тобольска, из Даурских мест, с устья Печоры – гнев протопопа настигал никониан. Аввакумовы послания ходили по рукам, переписывались, – некуда было деться царю и придворному духовенству от его «крика». Народ поддерживал Аввакума:

– В Московском государстве не стало церкви Божией, все пастыри с патриархом губители, а не ревнители благочиния!

Верховная боярыня Федосия Прокопьевна Морозова, родственница царя, тайно приняла от Аввакума монашество, устроила в своём доме раскольничий монастырь, собирала вокруг себя раскольников Москвы и раздала треть своего состояния во имя старообрядческой веры.

– С новой верой испоганится Русь! – жарко убеждала она. – Не будет в ней христианского благочестия, а будет всё больше сраму прибывать! И погинет вера Христова православная, и нельзя ей дать погинуть!

Царь приходил в ярость, когда слышал о «подвигах» Морозовой. Он требовал от неё отречения. Она не отреклась:

– Скажи, почто и отец твой веровал яко же и мы? – гневно стыдила она царя. – Если я достойна озлобления, то извергни тело отца своего из гроба и предай его, проклявши, псам на съедение!

Тогда было велено отправить её в тюрьму Псково-Печёрского монастыря. Закованную в цепи, с железным ошейником, Морозову посадили на крестьянские дровни и повезли через Кремль мимо царских теремов. Но и под тяжестью огромных цепей Федосия осеняла себя крестным знамением, посылая к царским окнам десницу с двуперстием.

На улице шум и смятенье,
Народ словно море шумит.
В санях, не страшась заточенья,
Боярыня гордо сидит.
И верит она, не погибнет
Идея свободной мольбы…
Настанет пора, и воздвигнут
Ей памятник вместо дыбы. –
(Из старообрядческих духовных стихов)

Единственный сын Морозовой, четырнадцатилетний отрок Иван заболел с горя. Бояре недоумевали: восемь тысяч крестьян у Морозовой, домообзаведения на двести тысяч, – ей ничего не жаль! Сына не щадит, наследника всему!

Вскоре Федосию вернули назад в Москву. Приволокли в пыточную избу.

– На костре сожгу! Отрекись! – добивался от неё царь Алексей Михайлович.

Она кричала высоким, резким голосом:

– Для меня великая честь, если сподоблюсь быть огнём сожжена!

Даже на дыбе, с вывернутыми в плечах суставами, с огромными порезами на руках, таких, что видны были жилы, она не отреклась.

Морозову увезли в острог Боровского монастыря, заключив в земляную тюрьму. Свезли в Боровск и сестру Морозовой, княгиню Урусову, которая тоже горячо поддерживала раскол. Там сёстры умерли голодной смертью.

– Видите, видите клокочуща христопродавца!.. – проклинал царя Аввакум, посаженный в такую же земляную тюрьму. – Иных за рёбра вешал, а иных во льду заморозил, а боярынь, живых засадя, уморил в пятисаженных ямах!

После смерти царя Аввакум стал настойчиво взывать к его сыну о возвращении истинного православия. Последовал царский приказ: «Уничтожить еретика!» Аввакума вместе с тремя единомышленниками сожгли в срубе. Однако раскол остановить не удалось. Тысячи людей уходили в леса Поволжья, Урала, Сибири, прячась от царя и патриарха. Жили общинами, трудно, порой невыносимо, но справляли церковные обряды так, как делали их отцы и деды.

Об этой народной трагедии Василий Иванович впервые услышал ещё ребёнком: «Сидят они в яме, цепями прикованные. В голоде, холоде, в язвах и паразитах, рубищами прикрытые. “Миленький, – просит стража Федосия Прокопьевна, – дай хоть корочку, не мне, сестре”. А сама смотрит на него из ямы. Щёки ввалились, лицом

бледная, а глаза аж светятся в темноте. Страж, глядючи на неё, сам-то плачет да и отвечает: "Не приказано, боярыня-матушка!" А она ему: "Спасибо, батюшка, что ты веру нашу в терпение укрепляешь"».

В 1887 году Россия готовилась праздновать 800-летие перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари, и Суриков приурочил к этому событию «Боярыню Морозову», которая была показана на Пятнадцатой передвижной выставке. Истерзанную, измученную, но не сломленную в вере Федосию Прокопьевну влачат в розвальнях через всю Москву по кишащим народом улицам. В красной бархатной шубе с накинутым сверху богатым платком, идёт за телегой, отчаянно стиснув руки, княгиня Урусова.

Будто огромное окно распахнул Суриков в холодную, трагическую Русь. Поникшие головы задавленных, сжатых людей, не властных сказать своё настоящее слово. Не властных сказать... Вот оно то, отчего не раз Россия была на грани гибели!

Зато сказал своё слово художник. Это же свои, русские люди, своя история, свой гнев, своя драма. Симпатии Сурикова были на стороне Морозовой и всех, кто крепок духом, кто не согнётся ни от угроз, ни от пыток. На картине воздетые к небу руки Морозовой сложены в староверческом двуперстии. Жутко звучат её речи, обличающие патриарха и царя. Лютой ненавистью к богоотступникам горят глаза. Со скорбью взирают на «крамольную» боярыню люди, и значит, правда за ними, правда православия и души, отданной православию, и нет другой правды. Подвиг Морозовой благословляет юродивый – самый безгрешный человек на Руси.

Но хари в богатых шубах хихикают и глумятся. Поп ощерил рот; ничего ему не надо, кроме собственного брюха, он и мать, и брата заложит за сытый живот. Сложная и страшная правда! Не царский бунт – народная драма. Высшая драма, ибо она касается посягательства не на что-нибудь, а на самое святое, что есть в человеке, – веру!

Критик Стасов, который раньше почти не замечал Сурикова, на этот раз не мог прийти в себя: «Я вчера и сегодня точно как рехнувшийся!» И писал в отчете о выставке: «Суриков создал теперь такую картину, которая, по-моему, есть первая из всех наших картин на сюжеты из русской истории. Выше и дальше этой картины наше искусство не ходило ещё!»

Приобретя «Боярыню Морозову», Павел Михайлович Третьяков сделал в своей галерее отдельный Суриковский зал.

А Василий Иванович страшно устал! Хотелось уехать домой в Красноярск, провести там с полгода, забыть о картинах, жить самой простой человеческой жизнью. Дождавшись закрытия выставки, он стал собираться в путь.

Увы, эта поездка на родину оказалась трагичной. Заболела жена, у которой был порок сердца. Вернулись в Москву. Лизу лечили лучшие доктора, но всё уже было напрасно. Сражённый горем, Василий Иванович ходил как помешанный. Он очень любил свою кроткую, тихую Лизу – дочь декабриста. Возненавидел во время её смертельной болезни Льва Николаевича Толстого – тот под предлогом сочувствия, зорко смотрел, как смерть забирает к себе человека. Лизу пугали его приходы, она понимала, что где-то в романе он вставит такой эпизод... Она до последнего вздоха надеялась выжить, а насупленный взгляд Толстого говорил, что спасения нет.

Долго Василий Иванович не прикасался к палитре. Он начал искать утешения в религии. Читал, перечитывал Библию, мучительно размышляя о жизни, душе, смерти… Через два года опять поехал на родину.

Встреча с милыми земляками, родительский дом, простор Енисея слегка подлечили больные нервы. Брат Саша подсказал интересную тему для новой картины: взятие снежного городка. Игра эта осталась от глубокой старины в память завоевания Сибири Ермаком. «Городок» был отголоском целой эпохи, когда русским поселенцам приходилось обороняться от «инородческих» племён, населявших Сибирь, и когда казачьи дружины воевали одну за другой татарские крепости и городки. Каждый год, на Масленицу, сибиряки «ладили» ледяной город. Порой он делался широким кольцом, по гребню втыкались ёлочки, в середине городка, на шестах, развивались флаги. Потеха начиналась в полдень. Гремели выстрелы, носились мальчишки с оглушительными трещотками. Народ высыпал к городку: кто пешком, кто верхом, кто в каретах… Вылетал откуда-нибудь из переулка всадник, хлестал коня, мчался прямо на потешный город. За ним другой, третий. Ближе, ближе… Во всадников кидали снежками, мёрзлым конским помётом; бабы визжали и взмахивали платками и вицами перед самыми мордами взвившихся на дыбы лошадей, не давая им перескочить через горы снега, взять городок…

Василий Иванович очень любил эту забаву. Вдохновлённый идеей, поданной братом, решил передать на картине народный праздник.

А в это время Стасов сокрушенно писал Третьякову:

– Не имеете ли вы сведений о Сурикове? Какая это потеря для русского искусства – его отъезд в Красноярск и нежелание больше писать!

Но Суриков работал так, как давно ему не работалось: легко, быстро, без мучительных спадов и сомнений. Горячее ликование охватывало его, когда он писал брата Сашу, перемахивающего на своём скакуне через снежную стену, румяные лица родных сибирячек, узоры тюменских ковров, росписи дуг, старинные кошевы. Смеялся, выбегал на улицу, лепил снежки, швырял их как можно дальше…

Готовая картина была представлена петербургской публике в мае 1891 года. В этот год на художественной выставке присутствовали почему-то всё небольшие вещи, и почти все какого-то унылого толка. А тут – размах, буйство красок и народное веселье буквально ворвались в залы.

Увы, большинству зрителей оказалась непонятна и неприятна жизнеутверждающая свежесть Сурикова. А присяжные рецензенты, те накинулись на художника, не придумывая веских доводов:

«Наудачу взята чуждая нашим нравам житейская мелочь».

«В картине режет глаза жестокая пестрота красок!»

«Картина написана в известном пошибе господина Сурикова…»

Но, читая эти нападки, Василий Иванович уже не падал духом, как было с ним после «Меншикова». Улыбался: «Если на меня лают собаки, значит, я крепко держусь в седле!»

Картина «Взятие снежного городка» привела его к написанию большого исторического полотно о Ермаке. Сибирский поход Ермака давно и сильно будоражил его художественное воображение, к тому же предки Василия Ивановича вместе с Ермаком завоевывали Си-

бирь, осели на новых землях и основали будущий город Красноярск.

Покорение Сибири было событием чрезвычайной исторической значимости. Это была борьба, прежде всего, с ханом Кучумом, который властвовал грабежами и разбоями и, собрав пёстрое многоплеменное войско, дошёл до Урала, угрожая Поволжью и другим исконным русским землям. Крупные солепромышленники Строгановы, владельцы громадных уральских земель, терпели от набегов Кучума непоправимые беды, слали в Москву отчаянные письма, прося разрешения набрать казаков в свои городки. Владелец Чусовской вотчины Максим Строганов больше всех страдал от нападений из-за Урала. Попав в безвыходное положение, послал за казаками на Волгу, и оттуда, во главе с Ермаком, прибыло около тысячи человек с ружьями и пушками («с огненным боем»). Когда нагрянули татары царевича Алея, Ермак не дал им разорить Чусовские городки. Отбитый на реке Чусовой Алей ушёл к Соли Камской и учинил там дикий погром. «И с тех мест, – утверждали гонцы, – учели оне, Ермак со товарыщи, мыслить и збираться как бы им дойти до сибирской земли и того царя Кучюма».

Строгановы понимали трудность затеянного похода гораздо лучше, чем казаки. Строгановские «людишки» давно бороздили Чусовую – единственную реку, пересекающую Уральский хребет, – знали какие силы у хана Кучума. Знали и то, что в дни весеннего паводка и осенью после сильных дождей вода в горных реках поднималась, и тогда перевалы становились доступными для перетаскивания судов волоком. На лёгких ладьях казаки могли вести летучую войну с татарами и даже захватить внезапным набегом их столицу Кашлык. Но затем Кашлык неизбежно стал бы для них ловушкой: выдержать длительную войну с многотысячной татарской ратью казаки бы не смогли, а вернуться им не позволят обмелевшие реки. И всё же ненасытные Строгановы заранее испросили у Ивана Грозного жалованную грамоту на земли по Тоболу, Иртышу и Оби.

Заботило Строгановых и другое обстоятельство. По уходу Ермака за Урал ничто не помешает Алею опустошить их владения. Страшась этого, они не решились отпустить с Ермаком стрельцов и пушкарей, служивших в их городках. Ермак взял с собой шестьдесят человек «тутошних людей», тем дело и ограничилось.

1 сентября 1581 года казаки выступили в поход, о чём донёс царю воевода Чердыни Василий Перепелицын. Дружина Ермака насчитывала чуть больше пятисот воинов. Было три священника и татарин, знавший дорогу к Кучуму. Ермак понимал, что только стремительное и внезапное нападение может привести его к победе. Поднявшись по Чусовой и Межевой Утке до Серебрянки, зазимовали. Но как только весенние воды освободились от льдин, стали подниматься на перевал, топорами расчищая лесные завалы. Не было времени убирать камни, и потому не могли волочить суда по земле, используя катки, а тащили их в гору на себе…

После недолгой передышки спустились по склону вниз. На спуск затратили много сил, но это было уже не то сверхчеловеческое напряжение, которое потребовалось на подъёме.

По реке Тагилу, используя течение и попутные ветры, флотилия Ермака добралась до Туры, оттуда – к Тоболу. Судовым кормчим пришлось впервые прокладывать путь по незнакомым им местам,

что требовало большой осмотрительности и хороших навигационных навыков. Отчасти им помогали бывалые Строгановские «людишки».

Первое столкновение с татарами произошло у деревни Епанчин. Ермак потерпел неудачу и не смог добыть «языка», столь необходимого в начале похода. Более того, бежавшие из-под Епанчина татары добрались до Кашлыка раньше Ермака, сибирский хан получил от них известие о появлении русских. Элемент внезапности, на который рассчитывал Ермак, был безвозвратно утерян. Но тут помог сам Кучум, которого подвели его расчёты. Получив точную информацию о малочисленности отряда Ермака, Кучум не мог предположить, что тот решится вступить в единоборство с его ратями, обладавшими подавляющим превосходством сил. Он знал, что казаки в случае малейшей задержки в Зауралье окажутся в западне. Вот почему престарелый хан ни минуты не сомневался в том, что русские без промедления повернут вспять. Какого же было его изумление, когда 23 октября казаки подошли к Кашлыку! «Приходу на себя Ермакова я не чаял, а чаял, что он воротитца назад на Чюсовую».

На своей картине «Покорение Сибири Ермаком» Суриков запечатлел момент взятия Кашлыка. Казачья флотилия движется навстречу туземному войску, но казаки спокойны. На их лицах нет и следа боязни; хотя нет и показного героизма. Без суеты и спешки они делают своё дело. Противоположны казакам неистовые лица и резкие движения туземцев, прижатых к подножию берега. Тревогу и смятение в их лагере подчёркивает своим разорванным силуэтом конница на верху горы.

В этом бою казаки стремительно атаковали конное и пешее воинство Кучума и опрокинули его. Хантские князьки, напуганные залпами огнестрельных орудий, первыми покинули поле боя. Их примеру последовали мансийские воины, укрывшись после отступления в непроходимых болотах. Преследуя бегущего врага, казаки ранили главного татарского военачальника хана Маметкула. Татары с трудом спасли его от плена, и на лодке переправили за Иртыш. Кучум, наблюдавший за боем с вершины Чувашевой горы, отступил на юг, так и не приняв участия в баталии. Казаки в тот же день беспрепятственно вступили в покинутую татарами столицу сибирского царства.

В «Ермаке» Суриков поднялся на необычайную, даже для него, высоту исторического прозрения. Недаром он утверждал, что композиция картины, то есть расстановка движущихся сил, была им продумана и решена до того, как он ознакомился с летописным изложением события. «А я ведь летописи и не читал. Картина сама мне так представилась: две стихии встречаются. А когда я, потом уж, Кунгурскую летопись начал читать, вижу, совсем, как у меня. Совсем похоже. Кучум ведь на горе стоял. Там у меня скачущие». В чертах Ермака художник обобщил знакомые черты сибирских казаков, главной из которых было присутствие несокрушимой воли.

Работа над картиной «Покорение Сибири Ермаком» потребовала от художника массу времени, поисков соответствующей натуры и такого напряженного труда, который исключал всякую возможность другой сколько-нибудь серьёзной работы.

Художник Нестеров увидел законченное полотно одним из первых. «Я чувствовал, что с каждой минутой больше и больше становлюсь если не участником, то свидетелем огромной человеческой

драмы, бойни не на живот, а на смерть, именуемой Покорение Сибири... Суровая природа усугубляет суровые деяния. Вот он, Ермак, с вытянутой вперёд рукой, на втором, на третьем плане; его воля – непреклонная воля, воля не момента, а неизбежности, "рока" над обречённой людской стаей».

Картина была отправлена в Петербург на Двадцать третью выставку передвижников. За день до открытия выставки её посетил император Николай II. Как раз в это время праздновалось трёхсотлетие покорения Сибири и открытия Транссибирской железной дороги. Совершенно случайно Василий Иванович попал «в точку», оказавшись в неловкой для себя роли «официального живописца». Император купил «Покорение Сибири» за сорок тысяч рублей. Совет Академии художеств присвоил Василию Ивановичу звание академика.

Следующей картиной Сурикова была «Переход Суворова через Альпы», написанная к столетию Итальянского похода, состоявшегося в 1799 году. Сюжетом для неё Суриков избрал момент, когда русская армия спускается с горы Паникс. Предварительно изучив историю этого знаменитого перехода, художник поехал в Швейцарию, чтобы писать этюды на месте.

Увидев отвесные скалы, дикость ущелий, услышав рёв горных рек, Василий Иванович проникся величайшей гордостью за Суворова и его чудо-богатырей! И стало омерзительно тошно за предательство русской армии её союзниками. Эти «храбрецы», так боявшиеся Наполеона, ещё сильней испугались русской отваги, «забыв», что сами умоляли Россию вступить в антифранцузскую коалицию, и умоляли Павла I назначить командующим Суворова – не потерпевшего ни одного поражения в своей военной карьере. Им стало страшно, когда русская армия в короткие сроки освободила Северную Италию, предполагая развернуть наступление на Францию и нанести главный удар.

Сговорившись, Австрия и Великобритания направили русских в Швейцарию – для соединения с действовавшим корпусом Римского-Корсакова, чтобы объединённой армией якобы идти на Францию.

Русские за шесть суток преодолели 150 километров, перевалив через Сен-Готард. Но по прибытии в пункт назначения обнаружилось, что австрийцы, в нарушение достигнутых договорённостей, не доставили туда мулов, необходимых для перевозки провианта и артиллерии. Между тем свою артиллерию и обозы русские отправили другим путём. Мулы были доставлены только через четыре дня, было потеряно время, и французы за этот срок укрепились на ключевом перевале всего маршрута. Более того, австрийцы дали ложные сведения о численности французской армии, преуменьшив её почти втрое, и солгали, что вдоль Люцернского озера идёт пешеходная тропа, которой на самом деле не было.

В этой сложнейшей ситуации русские проявили несокрушимое мужество – за один день Сен-Готардский перевал, единственная возможность пройти на север, был взят! Армия Суворова вышла к Чёртову мосту, перекинутому через реку на двадцатиметровой высоте и охраняемому французами. Обойдя вражеские войска по дну ущелья, русские ударили в тыл тоннеля, примыкавшего к мосту. Это было чудом! Орловские, тульские, вологодские мужики, дети равнин, совершили подъём почти по отвесной скале и, ворвавшись в темень тоннеля, гнали французов к выходу. На мосту завязался

жестокий бой. Отступая, французы разрушили один из пролётов, не давая русским добраться до них. Тогда гренадёры разобрали стоящий на склоне горы какой-то сарай, в невероятном хаосе и сутолоке притащили доски на мост, связали их шёлковыми шарфами офицеров и, перекинув через пропасть, «восстановили» пролёт. Суворовские солдаты навсегда покрыли себя воинской славой; невероятное сражение, которое они вели в тяжелейших условиях, попало во все учебники военной истории как образец беспримерного мужества и героизма, выносливости и стойкости.

Русское войско вступило в Альтдорф. И вот тут Суворов обнаружил отсутствие дороги вдоль Люцернского озера, о которой ему говорили австрийцы. Между тем, начал заканчиваться провиант. У соседнего озера сосредотачивались французские войска. Суворов принял решение направить армию через мощный горный хребет, и, перейдя через него, выйти в долину. Во время этого перехода Александр Васильевич, которому уже исполнилось 68 лет, тяжело заболел. И всё же через 12 часов армия спустилась к деревне Муттен.

Деревня оказалась занятой французами. Русские начали штурм. Противник от их дикого натиска побежал. К вечеру все суворовские войска сосредоточились в Муттенской долине, и здесь узнали от пленных о поражении корпуса Римского-Корсакова. Армию Суворова тоже могло ожидать поражение: практически не осталось провианта и патронов, одежда и обувь износились, многие солдаты и офицеры были босы. Это было известно противнику. Собрав мощные силы, он пошёл в наступление. На военном совете Суворов со слезами обратился к своим генералам:

– Мы окружены горами… окружены врагом сильным, возгордившимся победою… Со времени дела при Пруте, при Государе Императоре Петре Великом, русские войска никогда не были в таком гибелью грозящем положении… Нет, это уже не измена, а явное предательство… разумное, рассчитанное предательство нас, столько крови своей проливших за спасение Австрии! Помощи теперь ждать не от кого, одна надежда на Бога, другая – на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых… Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире! Мы на краю пропасти, но мы – русские! С нами Бог! Спасите, спасите честь и достояние России!.. – Суворов разрыдался

20 сентября 1799 года в Муттенской долине семитысячный арьергард русской армии, прикрывавший Суворова с тыла, разгромил 15-тысячную группировку французских войск под командованием Массены – лучшего генерала Наполеона. Русские солдаты сражались настолько яростно, с такой невероятной озлобленностью и мужеством, что, потеряв в бою оружие, хватались за камни или бежали на противника с одними ножами. В этом решающем сражении главнокомандующий Массена был сдёрнут с лошади унтер-офицером Иваном Махотиным, и еле вырвался, оставив в его руках золотой эполет. Французы побежали, из наступающих превратившись в преследуемых.

– Слава, слава! – торжествовал Суворов. – Богатыри! Бог нас водит – он нам Генерал!

Эта весьма скромная по масштабам войны битва, стала для всего мира символом духа русского солдата. В России про неё слагались

стихи, про неё рассказывали в школах, а храбрость простого русского воина приводили в пример в военных училищах.

Последним испытанием для русской армии стал спуск с горы Паникс. Генералитет принял решение пробиваться Суворову в долину реки Рейсы на соединение с остатками корпуса Римского-Корсакова. Это был последний и один из наиболее тяжёлых переходов. Были сброшены в пропасть почти все пушки, свои и отбитые у французов, потеряно около трёхсот мулов. Французы нападали на арьергард русской армии, но, даже имея запас пуль и артиллерию, обращались в бегство от русских штыковых атак.

Именно этот переход изобразил Василий Иванович Суриков на своей картине. В стремительном лавинообразном спуске с отвесных склонов швейцарских Альп показал он русских солдат. У самого края отвесной кручи на коне – полководец Александр Суворов. На его ободряющую шутку откликаются солдаты. Но тем, кто уже начал спуск, не до смеха: крестится седой бывалый ветеран; с трудом удерживают тяжёлую полевую пушку солдаты справа, воин рядом закрыл лицо плащом, чтобы не видеть пропасть…

С прибытием в австрийский город Фельдкирху поход Суворова завершился. В этом походе потери русской армии, вышедшей из окружения без продовольствия и боеприпасов и разбившей все войска на своём пути, составили около пяти тысяч человек, многие из которых разбились при переходах. Было захвачено в плен 2778 французских солдат и офицеров, которых Суворов сумел прокормить и вывести из Альп как свидетельство великого подвига. Французы потеряли убитыми втрое больше, чем русские.

Суворов с триумфом вернулся домой, несмотря на неудачные итоги всей кампании. За этот поход Александр Васильевич был удостоен высшего воинского звания – генералиссимуса, став четвёртым генералиссимусом в России. А в честь русских солдат на одной из скал перевала Сен-Готард был высечен тридцатиметровый крест.

Свою картину Василий Иванович Суриков представил Петербургу в 1899 году. Картина была приобретена императором Николаем II. Однако большого художественного резонанса не получила. «Значение Василия Сурикова как гениального ясновидца прошлого для русского общества огромно и всё ещё недостаточно оценено и понято, – сетовал художник Бену. – Никакие археологические изыскания, никакие книги и документы, ни даже превосходные исторические романы не могли бы так сблизить нас с прошлым. Никакие славянофильские рассуждения не способны были открыть такие прочные, кровные, жизненные связи между вчерашним и нынешним днём России».

Через два года Василию Ивановичу пришло письмо из Франции: Люксембургский музей желал приобрести хотя бы одно из его исторических полотен. Очень было приятно художнику, что его творчество знают за пределами России, знают и ценят. Но, будучи патриотом, он хотел видеть свои картины только в русских музеях!

Ксения НОСОВА

СИЯЕТ СВЕТ ЕГО ЛАМПАДЫ. Очерк

КНИГОИЗДАТЕЛЬ-МЕЦЕНАТ

Русский книгоиздатель и меценат Флорентий Фёдорович Павленков родился 21 октября 1839 года в Тамбовской губернии в небогатой дворянской семье. Окончив Петербургский кадетский корпус, а затем Михайловскую артиллерийскую академию, он некоторое время служил в Киевском арсенале, но в 1866 году подал в отставку и в возрасте 26 лет начал издательскую деятельность.

Первую свою книгу – «Полный курс физики» парижского профессора А. Гано – Павленков сам перевёл с французского. Затем он издал сочинения Д. И. Писарева. За речь на его могиле Ф. Ф. Павленков был арестован, а затем сослан в Вятку, где провёл почти 10 лет. В ссылке он продолжал издавать книги, а также составил «Народную азбуку» для самообразования народа. После его возвращения в 1881 году в Петербург книгоиздательская деятельность Флорентия Фёдоровича приобрела новый размах. К концу XIX века издательство Павленкова стало одним из крупнейших в России. Направление его было просветительским. Выпускались различные учебники, научно- популярные книги по всем отраслям знаний, энциклопедии, произведения А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова и других писателей. Впервые в России был издан А. Герцен.

Одно из самых популярных издательских начинаний Флорентия Фёдоровича Павленкова – серия «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»), выходившая с 1889 года. Это было первое издание подобного рода в России. Серия стояла из небольших брошюр, каждая из которых содержала биографию выдающегося деятеля науки, истории, литературы, искусства. При жизни издателя вышло 200 таких биографий тиражом свыше 1,5 миллиона экземпляров. Постоянно увеличивая тираж изданий, Ф. Павленков стремился удешевить их, чтобы они могли быть доступны широкому кругу читателей. Цензура расценивала серию «ЖЗЛ» как явно «крамольную». Некоторые выпуски запрещались, цензоры урезали тексты, однако у читателей серия пользовалась неизменно большим успехом.

Умер Флорентий Фёдорович Павленков 20 января 1900 года. В одном из некрологов издателю написано, что одной только серии «ЖЗЛ» было бы достаточно, чтобы имя Павленкова стало достойным уважения современников и памяти потомков. Перед кончиной большую часть своего капитала он завещал на открытие

Ксения Сергеевна НОСОВА родилась 24 ноября 1990 года в городе Кривой Рог Жовтневого района Днепропетровской области, ныне Украины. В настоящее время – библиотекарь Павловской городской библиотеки им. Ф.Ф. Павленкова. Занимается историей своего родного посёлка и жизнью и деятельностью Ф. Ф. Павленкова. Дипломная работа Ксении Сергеевны в Пермском государственном краевом колледже искусства и культуры «Павленковское движение в России» (2016) получила высшую оценку.

бесплатных народных читален в сёлах России. Преемники книгоиздателя (в частности В. И. Яковенко) открыли в деревнях и сёлах 2018 библиотек-читален, носивших до революции имя Павленкова.

СОДРУЖЕСТВО

В девяностые годы XX века установлением «Павленковских» библиотек вместе с журналом «Уральский следопыт» занялся журналист Ю. А. Горбунов. Акция увенчалась успехом. Только в Пермском крае было обнаружено 130 таких библиотек.

В Очёрском районе на сегодняшний день насчитывается четыре Павленковские библиотеки. Первая библиотека на средства Ф. Ф. Павленкова на территории Очёрского района была создана в 1904 году в деревне Пурга; правопреемницей библиотеки стала Кипринская сельская библиотека. Статус Павленковской библиотеки ей был присвоен в 2000 году. А в 2001 году библиотека стала победительницей областного конкурса проектов, проведённого департаментом культуры и искусства.

Нововознесенская сельская библиотека им. Ф. Ф. Павленкова (центральная в Нововознесенском сельском поселении) – правопреемница бесплатных народных библиотек, открытых при школах в 1909 году на средства Ф. Ф. Павленкова в деревнях Спирята и Калинино. Статус Павленковской библиотеки был подтверждён в 2000-м. Дворецкая сельская библиотека им. Ф. Ф. Павленкова (Спешковское сельское поселение) – правопреемница Кукетской избы-читальни, открытой на средства Ф. Ф. Павленкова в 1909 году.

В 1908 году в здании бывшего волостного правления при 2-классном начальном училище посёлка Павловского была открыта Павленковская библиотека, которая представляла собой лишь шкаф, наполненный книгами. Заведовала библиотекой учительница Елизавета Петровна Бушуева. В 1913-м библиотека разместилась в доме зажиточного крестьянина и стала библиотекой-читальней 2-го разряда.

2016 год для посёлка Павловский – юбилейный: в июне он празднует своё 200-летие. Не лишним будет вспомнить, что в 1998 году Павловская библиотека одна из первых подтвердила статус Павленковской и с того же года она носит имя Флорентия Фёдоровича Павленкова. В настоящее время Павловская библиотека, как и другие «Павленковские», входит в Российскую межрегиональную общественную организацию «Клуб ЮНЕСКО Содружество Павленковских библиотек».

Сегодня Содружество Павленковских библиотек – это всероссийская общественная организация, насчитывающая около 400 библиотек в Свердловском, Пермском, Челябинском, Кировском, Коми-Пермяцком, Орловском, Удмуртском и Сибирском филиалах. Председателем Содружества является Наталья Николаевна Ярославцева, заведующая научно-методическим отделом КОУНБ (Кировская ордена Почёта государственная универсальная областная научная библиотека) им. А.И. Герцена.

Уважение к высокой культуре, стремление к образованию, развитию интеллекта, прославление лучшего, что есть в русском народе – критерии деятельности Павленковских библиотек, которые по прежнему выполняют завещание выдающегося деятеля российской культуры.

Галина ЧУДИНОВА

ПОСЁЛОК. Очерки из одноимённой книги

ОСНОВАНИЕ ЮГО-КАМСКОГО ЗАВОДА

Истории основания нашего завода посвящено несколько книг. На закате Советской эпохи, когда завод ещё прочно держался на плаву, руководство его могло заплатить из казны деньги «варягам», решившимся заработать на написании и издании материалов о градообразующем предприятии посёлка. Одним из таких «варягов» оказался пермский писатель Иван Лепин.

Много раз приезжал он в Юго-Камск, изучал предоставленные ему документы, беседовал с людьми, работал в пермских архивах. Итогом его трудов стали две книги. Первая, под название «Листья – продолжение корней. Документальная повесть-хроника» вышла в свет в 1987 году в Пермском книжном издательстве и посвящена была рабочей династии Палабужевых. Вторая – в твёрдом переплёте тёмно-зелёного цвета, с вкладками чёрно-белых и цветных фотографий, была названа «Четверть тысячелетия. Годы и люди Юго-Камского машзавода» и вышла в 1996 году к 250-летнему юбилею предприятия. Её получили в подарок все ветераны-заводчане, в том числе – и моя мама, и сейчас в моей личной библиотеке бережно хранятся и эти, и другие книги, посвящённые моей малой Родине. Последующие авторы: Николай Алексеев, Юрий Ширинкин, Валерий Третьяков – с крахом Советской эпохи издавали книги уже на собственные деньги.

Из всех этих изданий читателям интересно будет узнать то, что Урал в начале XVIII века, действительно, стал надеждой и опорным краем державы: в первое десятилетие здесь было построено девять заводов, во второе – уже сорок три, а в третье – аж шестьдесят шесть. В их числе и Юго-Камский. Выше уже говорилось, что бароны Строгановы, имея огромные вотчины на Урале, начали строительство медеплавильного завода в 1744 году, не дожидаясь разрешения Берг-коллегии.

Место для строительства завода было выбрано в шестидесяти верстах от Перми и в десяти верстах от реки Камы, в месте слияния речек Юг и Северная. Главной движущей силой для заводского производства могла быть только сила падающей воды, поэтому одновременно строилась плотина.

Галина Васильевна ЧУДИНОВА родилась 11 мая 1947 года в посёлке Юго-Камском, ныне Пермского района Пермского края. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета (1970), аспирантуру Московского областного педагогического института (1986). Преподавала в школе, в институтах, в Пермском областном институте усовершенствования учителей /Пермском краевом институте повышения квалификации работников образования. Кандидат филологических наук. Автор статей, посвящённых пермской литературе и пермским авторам. Автор нескольких книг, в т. ч. «Русский фундаментализм как концепция возрождения русского народа» (2009). Кавалер ордена Достоевского III степени (2012). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2015 года. Живёт в посёлке Юго-Камском Пермского края.

Дорогу реке перегораживала возвышенность, получившая позже название Красная гора. Отсюда и начали сооружать плотину. Земли здесь были строгановские, но населения поблизости не было: приходилось пригонять крепостных крестьян из-за Камы, из принадлежащих Строгановым деревень. Представьте себе такую картину: сотни конных подвод, нагружённых лопатами, кирками, носилками, тачками, одна за другой следовали к месту строительства. Под присмотром стражников ехали на подводах и люди. Сотни крепостных рабов, как муравьи, пилили лес, тесали брёвна, копали траншеи, перевозили землю от Красной горы, насыпали плотину пруда и одновременно строили цеха для выплавки меди. Грандиозная стройка по тем временам развернулась в долине Юга.

Плотники рубили срубы, так называемые «ряжи», из лиственницы и устанавливали ряжи на месте тела будущей плотины. Лес брали с вершины горы, которая после этого на столетия осталась лысой, брали и из ложа будущего пруда. Землекопы срывали Красную гору и этой землёй засыпали ряжи. При этом тщательно собирался дёрн, им обкладывался сухой откос плотины. Работа была выполнена настолько качественно, что плотина простояла до наших дней без всякого ремонта. При запуске завода «мокрый откос» обложили шлаковыми плитами: много лет защищали они тело плотины от ударов волн при северном ветре.

Для строительства домов будущим работникам лес отпускали совершенно бесплатно – из ложа будущего пруда. В земляном теле плотины устроено было два прореза. Один, у самой Красной горы, получил название «вешний прорез» или «вешняк». Другой – напротив будущего завода – стал называться «рабочий прорез», на нём установили рабочее колесо. Из рабочего канала вода, обогнув завод, выливалась в речку Юг. Весь 1745 год ушёл на заполнение пруда, а год спустя завод был пущен, о чём имеется соответствующая запись в бумагах Главной горной канцелярии в Екатеринбурге. Так что датой рождения завода официально считается 1746 год. Сохранились сведения, что, когда прокурор Берг-коллегии узнал о незаконном начале строительства, то он возбудил судебное дело. Но Строгановы выиграли дело и добились отправки прокурора в Нерчинск – к местному горному начальству.

Решающую роль при выборе места сыграла речка, на берегах которой был найден медистый песчаник, да конная дорога, связывающая Сибирь с центральной Россией. Дорога в ту пору шла от Камы на Нижние Муллы вдоль Юга, между речкой и горами, по сильно пересечённой местности. Сыграло роль при выборе места и строительство Сибирского тракта – торговой дороги от Перми в Сибирь. В посёлке её называли Казанский тракт: по ней шли обозы из Перми на Казань. Основатели посёлка учли и близость Камы, по которой можно было привозить сырьё, отгружать готовую продукцию на север – к месторождениям соли – и на юг – в города Поволжья. И, конечно, необъятные леса, что расстилались вокруг на сотни километров, – готовое топливо да стройматериалы.

Работа крепостные по двенадцать-четырнадцать часов в сутки – при плохом снабжении их продуктами. Удивительно ли, что так часто нарастали среди них протестные настроения. Первые несколько десятилетий завод выплавлял медь – по тысяча шестьсот пудов

ежегодно. На заводе сооружены были две медеплавильные и две железоделательные печи, молотовая фабрика, кузнечные мастерские. Плавильные печи с шестью молотами, меха деревянные парные, водяные колёса наливного действия, шесть кричных горнов, кузнечные да слесарные горны и мукомольная мельница, что работала в одну смену, – вот как выглядело в те времена производство. Но завод уже тогда приносил пользу Отечеству: во времена Русско-турецкой войны 1787–1791 годов – при князе Шаховском – было произведено две тысячи пятьдесят один пуд бомб и ядер для русской армии.

Замышлялся новый завод как медеплавильный и был таковым первые семьдесят лет существования: медистые песчаники были рядом, а чугун завозили с других близлежащих строгановских заводов. Небольшая речушка, протекающая через территорию завода, получила название Медянка, теперь от неё остался лишь ручеёк, впадающий в речку Юг.

В книгах Ивана Лепина можно найти немало интересных сведений о становлении и развитии завода: «Меди в первое время завод выплавлял мизерное количество: от трёх до двадцати пяти тонн в год. Нынешний мощный трактор мог запросто увезти всю эту продукцию. Медистые песчаники в окрестностях завода быстро исчерпывались, а завозить сырьё издалека было делом дорогим. Изначально Строгановы держали свой завод прочно: когда стало невыгодно медеплавильное производство, стало бурно развиваться железоделательное. В первой половине девятнадцатого века завод давал в год по сто пятьдесят–двести тысяч пудов железа».

Чугун в Юго-Камск шёл с Кусье-Александровского и Бисерского заводов – по Колве, Чусовой и Каме. Из Юго-Камска по рекам и Казанскому тракту оправлялись листовое, кровельное, посудное, котельное железо, гвозди ручной ковки, болты, гайки, заклёпки, слесарные тиски, цепи, якоря – всего более двухсот видов изделий. Часть продукции шла на заводские нужды, часть – на Новоусольские промыслы, часть – в поволжские города, в Пермь, Саратов, Елабугу, Москву и Санкт-Петербург. С постройкой тракта от Оханска до Екатеринбурга юго-камские изделия появились в отдалённых городах Урала и Сибири. В краеведческом музее посёлка, в одной из его застеклённых витрин, бережно хранятся образца тех гвоздей, болтов и гаев, что в начале XIX века производил наш завод.

Заводские молоты да и все прочие механизмы приводила в действие энергия падающей воды. И, подобно своим собратьям в Очёре и Нытве, возник в Юго-Камске красавец пруд площадью в несколько гектаров. Образовали его три лесные речки: Юг, Полуденная и Северная. Главная плотина имела длину двести семьдесят, а ширину – двадцать пять сажен. Ранее был в Юго-Камске каскад из трёх прудов: Северинский с его плотиной служил источником питьевой воды, каковым является и сейчас, вода Верхнего пруда приводила в действие заводские механизмы, ниже, по течению речки Юг, была возведена ещё одна плотина, образовавшая Нижний пруд, снабжавший водной энергией нижний, Варваринский завод.

Заводчане делились в то время на две категории: мастеровые и работные люди. Первые жили при заводе, вторым, имевшим в деревнях пахотную землю, приходилось в зимнюю пору делать большие пешие переходы от своих деревень до завода. Источником рабочей

силы было крепостное население, которое приписывалось к заводу для отбытия барщины и «отработки» на два-три месяца в году. Условия труда были очень тяжелы, возникали постоянные волнения приписных крестьян. 29 декабря 1773 года завод был захвачен двухтысячным отрядом тулвинских башкир и осинских дворовых крестьян – сообщников Емельяна Пугачёва. Завод был разграблен и остановлен. Характерно, что заводские рабочие не только не оказали никакой помощи администрации завода, но сами способствовали его разграблению и сожжению. Часть имущества пошла на военные действия против царских войск: интересы приписных крестьян были страшно далеки от интересов господ-заводчиков, о чём не худо было бы помнить всем поклонникам империи Романовых.

Показательна в этом отношении сцена из романа Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачёв»:

– Ну, а скажи-ка ты мне без утайки, мастер, раз вы, работные люди, добропорядочно живёте, так почто же себе заступника народного поджидаете, избавителя?

– А вот почто, господин казак, слухай, – проговорил надсмотрщик, ласково коснувшись рукой колена Пугачёва. – Первым делом редкие зарабатывают, как я. А много работных людей получают по семь да по пять копеек на день. Так тут не до жиру. Что получишь, то и проешь. А взять коренного мужика… промеж крестьянства и бедности достаточно и земли у многих маловато. Только, говорю, не об этом крестьянство думушку свою думает, а думает о том, что несносные обиды ему творятся, от коих весь мир крестьянский стонет. Мужик человеком восхотел быть, вот что!»

Разграбив завод и богатые дома, осквернив церковь, восставшие двинулись на Пермь, но оттуда навстречу им уже высланы были армейские части. Произошло сражение в районе Нижних Муллов, повстанцы были разбиты и отступили на Осу по южной лесной дороге через Вылом, минуя на сей раз Юго-Камск. Более трёх месяцев не работал завод после нашествия пугачевцев, и вновь запущен был только в апреле 1774 года.

ЗАВОД В XIX ВЕКЕ

Кому же достался завод в последующие годы? Сведения об этом можно почерпнуть из «Хозяйственного описания Пермской губернии», изданного в 1803 году: «По разделу между упомянутыми братьями, бывшему в 1747 году, достался на часть первого, то есть барона Александра Григорьевича Строганова, по смерти которого и по новому в 1763 году разделу между баронессой Марией Артемьевной, матерью княгини Варвары Александровны Шаховской, и княгинею Анной Александровной Голицыной пришла во владение первой, то есть княгини Шаховской. От Перми считается до него 53, от Оханска – 13 вёрст».

По сравнению с иными имениями Строгановых, Юго-Камский завод не был лакомым куском, достойным сделаться майоратом, и его сбывали в приданное. По разделу 1763 года завод достался Варваре Александровне Шаховской, дочери Александра Строганова, а до 1917 года ещё дважды попадал в женские руки: княгине Варваре

Петровне Бутеро ди Ридали и графине Елизавете Андреевне Воронцовой-Дашковой.

В книге, которую Николай Алексеев привёз со Строгановских чтений из Очёра, впервые встретилась полная фамилия Варвары – Бутеро ди Ридали. Муж её, как написано в книге, был французом, хотя фамилия больше похожа на итальянскую. Но в России супругов именовали сокращённо Бутеро Ридали. Родерик Мурчисон во время своего путешествия по Уралу, описал встречу с владельцем завода, назвав его просто Бутеро: «Он – Бутеро – как муж хозяйки приезжал и командовал здесь по-хозяйски, от имени жены». Николай Николаевич посоветовал мне указать в книге полную версию фамилии – Бутеро ди Ридали, что я и сделала.

Из «Хозяйственного описания Пермской губернии», изданного в 1803 году, нам известно, как выглядел посёлок в начале девятнадцатого века: «Деревянная церковь, заводская контора, четыре господских дома с конюшнями и сараями, хлебный магазин. Госпиталь на двадцать пять кроватей и сто восемьдесят обывательских домов составляют селение всего завода, в котором четыреста тридцать два крепостных крестьянина и четыреста сорок один человек женского полу».

В 1833 году на речке Юг был основан второй завод, названный по имени его владелицы – княгини Варвары Петровны Бутеро ди Ридали – Варваринским. Нижний завод построен был в полутора километрах от основного с целью вторичного использования отработанной воды с верхнего пруда. Тут была возведена ещё одна плотина, установлен стан для резки железа на заготовки для гвоздей, построена кузница для ковки гвоздей – строительных, баржевых, были устроены лесопилка и мукомольная мельница. Много лет проработал на этом проволочно-гвоздильном заводе старшим каталем Ефим Малков, мой прадед по материнской линии. Из рассказов бабушки Валентины Ефимовны узнала я, что прадед овдовел и от первого брака осталось у него пять дочерей. Ефим женился вторично, и снова Бог дал ему пять девок. Легко ли было одному мужику прокормить двенадцать ртов?! Выручало подсобное хозяйство – большой огород, свой надел земли да своя скотина. И, конечно, девки лентяйками не росли: сызмальства приучены были они к домашнему да крестьянскому труду – иначе не выжить было большой семье.

Сами Строгановы были лишь инициаторами создания да первыми собственниками Юго-Камского завода и посёлка при нём. Никакого иного касательства к заводу и посёлку они не имели: все взаимоотношения строились только через управляющих. Однако, последующим владельцам пришлось отчасти вникать в заводские дела, дабы не потерять прибыль. В 1840 году на заводе построены были первые газосварочные печи, поставлены прокатный и резной станы, приводимые в действие водой.

Бутеро ди Ридали раньше других уральских горнозаводчиков и землевладельцев перевели крестьян на оброк, а на заводские работы начали привлекать наёмный люд. Но в первое время после отмены крепостного права завод сократил производство: приписные крестьяне отказывались выполнять прежние работы. Разбираться с возникшими сложностями пришлось уже новому владельцу – графу Андрею Павловичу Шувалову, сыну княгини Бутеро ди Ридали от первого брака. В начале 1863 года граф посетил завод собственной

персоной, что стало первым за всю историю наездом барина в посёлок. Шувалов распорядился о внесении ряда усовершенствований в производство, так на заводе появились новые пудлинговые печи, вагранка, паровая машина да ряд других новшеств.

Наведался граф на завод и в следующем, 1864 году. К приезду знатного владельца построены были два первых каменных фабричных здания. Заводская площадь была расширена, обнесена валом и рвом, был сооружён мост через речку Юг. В этот период рабочих при заводе насчитывалось одна тысяча шестьдесят семь человек, а заводские мощности неуклонно росли. Заводу требовались знающие и грамотные люди, что привело в 1866 году к открытию в Юго-Камске мужского земского училища, а пять лет спустя было открыто и женское. Промышленный кризис первой половины 1870 годов отчасти коснулся и Юго-Камского завода, но ситуацию спас выпуск листового и котельного железа, на которое спрос не падал. К тому же на Нижнем – Варваринском – заводе наладили производство кровельного железа, что пользовалось большим спросом на внутреннем рынке.

Посёлок разрастался: в нём было уже пятьсот десять дворов и две тысячи двести тридцать девять человек населения. Рабочие на своих домашних кузнях занимались выделкой подков, кос, топоров, дверных петель, сбывая эти поделки в Осу, Кунгур, Пермь и даже в Казань. Ремесло было поставлено широко и давало людям заметные приработки.

Примечательно, что знаменитый русский географ и путешественник В. П.Семёнов-Тяньшанский в своём многотомном труде «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» отмечал, что Юго-Камск был одним из наиболее крупных пунктов кузнечного дела в стране. Труд географа вышел в Санкт-Петербурге в 1914 году.

В 1880 году при управлении горного инженера Отто Фёдоровича Николаи началось переоборудование и расширение завода. Были построены кузнечный, механический, литейный и мартеновский цеха. Водяные колёсные двигатели заменили гидротурбинными, много токарных станков установлено было в механическом цехе. Введены были два паровых двухтонных молота. В это время завод выпускал листовое и кровельное железо, проволоку и гвозди, детали железнодорожных креплений: накладки, костыли, заклёпки, болты, гайки. Выпускались железные цепи, слесарные тисы, крючья для изоляторов, дверные петли и накладки, оси и втулки для телег, чугунные плиты, печные дверки, вьюшки, заслонки, утюги – всего до двухсот наименований продукции.

Но всё же основной энергией оставалась вода, а при её отсутствии зимой и летом завод останавливался: рабочие трудились либо на своих сельхоз участках, либо на отхожих промыслах. Зачастую это кормило рабочих лучше, чем завод.

В книге Ивана Лепина говорится, что хорошим приработком для многих рабочих была охота; благо, что со всех сторон посёлок окружён был лесами, в те времена ещё не тронутыми нынешними варварскими вырубками. Иной удачливый охотник за зиму забивал голов по десять-пятнадцать лосей, что превышало годовой заработок самого дисциплинированного рабочего. Кроме лося били много лис и волков. В летнюю пору такие спецы бродили по лесам, изучая места стоянки и водопоя лосей и лис, подыскивая наиболее богатые ягодные боры.

Повезло заводу и ещё на одного прогрессивного горного инженера – Константина Михайловича Добровольского, который работал в Юго-Камске с 1888 по 1908 год. Будучи управляющим, он настоял на внедрении технических новшеств. Значительно были расширены проволочно-волочильный, гвоздарный и костыльный цехи: их продукция имела широкий спрос. Тогда же было положено начало выпуску молотилок для сельского хозяйства. И всё же средняя заработная плата рабочих Урала была почти в три раза ниже, чем оплата труда на заводах юга России. Главной тому причиной было наличие у работников своего домашнего хозяйства – пахотной земли, сенокосных и лесных угодий. Этим пользовались горнозаводчики, вводя гулевые смены и недели при урезании заработной платы.

РАСЦВЕТ ЗАВОДА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Свой взлёт и расцвет завод пережил на рубеже XIX–XX веков: он выпускал двести наименований продукции – только вдумайтесь в эту цифру! Управляющие в те времена постоянно находились при заводе и жили его интересами, они заботились как о развитии производства, так и о рабочих: при заводе был врачебный участок, изба-читальня, Народный дом, церковь.

В 1890 году населения в Юго-Камском заводе насчитывалось уже три тысячи восемьсот сорок восемь человек. Было семьсот тридцать деревянных и двадцать каменных домов. На заводе успешно осваивали новую продукцию: якоря, железные цепи, слесарные тисы, чугунное и медное литьё, молотилки конные приводы к ним. Завод выпускал несколько сортов листового железа, разных размеров проволоку, гвозди машинной и ручной ковки, болты, гайки, заклёпки и многое другое. Расширялась торговля: реконструировалась Камская пристань, для сбыта продукции организованы были склады в Перми, Усолье, Сарапуле, Елабуге, Казани.

В 1897 году через Юго-Камск прошёл автопробег «От Байкала до Балтики», участвовали в нём автомобили, собранные в России. Можно только представить себе, каково было путешествовать на автомобиле по дорогам того времени! Одному из автомобилей пришлось заменить колесо. Автомобильных в наличии не было, пришлось поставить колесо от обыкновенной телеги. Неизвестно, сколько оно выдержало километров, но в Казани поставили новое колесо от лошадиной повозки, позволившее машине доехать до Москвы.

Бурно развивалось строительство: в посёлке делали собственный красный кирпич. По рассказам старожилов, один из таких мастеров жил в районе Чуваковки. Технология была предельно простой: глина свозилась в большую яму, туда же наливалась вода, нанятые девки топтали глину, а сам хозяин играл им на гармошке. Но чаще для перемешивания глины использовались лошади. Широко применялся для строительства известняк. Каменоломни для его добычи были южнее Юго-Камска, по правую и левую стороны нынешнего Осинского тракта.

К 1905 году завод насчитывал уже более четырёх тысяч жителей. В посёлке имелось волостное правление, земская больница, сорок одна торговая лавка, пять пивных, библиотека-читальня. Женская и мужская гимназии, Народный дом.

17 мая 1905 года в посёлке состоялось торжественное открытие памятника царю-освободителю Александру II – на пригорке рядом с волостным правлением, напротив храма Святой Троицы. В ту пору это был третий памятник в России Александру II – после Санкт-Петербурга и Москвы. Памятник был изготовлен на народные деньги, установлен на Казанском тракте в центре посёлка и окружен чугунной цепью. А в 1918 местные комсомольцы скинули бюст с пьедестала и утопили в пруду, долгое время сохранялись лишь цоколь да оградка. Говорили, что памятник попадался в рыбацкие сети, но извлечь его со дна пруда никому не удалось. Бюст императора сделан был заново и установлен на заводской площади уже в постсоветские времена, да только вскоре работа на заводе остановилась.

На Нижнем заводе в честь его хозяйки Варвары Петровны во дворе стояла большая икона Великомученицы Варвары. Был введён обязательный порядок: перед началом смены рабочие собирались во дворе и пели хором молитвы перед её образом.

Особого внимания заслуживает история создания 17 июля 1911 года Юго-Камско-Полуденовского сельскохозяйственного Общества. В предисловии к его отчёту вынесены были такие слова: «Вставай же, товарищ, работать вставай! Работы усиленной требует край!» Создателем и руководителем Общества был Константин Гаврилович Чудинов, (1877–1940), мой дед по отцовской линии. Человек яркий, незаурядный, талантливый, о чём уже говорилось выше, много лет своей жизни он отдал крестьянской кооперации, был арестован в 1938 году как «враг народа» и погиб, согласно полученной нами справке из архивов НКВД, в одной из тюрем Свердловской области 4 января 1940 года от «упадка сердечной деятельности».

В Обществе состояло два почётных члена и сорок действительных. Имелся свой небольшой склад семян, машин, орудий и других сельскохозяйственных товаров. Общество снабжало как своих членов, так и всех желающих улучшенными земледельческими орудиями, семенами и прочими товарами. По сравнению с ценами местных торговок, оно продавало семена в два раза дешевле, а выписывались они порой даже из Голландии. Со склада населению в кредит продавались зерновые и травяные семена, плуги. По сохранившимся данным, за год склад принёс Обществу прибыль в сто два рубля девяносто пять копеек.

Склад, находясь в самом центре посёлка, на базарной площади, в торговые дни служил местом встреч земледельцев, там велись постоянные беседы об улучшении крестьянского хозяйства. Имелся в обществе и свой книжный склад, в нём можно было приобрести все новинки по сельскому хозяйству. Имелись четыре рядовых сеялки, они давались в работу за небольшую плату: пятьдесят копеек с члена Общества да восемьдесят с постороннего. Семьям запасных солдат и солдат-фронтовиков, призванных на службу в первую Мировую войну, сеялки и семена давались бесплатно. Сеялки тоже служили источником небольшого дохода, а, главное, поднимали авторитет организации.

С 1914 года Общество имело своё опытное поле, где сеялись разные сорта клевера, имело свой зерноочистительный пункт с сортировкой «Триумф» да двумя веялками-сортировками. Совершенно бескорыстно работали руководители Общества, не получая никакого

вознаграждения за свои труды, отдавая общему делу только то свободное время, что оставалось у них от службы, ремесла и промысла, которым они жили. Ходатайства к казне о найме платного работника оставались безрезультатными.

Примечательны такие строки из отчёта Общества: «Казна и Земство не смотрят в корень дела и забывают, что основа всего нашего благосостояния – земля, и на развитие земледельческого промысла должно быть обращено всё внимание.

Только при дружной совместной работе лучших людей из местного населения и материальной помощи Казны и Земства малосильным сельскохозяйственным кооперативам удастся поднять наше захудалое земледелие на такую же высоту, какой оно достигло у иностранцев в Дании, Чехии и Моравии, почти не знающих неурожаев».

ЗАБАВЫ КУПЦА АЛИКИНА

Двухэтажные каменные здания с лепкой по фасаду – бывшие купеческие дома – раньше красовались в самом центре посёлка вдоль Казанского тракта, на первых этажах обычно располагались торговые лавки или магазины, на вторых жила купеческая семья. Теперь сохранились не более пяти этих зданий, а ведь они – часть нашей истории.

По сохранившимся воспоминаниям старожилов, в начале XX века напротив нынешнего здания полиции жил мясоторговец Аликин, по прозвищу Пенёк. Любил он всякого рода развлечения, которые сам придумывал, либо провоцировал.

Однажды в Пасхальное воскресенье на сцене Народного дома назначен был очередной спектакль. Ещё накануне купил Аликин двадцать билетов на первые ряды. А в праздник, после заутренней службы, изрядно откушавши, устроил он для себя катание на санях. Только катали его не лошади, а молодёжь из бедных семей. С гиканьем и свистом носилась шумная кавалькада по Казанскому тракту, пугая прохожих. После такой увеселительной прогулки все её участники приглашены были на обед в дом купца.

Пенёк сам рассаживал гостей, благодарил за доставленное ему удовольствие, а тем временем гостям раздавали щи, разлитые по глубоким железным тарелкам, Щи были наваристые, чересчур жирные, – недаром Аликин был мясоторговцем, – и очень горячие. И тут хозяин, словно спохватившись, говорил: «Ох, ребята, не думал я, что вас так много придёт. Ложек-то у меня нету! Уж придётся через край чуффыркать».

Вот тут-то и начиналась для Пенька потеха. Изголодавшиеся «ездовые» не могли отказаться от дармовой еды: иные макали хлебом в варево, иные хлебали его через край. Обжигались, дули на щи, а Аликин, стоя в сторонке, наслаждался действом. После обеда всем раздавал он бесплатные билеты на спектакль.

В назначенное время со всех концов Юго-Камска к Народному дому тянулись поклонники драматургии, то были люди, в основном, из богатого сословия. И что же они увидали? Все первые самые хорошие места заняты были голытьбой! Зрители возмущались, но делать было нечего: у всех на руках были билеты. Так и смотрели оборванцы спектакль на привилегированных местах и на законном основании.

Крепко любил купец покуролесить. Случилось так, что умер его друг Кетов, торговец мануфактурой. Пришла похоронная процессия на кладбище, а в могиле сидит Аликин и кричит, что место занято и надо его выкупать. С трудом выволокли люди из могилы захмелевшего купчишку.

А однажды пришёл к Аликину крестьянин из Оханской волости с предложением купить скот, который соберёт он у мужиков по всей деревне. Договорились. Собрал крестьянин скот и пригнал его гуртом к Пеньку.

– Послушай, браток, много ты скота пригнал, денег у меня сейчас нет, чтоб с тобой расплатиться, – сказал купец. – Вот продам скот, деньги выручу, тогда и приходи через недельку.

Как договорились, пришёл крестьянин через неделю к Аликину, а Пенёк сделал вид, что видит его в первый раз.

– Слыхом, – говорит, – не слыхивал про тебя. Первый раз вижу. И никакого скота ты мне не пригонял.

Вытолкали крестьянина со двора, да ещё тумаков надавали. Мужик с горя пошёл и повесился.

После революции видели старожилы Аликина, скитающегося по Перми, разорившегося, просящего милостыню у прохожих.

БЫТ ЗАВОДЧАН

До революции в нашем относительно небольшом посёлке было пять пивных и несколько винных лавок. Много это или мало? Как сказывалось это на быте югокамцев? Привожу интересную статейку «Новости с Юго-Камского заводу», опубликованную в газете «Пермские ведомости» от 6 апреля 1905 года. Анонимным автором её был, явно, один из жителей посёлка:

«На нашем заводе за сокращением всех работ в двенадцати цехах остался работать один листопрокатный цех, рабочие которого известны местному населению под кличкой колбасников.

Колбасники получают за свой труд очень хорошее вознаграждение, в шесть часов они выганивают тысячу листов, а то и более, почему самый младший работник получает подённо рубль и более. Выдача денег производится через две недели в субботу. Следующие за таковою субботою два дня – воскресенье и понедельник, колбасники посвящают гулянию и пропиванию заработанных денег.

В эти дни кутузка при волостном правлении полна подневольных “гостей”. Местом же главного разгула служит существующая в заводе харчевня “с горячей пищей и музыкой”. Запасшись “казёнкой” в винной лавке, в этой харчевне колбасник чувствует себя как нельзя лучше. К его услугам и горячие пельмени, и шумные звуки оркестриона, тщетно, однако, пытающиеся заглушить крепкую речь подгулявшей компании. Выйдет затем колбасник на улицу, где более простору для ругани и для того спорта, который именуется “битьём по рылу”, погуляет ещё вдосталь – ан, глядь, уже всё лицо его оказалось “в окулярах” и сам он или влезет на попавший навстречу воз с сеном, ухватившись за возовой бастрыг; и лежит там, павши на грудь и свесив вниз свои руки, или же шествует в сопровождении сельского сторожа, направляющего его в роковое место успокоения – кутузку».

Виталий БОГОМОЛОВ (об авторе см. с. 86)

ПОСЛЕДНЯЯ ДОЧЬ «МАТЕРИ-ГЕРОИНИ», или БЫЛ ЦЕЛЫЙ МИР. Очерк

Перебираю в памяти дома́ родной деревенской улицы конца пятидесятых годов прошлого столетия: почти в каждой семье росли по одному-два, а то и по три ребёнка. Были тогда в нашей деревне и две «Матери-героини». То время ушло в далёкое – и, видимо, безвозвратное – прошлое, деревня вымирает, поля заросли, перспектив никаких пока не просматривается, детей рождается мало, невольно думается о генетическом потенциале нации, он тоже, по-моему, гнётся в сторону оскудения. Впрочем, картина всем известная.

Я беседую с Валентиной Андреевной Ермолиной (в девичестве Бородина). Родом она из деревни Петрованово Дворецкого сельсовета. (Изумительно, но село называется Дворец! «Ты где живёшь?» «В Дворце», – не правда ли, оригинально для советского времени?) Очёрского района Пермской области – ныне края. 10 июля 2016 года Валентине Андреевне исполнилось 80 лет.

Родилась она в многодетной семье, в которой было пять мальчиков и пять девочек. В ряду их по счёту Валя оказалась девятая. После неё в 1938 году на свет появилась ещё Зоя. Их мать, Дарья Михайловна (1897–1959), вынашивала во чреве одиннадцатого ребёнка, когда на седьмом месяце случилось несчастье: тащила она перед собой корчагу[1] с чем-то, да зацепилась ногой за высокий порог избы, не смогла переступить, упала животом на эту корчагу… Картина была ужасная. Дети в рёв… Произошёл выкидыш. Как она горевала, как плакала…

Рассматриваю семейную реликвию: медальонную фотографию, изготовленную одним из братьев Бородиных, Дмитрием, к 40-летию Победы, в 1985 году: на ней снимки родителей, родительского дома, всех десяти детей с указанием дат рождения и смерти тех, кого на тот момент уже не было в живых. Старшим из детей был Николай – 1915 года рождения. Потом чередой родились девочки – Анна, Александра, Клавдия, за ними подряд четыре мальчика – Дмитрий, Василий, Анатолий, Иван. И завершают ряд, уже упомянутые Валентина и Зоя. На снимке 1936 года, сделанном поздней осенью на фоне дома, семья в полном составе, нет только Зои, ещё не родилась. И никто не мог ещё знать, что менее чем через пять лет грянет страшная война, которая впряжёт их всех в свою жестокую лямку страданий и утрат…

Глава семьи, Бородин Андрей Петрович, родился в 1894 году, в Первую мировую войну служил в царской армии. В 1930-х годах он входил в число первых председателей колхозов на Урале, отличался особой ответственностью и высокой крестьянскойпорядочностью, добросовестностью и трудолюбием, без каковых качеств поднять на ноги такую большую семью было бы просто невозможно.

Детей приучали к труду буквально с пелёнок: тех, кто в них лежал в зыбке (в колыбели), качали те, кто уже мог ходить. Затем труд

[1] Корчага – большой глиняный горшок; использовался в крестьянском хозяйстве для различных нужд.

усложнялся соответственно возрасту, в семь-десять лет крестьянская девочка уже могла, в случае необходимости, подоить самостоятельно даже корову, принести воды на коромысле неполные ведёрки, растопить печь, Накормить домашних животных, опять же при необходимости – пособна была жать серпом; мальчик этого возраста умел запрячь лошадь, мог править ею, в какой-то степени – пользоваться топором, косой…

Неизвестно, в какой конкретно месяц 47-летнего Андрея Петровича призвали на Великую Отечественную войну. Он ушёл и, по словам Валентины Андреевны, «увёл за собой» троих сыновей (то есть следом за ним и их призвали): Николая, Дмитрия, Василия.

Рядовой солдат Бородин Андрей Петрович воевал недолго, погиб на фронте 30 июня 1942 года, похоронен на воинском кладбище города Архангельска. Самые большие потери, призванных за годы войны из Очёрского района, были в 1942 году – 1135 человек (для сравнения: 1941 год – 614 человек, 1945-й – 198).

Младший лейтенант Бородин Николай пропал без вести в 1943 году в боях за освобождение от фашистов Украины; Дмитрий (1923 года рождения) и Василий (1926 года рождения) вернулись живыми. После войны Дмитрий Андреевич связал свою жизнь с гражданским флотом, обосновался в Калининграде, где и проживает до настоящего времени. На родине бывал очень редко. А Василий Андреевич после войны всю жизнь проработал в Перми на железной дороге, водил грузовые поезда. Умер в 2015 году. В его семье родились и выросли три дочери: Нина, Людмила, Катерина.

«Когда на отца пришла похоронка, – вспоминает Валентина Андреевна, – мать не поверила в его смерть. Всё ждала, ждала его. Дело дошло даже до того, что она оказалась буквально на грани помешательства, по ночам вставала с постели и ходила по двору, заглядывая на сеновал, в конюшню, сарай – искала отца…»

На начало войны, Вале было пять лет, Зое – три. Семью терзал не только голод, но душили и тяжёлые кабальные налоги. Есть у тебя корова, нет у тебя коровы, но ты обязан был сдать государству заданное количество молока, масла, хоть купи, но сдай! Как дом держится на фундаменте, так на крестьянской бесправной основе, держалась вся государственная машина войны: армию крестьянство снабжало самым главным – живой силой, солдатами, лошадьми, продуктами. Город без крестьянина-кормильца не произвёл бы ни военную технику, ни боеприпасы… Крестьян-колхозников обирали до последней нитки. Самую высокую цену в защите Отечества заплатила, как всегда, деревня! Подвиг крестьянина до сих пор не оценён в России по достоинству. И нет ещё такого памятника на русской земле, который бы зримо выразил вклад крестьянства в спасение Отечества!

Моё видение этого памятника я попытался выразить в следующих строчках:

ПАМЯТНИК РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Женщина, дед и подросток
Тянут с натугою плуг…
Всё объясняется просто:
В России – военный недуг.

Сзади, на по́ручах плуга, –
Солдат с деревянной ногой:
Увы, из военного круга
Не вынес награды другой.
Ора́таям этим народным,
Теперь недосуг отдыхать:
Чтоб клин не остался бесплодным,
Кормилицу надо вспахать...
И полюшко способом древним
Вот пашут – дай, Господи, сил!
Памятник русской деревне,
Мог бы – из бронзы отлил:
Женщина, дед и подросток
(Да будет им в бронзе покой!)...
На плуг налегает всем ростом –
Солдат с деревянной ногой.

Эх, вложить бы эту идею в душу, голову и сердце талантливому скульптору!..

Валентина Андреевна вспоминает, что в какой-то период (вероятно, это было в начальный период войны) по дворам развозили муку: население выпекало из неё хлеб, утром его собирали и отвозили в Менделеево, на железную дорогу. Очевидно, шёл он для армии. Конечно, делалось это под строгим контролем, через придирчивое взвешивание.

Когда кончились довоенные припасы, и в деревню Петрованово пришёл жестокий голод, мать давала девочкам по гусиному крылышку, и они брели через поле, примерно за километр от деревни, на колхозную водяную мельницу, где со стен сметали бус (мучную пыль), чтоб добавлять эту жалкую добычу в суррогатную пищу.Немолодой мельник, повидавший жизнь, не прогонял девчушек, жалел. А когда уходили с мельницы, бывало даже, сунет им тайком совок муки: «Не шумите только!» Рисковал, конечно… Одно время стряпали калачики даже из редьки: редьку натрут, водой промоют, отожмут, добавят сколько-то муки, которая была на вес золота, и пекут… Но от этого горького кушанья скоро пришлось отказаться, потому что после него наступала рвота…

Даже питаясь качественно и сытно, но однообразно, мы в какой-то момент начинаем испытывать острую потребность разнообразить пищу, чем-то полакомиться. А каково было из месяца в месяц питаться не просто однообразно, а ещё и скудно, не досыта…

В семье имелся единственный улей пчёл, и тот малый мёд, который летом удавалось получить от этой пчелосемьи, спасал и выручал, тоже помог выжить…

Вале было лет пять, когда однажды мать поставила выгонять куму́шку, так в деревне называли самогон, а сама отлучилась по каким-то делам во двор. А Вале наказала, сга́ркать её – то есть позвать, как охлаждающая вода нагреется. Время от времени Валя подставляла под капли самогона пальчик и затем облизывала его… Когда мать, встревожась, что Валя её долго не «гаркает», пришла в дом, то увидела валяющуюся на полу дочь и перепугалась. Убедившись, что живая, отпаивала молоком. Уж после разобралась, что произошло, – «нализалась» девочка…

Валентина Андреевна вспоминает ещё такой курьёзный случай. Война войной, голод голодом, но дети есть дети, они не могут жить без игры. Зимой мать, уходя на молотилку, запирала младших детей дома, чтоб они не могли открыть дверь и выйти на улицу. Конечно, и одежонку берегли, но, главное, дело было в другом: по деревням часто «шлялись» цыгане, видимо, пригнанные сюда войной с запада… Этого романтического племени опасались в те дни больше всего…

Однажды Валя с Зоей, оставаясь дома одни, спустились в подполье, где в зимнее время хранился пчелиный улей, выбили в стене утеплённый ставень, которым запечатано было на зиму окошко, лаз, через который заносили-выносили улей, и отправились на горку кататься на санках.

Домой вернулись, когда стало уже темнеть. Мать, увидев девчонок, погрозила им так строго пальцем, что обе принялись реветь. Маленькую Зою Дарья Михайловна не тронула, а Вале как старшей, конечно, попало. Мать никогда не била детей, но в минуты провинности наставляла своеобразно; бывало, потянет за чуб, за чёлку, согнёт чуть ни до пола и скажет: «Учись, как жить!»

Таким же наставлением обошлось и на сей раз. Благо, что мороз был не сильным, что ставень оставался открытым не очень долго, и кормилицы-пчёлы не пострадали.

Дом Бородиных стоял на высоком фундаменте и сам был высоким, верхнее крыльцо насчитывало двадцать ступеней, детишки с него нередко падали, «считая ступеньки»… Ограда была под одной крышей, имелось два сеновала, всё крыто тёсом. Хозяйство было крепким. Но держали в это трудное и безысходное время только корову, телёнка и пару овечек, потому что за каждую голову надо было пасти день деревенское стадо. А поскольку деревушка была маленькая, то очередь пасти подходила мгновенно… День! А где его взять, этот день, если приходилось работать на колхоз?

Во дворе Бородиных имелся колодец, но вода в нём была плохая, шла только на полив, а для питья и приготовления пищи приносили воду с ключа, из-под горы, метров за триста. Мать никогда не посылала за водой, не просила, что-де сходите, принесите… А только скажет, бывало: «Робята, пить нечё будет!» – и «робята» бежали за водой, тащили в горку по два трёхлитровых бидончика.

Главным работником и помощником из детей в семье в эти годы был глухонемой братик Анатолий, который рос безобидным проказником и безумно любил своих сестрёнок, постоянно устраивая какие-нибудь розыгрыши и шутки над ними. Родился он 14 апреля 1928 года, когда началась война, ему исполнилось всего лишь тринадцать лет, и он уже работал в кузнице в соседней деревне Погорелка. Очень помогал семье.Помимо основной кузнечной работы отбивал односельчанам косы, делал насечку на серпах…Впоследствии он научился катать превосходно валенки, стал пимокатом-самоучкой, «всю деревню обувал», зимой ему без передышки тащили овечью шерсть, несли заказы… Где он подсмотрел это ремесло, неизвестно, он всё схватывал налету, был необыкновенно талантливым и одарённым.

Трагедия с ним произошла, когда ему не исполнилось ещё и годика, он сильно заболел. В деревне бытует мнение, что баня первый врач, да, видимо, не всегда. Больного Анатолия, с температурой, понесли лечить в жаркую баню, напарили, и он – оглох. Не сразу

это и поняли-то, такое несчастье свалилось на семью, сколько переживаний выпало материнскому сердцу. Не слыша звуки речи, слов, говорить он не научился, так и вырос, не зная языка. Но имена младших сестрёнок произносил на свой лад: Зоя – Ёя, Валя – Вадя. Рос Анатолий необыкновенно смышлёным. Председатель сельсовета не раз предлагал матери, Дарье Михайловне, отвезти мальчика в Пермь, отдать на обучение в школу глухонемых. Но она не решилась на это: и кормильца в семье потерять было жаль,и боялась,не случилось бы ещё что-то страшное. А потом время было упущено…

Пришла пора – он женился на девушке Насте, Анастасии, она сманила Анатолия из родной его деревни в другую – Соболята. У них родилось трое детей. Обычная деревенская жизнь в труде и бесконечных заботах. Дети выросли, и разбежались кто куда.

Вторая трагедия с Анатолием случилась в кузнице, когда однажды он ковал строптивую молодую лошадь и, видимо, допустил какую-то неосторожность, оплошку… Лошадь ударила его кованым копытом в грудь. Удар оказался такой силы, что Анатолия увезли в больницу полуживым, и он очень долго лечился. Затем его отправили на курорт. Но восстановиться он так и не смог, остался инвалидом, на свою работу в кузницу, конечно, уже не вернулся…

Валя приехала навестить любимого несчастного брата. Он медленно угасал, лежал дома на топчане возле окна, вставать уже не мог. Пообщались, насколько это возможно с глухонемым. Время пролетело быстро, Вале нужно идти уже на электричку за пять километров. Попрощались и она пошла.На улице вдруг слышит крик отчаянья и тоски: «Вадя! Вадя!» Она обернулась, Анатолий толкнул, открыл небольшую створочку внизу окна – «звёнышко» – и машет рукой. Ещё раз попрощался. В электричке она всю дорогу проплакала. А вскоре Анатолия не стало. Было ему всего около сорока лет.

Иван, который увидел свет в 1933 году, тоже с началом войны пошёл работать в раннем возрасте, выполняя в летнее время самые разные посильные работы,в основном трудился на лошади в качестве возчика, а зимой вместе с другими детьми учился в школе.

Однажды летом, было это уже после войны, когда в деревню провели электричество, вспоминает Валентина Андреевна, началась страшная гроза. Иван, Валя и Зоя сидели на лавке, пережидая грозу. Иван оказался под выключателем. При очередной вспышке молнии его ударило сильно током… Даже девочки почувствовали на себе этот заряд. Но всё обошлось. Не знали, что в грозу надо держаться подальше от электропроводки.

В деревне Петрованово школы не было, дети с первого класса ходили за четыре километра в село Дворец, там находилась школа-семилетка. В Дворецкий сельсовет (сведения на 1 января 1939 года) входило 27 деревень с числом жителей 1352 человека. В самом Дворце на тот период проживало всего 134 человека.

Малышей зимой возили на лошади, а в сильные затяжные морозы школьники жили даже на квартирах.

Вспоминается Валентине Андреевне, как в пятом или в шестом классе (и это было уже после войны) заболела она желтухой, идёт из школы домой, а сил нет, оставили они её. Легла обречённо на дорогу, руки раскинула и лежит на снегу полуживая…К счастью, ехал на лошади односельчанин, увидел девочку: «О, да это же дочка

Дарьи Михайловны!..» Подобрал он Валентину, привёз к ней домой, передал её матери…

Валентина Андреевна рассказывает, как в войну, бывало, идут дети из школы, входят в деревню, а в каком-то из дворов стоит вой: кому-то похоронка пришла. Женщина получила похоронку – завыла, запричитала на всю деревню и все соседи завыли в голос, потому что у всех кто-то на фронте: муж, брат, отец…«Ревут, ревут и – давай петь»,– говорит Валентина Андреевна.

Несмотря на невероятно тяжёлую жизнь, пели в те годы много. Когда в 1944 году правительство утвердило новый Гимн Советского Союза, ученики в школе по утрам выстраивались и исполняли его. Пели песни и для жителей, концерты ставили, пели, когда собирались на лужайке. Семья Бородиных была вообще очень поющая, голосистая… В соседней деревне Погорелка имелась пожарка (комичное сочетание – Погорелка, пожарка), возле неё в летнее время устраивались игрища, собиралась молодёжь с ближайших нескольких деревень, играла гармошка, танцевали, плясали кадриль. Дети смотрели на всё это, разинув рты.

Сестра Александра, которая родилась 22 февраля 1920 года, жила и работала в Перми (тогда город Молотов) на заводе имени Ленина. Война закончилась Победой, мужчины бессчётно полегли на полях сражений, одинокая Александра хотела Валентину забрать к себена жительство, но Валя не согласилась, заревела, не поехала. Тогда Александра взяла самую младшую сестрёнку, Зою, та даже в школу ещё не ходила. Заботилась о младшей сестрёнке как о родной дочери. А сразу после школы Александра определила Зою в Пермское медицинское училище, но впоследствии Зоя по какой-то причине перевелась в аналогичное училище в город Киров, которое благополучно и окончила. Как говорится, вышла в люди. В Кирове Зоя и проработала всю жизнь, была замужем за лётчиком. У них родилась дочь, Света, которая теперь живёт в Америке. Скончалась Зоя в феврале 2014 года.

После школы-семилетки и Валентина уехала в город Пермь, к той же сестре Шуре, Александре, которая определила её поначалу в семью знакомых,в няньки. Здесь Валя и жила, ей доверили двоих детей. Пришлось трудиться в поте лица: вела догляд за детьми, готовила пищу на всех, стирала бельё… Денег не платили, работала за еду и поношенные вещи, за подарки к праздникам. Александра, по словам Валентины Андреевны, только «дозоря́ла» младшую сестру, то есть вела за ней дозор, пригляд, контроль… Продолжалось это до июня 1952 года, когда Валя была принята на работу курьером в строительный трест N 12, и одновременно поступила учиться в школу рабочей молодёжи, пошла получать среднее образование. Жила в общежитии, в комнате на шесть девушек…

Уже в возрасте Александра вышла замуж за вдовца на троих детей, всех подняла на ноги. А своих детей у неё не было, но приёмных она воспитала как родных. Только старшая не называла её мамой, видимо, не могла, себя переломить.

На своей курьерской работе Валя всякую свободную минуту стремилась уделить пишущей машинке, очень ей нравилось печатать. И скоро она овладела навыками машинистки настолько, что впоследствии оказалась в этой специальности одарённой и очень даже

перспективной работницей. В 1954 году её перевели с СМУ-2.Там понадобился работник; в те годы компьютеров и в помине не было, и всю оперативную информацию, отпечатанную на машинке, доставляли курьеры. И хороший, толковый курьер был в большой цене. Валентину оформили секретарём-машинисткой.

В СМУ её, активную девушку, избрали вскорекомсоргом. А когда Никита СергеевичХрущёв, 1-й секретарь ЦК КПСС, бросил комсомолу клич на освоение целинных земель, поехала на целину. Комсомольцы, подмечает она, были очень исполнительными, видимо, дух Павки Корчагина в них тогда ещё не остыл. 14 апреля 1955 года Валя рассчиталась на работе в Перми, а уже 23 апреля её оформили на работу в Петропавловский стройтрест штукатуром в СУ-2. Жили в пятидесяти километрах от Петропавловска. Строили для целинников бараки – сама́нные домики, а сами поначалу обитали в утеплённых вагончиках, спали на нарах.

Соотношение женщин и мужчин оказалось, примерно, равное. Семейных тогда ещё не было. Вода была привозная, в степных озёрах, из-за эпидемиологической опасности, купаться было запрещено. Бани не было, периодически приезжала специальная машина, в ней был отсек, в котором и мылись. Как только машина эта появлялась в посёлке, так и бежали к ней наперегонки занимать очередь на мытьё…

Валя и здесь была комсоргом. Однажды она собрала взносы и пошла с ними в Петропавловск – ночь застала в пути. Заночевала в придорожной деревне, а утром подвезли на машине. Не боялась ничего. Деньги, конечно, были пустяковые, но обидеть могли. Целина сконцентрировала людей очень разных, там не только комсомольцы-добровольцы и энтузиасты съехались… Немало было шпаны, уголовников, бывших заключённых… Прораб Владимир Порошин, тоже пермяк, призывая девчат к осторожности, постоянно им твердил: «Девочки, следите за собой!..»

Этот человек был их защитником и охранителем.

Бытовые условия тоже раем трудно было назвать, неспроста популярную песню про целинников на слова Нины Солохиной «Едут новосёлы» (1955), музыку к которой сочинил наш земляк композитор Евгений Родыгин,обитатели целины переделали с ядовитой иронией на свой лад:

«Ой ты, зима морозная,
Милка туберкулёзная!
Скоро ли я увижу
Мою любимую в степном краю?»

В 1956 году Валентину неожиданно перевели в Петропавловск, на должность секретаря-машинистки треста… Всего целине она отдала четыре года безвыездно. Если бы не смерть мамы, наверное, ещё бы поработала там, а может, и совсем осталась…

Одна женщина, жительница степной деревни, очень настойчиво сватала Валю за своего сына Толю, но Валентина не захотела выходить за него замуж.

30 апреля 1959 года Валентина Андреевна рассчиталась и вернулась с целины в Пермь. Поначалу она устроилась машинисткой в

проектный институт «Пермпромстрой», а затем перешла в сборочный цех распредработником. Здесь, на сборке, трудился Владимир Ермолин, сверстник и будущий муж Валентины Андреевны. Он присмотрел девушку, стал за нею ухаживать, и вскоре они поженились.

В те годы с жильём было невероятно трудно, поначалу ютились в семье мужа, впятером в одной комнате. Не выдержали, ушли на квартиру, снимали комнатку у одной старушки.

25 октября 1962 года Валентина Андреевна родила сына Олега, после короткого декрета вновь вышла на работу; хозяйка, у которой снимали комнату, помогала нянчиться с ребёнком. В обед Валя прибегала с завода покормить сыночка. Очень нелегко приходилось, очень!

Однажды в горисполкоме, вспоминает моя собеседница, проходила какая-то сессия, к которой нужно было подготовить множество печатных материалов, Валентина Андреевна оказалась в числе других приглашённых сюда на помощь машинисток города. Печатать приходилось очень много… Печатала она вслепую, то есть, почти не глядя на клавиши.

И в августе 1964 года Валентину Андреевну взяли на работу машинисткой общего отдела горисполкома. Сразу же семье дали комнату в 15 квадратных метров в коммунальной квартире. А уже в 1969 году её семье выделили двухкомнатную квартиру на 4-м этаже пятиэтажного панельного дома по улице Шоссе космонавтов, 96. Недалеко от остановки «Блюхера». Тогда это был подарок судьбы! Здесь Олег пошёл в первый класс.

К сожалению, впоследствии, когда Олежка учился, примерно, в седьмом классе, семья распалась. Владимир закуролесил, ушёл к другой, молодой женщине. У них родился ребёнок… Прошли годы и бывший муж запросился обратно, Валентина Андреевна не взяла. И риторически добавляет с жалостью: «А может, надо было… Он спокойный был».

В сентябре 1970 года её назначили на должность старшей машинистки, в подчинении у неё оказались четыре коллеги. «Треск в машбюро стоял такой!..» – вспоминает Валентина Андреевна, и с безнадёжной досадой машет рукой…

В трудные годы, когда не хватало зарплаты на жизнь, доводилось и шабашить. В зависимости от сложности перепечатываемого текста брала от 10 до 30 копеек за страницу. Когда ей отдали домой списанную машинку, так она, признаётся, целыми ночами «баздахала».

Угощая меня чаем, Валентина Андреевна говорила: «Пейте чай, он совсем уже остыл!» Но чай оставался ещё таким горячим, что я к нему и прикоснуться-то губами не мог. А она, что поразительно, пила преспокойно этот почти кипяток, приговаривая, что воды-то она и так напьётся…

В августе 1975 года она перешла на должность заведующей канцелярией заводоуправления ремзавода «Пермсельхозремонт». После ещё несколько раз довелось менять работу.

Пенсионного возраста Валентина Андреевна достигла в 1991 году, как раз в год распада и исчезновения СССР, но продолжала ещё работать до 31 января 2000 года, пока окончательно не уволилась на пенсию.

Но сидеть в бездействии дома пенсионерке Валентине Андреевне

было не по душе. Имея неплохой и сохранившийся голос, великолепный музыкальный слух, она с детства хорошо пела, когда собирались с девчонками. В семье все пели изрядно, на голоса. Даже в трагические дни войны, как мы помним по признанию Валентины Андреевны, женщины в деревне, получая похоронки и оплакивая потерю своих близких, «ревут, ревут, и давай петь». Петь, как и пить, оказывается, можно не только с радости, а и с горя тоже.

И активная пенсионерка комсомольской закваски, Валентина Андреевна пошла в народный хор пермского композитора Аркадия Трухина «Камушка», где пела почти десяток лет. В 2005 году хор отмечал своё 30-летие. Поменяв место жительства на более спокойный микрорайон Вышка II, она не ленилась дважды в неделю, а иногда и трижды, ездить во Дворец культуры Гознака (теперь это Краевой дом народного творчества), где у них проходили репетиции.

В хоре её охарактеризовали как очень скромного, трудолюбивого, старательного, добросовестного человека, требовательного в первую очередь к себе, но и к другим тоже. Всегда пресекала насмешки над ошибками других. Как особенность современных эстрадных песен Валентина Андреевна отмечает их бессодержательность и пошлость, от них не заплачешь, не растрогаешься до слёз, разве что плеваться начнёшь. «Я знаю, ты хочешь, я знаю, ты хочешь!..» – ну что это за песня, вопрошает она.

В свои восемьдесят лет Валентина Андреевна, не в пример некоторым молодым, удивительно деятельна, нашла себе посильное для возраста хобби: плетёт с увлечением из конфетных фантиков ободки, вазы, кашпо, и даже сплела сияющий многообразием красок целый костюм новогодний, над которым работала более полугода.Это колоссальный кропотливый труд! Фантики собирала, где могла. Зная о её увлечении, материал ей приносили коллеги по хору, знакомые, подруги…Такое изделие достойно стать музейным экспонатом.

Очень деятельна эта пожилая женщина. До сих пор она не ленится делать физические упражнения. А когда пела в хоре, то постоянно от ДК Гознака ходила пешком до Центрального рынка, чтобы поразмять свои ноги.

Татьяна Евтеевна Селезнёва, подруга по хору, вспоминает, как за один из концертов хору «Камушка» преподнесли в подарок чайный сервиз. Произошло это уже после ухода Валентины Андреевны из хора. Но коллективом было единогласно решено подарить сервиз Валентине Андреевне. Это ли не оценка её личности, её роли в хоре?

* * *

У всех детей огромной семьи, в которой выросла Валентина Андреевна, судьбы сложились очень по-разному, но это естественно. Разлетелись птенцы из родного гнезда в разные стороны необъятного нашего отечества. После смерти их матери, Дарьи Михайловны, дом их опустел окончательно. На сегодня от крохотной деревеньки Петрованово в десяток дворов, в которой в 1939 году проживало 47 человек, к сожалению, ничего не осталось… Из 27 деревень Дворецкого сельсовета на 1 августа 1999 года, как свидетельствует «Книга памяти Очёрского района», оставалось пять деревушек и одно село. В Погорелке – 12 человек, в Песьяне – 9 человек (перед войной было 85). Молодёжь разъехалась и не вернулась, а старики

вымерли, опустевшие дома, постройки растащили по брёвнышку, по досочке обитатели ближних жилых деревень. Когда Валентина, бывало, наезжала к старшей сестре Анне в деревню с романтическим названием Сороки, в которой та проживала, то ходили до своей деревни Петрованово, а это километра два, навещали родную заброшенную усадьбу…

Никто из детей семьи Бородиных не сумел повторить гражданский подвиг своих родителей – создать такую же большую семью. Только вот старшая Анна (1917 года рождения) сумела наполовину «выполнить план». Муж её вернулся с войны, и у них было пятеро детей, самое большое число из всех братьев и сестёр. Анна в Сороках и похоронена. Это чуть больше десятка километров от станции Менделеево. Не забыть, как в молодости ходили здесь пешком, машин тогда ещё не было.

Клавдия, родившаяся 14 августа 1921 года, вышла замуж после войны за фронтовика Павла, жили в Менделеево. Было у них две дочери, Тамара и Нина, которая погибла совсем молодой (17-18 лет) при невыясненных обстоятельствах…

Имея образование всего семь классов, Клавдия Андреевна поднялась по служебной лестнице до главного бухгалтера организации «Заготзерно», что свидетельствует о её незаурядных способностях и остром уме. Скончалась она 11 января 2000 года.

Иван, который родился в 1933 году, тоже прошёл целину в одно время с сестрой Валентиной. Работал там трактористом, пахал землю. На целине познакомился с хохлушкой Марусей, влюбился в неё, и она его «утянула» к себе на родину. Обосновались в Крыму, в селе Михайловка Сакского района, работали в колхозе на виноградниках, делали вино… Прожили они хорошую спокойную трудовую жизнь, обзавелись детьми: две девочки и мальчик. Иван и до сей поры живёт в Крыму. За все эти годы дома он побывал всего два раза: первый раз приезжал один, второй раз с женой.

Зато Валентина Андреевна в молодости множество раз ездила к брату в Крым. На самолёте, туда и обратно, даже при её невеликих доходах это было доступно. Вспоминает и смеётся, как давила ногами виноград на вино…

Меня, как автора, огорчает, что такая большая и в чём-то уникальная семья Бородиных оказалась раздробленной и разбросанной: был целый мир, сложный крестьянский мир, созданный этой огромной се́мьёй, и он разрушен, его тоже растащили, распылили. Не осталось дома, умерли уже почти все братья (живы пока Иван и Дмитрий) и все сёстры Валентины, разбросанные по разным углам распавшегося Советского Союза…

Но жизнь продолжается, а её законы, в которые порой так грубо и неосмотрительно вторгается и вмешивается человек власти, требуют возрождения крестьянского мира. Как это произойдёт, мы пока и представить не в силах, но потребность в хлебе насущном и нас питающем, хочется верить, – заставит, вынудит искать пути и способы возрождения племени земледельцев.

13 августа – 12 сентября 2016.
Пермь

Василий КОЛБИН (об авторе см. с. 289)

ВИРУС «ПОРА ВАЛИТЬ». Эссе

Россию, в особенности российскую провинцию, всё больше поражает вирус «Пора валить». Сейчас в сети даже появилось словечко «поравализм».

Чтобы увидеть действие этой болезни, не надо далеко ходить: вялотекущая эпидемия уже много лет действует в нашем северном городке. Достаточно раскрыть газету и увидеть изобилие объявлений о продаже квартир. Вероятно, наиболее привлекательным для большинства жителей, решивших, что «здесь нечего больше ловить», является краевой центр или другие крупные города, не говоря уж про Москву, которая издревле является центром притяжения провинциальных «поравалистов». А ведь есть ещё благостный зарубежный «Запад». В первую очередь «болезнь» поражает молодёжь, многие мои бывшие ученики сейчас обретаются в Перми и не собираются обратно, кое-кто обосновался в Москве. В результате оттока населения Красновишерск становится всё менее автономен как полис. Например, раньше не нужно было ломать голову, где починить часы. Теперь, после того, как старый часовой мастер умер, надо куда-то ехать для такого нехитрого ремонта.

Я могу несколько отстранённо говорить об этой «болезни», поскольку сам с 1-го по 10-й класс учился в одной из пермских школ, а потом окончил университет областного центра. Сейчас, подъезжая к родному мегаполису, замечаю, что начинаю предвкушать тот момент, когда отправлюсь обратно. Получилось, что поселившись в Красновишерске после 11 лет жизни на Дальнем Востоке в крупном промышленном центре – Комсомольске-на-Амуре, – я как бы приплыл против течения. У меня есть и более яркий пример «идейного провинциала»: это коренной москвич, часть детства проживший в Германии, Николай Колобаев. В 1994 году он одновременно со мной стал сотрудником Вишерского заповедника, а в 1996 году после конфликта с «тогдашним» директором покинул наш регион. Сейчас он уже 15 лет работает в Норском заповеднике на Дальнем Востоке и живёт в посёлке Февральск на БАМе. Замечу, что по сравнению с Февральском Красновишерск кажется столицей.

Почему же так происходит, что основная масса людей стремится в мегаполисы, строго подчиняясь влиянию вируса, и лишь единицы, наоборот, бегут из крупных центров в маленькие города?

Если искать начало болезни, то оно имеет достаточно древнее происхождение и кроется в промышленной революции и общем процессе урбанизации современной цивилизации.

В новейшей российской истории видный вклад в дело отрыва людей от земли внёс Н. С. Хрущёв, когда занялся укрупнением колхозов и совхозов и ликвидацией мелких деревень. Мне всё время хочется во время сплава по Вишере перенестись лет на 50 назад и посмотреть на деревни, которые стояли на месте нынешних живописных полян почти через каждые пять километров. Но увы, машины времени под рукой нет, и можно «любоваться» только на загаженные туристами стоянки по берегам. Людей последовательно отучали ценить землю и жить в гармонии с нею. Ведь каких-то 100 лет назад перед русским

крестьянином не стоял вопрос о работе, а стоял вопрос о земле. А в Сибири, где земли всем хватало, люди жили зажиточно.

Современная молодёжь черпает жизненные идеалы из телевизора и хочет иметь все блага общества потребления, производимые «западной», а вернее, преимущественно китайской, промышленностью. Для всего этого нужны большие деньги, а где их заработать в провинции? Вопрос больше риторический. Движение энергичной молодёжи из провинции в столицы вроде бы процесс естественный. У животных также происходит расселение молодняка по новым землям и называется математическим термином дисперсия.

Д'Артаньян приехал из Гаскони покорять Париж, также многие выдающиеся люди России – Михаил Ломоносов, Лев Толстой, Антон Чехов, Александр Грин, Александр Попов, Дмитрий Менделеев, Василий Шукшин – родились и росли в провинции. Вероятно, большинство людей, оставивших след в истории, – провинциалы. Всё же масштабы переселения в XIX веке и в первой половине XX-го были иными, большинство молодых людей жило и трудилось на земле предков. А вот после хрущёвских преобразований оторванные от малой Родины люди стали более легки на подъём, возникла романтика больших строек, вспомните слова из песен 1960-х и 1970-х годов: «палаточный Братск», «голубые города», «где-то багульник на сопках цветёт». Теперь же никакой романтики нет, есть буржуазные слоганы: «обогащайся», «если ты такой умный, почему такой бедный» и т. д. Как бы то ни было, под этими девизами исследуемая болезнь расцвела наиболее пышным цветом. Государство также ничего по большому счёту не делает для того, чтобы люди оставались в провинции, а на ней страна держится.

Современные западники очень любят говорить, что западная цивилизация произошла от Pax romana (римского мира). Но история древнего Рима – это полный цикл развития от расцвета до полного краха, и зачем декларировать своё происхождение от сгнившей цивилизации – непонятно. На стадии империи Рим расширял свои границы и поддерживал столичную жизнь на высоком уровне за счёт притока энергичных – пассионарных (по терминологии Л. Гумилёва) – провинциалов. Когда же провинция отдала всё, что могла, наступил крах – сравнительно малочисленное племя вандалов захватило огромный город с деградировавшими жителями.

Большой город – это своего рода машина по уничтожению людей. В древнем Риме жители травились свинцом, поскольку водопровод был сделан из свинцовых труб. Вода в Перми или Екатеринбурге тоже, мягко говоря, уступает по вкусу вишерской. Не случайно там теперь воду для питья покупают в киосках. Воздух тоже хочется вдыхать через раз. А постоянные контакты с другими людьми, от которых никуда не деться в мегаполисе! Психика большинства людей может без напряжения выдерживать только общение с небольшим числом соплеменников, в случае превышения количества контактов нарастает раздражение, агрессивность, возникает стресс. При чрезмерной плотности людей, отдельные индивиды уже не могут двигаться в произвольном направлении, и начинают действовать законы толпы. Такие ситуации почти ежедневно возникают в мегаполисах. Я в общей сложности несколько месяцев прожил в Москве и помню то тяжёлое ощущение, которое возникает в метро в час пик, когда толпа

сжимается в узостях при входе на эскалатор. В 2005 году в Багдаде в многотысячной толпе паломников появился слух, что среди них находится террорист-смертник. Возникла паника, а верующие двигались по мосту: в результате обезумевшие люди прыгали в воду, затаптывали друг друга. Погибло 965 человек, а ведь никакого террориста не было. История знает немало подобных трагических эпизодов.

В настоящее время численность населения на земном шаре приближается к 8 миллиардам. Человечество давно перешагнуло пределы ёмкости среды, и популяционные механизмы, которые всегда запаздывают, должны в скором времени остановить рост и даже привести к коллапсу. Одним из признаков замедления роста является концентрация населения в мегаполисах.

Россия является одной из стран с невысокой плотностью населения, в Сибири есть обширные области, которые можно назвать безлюдными. Диспропорция в распределении людей по стране продолжает увеличиваться: деревни исчезают, а мегаполисы растут. Каждый крупный город – это своего рода огромная язва на земле, вокруг которой интенсивно уничтожается природа, производятся горы ядовитых отходов. Российскую природу в XIX веке воспевали Тургенев и Аксаков, в XX-м – Пришвин и Паустовский. Почему она вдохновляла их? Вероятно потому, что львиная доля россиян жила в деревнях практически в гармонии со средой, со своей малой Родиной. А такое гармоничное сосуществование порождает несказанно живописные ландшафты. Я очень люблю фотографировать поляну, оставшуюся на месте села Усть-Улс, а как живописен посёлок Вёлс! Да что далеко ходить, побродите осенью по окрестностям деревни Бахари...

Особенно поражает, когда с насиженных мест в мегаполисы срываются пожилые люди. Известно, что после 40 лет человек очень плохо адаптируется на новом месте, особенно это касается мужчин.

Наши пращуры, по некоторым сведениям, считали, что население городов не должно превышать 10 тысяч человек. Они понимали, что пересекая этот предел, человеческое поселение начинает вредить природе. Древние славяне боготворили землю и небо, обращаясь к ним: Мать Земля и Отец Небо.

В Красновишерске перестали работать важнейшие предприятия, процесс вроде бы негативный, но в исчезновении таких производств есть свои плюсы. В 2004 году я сплавлялся по Вишере до посёлка Рябинино: везде в реке виднелись хлопья целлюлозы, от драг тянулся шлейф мутной взвеси. Сейчас река стала чище и этому нельзя не радоваться. Чистая вода в мире скоро станет дороже нефти.

Старая китайская поговорка гласит «Не дай вам бог жить в эпоху перемен», но постоянства не бывает даже за время короткой человеческой жизни. Современное непростое время называют периодом турбулентности и нигде гарантированно нельзя найти остров спокойствия. Многие жители мегаполисов бегут в Европу или в США, почему-то считая, что уж там-то всё замечательно, тем более, когда дорога протоптана такими авторитетными космополитами, как писатель Борис Акунин (Г. Чхартишвили) и другими. Они забывают про изменения климата, недальновидных политиков, перенаселённость, активизировавшийся гигантский вулкан Йеллоустуона и многое другое. Цивилизация общества потребления, которую Запад породил

в XX веке, и которая по большому счёту производит только отходы, неминуемо исчезнет. Кстати замечу, что если из России ежегодно за рубеж уезжает свыше 50 тыс. человек, то из штатов около 250 тысяч...

Мне кажется, что живя на берегу в значительной мере очистившейся Вишеры, совсем неплохо следить за течением времени. В истории нашей планеты было довольно много планетарных катастроф, последняя из них произошла 25–26 тысяч лет назад. Земля столкнулась тогда с огромным астероидом: в Антарктиде подо льдом обнаружена воронка диаметром 260 км и глубиной 800 м, тогда случился настоящий конец света, который отмечен в преданиях многих народов мира. Можно с большой вероятностью предположить, что древние арии – предки современных европеоидов – пережили это страшное время в древних горах Урала (В. Е. Шамбаров. Русь: дорога из глубины столетий. – М.: Алетейя, 1999.).

Возможно, читатель спросит: что предлагает автор? Может быть, у него есть чёткие рекомендации: как жить, как зарабатывать? Сразу скажу, что нет у меня рекомендаций. Да и уезжают часто отнюдь не безработные. Я просто передал своё мироощущение, поскольку пожил во многих местах огромной России и почему-то стал патриотом Вишеры. Предлагаю не поддаваться стадному инстинкту, а разобраться в себе.

Вот если человек не чувствует связи с родной землёй, с рябинкой под окном, со стылым вишерским небом, то, наверное, в самом деле – «пора валить». Как говорится, «в данном случае медицина бессильна».

Литературно–художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

выпуск 18–19

Редактор-составитель В. В. Якушев
Литературный редактор А. С. Зеленин
Вёрстка С. Э. Неведомская

Подписано в печать 26.09.2016. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура «Souvenir». Бумага ВХИ.
Заказ N 125674. Тираж 170 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание Ф. И. О. авторов, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе – обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции альманаха «Литературная Пермь»
и газеты «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная (профессиональная)
организация Союза писателей России.
Телефоны: 8 (342) 212 43 28, 212 14 97.
Факс 8 (342) 212 31 54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ООО «Ай Кью Пресс»
614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.